Национальная академия наук Беларуси
Институт философии НАН Беларуси

# ФИЛОСОФИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
## к 90-летию Института философии НАН Беларуси

Материалы
Международной научной конференции
(15–16 апреля 2021 года, г. Минск)

В трех томах
Том 1

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2021

УДК [1+316](476)(082)
ББК 87.3(4Беи)я43
Ф51

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института философии НАН Беларуси
(протокол № 9 от 01.07.2021 г.)

Редакционная коллегия:
А. А. Лазаревич (председатель), А. Ю. Дудчик (зам. председателя),
М. Б. Завадский (секретарь), Т. И. Адуло, В. Б. Еворовский,
Н. Е. Захарова, А. В. Колесников, Н. А. Кутузова, В. А. Максимович,
С. И. Санько, А. Н. Спасков, И. И. Морозова, А. О. Карасевич,
С. Г. Доронина, Н. Н. Куксачёв, Т. Е. Гриценок, Е. А. Круподеря

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки Республики Беларусь Ч. С. Кирвель,
доктор философских наук, доцент Р. А. Смирнова

*Издано при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по договору № К21–07 от 07.04.2021 г.*

Ф51 **Философия** и вызовы современности : к 90-летию Института философии НАН Беларуси : материалы Междунар. науч. конф. (15–16 апреля 2021 г., г. Минск). В 3 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. : А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2021. – 414 с.

ISBN 978-985-581-488-8 (т. 1).

Материалы конференции раскрывают состояние и перспективы философии в современном мире, выявляют горизонты трансдисциплинарного синтеза, описывают вызовы цивилизационного развития XXI века в социально-философском и философско-антропологическом измерениях, отражают философскую мысль Беларуси в национально-культурном и универсальном контексте, раскрывают роль культуры как фактора устойчивого социального развития и философски осмысляют проблемы COVID-19 и социальной экологии.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами современной философии и гуманитарных наук.

**УДК [1+316](476)(082)**
**ББК 87.3(4Беи)я43**

**ISBN 978-985-581-488-8 (т. 1)**
**ISBN 978-985-581-487-1**

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2021
© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2021

## СОДЕРЖАНИЕ

**Приветственное слово Председателя Президиума НАН Беларуси В. Г. Гусакова на торжественном собрании, посвященном 90-летию Института философии НАН Беларуси** ..... 11

**Поздравление от Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь** ..... 14

**Поздравление от Министерства образования Республики Беларусь** ..... 16

**Поздравление от Министерства культуры Республики Беларусь** ..... 18

**Поздравление от митрополита Минского и Заславского Вениамина** ..... 19

**Поздравление от Международной федерации философских обществ (FISP)** ..... 20

**Выступление директора Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревича на торжественном собрании, посвященном 90-летию Института философии НАН Беларуси** ..... 22

**Раздел 1 Состояние и перспективы философии в современном мире: глобальные тренды и национальные особенности** ..... 26

***Е. П. Адамчик*** Экзистенциальное исследование особенностей современных повседневных практик ..... 26

***А. І. Бабко*** Філасофія ў духоўным жыцці сучаснага грамадства ..... 29

***Е. М. Бабосов*** Изменяющиеся горизонты философии знания в цифровизирующемся обществе ..... 32

***Р. А. Бурханов*** Философия как вопрошание: классический и неклассический подходы ..... 34

***D. K. Wieczorek*** The Relevance of the History of Ideas in the Post-Truth Era ..... 38

***М. И. Вишневский*** Социокультурная значимость сближения философии и литературы ..... 39

***А. С. Гагарин*** Экзистенциальная философия в современном мире ..... 42

***Л. М. Газнюк*** Межличностное общение как коммуницирование психосоматических потребностей ..... 45

***Г. Н. Гончаров*** Феномен "свободы воли" человека как имплементация идеала права ..... 48

***Matas Grubliauskas*** Avoidance of Making Political Judgment in the Jesuit Lectures on the Politics at Vilnius University at the End of XVII Century ..... 51

***И. В. Демин*** Самопозиционирование философии в современной культурно-образовательной среде (Является ли философия "гуманитарной дисциплиной"?) ..... 54

***А. Б. Дидикин*** Философия права и нейронауки: этические вызовы ..... 57

***М. Р. Дисько-Шуман*** К вопросу о релевантности проблемы определения рациональности в философии XX–XXI веков ..... 59

***Д. Г. Доброродний*** Роль информационных технологий в трансформации современного общества ..... 61

***С. Г. Доронина*** Подходы современной философской практики ..... 63

***Я. О. Дьяченко*** Бренд как форма публичного позиционирования человека в социуме ..... 66

***Э. Жирар*** Рационализм на испытании нашим временем ..... 70

***Н. С. Ильюшенко*** Специфика репрезентации систем "наука-технологии-инновации" в структуре контента академических интернет-ресурсов Беларуси и Израиля ..... 71

***В. И. Каравкин*** Философ в современном мире ..... 74

***С. А. Колдыбаев*** О фрагментаризации состояния массового философского знания в условиях цифрового общества (футурологический прогноз) ..... 77

***А. Г. Косиченко*** Современная философия: кризис и возможное будущее ..... 79

***Н. И. Кулак*** Материалистическая эстетика Г. В. Плеханова: перспективы в современном мире ..... 82

***Л. Е. Кульбицкая*** Самоорганизация как свойство социокультурных систем ..... 85

***А. С. Лепина*** Переосмысление принципа ненасилия в аболиционистской концепции прав животных ..... 88

***М. А. Лепский*** Повороты формирования философского мировоззрения в гиперреальности современного мира ..... 91

***Chen Linlin*** The Application of Laotze’s Thought in Releasing the Psychological Pressure of College Students ..... 94

***Е. В. Мареева*** "Искусственный интеллект" как социальная и научная мистификация ..... 96

***Н. В. Медведев*** Метод Л. Витгенштейна: педагогический аспект ..... 99

***С. С. Мишук*** Экопространство системы инфокоммуникационных технологий: направления формирования и техногенные риски ..... 103

***Н. А. Никонович*** Концепт Ф. Ницше "Бог мертв" как модификации современной философской антропологии ..... 106

***А. Г. Новогродский*** Сознание и искусственный интеллект ..... 108

***В. А. Одиноченко*** Актуальность философии в современной Беларуси: постановка проблемы ..... 110

***Е. С. Петриковская*** Академический статус практической философии ..... 113

***М. Ф. Печенко*** Философия как бытие разума в культуре нации ..... 117

***В. С. Попова, В. И. Савинцев*** Концепция времени Н. О. Лосского: особенности становления и современное значение ..... 120

***И. Е. Прись*** Перспективизм Ницше и реализм ..... 123

***М. И. Радкевич*** Понятие "современность" Э. Гидденса как исследовательский инструмент ..... 126

***Е. Е. Румянцева*** Нравственность как критерий оценки деятельности государства и перспектива совершенствования законодательства ..... 130

***Р. С. Сартаева*** О философских исследованиях в современном мире: проблемы и вызовы, глобальный и национальный уровни ..... 133

***Р. С. Сащеко*** Мир-системный анализ И. Валлерстайна как современный методологический подход к анализу развития мирового хозяйства ..... 136

***Н. Г. Севостьянова*** Платонизм в русской философии ..... 139

***И. М. Сидорова*** Размышления о проблемах современной российской философии ..... 142

***Л. С. Сироткина*** Аксиологический потенциал философского образования и субъективный ценностный статус философии ..... 144

***Д. А. Смоляков*** Интернационализация высшего образования как объект исследования современной социальной философии ..... 147

***А. П. Соловей*** Возможности феминистской эпистемологии С. Хардинг в исследованиях женщин-ученых ..... 149

***Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков, А. А. Лазаревич*** Об эволюции Всего ..... 153

***Т. Д. Суходуб*** Онтологические вызовы современной философии ..... 160

***Хань Сяоянь*** Традиционная культура Китая как инструмент философского и культурного взаимодействия ..... 162

***В. А. Токарев*** Философские основания современного сравнительного правоведения: французский опыт ..... 164

***Т. М. Тузова*** От специфики архитектоники к "юрисдикции" философского мышления ..... 166

***Э. М. Хакимов*** Мир как иерархия систем ..... 170

***В. В. Чекмарев*** Философия хозяйства и ее эволюция в структуре философской мысли ..... 173

***С. Ф. Червона, Г. Н. Гончаров*** Множественность "Я" в виртуальном пространстве киберкультуры ..... 176

***В. К. Чернусь*** Интенциональность, эмоциональность, аристократичность ..... 179

***О. Г. Шаврова*** Философия и методология управления IT-проектами ..... 180

***О. К. Шевченко*** Когнитивные стратегии власти в рамках псевдонаучных дискурсов ..... 183

***Л. Е. Яковлева*** Национальная философия как объект рефлексии ..... 186

***Я. С. Яскевич*** Региональный порядок в контексте вызовов современности ..... 190

**Раздел 2 Философия и современная научная картина мира: горизонты трансдисциплинарного синтеза** ..... 194

***З. А. Аксютина*** Омская школа категориально-системной методологии ..... 194

***А. А. Артеменков*** Философско-методологические подходы к проблеме трансформации человека в глобальном мире ..... 197

***О. Е. Баксанский*** Российская философия XXI – современная софистика или новое мировоззрение? ..... 200

***Е. А. Безлепкин*** Редукция модальности в онтологии Д. Армстронга .... 202

***А. В. Богданович*** Трибофатика: от парадокса к новой парадигме ..... 204

***М. К. Буслова*** Философско-методологические основы социально-экологических исследований ..... 208

***О. А. Власова*** Историко-философский диалог и "роль личности": общегуманитарная перспектива ..... 209

***В. Э. Войцехович*** От постнеклассической картины мира к диалектико-математическому "фильму" бытия ..... 213

***И. Н. Вольнов*** Искусство как симметрия времени ..... 216

***С. В. Воробьева*** Философия в информационно-цифровом мире: инфляция или дефляция истины? ..... 220

***И. А. Гапаров*** Проблема пользы в философии техники и творчества П. К. Энгельмейера ..... 223

***А. А. Гезалов, А. А. Дадашев*** "Новая философия" постсоциализма или поиски новых парадигм развития в эпоху глобализации ..... 226

***М. Г. Годарев-Лозовский*** Принцип эффективного научного познания ..... 228

***Н. В. Головко*** Зависимость как формальное онтологическое отношение ..... 231

***О. Ю. Голуб*** Коммуникативная компетентность в структуре виртуальной культуры ..... 234

***Ю. В. Дедолко*** Трансформация концепта "капитал" в контексте различных типов рациональности ..... 236

***М. В. Думинская*** Трансдисциплинарнарность как методологическое основание целостного постижения эстетического свершения личности ..... 240

***А. В. Думов, В. И. Кудашов*** Понимание дисциплинарных границ в контексте философии сложности ..... 243

***В. Ю. Дунаев, В. Д. Курганская*** Трансдисциплинарность как парадигма постнеклассической рациональности ..... 246

***В. В. Ермоленков*** Необходимость междисциплинарного подхода при разработке национальных стратегий устойчивого развития ..... 250

***А. Н. Желтобородов*** Исторические закономерности и случайности в описании исторического процесса ..... 252

***Т. В. Жмакина*** Современное состояние теории аргументации ..... 255

***Э. М. Иззетова*** Трансформация философско-методологической основы научной картины мира в контексте гуманизации науки ..... 259

***М. З. Изотов*** Роль философии и образования в формировании научной картины мира ..... 262

***В. А. Ильганаева*** Становление социального сознания как системного социально-культурного явления ..... 264

***А. О. Карасевич*** Синергетика и моделирование психических процессов ..... 266

***Н. К. Кисель*** Междисциплинарный тренд в становлении постакадемической философии науки ..... 270

***А. В. Колесников*** Киберкосмизм как философская доктрина ..... 273

***П. М. Колычев*** Беспредметная онтология ..... 276

***Д. В. Кравченко, В. П. Старжинский*** Социально-культурная реконструкция принципов организации "Университета" как социального института ..... 279

***Н. Н. Красовская*** Системно-комплексный подход к теории и практике социальной работы: проблемы и тенденции ..... 283

***В. В. Кривошеин*** Место и роль мировосприятия в мировоззренческом сознании ..... 285

***В. М. Крюков*** Универсалистская роль философии в формировании социотехнологической картины мира ..... 287

***А. А. Кудайбергенова*** Значение работы "Материя и память" на формирование современного понимания феномена восприятия ..... 291

***С. В. Лапина*** Новая социальная реальность в современной научной картине мира ..... 294

***А. И. Левко*** Особенности методологии гуманитарного познания ..... 297

***А. О. Логвина*** Роль биотехнологии растений в решении некоторых экологических проблем ..... 301

***Н. Н. Малишевский*** Политические технологии в современной научной картине мира ..... 304

***В. Т. Мануйлов*** Проблема конструктивности научного знания в философии науки ..... 307

***Т. Г. Мдивани*** Постнеклассическая музыкальная система и ее социокультурные детерминанты ..... 311

***В. С. Михайловский*** Синергетика как новая научная картина мира ..... 315

***М. В. Нетёсова, И. Б. Ардашкин*** К вопросу о возможностях применения социально-философского анализа к смарт-технологиям: ключевые аспекты ..... 318

***С. Е. Овчинников*** Онтологический реализм как методология ..... 321

***А. А. Павильч*** Философский опыт компаративных исследований культуры ..... 323

***В. И. Павлюкевич*** Логическая культура мысли в имплицитном виде и явной форме ..... 327

***Е. В. Перепелица*** Право и способы его воспроизводства в динамике научной рациональности ..... 330

***В. А. Поликарпов*** Проблема сознания в квантовой психологии ..... 332

***И. Е. Прись*** Об идеализме информационной интерпретации квантовой механики Антона Цайлингера ..... 335

***И. В. Сабирзянова*** Проблема управления ценностными системами ..... 339

***В. С. Сайганова*** Современная наука и трансдисциплинарные исследования ..... 342

***А. Я. Сарна*** Дополненная реальность в цифровом обществе ..... 346

***К. В. Севастов*** Формирование конвергентного подхода как современный этап систематизации знания ..... 348

***О. Н. Селицкий, Л. Ф. Чупров*** Доказательство бытия человека внешнего как обоснование психологии ..... 351

***А. Л. Симанов*** Пространство мира: мерность и квантование ..... 354

***А. С. Смирнов*** Экзистенциализм в литературе: от тематики к антропологии ..... 356

***И. Ю. Соина*** Языковая среда как информационно-коммуникационный фактор влияния на человека ..... 359

**Э. М. Сороко** Критерий нормы и патологии структурносложных самоорганизующихся систем ..... 362

***А. Н. Спасков*** Туннель реальности в субстанциально-информационном представлении ..... 365

***А. А. Спектор*** Философия и проблемы трансдисциплинарности в естественных науках ..... 369

***В. П. Старжинский, Д. В. Кравченко*** Реализм – конструктивизм и практико-ориентированная методология ..... 372

***Т. Е. Титовец*** Динамика педагогического дискурса как отражение парадигмальных изменений в методологии научного познания ..... 375

***О. Л. Филипеня, В. В. Ткаченко*** О бережном отношении к философскому наследию ..... 377

***А. С. Червинский*** Определение методологических подходов в исследовании динамики социоприродного взаимодействия ..... 379

***Ю. В. Черновицкая*** Некоторые аспекты ответственности коллективного субъекта ..... 382

***Т. М. Шавердо*** Пространство и время в дюркгеймианской программе: "социологизация" идей И. Канта и Ф. Шеллинга ..... 384

***Александр Шимбалев*** Методологические основания астрологического прогнозирования ..... 386

***Д. И. Широканов, М. К. Буслова*** Диалектика эмпирического и теоретического как основа научного познания ..... 391

***А. Н. Шуман*** Три направления развития логики в античности ..... 395

***И. И. Эртель*** Естественная модальность и диспозиционный эссенциализм ..... 398

**Сведения об авторах** ..... 402

# Приветственное слово Председателя Президиума НАН Беларуси В. Г. Гусакова на торжественном собрании, посвященном 90-летию Института философии НАН Беларуси

*Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!*

От имени Президиума Национальной академии наук Беларуси и от себя лично поздравляю вас со знаменательной юбилейной датой – 90-летием со дня основания Института философии Национальной академии наук Беларуси!

Институт философии является одним из старейших научных учреждений в системе Национальной академии наук Беларуси. Девять десятилетий – значимый исторический период, свидетельствующий о солидном статусе научной организации. На всем протяжении своей истории Институт философии активно развивал и пропагандировал национально-культурные достижения и интеллектуальные традиции белорусской нации, стремился выявить и зафиксировать наиболее отличительные черты нашей самобытной культуры, которые проявляются в сознании и мировоззрении, стиле жизни и деятельности белорусов.

С момента своего возникновения в 1931 г. Институт активно занимается исследованием проблем социальной философии, философии культуры, морали и религии, философии и методологии научного познания, истории философской мысли. Деятельность института и творческий вклад его сотрудников в развитие науки и белорусского общества неоднократно отмечались почетными наградами и премиями.

Среди них государственные награды СССР и БССР: Орден Ленина И. М. Ильюшину, И. Н. Лущицкому; Орден «Знак почета» Д. И. Широканову, Е. М. Бабосову, А. И. Савастюку; Орден Трудового Красного Знамени С. Я. Вольфсону, В. И. Семенкову; государственные награды Республики Беларусь: Орден Франциска Скорины Д. И. Широканову, Медаль Франциска Скорины А. А. Лазаревичу.

Также Институт философии и его сотрудники удостоены высоких наград государственных ведомств, органов управления наукой. В 2016 г. в ознаменование достигнутых результатов научно-инновационной деятельности Институт философии занесен на Доску почета Национальной академии наук Беларуси.

На протяжении десятков лет Институт координирует проводимые в стране исследования в области философии и смежных дисциплин. Его

ключевая роль в этом процессе позволила организовать работу философского кластера – Республиканского центра фундаментальной и практической философии.

В 2017 г. на базе Института философии было создано Республиканское общественное объединение «Белорусское философское общество», которое ведет активную работу по популяризации философского знания, координирует деятельность регулярных теоретических и методологических семинаров, конкурсов философских работ, организует участие белорусских школьников в Международной олимпиаде по философии.

Ежегодно Институтом философии издаются десятки наименований научной, учебно-методической, справочной и научно-популярной литературы по самым актуальным проблемам культурно-цивилизационного развития. В числе значимых изданий, которые увидели свет в последние годы, следует отметить 1–4-й тома шеститомной «Истории философской мысли Беларуси», ряд ключевых работ в области теории и методологии познания, философии цифровой реальности. Подготовлено к публикации в текущем году уникальное имиджевое издание по философии белорусской народной мудрости.

Наряду с этим, современную белорусскую академическую философию представляет деятельность научных школ, сформировавшихся в стенах Института. Это признанная школа в области логико-методологических основ и структур научного познания, которую возглавляет академик Дмитрий Иванович Широканов. Это уникальная в своем роде школа историко-философских исследований и еще одна, родственная ей – школа в области философии религии и сравнительного религиоведения. Наконец, на наших глазах оформляется перспективное направление исследований в области теории и методологии информационно-цифрового мира.

Институт проводит знаковые международные научные форумы, активно пропагандирует историческое достояние белорусской интеллектуальной и духовной культуры. В 2017 г. впервые в истории нашей страны состоялся Первый белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире», который собрал в стенах Академии наук элиту философской науки всего мира и показал высокий международный потенциал белорусской национальной философии.

Безусловно, национальная философия формирует мировоззренческие идеалы, синтезирует и транслирует нравственные ценности. Сегодняшнее состояние общества указывает на то, что человечество больше, чем когда-либо в истории, нуждается в духовно ориентированной стратегии прогресса, которая не может не основываться на достижениях философской мысли. Считаю назревшей задачу организации на базе Института философии специального совещания или круглого стола с

представителями кафедр философии ведущих белорусских вузов по этим и другим актуальным проблемам развития современного общества, человека, гуманитарной безопасности в целом.

Как говорил выдающийся философ Нового времени Фрэнсис Бэкон: «Нет большей мудрости, чем своевременность». Институт философии Национальной академии наук Беларуси стремится соответствовать этой максиме. Приоритет в научно-исследовательской работе на протяжении всей его истории всегда отдавался наиболее актуальным и острым проблемам развития человека, общества и культуры.

Сегодняшнее торжественное собрание, посвященное 90-летнему юбилею Института философии Национальной академии наук Беларуси, является свидетельством уважения к традициям и людям, которые работали и продолжают свою высокопрофессиональную деятельность на поприще белорусской академической философии.

Разрешите пожелать вам, дорогие друзья, неиссякаемой энергии, творческих удач, оптимизма и уверенности в вашем труде на благо науки и общества.

С праздником, с юбилеем Института!

Председатель Президиума
НАН Беларуси,
академик В. Г. Гусаков

## Поздравление от Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь

# *Уважаемые коллеги!*

От имени Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь и от меня лично примите сердечные поздравления по случаю знакового события в истории Института философии Национальной академии наук Беларуси — 90-летия со дня основания!

Ваш институт является ровесником Национальной академии наук Беларуси и играет важную роль в развитии философских традиций и знаний в интеллектуальной культуре нашей страны. Вклад института в духовное воспитание нации и развитие государства неоценим.

Философия науки и техники, социальная философия, философия культуры, историко-философские исследования, исследование феномена инноваций с точки зрения философии науки — это только часть направлений института. Деятельность его сосредоточена на раскрытии роли философского знания в структурных преобразованиях современного общества под воздействием различных факторов на всех уровнях взаимодействия и развития.

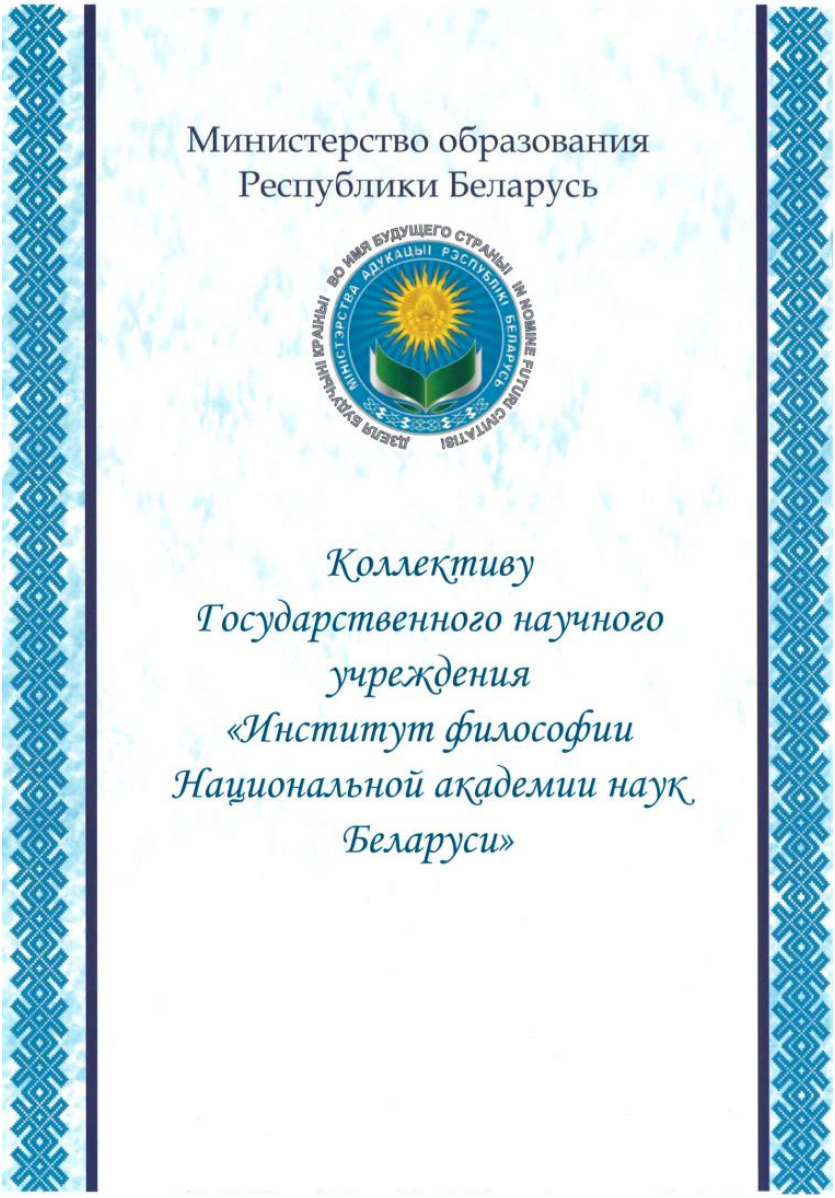
История Института философии НАН Беларуси связана с такими знаковыми для белорусской гуманитарной науки именами, как Казимир Павлович Буслов, Альфред Степанович Майхрович, Николай Иванович Жуков и многими другими. Ключевая роль института в организации научного процесса позволила впервые в истории белорусской науки организовать работу философского кластера (Республиканского центра фундаментальной и практической философии) и Первого белорусского философского конгресса «Национальная философия в глобальном мире», создать республиканское общественное объединение «Белорусское философское общество». Свидетельством международного признания стало вступление института в Международную федерацию философских обществ.

Особого внимания заслуживает деятельность института, направленная на объединение науки и образования, предприятий и различных органов власти для совместной проработки стратегических, злободневных тем.

Примите самые теплые поздравления и пожелания успеха в вашей работе, новых научных открытий и свершений, ярких вех в вашей биографии, самого широкого признания вашего вклада в духовную культуру нации и государства!

Председатель Государственного
комитета по науке и технологиям
Республики Беларусь А. Г. Шумилин

## Поздравление от Министерства образования Республики Беларусь



*Уважаемые коллеги!*

*От имени Министерства образования Республики Беларусь примите искренние поздравления со знаменательной датой – 90-летием со дня образования Института философии Национальной академии наук Беларуси!*

*История развития отечественной философской науки неразрывно связана с историей развития нашей страны, с основными этапами становления белорусского государства. За эти годы ваш институт стал крупным научно-образовательным центром. Передовые идеи ученых института, активная исследовательская деятельность укрепляют значимость философского знания в системе духовно-культурных ценностей нашего общества.*

*Неоценим ваш вклад в решение важнейших задач, связанных со становлением белорусской идеологии, гражданского воспитания молодежи, её развития в контексте современных исторических процессов.*

*В институте сформировались и работают авторитетные научные школы, проводятся совместные проекты с учреждениями образования, осуществляется обмен научными исследованиями. Уверен, органичная связь науки и образования будет укрепляться и дальше, способствовать реализации основной цели отечественной системы образования – подготовке ответственного, всесторонне развитого человека, компетентного специалиста, патриота и гражданина.*

*Примите в этот знаменательный день искренние слова благодарности за ваш труд, а также пожелания счастья, семейного благополучия и крепкого здоровья вам и вашим близким!*

*С уважением,*

*Министр образования*
*Республики Беларусь* *И.В.Карпенко*

# Поздравление от Министерства культуры Республики Беларусь

МІНІСТЭРСТВА КУЛЬТУРЫ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

220004, г. Мінск, праспект Пераможцаў, 11 Тэлефон (017) 203-75-74, тэлефакс (017) 203-90-45

Коллективу государственного научного учреждения «Институт философии» Национальной академии наук Беларуси

15 апреля 2021 г.

Дорогие друзья!

Примите сердечные поздравления по случаю 90-летия со дня основания Института философии!

Ученые старейшего научного учреждения гуманитарного профиля, сохраняя богатый опыт своих предшественников, вносят значимый вклад в исследование актуальных проблем философии человека, этики и духовности современного общества, интеллектуальной и духовной истории Беларуси.

Совместными усилиями ученых и представителей культуры и искусства Беларуси решается важнейшая задача государства – развитие национальной культуры. Сформированная научная база обеспечивает изучение культурных ценностей, их сохранение, приумножение и популяризацию в международном пространстве.

Уверен, что научное сопровождение социально-культурного развития современного белорусского общества будет и в дальнейшем способствовать сохранению и развитию белорусской национальной культуры.

Желаю ученым Института философии крепкого здоровья, счастья и благополучия!

Министр культуры
Республики Беларусь А.М.Маркевич

# Поздравление от митрополита Минского и Заславского Вениамина

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
БЕЛОРУССКИЙ ЭКЗАРХАТ
БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

**МИТРОПОЛИТ МИНСКИЙ И ЗАСЛАВСКИЙ ВЕНИАМИН**

**ПАТРИАРШИЙ ЭКЗАРХ ВСЕЯ БЕЛАРУСИ**

МАСКОЎСКІ ПАТРЫЯРХАТ
БЕЛАРУСКІ ЭКЗАРХАТ
БЕЛАРУСКАЯ ПРАВАСЛАЎНАЯ ЦАРКВА

**МІТРАПАЛІТ МІНСКІ І ЗАСЛАЎСКІ ВЕНІЯМІН**

**ПАТРЫЯРШЫ ЭКЗАРХ УСЯЕ БЕЛАРУСІ**

220004 Республика Беларусь г. Минск ул. Освобождения, 10. Тел.: +375 17 357-42-99. www.church.by

Директору
государственного научного учреждения
«Институт философии Национальной академии наук Беларуси»
**А.А. Лазаревичу**

Уважаемый Анатолий Аркадьевич!

Позвольте от лица Белорусской Православной Церкви и от себя лично поздравить Вас и Ваших коллег с 90-летием со дня основания Института философии Национальной академии наук Беларуси.

Празднуемое событие является знаковым не только для возглавляемого Вами научного учреждения, но и для белорусского общества в целом. Пройдя непростой путь становления и развития, Институт философии в настоящее время является одним из ведущих белорусских центров систематического и научно-обоснованного постижения глубинных основ объективной реальности. Специалисты института продуктивно исследуют актуальные проблемы в области истории философии, философии и методологии науки, гносеологии, философской антропологии, социальной философии, философии культуры и других важных направлениях. Особенно важным для современного общества является изучение проблематики религиозной философии и межконфессиональных отношений. Обращение к постижению сакральных глубин бытия позволяет не только соприкоснуться с непостижимыми тайнами нематериальной реальности, но и способствовать нахождению ответов на вечные вопросы, столетиями волнующими человечество.

На протяжении многих лет Белорусскую Православную Церковь и Институт философии Национальной академии наук Беларуси связывают добрые отношения и продуктивное сотрудничество. Наше плодотворное взаимодействие проявляется главным образом в совместной организации и проведении научных конференций, издании сборников материалов научных форумов. Искренне надеемся на продолжение и углубление этих взаимоотношений.

Искренне желаю Вам и всем сотрудникам Института философии Национальной академии наук Беларуси успехов в творческом поиске и новых свершений в Вашем благородном деле!

С уважением,

+ Вениамин

Митрополит Минский и Заславский,
Патриарший Экзарх всея Беларуси

*15 апреля 2021 г.*

# Поздравление от Международной федерации философских обществ (FISP)

*Уважаемые коллеги, дорогие друзья!*

Разрешите мне от имени Международной федерации философских обществ поздравить коллектив Института философии Национальной Академии наук Беларуси, а вместе с ним – и все белорусское философское сообщество со знаменательной датой – 90-летним юбилеем Института философии. Это поздравительное письмо не является формальным, поскольку у Института философии и FISP тесные связи, и я рад, что в последние годы наше продуктивное взаимодействие становится все более интенсивным.

Институт философии является крупным исследовательским центром в области философии, хорошо известным не только в своей стране, но и за ее пределами, как среди своих соседей, так и в других регионах нашей планеты. Продолжая как многолетнюю работу предыдущих поколений сотрудников Института, так и вековые традиции философского мышления на территории Беларуси, коллектив Института занимается исследованиями в ряде актуальных направлений современной философии: философия науки, социальная философия, теория информационного общества, социальная экология, история философии, теория международных отношений. Сотрудники Института активно публикуются как на страницах своего ежегодника «Философские исследования» и других белорусских журналов, так и далеко за пределами своей страны, знакомя философскую общественность с результатами своих исследований. Представители Института являются желанными гостями на крупнейших международных конференциях, активно участвуют в работе Всемирного философского конгресса. Пользуются известностью и признанием и мероприятия, проводимые Институтом, лично мне особенно запомнилось участие в 1-м Белорусском философском конгрессе осенью 2017 г., на котором присутствовали сотни исследователей со всего мира.

Мы высоко оцениваем и работу по популяризации философского знания среди населения, которой активно занимается Институт совместно с Белорусским философским обществом. Отдельно отмечу работу Института по организации отбора и участия белорусских школьников в Международной олимпиаде по философии, белорусские участники показывают глубокие знания и оригинальность мышления, а их работы заслуженно отмечаются дипломами олимпиады.

В сегодняшнем мире, полном проблем и противоречий, все больше возрастает роль философии, которая призвана, опираясь на долгую традицию человеческого мышления, осмыслить опыт современности и инициировать обсуждение злободневных вопросов и проблем. Важно заниматься этим на всех уровнях – в отдельных организациях, странах, регионах, мировом философском сообществе в целом. Мы рады, что в диалоге философских культур отчетливо слышен и голос Института философии Национальной академии наук Беларуси.

В связи с 90-летним юбилеем хочу пожелать всем бывшим и настоящим сотрудникам Института крепкого здоровья, активного и плодотворного общения с коллегами из других стран, а также новых философских открытий.

С уважением,
Президент Международной федерации
философских обществ Лука Мария Скарантино

# Выступление директора Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревича на торжественном собрании, посвященном 90-летию Института философии НАН Беларуси

## ПРИЗНАНИЕ МНОГОВЕКОВОЙ МИССИИ ФИЛОСОФИИ

*Уважаемые высокие гости, коллеги, дорогие друзья!*

Сегодня Институт философии Национальной академии наук Беларуси отмечает свое 90-летие. 90 лет назад Президиум Белорусской академии наук принял решение о создании самостоятельного Института философии. С позиций сегодняшнего дня расцениваю это событие, с одной стороны, как признание и уважение великой многовековой миссии философии в культурной эволюции человечества, а с другой стороны, как закономерный этап институциализации национальной философской традиции в конкретных исторических условиях того времени.

С созданием Института философии белорусская Академия наук заявила о себе как о научном центре классического типа, чья деятельность охватывает не только конкретные направления исследовательского поиска, но и их мировоззренческие основания, логико-методологическую проработку, ценностный горизонт.

Историю нашего Института можно разделить на несколько периодов. В первые годы его деятельность была обусловлена задачами культурного и социально-экономического развития Белорусской ССР. Важное место отводилось разработке диалектико-материалистических основ мировоззрения, критическому анализу ряда направлений западной философии, изучению теории национального вопроса. В числе важнейших опубликованных работ этого периода – труды первого директора института Семена Яковлевича Вольфсона, его первого ученого секретаря Ивана Макаровича Ильюшина, других белорусских философов.

Исследования 1950-х – 1960-х гг. отличает системный подход к ряду актуальных проблем общественного прогресса, истории национальной философской мысли, теории и методологии научного познания. В этот период в Минске опубликованы известные труды академиков Георгия Федоровича Александрова и Виталия Андреевича Сербенты, ученых-

философов Всеволода Ивановича Горбача, Петра Дмитриевича Пузикова. В этот же период в Институте началась систематическая работа по изучению истории философской, общественно-политической и религиозной мысли Беларуси, связанная с именами Николая Остаповича Алексютовича, Ивана Николаевича Лущицкого, Николая Семеновича Купчина, Екатерины Сергеевны Прокошиной и многих других ярких исследователей.

В 1970-е – 1980-е годы Институт философии внес значительный вклад в исследование динамики общественных отношений, философских проблем естествознания, раскрытие культурного потенциала научно-технического прогресса. Белорусская философия заявила о себе разработками по вопросам повышения роли человеческого фактора в экономической и социально-политической деятельности, проблемам молодежной среды. Под редакцией Казимира Павловича Буслова, Дмитрия Ивановича Широканова, Евгения Михайловича Бабосова, Алексея Климентьевича Манеева вышли значимые труды в сфере методологии научного познания, социальной философии, теории общественного прогресса. На небосклоне историко-философской традиции зажглись звезды таких исследователей, как Семен Александрович Подокшин, Владимир Михайлович Конон, Альфред Степанович Майхрович.

В 1980-е годы и особенно в постсоветский период ученые Института расширили диапазон научной тематики исследованиями в области общественно-политических, правовых и духовно-культурных основ формирования белорусской государственности, сохранения национально-культурной идентичности, теоретико-методологического обоснования социальных реформ и поступательного инновационно-ориентированного развития общества.

Лучшие наши публикации во все времена достаточно широко обсуждались на пространстве Советского Союза и в дальнем зарубежье, удостаивались государственных и международных наград и премий. Можно вспомнить, в частности, цикл коллективных работ под общей редакцией академика К. П. Буслова, удостоенный Государственной премии БССР в 1984 г.; коллективную монографию «Детерминизм: системы, развитие», получившую золотую медаль ВДНХ СССР в 1986 г.; сравнительно новое издание «Высокие технологии в структуре устойчивого развития…», которое удостоилось премии трех Академий наук: Украины, Беларуси и Молдовы в 2010 году. Премии НАН Беларуси и Алферовского фонда удостоен цикл работ «Моделирование структуры познавательных процессов…» молодого ученого Института В. Демирова в 2016 г. Ряд ученых Института за личный вклад в развитие философской науки удостоен высоких академических и государственных наград.

Сегодня деятельность Института философии реализуется в особом «трехмерном пространстве». Его измерения – это, во-первых, мировые

тенденции развития философской науки; во-вторых, актуальные проблемы развития белорусского общества; в-третьих, приоритеты, связанные с повышением междисциплинарной и научно-практической значимости философских разработок.

Актуализируя и организационно совершенствуя эти задачи Институт философии организовал работу специального научно-практического кластера – структуры, которая получила название «Республиканский центр фундаментальной и практической философии». Элементы этого кластера – это подразделения Института, а также совместные кафедры, созданные на базе кафедры философии и методологии науки Белгосуниверситета, кафедры политологии БГУ, института социально-гуманитарного образования Белорусского экономического университета, кафедры социальной политики и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь. С 2017 года эта работа получила дополнительный импульс – я имею ввиду создание Республиканского общественного объединения «Белорусское философское общество».

Ежегодно Институт выпускает обширные, содержательные работы, отражающие спектр актуальных проблем развития современного общества и новизну подходов к их решению. Среди них имиджевые многотомные издания в области истории философской мысли Беларуси, такие известные работы как «Глобальный мир и геополитика», «Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере», «Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь», «Философские проблемы междисциплинарного синтеза», «Мораль в транзитивном обществе…» и многие другие знаковые издания.

С каждым годом Институт философии НАН Беларуси расширяет международное научное сотрудничество, выполняя совместные исследовательские проекты с научными и учебными учреждениями как ближнего, так и дальнего зарубежья. При Институте организована деятельность национальной контактной точки Рамочной программы Европейского Союза «Горизонт 2020» по направлению «Наука с обществом и для общества», контактной точки Европейской Хартии региональных языков и языков национальных меньшинств.

Каждый год мы организовываем более десятка международных конференций, семинаров, круглых столов, внося таким образом большой вклад не только в популяризацию белорусской философии, науки и культуры, но и их интеграцию в мировое научное и культурное пространство. В качестве примера сошлюсь на организацию и проведение крупнейшего международного научного форума – Первого белорусского философского конгресса, который совсем недавно собрал в нашей стране фактически всю мировую философскую элиту и участниками которого являлись многие присутствующие в этом зале. Свидетельством международного признания стало вступление Института философии в

Международную федерацию философских обществ – наиболее авторитетную международную организацию в области философского знания.

Таким образом, сегодня Институт философии НАН Беларуси несет миссию центрального и по сути единственного в стране научно-экспертного учреждения в области философии, и говоря шире, всего спектра дисциплин и подходов, которые связаны с человеком как таковым, то есть с осмыслением общества, экономики, науки, техники, информации и культуры сквозь призму человеческого бытия, человеческого творчества, нравственных устоев и традиций. Именно в стенах Института формулируется и отрабатывается перспективная методология научного познания и научно-инновационной деятельности, а также нравственной, этической и в целом гуманитарной экспертизы научного и технического прогресса.

Мы делаем все возможное, чтобы белорусская наука – мощная, полидисциплинарная, инновационно ориентированная система – своевременно получала актуальный теоретико-методологический инструментарий, имела возможности для гармоничного сочетания различных парадигм естественнонаучного, инженерно-технического и социально-гуманитарного знания. Чтобы белорусская культура и гуманитарная наука была узнаваемой в мире, служила дополнительным мостиком между народами Беларуси и других стран, средством укрепления межкультурного диалога и партнерства.

Говоря о традициях и достижениях Института, не будем забывать, что на протяжении большей части своей истории он носил название «Институт философии и права», в нем плодотворно работали школы ученых-философов, социологов, правоведов. Сегодня многие наши друзья из смежных научных дисциплин присутствуют в этом зале. Хочу подчеркнуть: праздник белорусской философии – это наш общий праздник, и сегодня, как и прежде, мы отмечаем его вместе.

Более всего хочется, чтобы юбилейных дат, похожих на сегодняшнюю, впереди было еще очень много, и к каждой из них летопись института становилась все более весомой и насыщенной. Позвольте считать это праздничным пожеланием всему коллективу и всем ветеранам Института философии Национальной академии наук Беларуси.

# Раздел 1 СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

## ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

*Е. П. Адамчик*

Еще недавно, говоря о «современности» априорно имелось ввиду некое историческое единство и преемственность с минувшим: прослеживалось влияние, общие смыслы и более ли менее линейное развитие устоявшихся паттернов – говоря словами Гегеля способность «схватить эпоху в мысли». Однако события даже не последнего десятилетия, но двух лет смогли наглядно показали, насколько теории, концепции и наши способность и желание видеть единство в прошлом-настоящем-будущем не имеют связи с реальностью. На наших глазах устоявшиеся концепции расползаются на отдельные, субъективные взгляды (еще в 2016 году понятие «пост-правда» было признано Оксфордским словарем словом года); ценности, прежде обладающие превалирующим значением в повседневном общении и коммуникации были отброшены за ненадобностью, уступив место «новой этике», которая в настоящий момент активно разрабатывает собственный язык и категориальную сетку, отвечающую запросам современности; пересмотр роли государства и власти в период пандемии и необходимость защиты общества не от «внешнего врага» с чем классически принято связывать многие концепции образования государства, начиная от Гоббса и Локка – это лишь небольшой перечень тех изменений, что выступили на первый план в современном информационном потоке.

При этом никогда еще в известной нам истории (кроме, разве что, времени Просвещения – разрыва эпох и закладывание нового фундамента и языка для того, что в настоящий момент понимается под «современностью») не было такого запроса на философский, гуманитарный анализ. При этом изменился и характер запроса: более не так важно единство происходящего с прошедшим, линейное развитие, причины и предпосылки возникновения тех или иных изменений.

Настоящий запрос требует мало что немедленного анализа происходящего, который обязан заканчиваться или подводить не к созданию концепции или теории, но выработкой определенных правил, применимых хотя бы на короткий промежуток времени, но отвечающих актуальным потребностям.

В таком контексте становится очевидным невозможность одновременно адекватно охватить все изменения, происходящие в мире и при этом отвечать и давать решения на возникающие проблемы – и именно в подобных ситуациях «разрыва» времен и «кризиса» устоявшихся троп анализа реальности актуальным становятся разработки представителей экзистенциализма: тема абсурда в сочинениях Льва Шестова и Альбера Камю, влияние категорий «тела» и «телесности» на повседневность и коммуникативные практики у Мориса Мерло-Понти, преодоление ситуаций «экзистенциального кризиса» в работах Жан-Поля Сартра и Симоны де Бовуар. Именно экзистенциальный анализ дает возможность наиболее полно проанализировать основные изменения, происходящие в мире: через взгляд на отдельную, частную жизнь человека и осмысление реальности в контексте личных, субъективных ценностей (как и осмысление природы их возникновения) [1].

Актуализируя философские проблемы экзистенциализма и перенося их на анализ современной ситуации, можно выделить следующие актуальные изменения в жизни отдельного человека:

– Новые формы коммуникации, с активным (более того, необходимым в настоящий момент реальности) использованием новых технологий потребления информации. С учетом факта, что любое использование сети Интернет в абсолютном большинстве приводит к сообщению сервисам анализа данных новой информации о пользователе – это со временем приводит к увеличению контроля над личной, частной жизнью уже не стороны государства, но со стороны корпорации, специализирующихся на информационных технологиях и взаимодействующих с различными политическими режимами и коммерческими структурами.

– Изменение роли телесности в становлении личности в современном обществе. При отсутствии непосредственной необходимости телесного присутствия для обеспечения межличностной коммуникации категории «тело» и «телесность», разработанные, в частности, в философии Мориса Мерло-Понти, – меняют свою функцию связующего звена с существующей реальностью. В настоящий момент, когда большинство связей с миром поддерживаются стабильностью Интернет-соединения, основной связью с миром выступает способность рационально осознавать и обрабатывать возникающие потоки информации. Это, в свою очередь, приводит к новому пониманию роли осязания и материальности в процессе становления личности [2].

– Феномен «новой этики», который оказывается тесно взаимосвязан

с проблемой истины и правды. Данный феномен оказался возможен благодаря изменению в соотношениях понятий «частное» и «общественное», а также отказывается от привычных паттернов «добра и зла», переводя дискурс в рамки «этики ответственности» [3], принципы которой прежде всего принято связывать с философией экзистенциализма (Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар) и философией диалога (М. Бубер, М. Бахтин, Э. Левинас). При этом этика переходит из разряда отвлеченно-философской дисциплины в актуальный аспект повседневности, проявляющий себя в необходимости соотношения каждого личного поступка с т. н. «повесткой», что порождает новые вопросы по теме гласности и приватности информации.

– Существование нескольких истин и необходимость сочетания в повседневных практиках, противоречащих потоком информации. Более нет концепции, даже образ – полностью покрывающей весь спектр отношений человека с внешним миром: теория «Я-концепция» работает ситуативно и боле не претендует на ролевую модель, которая в настоящий момент тесно связана не с ценностями и традицией – но с проблемами, решаемыми в настоящий момент. Такую ситуацию можно назвать ситуацией хаоса. Даже абсурда, где на первых план выступает вера человека в собственную жизнь и взгляды, т. к. более они не могут найти адекватного воплощения в существующем мире, в лучшем случае – эклектично собранный образ, всегда нуждающийся в доработке, что влечет за собой проблему тревоги.

Так становится очевидна практическая польза и актуальность использования практик философии экзистенциализма для осмысления современной ситуации в мире. Более того, необходимо создание «нового» экзистенциализма, учитывающего все тенденции и паттерны актуального исторического момента. Возможно, при таком взгляде философия из простого анализа собственной истории и набора концепций превратиться в необходимой для развития отдельного индивидуума аппарат мышления, созывающий все изменения, происходящие в мире с личным переживаниями и помогающий объединить разрозненные потоки информации в единое целое, преодолевая возникающие при этом проблемы психологического (тревога, депрессия, расстройства личности) и социального характера (буллинг, изоляция, маргинализация).

**Литература и источники**

1. Губин, В. Д. Философия: актуальные проблемы: учеб. пособ. для вузов / В. Д. Губин. – М.: Омега-Л, 2006. – 370 с.

2. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента, 1999. – 605 с.

3. Беляева, Е. В. Три типа теории морали: «этика блага», «этика долга», «этика ответственности» / Е. В. Беляева // Философские традиции и современность: ежегодник. – 2013. – № 1 (3). – С. 74–80.

## ФІЛАСОФІЯ Ў ДУХОЎНЫМ ЖЫЦЦІ СУЧАСНАГА ГРАМАДСТВА

*А. І. Бабко*

З лёгкай рукі Гегеля паняцце «канец» (ці «смерць»), дастасаванае да пэўнай духоўнай формы, зрабілася надзвычай папулярным і прыцягальным для філосафаў. Яно ўжываецца ва ўсё новых варыяцыях і набывае разнастайныя інтэрпрэтацыйныя нюансы. У сучасных умовах і філасофія (у цэлым, увогуле) далучылася да ліку тых духоўных сфер, якія разглядаюцца ў кантэксце самазавяршэння, самавычарпання, «паміранння». З пункту гледжання С. Хокінга і Л. Млодзінава, адпаведная сітуацыя выклікаецца да жыцця рэзкім умацаваннем пазнавальнашга патэнцыялу навукі, што зрабіла яе здольнай адказаць на пытанні, якія традыцыйна прылічваліся да абсягу філасофіі [4, с. 11]. У прынцыпова іншым ракурсе бачыў адпаведны феномен М. Хайдэгер. Яго падыход (які падаецца тут у рэканструкцыі Г.-Г. Гадамера) грунтуецца на спецыфічным бачанні сучаснай культуры, носьбіты якой (у пэўным падабенстве з «апошнімі людзьмі» Ф. Ніцшэ) не вылучаюцца асаблівай цікавасцю да пытання аб сутнасці быцця і займаюцца тэхнічным упарадкаваннем свету. У выніку ў ёй адчуваецца патрэба ў зусім іншым (у параўнанні з філасофскім) тыпе мыслення [3, с. 64–65].

Жывучы і працуючы ў філасофіі, вельмі складана ўзняцца да бесстаронняга разгляду дадзенай праблемы. Аднак, нават прыняўшы тэзу, згодна з якой сучаснасць мае павярхоўны і прагматычны характар, хіба можна ўявіць сабе, што ўвесь каласальны (канцэптуальны, інтэрпрэтацыйны, метадалагічны, аперацыянальны) патэнцыял, назапашаны сусветнай філасофскай думкай, будзе адкінуты чалавецтвам як непатрэбны без усякай спробы выкарыстаць яго – няхай сабе і ў нейкай тэхнічнай, знешняй, неарганічнай форме? І хіба прагматычнае грамадства можа дазволіць, каб адпаведны інструментарый не падтрымліваўся ў належным стане?

Аднак адмоўныя адказы на пастаўленыя вышэй пытанні (да якіх яны якраз і прызначаныя падштурхнуць), прызнаючы прысутнасць філасофіі ў жыцці грамадства, зусім не выключаюць разам з тым, што яна паступова губляе пазіцыі ў ім. Калі філасофская думка і не памерла, дык ці не выштурхоўваецца яна на перыферыю культурнага цэлага? Падобную пазіцыю адстойвае Р. Рорці, які ўказвае, што ў эпоху Асветы філасофская думка была актыўна задзейнічана для абгрунтавання новых, дэмакратычных прынцыпаў арганізацыі грамадскага жыцця. І гэта мела

цалкам заканамерны характар, бо адсутнічаў адпаведны гістарычны досвед – найбольш эфектыўная форма вырашэння задач такога кшталту. У сучасных умовах чалавецтва ўжо валодае неабходным досведам, і абгрунтавальныя працэдуры «фундаменталісцкага» тыпу страцілі сваё значэнне (нягледзячы на тое, што некаторыя філосафы працягваюць дзейнічаць на стары манер). Даследчык даводзіць, што ў рэальных палітычных дыскусіях, што вядуцца ў ЗША, філасофскай аргументацыі не належыць практычнага ніякага месца [1, с. 222–225].

У фармальным плане гэты апошні момант, напэўна, цалкам адпавядае сапраўднасці. Узняцца да фармулёўкі палітычна-філасофскіх прынцыпаў і вядзення адпаведных дыскусій – задача надта няпростая, у дзейных шараговых палітыкаў для гэтага, як правіла, няма ні матывацыі, ні духоўнай энергіі. Адпаведную працу павінны рабіць прафесійныя філосафы. Аднак ці сапраўды адсутнічае філасофскі кампанент у палітычных дыскусіях, што адбываюцца ў ЗША або дзесьці яшчэ? Ці не зафіксуем мы ў іх, прыгледзеўшыся і прыслухаўшыся да іх працякання, імпліцытную прысутнасць філасофіі? Станоўчы адказ на апошняе пытанне падаецца легітымным і заканамерным. Сапраўды, разглядаючы пэўную палітычную праблему – збору падаткаў, напрыклад, – мы з неабходнасцю абапіраемся на цэлы шэраг грунтоўных філасофскіх дапушчэнняў (звязаных з ідэалам сацыяльнай і палітычнай справядлівасці, яго значэннем для рэальнага функцыянавання дзяржавы, яго суадносін з прынцыпам эканамічнай эфектыўнасці і г. д.). Гэтыя дапушчэнні набываюць, як правіла, «натуральны» характар у нашым светабачанні, яны не робяцца прадметам спецыяльнага аналізу, застаючыся незаўважанымі, і тым не менш яны прысутныя ў нашых развагах і задзейнічаны ў іх. Акрамя таго, неабходна падкрэсліць, што гістарычны досвед ні ў якім разе не можа быць ні сфарміраваны, ні актуалізаваны без чыннага ўдзелу філасофіі.

Не трэба думаць, аднак, што сучасныя філосафы заўжды бачаць месца, ролю і прышласць той сферы, якую яны прадстаўлюць, у жыцці грамадства зусім змрочнымі і бесперспектыўнымі. П. Слотэрдайк, напрыклад, якраз у пошуках М. Хайдэгера адкрыў тэндэнцыю да актыўнага ўваходжання філасофскай думкі ў розныя сегменты культуры. За Хайдэгеравымі тытанічнымі намаганнямі, скіраванымі на выяўленне сэнсу быцця, ён разгледзеў і аспект самапародыі, які вытлумачваецца ім як грунтоўны для сучаснага мыслення: цяпер «здольнасьць рабіцца сьмешным ёсьць паказьнікам таго, што філязофскае мысьленьне перастае адварочвацца ад астатняга сьвядомага жыцьця. Высокая крайнасьць вяртаецца ў нізкае, артадаксальнае ператвараецца ў парадаксальнае» [2, с. 235].

П. Слотэрдайк вылучыў блізкі яму і важны для яго трэнд у багатай палітры сучасных філасофскіх пошукаў. У іншых сістэмах філасофскіх каардынат ён не будзе разглядацца як найбольш пажаданы і плённы.

Акрамя таго, фаварызаваны ў яго абсягу спосаб непасрэднага ўплыву філасофіі на іншыя сегменты культуры зусім не з'яўляецца адзіна магчымым. Як сведчыць яе гісторыя, яна можа паўплываць на грамадства пры дапамозе правакацыйных, эпатажных формул, праз грунтоўную распрацоўку праектаў, датычных найважнейшых сацыяльных праблем (напрыклад, забеспячэння вечнага міру), праз прасоўванне ўтапічных мадэляў грамадскага ўладкавання і г. д. Хоць разам з тым трэба прызнаць, што ўвасабленне філасофскіх ідэй у эстэтычнай ці нават мастацкай форме належыць да найэфектыўнейшых шляхоў згаданага ўплыву.

Неабходна адзначыць, аднак, што непасрэднае і яўнае ўздзеянне філасофскага пошуку на іншыя духоўныя формы ні ў якім разе не дамінуе ў структуры іх узаемадачыненняў (прынамсі, у «спакойныя» перыяды гістарычнага развіцця). З іншага боку, каб уздзейнічаць на культуру – непасрэдна ці апасродкавана, – філасофія павінна развіць сапраўднае багацце глыбокіх думак, няўхільна ўмацоўваючы свой творчы патэнцыял. І ў сучасных умовах тут выяўляецца істотная праблема: філасофскі пошук разгарнуўся ў неаглядны спектр школ, канцэпцый, падыходаў і ідэй. Якія з іх з'яўляюцца найбольш дзейснымі і прадуктыўнымі? Кожны з нас (у падабенстве з П. Слотэрдайкам) мае свае прыхільнасці і прыярытэты. Магчымасць абіраць уласную пазіцыю і распрацоўваць яе дазваляе ўбачыць і падаць сітуацыю філасофскай (звыш)разнастайнасці ў станоўчым святле. І тым не менш гэта адзнака крызіснага характару сітуацыі ў сучасным філасофскім мысленні (пры гэтым будзем памятаць, што, з пункту гледжання М. Хайдэгера, узровень развіцця навукі вызначаецца яе здольнасцю ўзняцца да крызісу яе грунтоўных паняццяў [5, с. 9]).

Згаданы крызіс зусім не выпадковы. У грамадстве, напоўненым латэнтнымі і адкрытымі крызіснымі з'явамі, канфліктамі і калізіямі, прасякнутым глабальнымі і лакальнымі праблемамі, філасофская думка сутыкаецца з сур'ёзнымі выклікамі. Пакуль што яна не здолела з імі справіцца. Аднак разам з тым яна не спыніла сваёй інтэнсіўнай працы. Да якіх вынікаў гэтая праца прывядзе, пакажа час.

Такім чынам, у сучасных умовах філасофія зусім не страціла свайго грамадскага паклікання і сваёй запатрабаванасці. Гэтыя ўмовы спрыяюць яе самаразвіццю, ставячы перад ёй самыя высокія і складаныя задачы. І яна імкнецца іх вырашыць. Ніякая іншая духоўная форма (уключаючы навуку) не здолее ўзяць на сябе згаданае вырашэнне: кожнай з іх бракуе дзейсных канцэптуальных і аперацыянальных рэсурсаў і магчымасці абаперціся на магутную гістарычную традыцыю, што функцыянавала б на адпаведным узроўні. Таму грамадства не можа дазволіць, каб філасофія была страчаная ці занядбаная ў яго духоўным жыцці: смерць філасофіі азначала б яго ўласную смерць.

**Літаратура і крыніцы**

1. Рорці, Р. Дэмакратыя і філязофія / Р. Рорці // Arche. Пачатак. – 2007. – № 7–8. – С. 222–229.

2. Слотэрдайк, П. Прыйсьці на сьвет – прыйсьці да мовы. Франкфурцкія лекцыі / П. Слотэрдайк. // Arche. Пачатак. – 2005. – № 2. – С. 234–303.

3. Gadamer, H. G. Ende der Kunst? Von Hegels Lehre von dem Vergangenheitscharakter der Kunst bis zur Antikunst von heute / H. G. Gadamer // Das Erbe Europas / H. G. Gadamer. – 3 Aufl. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. – S. 63–86.

4. Hawking, S. W. Der große Entwurf: Eine neue Erklärung des Universums / S. W. Hawking, L. Mlodinow. – Reinbek: Rowohlt, 2010. – 192 s.

5. Heidegger, M. Sein und Zeit / M. Heidegger. – Tübingen: Niemeyer, 1967. – 437 s.

## ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ ГОРИЗОНТЫ ФИЛОСОФИИ ЗНАНИЯ В ЦИФРОВИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

*Е. М. Бабосов*

Сущность исследуемого процесса: цифровизация – целенаправленное, непрестанно обновляемое созидание цифровой картины окружающей реальности в формате, открывающем возможности компьютерной обработки полученных данных; это внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства.

Развитие и совершенствование теории цифровизации базируется на интенсивном применении методов дисциплинарности – междисциплинарности и трансдисциплинарнности в их синегретическом взаимоусилении в различных областях миропреобразовательной деятельности людей.

Управление и использование цифровых платформ представляет собой многогранный научно-технический, технологический общественно-политический, информационный и военно-оборонный процесс. В своей многогранной сущности и множестве конкретных проявлений этот процесс не сдерживают никакие – ни страновые, ни межконтинентальные, ни межкоалиционные, ни климатические границы.

Практикоориентированное использование цифровизированных технологий в производственной сфере существенно увеличивает производительность труда и качество выпускаемой продукции.

Образцом в этой сфере может служить функционирующий в Минске Парк высоких технологий, который недавно принял решение о регистрации в качестве резидентов 65 компаний. Причем более половины участников зарегистрировано в прошлом и в этом году.

Экспорт в 2020 году составил 2 млрд. 725 млн. долларов с темпоростом 125%. С 2017 по 2020 годы количество резидентов его

возросло со 192 до 1021 компаний. Численность работающих в самих организациях ПВТ превышает 69 тыс. человек, все получают несравненно более высокую зарплату, чем в других организациях и фирмах Беларуси.

Расширяющееся применение достижений цифровизации в учебных заведениях создает возможности повышения качества учебно-воспитательного процесса в системе образования и предполагает построение новой интерактивной образовательной системы с обратной связью, когда человек имеет возможность выбирать темп и программу своего обучения в соответствии с наличием свободного времени и исходным уровнем.

Использование цифровизированных технологий в учреждениях и организациях культуры значительно интенсифицирует и разнообразит социо-культурную динамику в обществе. Для повышения эффективности процессов цифровизации различных сфер общества следует расширить и повысить качество подготовки специалистов по цифровым технологиям.

Вздымающиеся одна за другой волны коронавируса оказали значительное противоречивое влияние на цифровизационые процессы в общественных отношениях, прежде всего в правотворческих, правоохранительных и правоприменительных – резко возросла значимость цифрового суверенитета и повышения эффективности правового регулирования всех сфер жизнедеятельности общества и человека.

Увеличивающаяся масштабность развития цифровизации и применения ее достижений в различных областях жизни требуют принятия мер по повышению цифровой культуры разных групп населения, в первую очередь молодежи.

Интенсификация применения цифровизированных технологий в создании новых, более мощных систем вооружений способствует эффективности политики сдерживания, упрочению национальной и международной безопасности. Применительно к использованию технологий к обеспечению военной безопасности Союзного государства России и Беларуси, то в этой важнейшей сфере дальше необходимо двигаться только с использованием современных технологий. Надо возвращаться к суперкомпьютерной тематике. Речь также идет об использовании самых современных космических технологий, которые обеспечивают сбор и обработку информации как для силовых структур, так и общегражданского назначения. Необходимо повышать совместное взаимодействие всех структур Союзного государства.

В условиях возрастания роли государства в развитии информационно-коммуникативных процессов становится настоятельной необходимость активизации цифровой трансформации системы государственного управления (электронное правительство, принцип «одного окна» и др.).

Цифровизация – это совершенно новая реальность, которая меняет

не только технологии, но и взаимоотношения людей, обмен ресурсами, создает новые бизнес-модели вокруг цифровых платформ.

Неизбежно в ближайшем будущем возникнет проблема качественных изменений в профессиональной подготовке специалистов, поскольку с развитием IT-технологий некоторые виды работ, которые сейчас осуществляют люди, начнут выполнять машины. И вопрос здесь возникнет не в том, чтобы создать искусственный интеллект, как у человека, а в том, чтобы человек в процессе профессионального переобучения научился вести диалог с различными интеллектами. Только такой разнонаправленный диалог позволит находить оптимальные решения и действия и формировать будущее.

И конечно же, при исследовании и интерпретации любых особенностей и аспектов социологических исследований социально-сетевых структур надлежит иметь ввиду, что за всеми из них стоит создатель и потребитель результатов всех таких структур – человек. Именно человек – тот удивительный живительный узел, в котором сходятся все нити, все мечты и фантазии, разрешаются все противоречия. Человек – это неразгаданная тайна всех тайн, сокровенная истина всех истин. Именно эти особенности позволяют ему достичь всего, что он пожелает, в то числе и посредством развития и применения сетевого инструментария.

## ФИЛОСОФИЯ КАК ВОПРОШАНИЕ: КЛАССИЧЕСКИЙ И НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

*Р. А. Бурханов*

Началом философии Аристотель считал *удивление* [1, с. 69]. Это присущая нам от природы *способность к вопрошанию*, а не просто эмпирическая любознательность; т. е. способность понять, чему мы удивляемся, когда рассуждаем, используя философские понятия и категории. Осуществляя такое вопрошание, люди не только познают чувственно воспринимаемые явления, но также пытаются постигнуть сверхчувственные сущности мира.

Философия начинается с фундаментального вопроса: «Почему, собственно, есть нечто, а не наоборот – ничто?». Этот вопрос знаменует собой рождение мировоззренческой рефлексии, мысли о том, что в противоположность неорганизованному хаосу или пустому ничто, в мире существует определенность, соразмерность, гармонично организованное нечто [5, с. 87–89]. В философском понимании мир всегда есть проблема, предполагающая непонятное. Когда формулируется проблема, тогда появляется необходимость в философии, которая изучает это непонятное, вопрошает о нем, делает бытие мира и человека гносеологически

«прозрачным».

Итак, философия есть вопрошание человека о мире и самом себе, результатом которого является не только определенная совокупность знаний, но прежде всего самоосознание и самосозидание человека как разумного и действующего существа [2, с. 23–25]. Возникновение философии привело к кардинальным изменениям в духовной жизни людей. Такие изменения, произошедшие в древних обществах Индии, Китая и Греции между 800 и 200 гг. до н. э., Карл Ясперс назвал «осевым временем». В этот период на фоне мифологии возник рационально-теоретический способ духовного освоения мира и сформировался новый тип человека, который в своей основе существует до сих пор. Появилась рефлексия, т. е. способность сознания уходить от традиционных форм и находить мировоззренческую точку опоры в самом себе [7, с. 76–98].

Следовательно, по содержанию философия представляет собой *мировоззренческое вопрошание*. В том или ином виде оно осуществляется в различных формах мировоззрения, синтезирующих в себе рациональные абстракции и чувственные образы. В философском мировоззрении, главной целью которого является постижение сущего как такового, вопрошание происходит посредством понятий и категорий, теоретических моделей и концептов. Переход от одного вопроса к другому приближает нас к пониманию сути вещей.

В философии проблемное поле не ограничивается имманентным для людей миром, а простирается на все бытие, проецируя себя за его пределы. Поэтому философствование, в сущности, есть *метафизическое вопрошание*. Это совокупность рассуждений о мире и человеке, которые описывают нечто, принципиально ненаблюдаемое в опыте. Такие утверждения М. К. Мамардашвили называл «онтологическими», поскольку они содержат рассуждения о бытии. Бытие есть то, что имеет причину в самом себе, т. е. не зависит от чего-то другого. Метафизические высказывания в принципе не могут быть выведены из опыта, поскольку сами являются постулатами и условиями опыта. Они толкуют об условиях и предпосылках того, как человек вообще может иметь какой-либо опыт или что-нибудь мыслить [3, с. 120–121].

Конституируя себя как учение о сверхчувственных первоначалах бытия, метафизика стремится постигнуть мировое целое. Размышляя о доопытных и сверхопытных предпосылках бытия и познания, она рассуждает о трансцендентном. Но метафизика не способна вывести нас за пределы опыта, ее цель заключается в правильном и всестороннем его объяснении.

В онтологическом плане трансцендентное не может быть сведено к особой «запредельной» сфере реальности или «пустому» ничто; это предпосылка и исток того слоя бытия, который составляет основу существования людей. В гносеологическом плане, трансцендентное есть

метафизическое ноуменальное понятие, применяя которое философы пытаются получить знание о предельных основаниях бытия, познания и практики. В праксеологическом плане трансцендентное представляет собой основу деятельности людей по преобразованию окружающей их реальности и самих себя.

Субъект полагает трансцендентное как границу объекта, предел для актов познания и деятельности, которые создают предпосылки для новых действий. Поэтому для нас трансцендентное обладает не реальным, а потенциальным существованием из-за его неадекватности имеющимся в данное время средствам и условиям преобразования и постижения мира.

Актуальное бытие трансцендентного выявляется в процессе трансцендирования, когда люди ставят под вопрос трансцендентное как границу своего бытия, познания и практики. Трансцендирование есть онтологическая выдвинутость бытия в ничто, перешагивание за сущее как таковое. Вопрошание об этом ничто демонстрирует метафизический характер философствования. В сущности философское вопрошание есть *трансцендирующее вопрошание*, оно расширяет проблемное поле познания о бытии и человеке и усложняет содержание практики как совокупного опыта человечества.

Наряду с философией вопрошание также осуществляется в науке. Однако здесь оно направлено не на мир в целом, а на устройство конкретных областей мироздания и человека как его элемента. Отношение человека к миру и мира к человеку науку в принципе не интересует. Вот почему наука не является формой мировоззрения; мировоззренческие интенции в нее привносит философия, а наука дает для этого материал для размышлений. В других формах мировоззрения, например, в религии, искусстве или обыденном сознании, вопрошание в отличие от философии не носит системного и концептуального характера.

Философия каждого периода истории представляет собой теоретическое самосознание эпохи, где выявляются и осознаются ее основные черты и особенности. Но если со сменой эпох, которые продуцируют и формируют возможные варианты рассуждений о сущем, меняется проблемное поле концептуальной рефлексии, можно ли вести речь об основном вопросе философии?

По нашему мнению, общеизвестное определение: «Великий основной вопрос всей… философии есть вопрос об отношении мышления к бытию» имеет смысл только в рамках *классической мысли*. В современных философских построениях «вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе» [6, с. 282–283], т. е. о том, что является первичным – материя или сознание – теряет то значение, которое он имел еще два столетия назад.

В развитии европейской мысли середина XIX в. знаменует собой начало нового этапа *неклассической философии*. В рамках классической

традиции философия в основном рассматривалась как метафизика – учение о сверхчувственных принципах и предельных основаниях бытия и познания, где основными темами размышлений были проблемы существования всеобщего, сущности мира и человека, универсальных методов познания, всеобщих принципов истории и т. п. Неклассическая философия отказалась от традиционной метафизики, от поиска универсалий, проявляя интерес к единичному и стремясь воссоздать полноту, многогранность, уникальность отдельных форм и сторон бытия.

В рамках классической традиции разум понимался как «разумность» природы, истории и деятельности человека, обусловливающие гносеологическую «прозрачность» бытия и познания. Это, прежде всего, познавательная способность, которая имеет сверхопытную сущность, не выводимую из опыта и не сводимую к нему. Неклассическая традиция нивелировала ценность Разума, пытаясь направить философскую мысль к иррационализму. Она значительно расширила проблемное поле философствования, введя в него новые темы (коммуникация, понимание, повседневность, экзистенция и др.) [4, с. 376–378].

Отказ от принципа монизма, характерного для классической мысли, привел к размыванию проблемного поля философии, где постановка основного вопроса, единого для всех исторических эпох и мировоззренческих интенций, потеряла всякий смысл. В рамках неклассического философствования вопрошание осуществляется внутри разрозненных смысловых «кластеров», посредством которых невозможно постигнуть сущее и познать мир в целом.

**Литература и источники**

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 63–450.

2. Бурханов, Р. А. Философия как вопрошание о сущем (к вопросу о самоопределении философии // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 6. – С. 23–25.

3. Мамардашвили, М. К. Введение в философию / М. К. Мамардашвили // Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – С. 5–170.

4. Мельникова, Л. Л. Основные черты неклассической философии // История философии: учебник / Ч. С. Кирвель, А. А. Бородич, У. Д. Розенфельд [и др.]; под ред. Ч. С. Кирвеля. – 2-е изд., испр. – Мн.: Новое знание, 2001. – С. 374–379.

5. Хайдеггер, М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997. – 304 с.

6. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – 2-е изд. – Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 269–317.

7. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 27–286.

# THE RELEVANCE OF THE HISTORY OF IDEAS IN THE POST-TRUTH ERA

*D. K. Wieczorek*

History of Ideas seems nowadays to be regaining its popularity: both as an academic discipline, and as a particular discipline of the scientific understanding. The origins of modern way of studying ideas reach back to the 18th century, although it took a while to establish and develop a relevant discourse. Through the turbulent times of great wars, it was Europe and the North America where studies in ideas found favorable conditions for development. However, many conceptualizations were developing independently in other places of the world. Many related to different disciplines, crossing through the fields of scientific investigations. Pivotally, authors have put focus on historical and philosophical meanings, while questions arising from different contexts demanded new research tools, expanding the knowledge and means of understanding to other areas. Nowadays, there can be noticed quite a vivid academic discourse in the history of thought, concepts, mentality, and others. New scientific journals are published and gaining readership. Finally, new research tools started being implemented for large-scale, as well as for small-concept studies. From the hitherto observed modularity of ideas' study variants (Intellectual History, *Begriffsgeschichte*, Global Intellectual History, etc.), the current decade marks the ongoing integrity of approaches and schools. This process leads through interdisciplinarity and expanding transdisciplinary research. This kind of approach breaks through the understanding only philosophers or historians thinking, but actually humans thinking in general: along with expressions of ideas. The context of the fourth industrial revolution and its impact on shaping the modern scientific picture of the world opens up more opportunities, but exerts pressure on scientists at the same time. They are expected to know more, get to know quicker, and pose right questions if needed. The covid-19 pandemic circumstances made them realize much quicker that they need an improvement in research communication and organization. However, it was way earlier before the pandemic when sharing knowledge, research methods, techniques, and tools became a common practice in the study of ideas. The recent approaches, such as *Global Intellectual History* that are becoming transparent, seem to be connected with rather a macrosocial outlook on the understanding in intellectual history – analyzing ideas as abstract concepts, and as ideas in the particular context (social, philosophical, political, environmental, technological, etc.) along with critical reception. In the last few years, scholars are putting a noticeably increased attention on methodological pluralism, digital humanism, as well as big data being involved in the history of ideas studies. Besides, research outcomes and analyses are becoming more accessible to the public, which acts as a facilitator for accuracy, research

reliability, and much more data to process eventually. When expanding knowledge, there should be a great communication within the knowledge-sharing networks provided. The better communication and more data are accessible, the more researchers realize the existence and topicality of common questions, issues to work on at different levels: from micro – to macro scale. Either one thinks of well-known challenges of modernity (social, technological, or environmental), or of questions about the understanding of how ideas are being shaped, disseminated, and diminished. What kind of aims and motivations stands behind these actions? Intellectual history / history of ideas benefits methodologically from the rapid technological development, but it may also take part in in spotting fake content (news, articles), scientific trends, fashions, probably even hate speech. As per the history of ideas elaborates concepts and seeks for finding relations between them and contexts, it does not fear implementing newest technologies, crossing known scientific barriers for the purpose of outlining as clear picture of ideas relevant to the mankind as possible now, in the past, and prospecting their impact and relevance in the future.

## СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СБЛИЖЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

*М. И. Вишневский*

Философия как теоретическое, понятийно-логическое мировоззрение призвана проблематизировать повседневность. Фундаментальные мировоззренческие проблемы, разрабатываемые философским исследованием, в обыденной жизни могут получать лишь поверхностное или даже превратное истолкование. Обнаружив такие проблемы, философски мыслящий человек стремится выразить их в их действительной масштабности и значимости, содержательной взаимосвязи и исторической динамике, а также наметить перспективные пути их разрешения. Выдающиеся произведения художественной литературы своими специфическими средствами решают в определенной степени аналогичные задачи. В истории многих национальных литератур непросто разграничить чисто художественные и чисто философские работы. Нередко литературная оболочка используется для прояснения и детальной разработки определенных философско-мировоззренческих идей. Примеров такого рода очень много, и здесь не представляется возможным дать даже самый беглый их перечень и анализ. Можно утверждать, что популярное изложение этих идей органично включено в общий поток их интерпретаций, ведущих к их переосмыслению и дальнейшему развитию. В процессе функционирования в культуре философские идеи «обрастают» новыми связями и применениями и постепенно трансформируются в соответствии с насущными задачами общественной жизни. В этот смысле

судьба философских творений во многом сходна с судьбой литературных произведений, глубоко проанализированной С. Лемом, который подчеркивал, что прочтение, осмысление и оценка читателями этих произведений формируют их действительное содержание и определяют их значимость как феноменов культуры [1, с. 200].

Литература нередко рассматривается как социальный институт, основное функциональное назначение которого состоит в поддержании культурной идентичности общества, причем различные типы литературы соотносятся с «структурой ценностно-нормативной системы социальных групп, действующих в определенных ситуациях» [2, с. 12]. Литература, ориентированная на разные читательские круги, предлагает «своим» читателям не только интересующие их сюжеты, но и определенные модели поведения и схемы оценки происходящего. Узнавая в литературных персонажах и их действиях то, что признается не просто интересным, но и приемлемым и важным для жизни, читатель как бы заново утверждается в правильности определенных взглядов и оценок – как своих личных, так и принятых в той социальной общности, к которой он принадлежит. Вместе с тем и философское, и литературное творчество тесно связано со своеобразным экспериментированием.

Все то в философских разработках, что допускает непосредственную проверку на опыте, со временем утрачивает чисто философский статус и обязательно получает конкретно-научную «прописку», так или иначе определяет свою дисциплинарную принадлежность в науке. Философское знание характеризуется тем, что его построения имеют неустранимо гипотетический характер. Не случайно Б. Рассел рассматривал философию как «искусство рационального предположения» [3, с. 13]. Выявляя проблемные аспекты сложившегося и утвердившегося знания, философское исследование побуждает искать альтернативные подходы к познанию и освоению реальности, обновлять идейно-понятийный базис человеческой деятельности. Аналогичным образом, хотя и с использованием своих особых средств действует и «высокая» литература, которая не ограничивается простым комбинированием традиционных тем и сюжетов, а ставит новые и порой весьма драматичные вопросы об устойчивости и гармоничности нашего общественного и личного бытия, о судьбе человека и культуры в стремительно меняющемся мире. Заново препарируя огромный материал, относящийся к сфере человеческих ценностей, к правилам и нормам человеческого общежития, действительно новаторская литература демонстрирует не только способы и достоинства следования регулятивам, общепринятым в рамках определенной культурной традиции, но и возможные последствия уклонения от них.

В наши дни, в условиях резкого возрастания динамики общественной жизни, поддержание относительной ее стабильности достигается в том числе и за свет социально-культурного

экспериментирования, которое безопаснее и осмотрительнее производить не в «полевых» условиях, а на умозрительных моделях, предлагаемых литераторами и философами. Многие экстравагантные философские концепции как раз и представляют собой такие модели, в которых отдельные процессы и тенденции, уже наметившиеся в действительности или хотя бы в принципе возможные, получают крайнее, предельное выражение, и можно вывести, путем рассуждений, к чему это приведет.

Современная действительность дает множество примеров проявления аномии как такого состояния общества, в котором имеет место неопределенность и нестабильность условий человеческой деятельности, наблюдается дезорганизация социальных норм и институтов, призванных обеспечивать их выполнение. Люди все чаще сталкиваются с расхождениями между провозглашаемыми ценностями и целями и доступными или легальными средствами их достижения. Совместные усилия философов и литераторов, как, впрочем, и всех членов социально-гуманитарного сообщества могли бы позволить более успешно продвигаться по пути нового определения действительности, связанного с переформатированием действующих социокультурных регулятивов, их переистолкованием и обновлением посредством своеобразной «прививки», позволяющей «приобрести социально и культурно необходимый опыт символического снятия и решения конфликтов» [2, с. 114]. Обдумывание последствий таких мысленных экспериментов позволяет и отдельным людям, и обществу в целом нащупать пределы дозволенного в отклонениях от привычных, устоявшихся правил, норм и ценностных ориентаций и выработать меры по предупреждению возможных опасностей и угроз социальному миру.

Если авторы философских текстов действительно заинтересованы в том, чтобы приблизиться по силе воздействия на читателей к создателям выдающихся литературных произведений, то они должны озаботиться не только концептуальной глубиной своих творений, но и их выразительностью и эстетической привлекательностью. Здесь можно ожидать протестующие возгласы сторонников «философии для философии», и они, конечно, вправе отстаивать свою точку зрения, если только согласятся с тем, что читать их произведения будут одни лишь представители очень узкого круга собратьев по «философскому цеху». Философские тексты, выражающие определенные теоретико-мировоззренческие идеи, обычными читателями воспринимаются «как своеобразные литературные произведения, стиль которых либо облегчает, либо затрудняет адекватное восприятие их содержания, делает эти произведения привлекательными для читателей либо, наоборот, вызывает у них отторжение, неприятие» [4, с. 96]. Мы действительно имеем основание говорить о возможности и целесообразности дальнейшего сближения и более эффективного взаимодействия философии и

литературы в современной культуре. Это сближение выражает отчетливо выявившуюся тенденцию преодоления жестких разграничительных линий в духовной жизни общества и наличие общего движения к широкому конструктивному синтезу ее базовых феноменов.

**Литература и источники**

1. Лем, С. Философия случая / С. Лем. – М.: АСТ, 2007. – 767 с.

2. Гудков, А. Д. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы / А. Д. Гудков, В. В. Дубин. – М.: Новое Литературное обозрение, 1994. – 352 с.

3. Рассел, Б. Искусство мыслить / Б. Рассел. – М.: Идея-Пресс,1999. -240 с.

4. Вишневский, М. И. Социокультурные аспекты философской образованности / М. И. Вишневский // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. – № 2. – С. 91–97.

## ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*А. С. Гагарин*

Сегодня классические «богатыри», служившие «опорой и надежей» современной цивилизации – *здравоохранение, наука и демократия* – борются с «трехголовым драконом» – *эпидемией короновируса, экономическим кризисом и социальной аномией*. Властители умов говорят о необходимости «золотой середины» между Сциллой автаркии и Харибдой полного отсутствия контроля. Между тем, главный вопрос, как всегда – в мировоззрении, а если глубже, то в метафизике, в философии. Философ, как справедливо считал Хайдеггер, не должен заниматься доктринерством («философ не предлагает мировоззрения прямо и посредством доктрины»). Философ в процессе философствования трансцендентности самого существования скорее создает возможность радикально осознать трансцендентность самого существования, т. е. «внутреннюю возможность для человека как конечного существа посмотреть в лицо бытию как таковому» [1, с. 135]. Вместе с тем, как писал К. Ясперс, из самой ситуации существования следует, что «философствование есть попечение о себе самом». «Философствуя, – уточнял К. Ясперс, – я пребываю у себя самого, а никогда не просто при некоторой вещи» [2, с. 299].

И этому «внутреннему зрению» открывается сущность человека, человеческая экзистенция как существование человека именно как человека во всей проблематичности, трагичности собственного бытия, неразрывно связанная с экзистенциалами. Экзистенциалы – это и способы и сущностные (ценностные, смыслообразующие, целеполагающие) основания существования, которые задают параметры и границы

существования в мире абсурда [3, с. 15, 18–20]. Фундаментальные характеристики экзистенции раскрываются в процессе аналитики экзистенциалов одиночества, смерти и страха. Отличительная черта экзистенциалов – потенциальность парадоксального трагизма (трагического парадокса, абсурда, алогичности бытия). Трансценденция укоренена в экзистенции как устремленность за пределы самого человеческого существования, как поиск бытия, который выявляется человеком в процессе «вовлеченности» в собственную конечность.

Как писал М. Хайдеггер, задача и призвание философской антропологии состоит в том, чтобы «заниматься человеком не как эмпирически данной сущностью, но, укореняясь в основной проблематике самой философии, обратить его вне себя и вернуть бытию в его целостности; таким образом открывая ему, вопреки его свободе, ничтожность (Nichtigkeit) его существования. Это ничтожество не повод для пессимизма или уныния. Оно помогает только осознать, что настоящая продуктивность может быть только там, где есть сопротивление, и задача философии обратить человека от пассивной (faulen) поглощенности продуктами духа назад к строгой суровости его судьбы» [1, с. 138–139].

Современная экзистенциальная антропология должна представлять *экзистенцию* как единственно возможный горизонт проблемы свободы, фундаментальный выбор бытия, вопрошание бытия. Экзистенция как отношение к бытию, включает в себя: 1) трансцендентность бытия («бытие-за» конечностью человека); 2) преодоление человеком собственной конечности (для воссоединения с бытием). Экзистенцию следует определить в онтологическом измерении как непосредственное бытие как существование, как интенцию к сущности; в топологическом измерении как напряженное о-пределение границ; в феноменологическом измерении как интуитивное постижение через интенциальность; в трансцендентном измерении как устремленность к трансценденции. *Трансцендирование* является фундаментальным основанием экзистенции и означает интенциальную устремленность экзистенции за пределы самого существования к трансценденции как к абсолютному бытию, к которому человек устремлен вовне самого себя и которое постигается в экзистенциальном опыте («переживании»).

В ходе анализа экзистенции философская антропология исследует отношение человека как самости к бытию (полноте бытия) и отношение бытия как «сущности сущего» (трансценденции) к самому человеку, тем самым открывая глубинные основания экзистенциалов – смыслосодержательных и ценностно значимых феноменов человеческого бытия [4, с. 73].

С тех времен, когда в основу гуманизма было положено протагоровское «*Человек есть мера всех вещей*», сам гуманизм и философия в целом претерпели множество эволюционных преобразований

и модификаций. Как известно из физики, среди множества методов испытаний на прочность, наиболее достоверными считаются так называемые «методы разрушающего контроля». Такими разрушающими методами, сегодня стали концепции постгуманизма, трансгуманизма, техногуманизма, которые претендуют, однако, на разработку и внедрение «улучшающих» человека технологий и методик и порождают новых гомункулусов – «постчеловека», «трансчеловека», спешащих, как мультгерои, нам «на помощь», а по сути, нам на смену / замену. В эволюционной триаде «человек-трансчеловек-постчеловек» после трансчеловека (transhuman), промежуточного существа со всеми родовыми признаками «несовершенного» человека, на третьем этапа эволюции презентуется «постчеловек» как преодоление гуманистического «универсального человека» [5, с. 10].

Главный вопрос, на который избегают отвечать трансгуманисты, лежит в глубине сущностных онтологических и экзистенциальных оснований человеческого или постчеловеческого бытия. Постгуманизм под лозунгом легитимации «новой субъектности» всей форм живого (и даже неживого) размывает фундаментальные основания мировоззрения, философии и культуры, социальных традиций. Экзистенциальная философия (в лице экзистенциальной антропологии и социологии) способна всесторонне исследовать аспекты конкретности и тотальности человеческого бытия-в-обществе, в синхронном и диахронном измерениях.

**Литература и источники**

1. Хайдеггер, М. Мартин Хайдеггер – Эрнст Кассирер. Семинар // Фауст и Заратустра. – СПб.: 2001. – С. 130–141.

2. Ясперс, К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. / К. Ясперс. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.

3. Гагарин, А. С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От античности до Нового времени / А. С. Гагарин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 372 с.

4. Гагарин, А. С. Экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в современной философской антропологии / А. С. Гагарин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12 (62), Ч. 2. – С. 70–73.

5. Гагарин, А. С. Экзистенциальные аспекты концепции постчеловека / А. С. Гагарин, С. А. Новопашин // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 2 (27). – С. 9–14.

# МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК КОММУНИЦИРОВАНИЕ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

*Л. М. Газнюк*

В пределах материалистически-эволюционного подхода межличностное общение является коммунцированием психосоматических потребностей психики одного индивида с соответствующими параметрами психики другого. При более детальном анализе оказывается, что коммуникация запроса и удовлетворения происходит внутри одного сознания, то есть корректно было бы сказать, что происходит взаимосвязь с наличными и отсутствующими компонентами самого себя, или самоутверждение с помощью Другого. Общение с реальной человеческой субъектностью (душой) в материально-эволюционной вселенной невозможно, поэтому возникает потребность в поиске такого континуума, в котором это было бы возможно. Такая возможность открывается, по Канту, в постулировании Бога. Если Бог может воспринимать человека неэволюционно, неадаптивно, то только Он и может предоставить пространство взаимовосприятия человека человеком по ту сторону психических и телесных качеств. В этом контексте идея существования Бога выступает как практическое пространство коммуникации. В таком религиозном дискурсе мировосприятия становится возможным полноценное восприятие Другого. Эволюционное взаимодействие с другой личностью не требует, чтобы она существовала как свободная ментальная особенность. Развитие компьютерных технологий с каждым годом все больше подтверждает это. Современные диалоговые программы типа «Яндекс Алиса» или «Google Assistant» ориентированы на повседневные диалоги, но в опциях «Алисы» уже есть возможность поговорить на более сложные темы, требующие философских размышлений. По мнению разработчиков, для многих людей в обозримом будущем эти компьютерные программы смогут компенсировать или вовсе заменить человеческое общение. При этом следует отметить, что социальные сети и онлайн-игры уже достаточно четко вскрыли прагматичность и бесчеловечность межличностной коммуникации, о чем писал К. С. Льюис в трактате «Человек отменяется» [4].

Развитие исследований в области межличностных коммуникаций обозначило два ведущих направления изучения когнитивных отклонений сознания от адаптационных задач. Представители первого в своих выводах приходят к признанию несводимости человеческого сознания к удовлетворению систем выживания вида. Представители второго исходят из посылки о казуальной замкнутости сознания, стремясь найти материальный субстрат коммуникативности. «Мы не удивимся, если со временем будут открыты гормоны взаимопонимания. Ведь найдены уже

гормоны счастья – эндорфины. Правда, непонятно: мы счастливы, потому что организм выработал эндорфины, или эндорфины вырабатываются, потому что мы счастливы?» [2, с. 108]. Методы химической стимуляции состояний, близких к счастью, существуют уже сейчас, но в них подозревается примерно та же подмена, что и в функциональной коммуникации личностей.

Принципиальная невозможность как следствие эволюционной необходимости, невостребованности глубокого восприятия другой личности является общим фактом всех коммуникаций. Функциональный уровень коммуникации создает ситуацию, в которой большинство людей не имеет повода для рождения вопроса о дефиците личности и мотивации к ее развитию и исследованию. Электронный «друг», дающий ощущение заботы, спасающий от одиночества, ассистирующий в интеллектуальных играх, разделяющий или регулирующий эмоциональные потоки, оказывается вполне достаточным собеседником, поскольку человек обладает развитой способностью к антропоморфизации и гипостазированию объектов коммуникации.

Экзистенциализм стремится выделить субъектное как единичное и настоящее, а постструктуралисты занимаются деконструкцией личности как понятия и как онтологии. Ж. Лакан предложил понятие разделенного индивида в структуре личности. В философии Лакана сознание возникает фрагментированным гетерогенным «Я», которое не тождественно себе в самовосприятии. В том же направлении мыслит и М. Фуко, который отказывает идее личности в онтологическом измерении и проповедует «Я-сознание» как дискурс коммуникации с другими, которая видоизменяется и длится во времени. Фуко дает понимание идентичности не как онтологической данности, а как «практики себя», то есть системы практик индивида, конституируемых через культуру и общество. В этом пространстве коммуникации с Другими «постмодернистский индивид растворяется, рассеивается в процессуальности или функциональности собственных дискурсивных практик, в структурах языка и речевой коммуникации» [2, с. 107].

Согласно идее Ж. Делеза и Ф. Гваттари, символические племена (кочевники) являются структурами, способствующими трансформации линейного восприятия истории и человека в «полифонический витализм» [3]. Детерриторизация Делеза и Гваттари включает в себя и параллельный разнонаправленный процесс в человеческом сознании. В этом измерении личность и мировоззрение каждого человека формируются социальной сетью взаимосвязей, и индивид не имеет достаточных оснований провести границу между неадекватным и адекватным сознанием. «Идентичность стала рассыпаться на множество отдельных, и понятие человека вообще оказалось поставленным под сомнение. А это означало, что исчезло или, во всяком случае, крайне проблематизировалось представление о нормальной

идентичности. Множественная идентичность из психиатрического диагноза (почти шизофрении) превратилась в модный трансдисциплинарный бренд» [6, с. 192]. Во многих современных исследованиях постулат «Я» также ставится под сомнение. Одно из ведущих направлений современной когнитивистики приходит к выводу об иллюзорности «Я» и ментальном измерении сознания. Потребность выйти за пределы локуса научности и терапевтической эффективности, с одной стороны, возникла в связи с развитием комплексной потребности в изучении личности, а с другой, связана с эффективностью эпистемологической анархии в теориях и практиках сознания. Человеческое «Я» ищет и находит свое уникальное место, что возможно только перед равным «Ты», в настоящем «относительно», которое только и мыслимо в столкновении двух «Я». Отсюда «язык в третьем лице» для М. Бубера и М. Бахтина становится метафорой отсутствия личности как в «Я-Оно». Собеседник в этой Встрече – само соприсутствие Другого [1, с. 75], который нужен не для того, чтобы получить от него информацию, сочувствие, помощь, разъяснения и т. д. «Если к вам приходит человек за помощью, если он нуждается в помощи, а значит, он пациент, больной, то ни о каком диалоге речи быть не может. У врача и пациента существенное отличие позиций. Это различие задается объективно самой ситуацией, независимо от того, как врач будет относиться к пациенту» [5, с. 190].

Человек, заинтересованный в духовном поиске Другой личности, обрекает себя на бытие в одномерном мире «Я-Оно», и в этой плоскости нет причин искать глубоких отношений с другим «Я», кроме как одного из способов достижения собственных целей. Исходя из эволюционной цели распространения вида и адаптивности человеческой природы, спектр восприятия и анализа другого человека происходит на уровне определения его характеристик, благоприятных или неблагоприятных с точки зрения субъекта анализа. В ситуации дискуссии противопоставление суждений приводит к бессознательному восприятию утверждений собеседника как угрозы и источника беспокойства. В этом измерении даже при благожелательном настроении и успешном ходе диалога ситуация в целом остается сформированной на основе противоположностей. Поэтому необходимы уход от дискуссии как антагонистического формата общения и выбор приемлемых неантагонистических форм аргументации.

**Литература и источники**

1. Газнюк, Л. М. Спілкування як взаєморозуміння між «Я» і «Ти» / Л. М. Газнюк // Людинознавчі студії. Збірник наукових праць ДДПУ. – Дрогобич: НВЦ «Каменяр», 2002. – С. 74–83.

2. Гречко, П. К. Диспозиции: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация / П. К. Гречко // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 99–110.

3. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Пер. Д. Кралечкин. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.

4. Льюис, К. С. Человек отменяется / К. С. Льюис // Собрание сочинений в 8 томах; пер. Н. Трауберг. – Т. 3. – М.: Фонд имени А. Меня, 2003. – 416 с.

5. Смирнов, С. А. Антропология и психология: взгляд на человека. Встречный вызов / С. А. Смирнов // Мир психологии. – 2017. – № 4 (92). – С. 185–197.

6. Тлостанова, М. В. Человек в поисках идентичности / М. В. Тлостанова // Вопросы социальной теории: научный альманах. – Т. 4. – М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. – С. 191–217.

## ФЕНОМЕН «СВОБОДЫ ВОЛИ» ЧЕЛОВЕКА КАК ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ИДЕАЛА ПРАВА

*Г. Н. Гончаров*

Что такое сознание, с этим вопросом возникает сразу множество проблем. Типичные примеры – это природа восприятия и памяти, природа эмоций, природа смерти и возможность бессмертия, что такое личность и в чем заключается ее идентичность и уникальность. Но особой популярностью в исследовании сознания пользуются темы «свободы воли». Вопрос о существовании свободы воли в контексте философии сознания приобретает новое значение. В первую очередь это касается детерминированных монистов и материалистов, которые считают, что сознание является частью физической реальности. Согласно этой позиции, мир (и сознание как его часть) полностью подчиняется законам естественных наук. Следовательно, воля как некоторое ментальное состояние есть в конечном итоге физическим состоянием, организованным в соответствии с научными законами. В таком случае поведение человека полностью определено законам физики и поэтому человек не может быть свободным. Часть детерминистов отвергают эту аргументацию. Они убеждены, что на вопрос об абсолютной свободе воли, можно ответить только после точного определения содержание понятия «свобода». Как отмечает А. Бергсон «свобода заключается в том, чтобы быть полностью собой, действовать в согласии с собой: значит, это и есть в определенной степени "нравственная свобода", с другой стороны, это независимость личности от всего того, чем она не является» [1, с. 263].

Принцип свободы воли имеет этические, философские и религиозные, последствия. Например, в этике, свобода воли может означать то, что лицо несет моральную ответственность за свои действия. Философский подход к пониманию свободы воли позволяет определить ее как своеобразное состояние духа, который отражает естественную, социальную потребность человека как существа в удовлетворении своих потребностей, воли, сознательного определения делать так, а не иначе. То

есть в области науки этот принцип может означать, что действия тела, включая мозговую деятельность, не вполне определены физической причинностью. В вотчине религии, свобода воли может означать то, что всемогущая божья сущность не навязывает своего влияния на выбор и волю человека. В то же время сама свобода человека не способна в полной мере показать все богатство, которое содержится во внутреннем мире ее возможностей.

Понятие «свобода воли» человека предполагает, что человек – социальный индивид, и выступает как субъект общественного процесса, который впитывает в себя все феномены духовной, религиозной, материальной культуры цивилизации. А сама «воля есть регулирующая сторона сознания, выраженная в способности человека совершать целенаправленные действия и поступки, требующие преодоления трудностей» [2, с. 108].

С целью улучшения своей жизни каждый человек должен иметь возможность реализовывать свое право на свободу, честь, достоинство, защита своих законных интересов. По мнению И. Берлина, «я свободен, когда я сам себе хозяин, когда нет препятствий моей воле, чем бы они ни были, – сопротивлением или силой природы, собственными или моими страстями, или противодействием мне волей других людей. Природу я всегда могу, по крайней мере в принципе, перекроить и подогнать под свою волю с помощью технических средств» [3, с. 57].

Свобода воли человека в процессе развития религии, науки, права получила совершенно новое значение в XXI веке. Сейчас с уверенностью можно говорить, что свобода воли человека занимает ведущее место в социокультурной и правовой жизни человека. При отсутствии свободы воли человека, его ценностного, нормативного, рационального значения, нельзя говорить о становлении демократического государства проевропейской ориентации и формирования гражданского общества. Феноменологическая целесообразность исследования феномена свободы воли человека заключается в возможности каждого индивида через свободные волевые акты активно участвовать в общественной жизни. Феноменологический концепт свободы воли человека проявляется в соблюдении принципов равенства, справедливости, верховенства права. Кроме этого, феноменологическое трактовка свободы воли предполагает признание этого феномена как внутренней стратегии развития человека, его иррационального мировосприятия. Как показывает опыт развитых демократических государств, высокий уровень свободы человека, тем эффективнее развиваются все сферы общественной деятельности. А это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что свобода воли человека является истоком формирования гражданского общества. В философско-правовом смысле свобода воли дает человеку право выбирать между вседозволенностью и ответственностью, руководствоваться разумом,

соблюдать морали, совести или слепо прислушиваться только к своим желаниям.

Поэтому, изучив понятие свободы воли человека в различных научных подходах и приняв во внимание позиции различных ученых, необходимо на правовом уровне выработать определенные методики по интеграции этого понятия в правовую сферу. Именно свобода воли человека является его интенциональным правом, выражается через внутренний императив. Поскольку процесс правотворчества заключается в деятельности уполномоченных лиц по установлению или отмену правовых норм, свобода воли каждого человека является частью этого процесса.

Создание правовых норм, как и их эффективное воплощение в государственные и общественные институты, будет зависеть от уровня обеспечения и пользования свободой воли каждого гражданина. Наконец, свобода воли человека является обеспечением права человека на принятие общественно важных норм, также дает возможность приобщаться к правотворческим процессам. Аксиологическая основа свободы воли человека проявляется через ее сознательный выбор в личном обеспечении верховенства права, соблюдении общественного порядка в интересах каждого человека и гражданина, и выражает имплементацию идеала права в государстве социально-демократической организации.

Свобода воли ведет человека к новым вершинам, путем самоопределения осмысления своего собственного «Я». Другими словами, она координирует ее действия изнутри и мотивирует для самореализации в государстве и общественных отношениях. Бердяев писал, что «свобода есть результат активного действия духа на социальную среду отношений людей» [4, с. 103].

**Литература и источники**

1. Бергсон, А. Вибране: Свідомість і життя / А. Бергсон. – М.: Російська політична енциклопедія, 2010. – 399 с.

2. Поликарпов, В. А. Психология личности: курс лекций / В. А. Поликарпов, О. Г. Ксенда. – Минск: БГУ, 2015. – 161 с.

3. Берлин, И. Философия свободы. Европа (Либеральное наследие) / И. Берлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.

4. Бердяєв, М. Дух і реальність. Основи боголюдської духовності / М. Бердяєв. – Париж: YMCA-Press s.d., 1937. – 175 с.

# AVOIDANCE OF MAKING POLITICAL JUDGMENT IN THE JESUIT LECTURES ON THE POLITICS AT VILNIUS UNIVERSITY AT THE END OF XVII CENTURY

*Matas Grubliauskas*

The practise of considering political matters among the Jesuits has its origins from the foundation of the Order, and the settlement of its first members in the Commonwealth of the Two Nations. Since the beginning of the XVII century the students of Vilnius University started defending their theses concerning political matters, but only as a part of *Philosophia Universa*. The situation changed at the end of the century when the Politics, as a separate course, was introduced into the curriculum. Likewise, this introduction can be presented separately from the Order. The proper education of the youth, firstly, of the nobility and then of the gentry as the future statesmen has its beginning as early as the first half of the XVI century. Besides *artes liberales* the education consisted of the preparation to knighthood and the service in the palace of the foreign ruling elite. This model was common among magnates and started to have significance in acquiring the higher position in the government [4, p. 162–163]. The foundation of Vilnius University could be partly seen as a counterweight to this model for a less wealthy gentry that could not send their offspring for long studies abroad. Although the University did not teach military arts, it gave the possibility, even if not at once, to gain knowledge equivalent to what is gained during *peregrinatio*. Even though at first the education in Rhetoric and Philosophy was commonly recognized as proper to a statesman, over time the need of «specialization» was observed. The nobles of the Grand Dutchy of Lithuania showed their wish that Law, Politics, and History would be taught at the University [2, p. 41–42]. The department of Law was founded in 1644 and the department of Ethics whose professor also taught Politics was established in 1677 [3, p. 402, 505].

Zacharias Modzelewski's (1648–1710) course of the Politics, taught during 1689–91 academic years, demonstrates the features of this science in the Grand Dutchy of Lithuania. In the XVII century, the Politics was considered as a science which discovers laws and rules of relationships between humans and their actions, and can reach an answer or a right judgment by a research [1, p. 40]. It can be inferred from the narration above that a quite similar definition of the Politics was assumed in the Grand Dutchy of Lithuania, too. The ruling elite who was concerned with the future of the well-being of the state believed that the teaching of the Politics can transfer to the students the ability of making the right judgement like in Mathematics or Medicine, and well-governing the state. The endeavor of this kind of teaching, although not quite direct in the way that it was not institutionalized or dealt primarily with Politics as science, can be discovered in various texts published by and/ or dedicated to

the members of the ruling elite. But this author's dependency on his patrons could direct his thought to certain bias. On the contrary, what one can expect from a proper science is the lack of this kind of bias. So, and from the Politics. However, the Jesuits who taught at Vilnius University have never been unbiased. It is well known that the Jesuits have had to negate the scientific and religious notions that were contradictory to the teaching and beliefs of the Church. If the professor could defend «old-fashioned» ecclesiastical truths in the field of Philosophy from the «heresies» of protestants or new discoveries of natural sciences almost without considerable involvement into the political quarrel, he could not avoid interference with the political reality by making judgements on the matters regarding the best form of the state, the institutions of government, the conservation of the state, the proper civic involvement in the political life, and the other notions that were hot issues in the contemporary political circumstances in the Commonwealth of the Two Nations necessary to discuss to in the field of political sciences because they were political in their nature. So, the academic course of the Politics was not isolated from the exterior world i.e., firstly, from the regulations, rooted from the Holy See, secondly, from the dependency on wealthy gentry or nobles who supported the University financially or by donating their lands or estates to it, and who could have passed their political views to their offspring who studied there and who could have found some propositions disagreeable [3, p. 495–496], and, thirdly, one could add from the professor's as littered and educated person's view on actual cases of government.

The common structure of the Thomistic tradition accepted by Jesuits helped the professor to navigate between these streams. On the one hand, the professor could present various notions from diverse authorities and schools by declaring a proposition, followed by an argument, then an objection of it, and then an objection of the objection. For example, Modzelewski compares Monarchy, Aristocracy and Democracy in case of the manifestation of corruption and injustice in the state [5, p. 69v–70r]. Firstly, he states that this malign practice almost is never found in Monarchy and is most common thing in other two forms of state. The presumption of this statement is that the King's judgement cannot be in any way affected by his subjects' volition because his power is already absolute and he does not need to secure it by anyone's support. This cannot be avoided in Aristocracy because the more there are rulers the more there are fights between them for greater power, and relations with their subjects, therefore they could make judgments in favor of their interests. However, when Modzelewski begins to negate the statement, he declares that the King's judgement can be deteriorated in a «democratic» sense i.e., by his feelings, lusts which lead to the misuse of his power, which can be prevented from happening by Aristocracy because it is less probable that the majority would deteriorate. Nevertheless, it can happen. So, whatever someone's view was on Monarchy and Aristocracy, the professor pleased both sides. At this

point the students, however, are left with the conception that there is no perfect form of state and it is impossible to guarantee the justice. Finally, professor states that in that case it is better to be oppressed by one than by many [5, p. 71v]. If one could see here the favour for the monarchism, it is reduced while presenting the objections of *praestantia monarchiae*: the King does not rule alone but with the help of Senate and other magistracies [5, p. 76r]. So, it seems that the professor believes that the flaws of both forms of government could be removed if they worked together and withheld each other from perversions. There can be also seen the critical approach towards involvement in political life because the best possible state is based on trying to suspend the authority of one ruling power by another one. It is even more interesting that this concept of Monarchy (*monarchia mixta*) was the actual form of government in the Commonwealth of the Two Nations. So, the students got the notion of their future would-be duties as being not in the harmony but in the opposition with the King or at least as the constant guardians that the Monarch would not misuse his power. So even though the professor follows the formal structure, one might find the appearance of the conceptual differences when the *obiectiones* serve not for negating but for demonstrating the initial statement *in utramque partem.* This tradition in *Praelectiones* gets even further. While considering the election of the King [5, p. 78v–80r], the professor, firstly, introduces the subject by evoking not so far remove historical event when the Poles were convincing the Lithuanians for electing the King from native families after death of Michael I. Then Modzelewski presents the arguments against foreign ruler, latter on the arguments for native one, ant lastly the arguments against native ruler. Even though there are demonstrated more arguments against the foreigner, but at the end it is stated that the problem is so great that it is better to leave it unsolved. This final declaration would not be so surprising if the King by that time and the one before him were not the citizens of the Commonwealth. Whatever reason it might be why this time the professor could not find the solution to affirm the present state of the Commonwealth, he leaves his students with the sense that sometimes to make the right judgement is to avoid making one.

From this brief analysis it becomes clear that Jesuit course of Politics was not intended to formulate any political theory but rather to acquaint students with the difficulties arising in the political environment.

**References**

1. Berlin, I. Political Judgement / I. Berlin // The Sense of Reality / Ed. H. Hardy. – 1st ed. – New York, 1997. – P. 40–53.

2. Kuolys, D. Res Lituana. Kunigaikštystės bendrija. Respublikos steigimas / D. Kuolys. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2009. – 256 p.

3. Plečkaitis, R. Lietuvos filosofijos istorija. I tomas / R. Plečkaitis. – Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2004. – 736 p.

4. Šedvydis, L. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdančiojo elito rengimas viešajam valstybės gyvenimui XVI a. – XVII a. viduryje: dissertation, Humanities, History: 05 H / L. Šedvydis. – Kaunas, 2016. – 233 p.
5. Vilnius University Manuscripts Division (VUBR). – F3–1390. – P. 66v–93r.

## САМОПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ (ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ФИЛОСОФИЯ «ГУМАНИТАРНОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ»?)

*И. В. Демин*

В постсоветской культурно-образовательной среде глубоко укоренился стереотип о философии как «гуманитарной дисциплине», место которой в одном ряду с такими науками, как история, культурология, политология. Формирование и бытование данного стереотипа связано не только с далекими от внутреннего содержания философии формально-бюрократическими и дидактическими классификациями наук, но и с трансформацией форм и содержания самой философской рефлексии во второй половине XIX и XX вв.

Спонтанно складывающиеся и целенаправленно культивируемые теми или иными социальными инстанциями предрассудки во многом определяют социально-культурный контекст современной философской рефлексии. Стереотип о философии как части «гуманитаристики» не является чем-то всецело навязанным философам извне, он в значительной степени есть результат *самопозиционирования* современной философии, ее дисциплинарного и функционального *самоопределения*.

Парадоксальность самопозиционирования философии как «гуманитарной дисциплины» становится отчетливо видна, если принять во внимание следующие обстоятельства:

– представление о коренном, глубинном различии между философией и *любыми* частными науками (в том числе и «социально-гуманитарными») давно уже стало общим местом, вошло в учебники, словари и энциклопедии;

– представители основных философских направлений современности (неокантианство, аналитическая философия, феноменология, структурализм, философская герменевтика) последовательно дистанцировались от расхожей трактовки философии как «гуманитаристики»;

– философия, которая со времен Сократа и Платона, усматривала свое предназначение в *развенчании* устоявшихся стереотипов мышления и мнимых очевидностей, в настоящее время стала питательной средой для культивирования предрассудков о самой себе.

Факт самопозиционирования философии в публичном пространстве

как «гуманитаристики» и стереотип о философии как части «социально-гуманитарного знания» могут быть описаны и объяснены в рамках двух альтернативных (и в то же время взаимодополняющих) стратегий – интерналистской и экстерналистской. Интерналистская модель описания и объяснения предполагает рассмотрение данного факта в контексте *истории мысли*. Экстерналистский (социально-культурологический) подход требует обращения к социальным, культурным, политическим факторам, влияющим на профессиональную деятельность философов, функционирование философских сообществ, их взаимодействие с другими сообществами и государством.

В историко-философском плане тезис о родстве философии с гуманитарным знанием возник и получил обоснование в рамках тех направлений, которые акцентировали внимание на *мировоззренческой* природе, значении и функциях философии (это все течения религиозно-философской мысли XIX и XX вв., а также марксизм и неомарксизм, философия жизни, экзистенциализм, персонализм, «диалогическая» философия и т. д.).

Мировоззренческому пониманию философии противостоит традиция немировоззренческого (метамировоззренческого) истолкования философии как логики и методологии научного познания (позитивизм, аналитическая философия), критики форм человеческого опыта (Кант, неокантианство), экспликации и дескрипции априорных структур сознания (Гуссерль, феноменология), фундаментальной науки о бытии (Хайдеггер, Гадамер, философская герменевтика) и т. д. Продуктивную альтернативу расхожему пониманию философии как гуманитаристики, следовательно, необходимо искать в тех направлениях мысли, которые усматривают в философии не мировоззренческую проповедь, но *фундаментальную* науку, коренным образом отличную от частных (позитивных) наук, но сохраняющую при этом ориентацию на идеал знания и рациональности.

Тезис о немировоззренческой (метамировоззренческой) природе философской рефлексии, направленный против отнесения философии к области гуманитарного знания, может быть развернут в двух различных интеллектуальных контекстах – метафизическом и постметафизическом.

В метафизическом контексте со времен Платона тезис о фундаментальной природе философской рефлексии раскрывался посредством аналогий между философией (метафизикой) и математикой. В этом отношении особенно примечательна трактовка соотношения метафизики и математики, данная Н. Я. Гротом в статье «Что такое метафизика?». Метафизика и математика, в отличие о частных, специальных наук, имеют дело с невыводимыми из опыта понятиями и эмпирически недоказуемыми истинами, которые в то же время «одинаково обязательны для всякого возможного опыта, прошедшего, настоящего и будущего» [1, с. 124]. Тем самым устанавливается полная аналогия

метафизических понятий и положений с математическими «в отношении их происхождения и разработки» [1, с. 123]. Не вызывает сомнений, что самопозиционирование философии как *фундаментальной* науки, которую следует ставить в один ряд с математикой, а не с психологией и культурологией, могло бы коренным образом изменить не только статус философии в системе образования, но и господствующее отношение к философии в обществе.

В контексте постметафизической рефлексии, инспирированной главным образом лингвистическим поворотом [2, с. 9–22], представлены различные варианты «негуманитарного», немировоззренческого понимания сущности философии. Рассмотрим в качестве примера трактовку Мартина Хайдеггера. В работе «Основные проблемы феноменологии» немецкий философ настаивает на коренном отличии философии от любой позитивной науки (в том числе и математики). Поскольку философия «есть теоретически-понятийная интерпретация бытия, его структуры и еговозможностей» [3, с. 14], постольку «методическое различие между <…> математикой и классической филологией не так велико, как различие между математикой и философией, соответственно – между филологией и философией» [3, с. 25]. Признавая существенное отличие трактовки философии у Хайдеггера от трактовки Грота, необходимо подчеркнуть общий для них пункт – тезис о *равноудаленности* философии от *всех* частных наук (как естественных, так и гуманитарных).

В социально-культурном и образовательном плане живучесть и настойчивое культивирование стереотипа о философии как гуманитарной науке могут быть объяснены поиском философами способов и путей *выживания* в условиях, когда «эффективность» и «практическая значимость» становятся главными мерилами любых новаций, проектов, идей. Тенденция *прагматизации* философского знания, обнаруживаемая в рамках мировоззренческого истолкования философии, в современную эпоху наиболее ярко проявляется в стремлении привязать философию к «экспертной деятельности», «гуманитарной экспертизе» (технологий, исследований, разработок) и т. д. Суть этих попыток состоит в том, что философская рефлексия здесь заранее рассматривается как инструмент утверждения вполне определенного, содержательно конкретного мировоззрения с характерным для него набором ценностей и установок. Это мировоззрение может быть условно обозначено термином «гуманизм». «Гуманитарное» здесь теснейшим образом смыкается с «гуманистическим», вплоть до того, что философии (и гуманитарным наукам в целом) начинают приписывать особую – «гуманистическую» – функцию.

Стремление философов занять свою нишу в культуре, ориентированной на пользу и эффективность, приводит к тому, что

философия все более начинает рассматриваться в качестве назойливого *напоминания* ученым, инженерам, политикам и управленцам о «гуманитарной» составляющей и мировоззренческое подоплеке их деятельности. Ущербность и заведомая проигрышность подобной стратегии самопозиционирования философии в социуме и культуре связана с тем обстоятельством, что выживание по самой своей природе не может полагаться в качестве самоцели, а тот, кто стремится *только к выживанию и самосохранению*, никогда не выживет.

*Работа подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».*

**Литература и источники**

1. Грот, Н. Я. Что такое метафизика? / Н. Я. Грот // Вопросы философии и психологии. – Кн. 2. – 1890. – С. 107–128.

2. Демин, И. В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии: монография / И. В. Демин. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2016. – 238 с.

3. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер // Пер. с нем. А. Г. Чернякова. – СПб.: Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 2001. – 446 с.

## ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И НЕЙРОНАУКИ: ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

*А. Б. Дидикин*

Если анализировать возможное влияние нейронаук на этику и философию права, то конечно возникает вопрос, можно ли пересмотреть отношение к действиям самих нарушителей. Что, если нейронная активность мозга запрограммирована и человек не свободен в реализации своих желаний и устремлений? Проблема существования свободы воли в данном случае заметно обостряется и этот философский вопрос может быть вызовом и для юриспруденции.

Свободу воли, как правило, противопоставляют детерминизму, то есть позиции о том, что нынешнее состояние мира зависит от законов физики и прошлых состояний мира [1, p. 327–330]. В случае абсолютного детерминизма свобода воли как возможность поступать иначе может отсутствовать, если все состояния и процессы детерминированы. Позиция компатибилизма предполагает возможность совмещения детерминизма с моральной ответственностью человека. В ситуации инкомпатибилизма такое совмещение невозможно и потому постулируется жесткий детерминизм. В то же время либертарианство признает такую

несовместимость, но отрицает детерминизм и принимает свободу воли [2, с. 12–15].

В философских дискуссиях о свободе воли иногда смешиваются не только дискурсы, но и контекст рассмотрения указанной проблемы. Так, например, Энтони Кенни указывает, что выражения «может» и «имеет ли право» могут означать несколько разных взаимосвязанных аспектов: природные силы (например, способность воды замерзать), когда физические условия могут быть достаточными для осуществления своих желаний агентом действий и возможности их осуществлять (например, желания плавать, когда вокруг есть воды) [3, p. 30]. Возможность поступать иначе и определяет то, что именуется свободой воли.

Однако соотношение детерминизма и свободы воли могут интерпретироваться иначе. Детерминизм согласуется с идеей, что у людей есть способности и возможности действовать в соответствии со своим психическим состоянием, и что такие состояния влияют на поведение. Поэтому даже если представить, что физиологические и психические процессы у человека детерминированы, «состояние мозга будет отличаться от того, какое оно сейчас, если я хотел что-то иное по сравнению с тем, что я сейчас хочу» [3, p. 32]. А так как не существует какого-либо повторяемого психического состояния, люди могут поступать иначе и быть ответственными за свои действия. Нейронауки не могут достоверно ответить на вопрос, всегда ли осознанное психическое состояние предшествует поведению. Тем самым моральный выбор или выбор способа поведения может осуществляться независимо от того, какую версию детерминизма мы признаем в качестве обоснованной. Очевидно, что правовая доктрина должна базироваться на компатибилизме, когда независимо от законов природы человек свободен действовать и поступать иначе, ведь без моральной наказуемости обосновать наказание будет невозможно.

Как нейронаука может изменить такое представление? Если будет доказана «механическая природа» человеческих действий, детерминированных прошлыми состояниями в природе, когда механические процессы будут представлены в виде работы мозговых структур и уравнений, описывающих их функции, то такая модель будет опровержением свободы воли и моральной наказуемости деяний. Например, это может выглядеть следующим образом: «Я создал его. Я тщательно отобрал каждый ген в его теле, чтобы он стал в жизни тем, кем он является. Я выбрал ему родителей, друзей и врагов, сообщив им, что следует ему говорить в разных ситуациях» [4, p. 11]. С рациональной точки зрения такой субъект виновен по закону, но с нейронаучной точки зрения это несправедливо, ибо не основано на свободе воли. Желания такого субъекта сфальсифицированы внешними силами, а не его внутренним убеждением и решениями. Механистичность действий будет исключать

юридическую ответственность по аналогии с тем, что если мы можем доказать невменяемость совершившего преступление субъекта, то вместо уголовного наказания к нему будут применены меры медицинского характера.

Насколько убедительны аргументы, исходящие от нейронаук, при обосновании правовых решений? Существуют ряд возражений по этому поводу, если мы рассматриваем правовую природу наказаний за правонарушения. Очевидно, что при установлении наказаний, их размера и порядка осуществления судьям нет необходимости строго следовать эмпирическим аргументам о массовой поддержке или выражению общественного мнения насчет установления наказаний. Это исключительно правовой процедурный вопрос, в рамках которого решаются вопросы легитимности правовой системы и справедливости конкретного судебного решения. Кроме того, из данных нейронаук не следуют какие-либо точные доводы о моральной виновности и справедливой наказуемости деяний людей. Фактически нейронауки предоставляют лишь новую информацию, из которой не следует очевидным образом эпистемологическое решение проблемы. По аналогии с решением проблемы свободы воли возможно установление правил, когда эмпирические действия могут получить юридическую оценку и стать основанием для применения ответственности.

*Работа выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта НИУ ВШЭ «Прикладная этика».*

**Литература и источники**

1. Inwagen, Peter van. How to Think about the Problem of Free Will / Peter van Inwagen // Ethics. – 2008. – Vol. 12. – P. 327–330.

2. Васильев, В. В. В защиту классического компатибилизма. Эссе о свободе воли / В. В. Васильев. – М.: Издательство URSS, 2017. – 200 с.

3. Kenny, A. Free will and Responsibility. – Routledge Revivals, 1978. – 102 p.

4. Pardo, M. Neuroscientific Challenges to Retributivism / M. Pardo, D. Patterson // The Future of Punishment. – Thomas Nadelhoffer ed., Oxford University Press.

## К ВОПРОСУ О РЕЛЕВАНТНОСТИ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ XX–XXI ВЕКОВ

*М. Р. Дисько-Шуман*

Проблема определения рациональности и ее критериев является одной из ключевых на протяжении всей истории философии. Данный вопрос не утратил своей актуальности и в рамках современной философии, о чем свидетельствуют публикации научных статей и монографий, организация конференций и семинаров по теме [1]. С позиции

концептуального подхода основной задачей становится определение природы рационального и выделение критериев, которые бы позволили однозначно оценить феномен, вывод, действие в оппозиции рациональное / нерациональное. В рамках данной парадигмы формируются критериальный и критико-рефлексивный подходы к определению рациональности. Для обоих подходов объектом и, в некотором смысле, идеалом выступает научная рациональность. И хотя критериальный подход, в основе которого лежит допущение о принципиальной возможности демаркации рациональное / нерациональное (научное / ненаучное), подвергся значительной критике [2], тем не менее полученные результаты вносят существенный вклад в понимание природы рациональности. Критико-рефлексивный подход в определенной степени призван преодолеть недостатки критериального подхода, допустив изменение, трансформацию, развитие рациональности в контексте реальной практики науки с учетом социокультурного контекста ее формирования. Критико-рефлексивный подход позволяет выделить различные типы (виды) научной рациональности, соответствующие определенным периодам развития науки, например, классическая-неклассическая-постнеклассическая рациональность [3], открытая-закрытая рациональность [4].

Историко-философский анализ тенденций развития философии в XX веке позволяет проследить основания указанных подходов. Формирование философско-методологической парадигмы анализа природы рациональности, прежде всего в советский и постсоветский периоды, связан с двумя основными факторами. Во-первых, в качестве внешнего фактора следует указать своеобразную «абсолютизацию» науки и ее роли в социальных процессах. И если в рамках философии критика веры в безграничные возможности разума и научного прогресса – это явление, характерное для второй половины XIX века, то в мировоззренческих основаниях культуры «вера в прогресс, разум и науку» сохраняется вплоть до настоящего времени. Во-вторых, в качестве внутреннего фактора можно рассмотреть влияние идей философии позитивизма (нео – и постпозитивизма), в рамках которой формируются две фундаментальные идеи: о науке как высшей форме познавательной деятельности и ее исключительном значении для социально-преобразовательной деятельности человека; и о роли философии по отношению к науке, заключающейся в логико-методологическом анализе научного знания (логический анализ языка науки в неопозитивизме, методологический анализ структуры и динамики научного знания в постпозитивизме). Рассмотренные основания позволили сформировать «методологический подход к проблеме рациональности» [5]. Методологический подход к решению вопроса о природе рационального не выходит за рамки когнитивно-инструментального понимания разума,

характерного для всей философии модерна.

В философии XX века формируется ряд направлений и школ, выступивших как с тотальной критикой, так и с идеей преодоления ограниченности когнитивно-инструментальной трактовки рациональности. К наиболее значимым относятся постструктурализм, теория деконструкции, неопрагматизм, философская концепция Франкфуртской школы. «Общим местом» для данных направлений является попытка переосмысления и переоценки фундаментальных оснований самой философии, таких концептов как рефлексия, рациональность, структура, метод. Ситуацию постмодерна в философии можно сравнить с кризисом оснований математики на рубеже XIX–XX века. В философии Франкфуртской школы Ю. Хабермасом была предложена концепция «коммуникативного действия», в которой рациональность понимается уже не столько как инструмент и гарант в лице логики, познавательной и преобразовательной деятельности человека, сколько как способ эффективного социального взаимодействия на основе достижения консенсуса. Такое понимание природы рационального обеспечивает новые возможности для анализа рациональности как многомерного феномена, с учетом не только ее логической размерности, но также коммуникативной, аксиологической, нормативной, лингвистической и др., открывая тем самым горизонты для формирования универсальной стратегии коммуникативной рациональности в философии и культуре.

**Литература и источники**

1. Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции: сб. ст.; отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2012. – 233 с.

2. Порус, В. Н. Парадоксы научной рациональности и этики / В. Н. Порус // Научные и вненаучные формы мышления: сб. ст.; под ред. И. Т. Касавина, В. Н. Поруса. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 168–185.

3. Степин, В. С. Типология научной рациональности и синергетика / В. С. Степин // Філософія освіти. Philosophy of Education. – 2017. – № 1 (20). – С. 6–30.

4. Швырев, В. С. Рациональность как ценность культуры / В. С. Швырев. – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – 176 с.

5. Порус, В. П. Многомерность рациональности / В. П. Порус // Эпистемология и философия науки. – 2010. – № 1, Т. 23. – С. 5–16.

## РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Д. Г. Доброродний*

Для описания изменений, происходящих в современном обществе

под воздействием информационных технологий, чаще всего используется термин «цифровая трансформация». Цифровая трансформация в широком смысле – это процесс интеграции современных информационных (а именно цифровых) технологий во все сферы жизни общества. Термин «цифровая трансформация» получил распространение после саммита G20 в 2015 г. С этого момент многие государства стали принимать документ, направленные на стимулирование и регулирование цифровой трансформации. Например, в Республике Беларусь Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» был подписан в декабре 2017 г.

Проблема воздействия технологий на общество в социальной философии рассматривается как проблема фактора социальной динамики (одного из многих других) или более фундаментально как технологический детерминизм стадий развития цивилизации (например, в концепции Э. Тоффлера), когда появление новых технологий определяет переход общества к принципиально иному этапу существования. Технологический детерминизм в объяснении социальной динамики имеет существенные ограничения и заслужено подвергается критике, поскольку не учитывает социокультурную природу самих технологий. Например, при обсуждении взрывного роста цифровых технологий мы должны учитывать экономическую обусловленность этого явления, роль государственных субсидий и венчурных инвестиций в информатизации. Цифровая трансформация является драйвером экономического роста многих стран мира, обеспечивает рост производительности труда, дохода производителей, что приводит к еще большему росту инвестиций. Таким образом, корпорации и правительства стимулируют цифровую трансформацию, поскольку от нее во многом зависит рост благосостояния этих организаций и целых стран.

С другой стороны, цифровая трансформация соответствует трансформации духовной сферы современного общества. Данные Всемирного обзора ценностей демонстрируют устойчивый тренд на снижение ценностей безопасности и увеличение значимости ценностей личного самовыражения и самореализации. Физиологические потребности и потребности в безопасности уступают место потребностям в принадлежности, в признании, в самовыражении. На место господства материальных ценностей приходят ценности духовные: справедливость, самосовершенствование, знание, творчество, свобода. Цифровые технологии предоставляют огромные возможности для личной самореализации, реализации желания выразить себя через видимый образ, через публичную коммуникацию и творческий труд, поэтому они становятся так востребованы современным обществом.

В результате, технологический прогресс, стимулируемый экономической целесообразностью и стремлением современного человека к личной свободе, социальной справедливости, творческому труду,

заинтересованному общению и многообразию форм самовыражения, в совокупности обеспечивают беспрецедентные темпы цифровой трансформации общества. Однако, можем ли мы утверждать, что информационные технологии изменяют наше общество, или наше общество, трансформируясь, нуждается в информационных технологиях? Не является ли желание подчеркнуть определяющее воздействие современных информационных технологий своеобразной попыткой уйти от ответственности за глобальные изменения социальных институтов, политических систем, мировоззрения и образа жизни личности? Это сложные вопросы, для ответа на которые требуется детальное и комплексное исследование взаимообусловленности технико-технологического и социокультурного развития человеческой цивилизации.

## ПОДХОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ

*С. Г. Доронина*

Вопрос о переопределении роли философии в современном мире вызывает многочисленные дискуссии, связанные с поиском новых форм философствования, акцентирующих внимание на практической эффективности и методической организованности философского знания, применяющегося в различных сферах человеческой деятельности. Эти тенденции хорошо демонстрирует получившее широкое распространение в последние тридцать лет движение философской практики (Philosophical Practice), формы и методы которой рассматриваются в контексте разных культурных и философских традиций, подходов и персоналий.

Одним из вариантов ознакомления с движением современной философской практики является классификация, выделяющая в нем три основных подхода [2]: 1) терапевтический подход, ориентированный на решение конкретных мировоззренческих, психологических и экзистенциальных проблем клиента (Problem-Solving Approach); 2) подход, направленный на развитие навыков критического мышления (Thinking Skills Approach); 3) подход, нацеленный на трансформацию сознания и развитие смысловых аспектов жизненного существования человека (Development Approach). Эти неотделенные друг от друга непроницаемой жесткой границей подходы образуют ряд комплементарных синтетических зон, демонстрирующих типологию современного движения философской практики.

В рамках терапевтического подхода наибольший интерес вызывает *философское консультирование*, которое по аналогии с психотерапевтическими практиками, работающими на стыке междисциплинарных исследований (гуманистическая психология,

гештальт-терапия, различные формы экзистенциальной психотерапии и т. д.), акцентирует внимание на работе с психологическими и экзистенциальными проблемами клиента.

На рубеже 70–80-х годов XX в. появились первые психотерапевты, применяющие на практике философские методы (П. Костенбаум, Г. Ахенбах), благодаря которым данное направление приобрело широкую известность. Внутри этого движения можно выделить радикальное и умеренное направление: в первом случае под философским консультированием понимается альтернативная психотерапии практика (С. Шустер); во втором – специалисты предпочитают отделять психотерапию от философского консультирования (Л. Маринов).

Наиболее разработанная концепция философского консультирования представлена немецким философом-практиком Г. Ахенбахом, по определению которого, философская практика – это не столько привычное для академической философии изложение философского «репертуара», выбранного преподавателем, сколько практико-ориентированная деятельность, инициированная проблемами человека (клиента), пришедшего к философу за помощью [1, с. 99–106].

Предварительно алгоритм работы философа-практика с клиентом можно описать следующим образом: постановка проблемы клиентом и ее уточнение путем совместного вопрошания; определение понятий, связанных с проблемами клиента и их интерпретация с помощью философских категорий; работа со смыслами на философском уровне размышления.

Философское консультирование чаще всего практикует феноменологические методы, с помощью которых человек учится преодолевать автоматические суждения, дисциплинировать мышление и интенциональную деятельность. По форме оно напоминает психотерапевтическое консультирование, для которого в первую очередь важны биомедицинские или психометрические характеристики личности, в то время как его содержание составляют онтологические принципы экзистенциальной философии.

*Развивающий подход* философской практики акцентирует внимание на развитии критического мышления, поиске условий достижения понимающей коммуникации, необходимости проверки мировоззренческих установок. В рамках этого подхода наибольший интерес представляет анализ теоретического материала, представленного Институтом философской практики под руководством французского философа О. Бренифье, определяющего философскую практику в качестве преобразующей деятельности, связанной с реализацией философского знания в повседневности, поиском методов интеллектуального развития [4, p. 73–79].

Алгоритм проведения философской практики в развивающем

подходе можно свести к трем основным правилам. Первое из них связано с процессом построения диалогической коммуникации, в которой путем совместной дискуссии выделяются общие вопросы, определяющие основной вектор проблемы. Второе правило гласит о необходимости проведения критического анализа проблемы с последующей формулировкой основных понятий, выражающих ее главную идею. Третье правило устанавливает необходимость выявления терминов, с помощью которых производится описание возникших противоречий и их дифференциация, с целью скорректировать (и / или изменить) фокус человеческого восприятия путем сопоставления различных типов и тактик мышления (в данном случае философа и клиента).

К развивающему подходу можно также отнести амбициозный и достаточно масштабный проект по исследованию различных форматов философской практики «Philo-Practice Agora», созданный американскими философами Р. Лахав и П. К. Завала. Перспективным и экспериментальным направлением этого проекта является философское партнерство, под которым понимается создание небольшой группы участников, встречающихся для обсуждения целей, возможностей и методов применения философского знания на практике [5].

Существенной отличительной чертой данного проекта является то, что опыт философского партнерства базируется исключительно на классических трудах мировой философии, анализ и изучение которых позволяет выявить способы решения актуальных проблем.

Интегративную форму философской практики, ориентированную на развитие критического мышления и смысловых аспектов жизненного существования представляет подход, разработанный в рамках получившей широкую известность программы «*Философия для детей*». Ее разработчики и последователи исходят из следующей предпосылки – абсолютно все дети испытывают потребность в философствовании, являющимся эффективным инструментом развития критического и творческого мышления, этических навыков, без которых, согласно представителям данного направления, ребенок не может стать полноценной личностью.

«Философия для детей» имеет ряд форматов индивидуальной и групповой работы, использующих философские методы для развития у детей интеллектуальных способностей и моральных навыков. Предельно обобщая, цель данной программы можно описать следующим образом – прибегая к философскому инструментарию, научить детей мыслить логично, рефлексивно, концептуально, ответственно и творчески. Изначально возникшая как интеллектуальное внеинституциональное движение «Философия для детей» накопила достаточный ресурс, на основании которого на данный момент во многих странах формируется инновационная реформа образования.

В настоящий момент наиболее распространенной и аргументированной является философско-педагогическая концепция американского философа М. Липмана, позиционирующего гуманную стратегию преподавания [3], которая оказывается предпочтительной по следующим причинам. Во-первых, она позволяет вывести за скобки такие специфические черты академической философии как элитарность, иерархичность, сегрегация и т. д.; во-вторых, она пропагандирует и декларирует диалогические формы коммуникации, помогающие дистанцироваться от однозначных определений и уклоняться от жестких оценок тех или иных событий, феноменов, процессов; в-третьих, она акцентирует внимание на необходимости создания «глубинных» практик обучения, направленных на формирование личности, не ограниченной узкой сферой специализации, способной к самообразованию, саморефлексии и, как следствие, самопроектированию [6].

Можно выделить ряд дополнительных форматов философской практики (бизнес-консультирование, арт-терапия и др.), однако, так или иначе, они соотносятся с перечисленными выше направлениями, в рамках которых возникают ассоциации и частные практики, организуются ежегодные международные конференции, проводятся теоретические и практические исследования, нацеленные на поиск способов эффективного решения современных проблем, прибегая к философскому знанию.

**Литература и источники**

1. Ахенбах, Г. Б. Основное правило философской практики / Г. Б. Ахенбах // Социум и власть. – 2016. – № 6 (62). – С. 99–106.

2. Борисов, С. В. Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход // Социум и власть. – 2018. – № 2 (70). – С. 103–110.

3. Липман, М. Обучение с целью уменьшения насилия и развитие миролюбия / М. Липман // Вопросы философии. – 1995. – № 2. – С. 110–121.

4. Brenifier, O. The Art of Philosophical Practice: Philosophical Attitudes // Socium i vlast. – 2018. – № 1 (69). – P. 73–79.

5. Lahav, R. Handbook of Philosophical-Contemplative Companionship: Principles, Procedures, Exercises / R. Lahav. – Chieti: Solfanelli, 2016. – 72 p.

6. Philosophy: a School of Freedom. Teaching Philosophy and Learning to Philosophize: Status and Prospects. – Paris: UNESCO, 2007. – 279 p.

## БРЕНД КАК ФОРМА ПУБЛИЧНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИУМЕ

*Я. О. Дьяченко*

С явлением брендизации сегодня сталкиваются буквально все, кто находится в культурно-публичной коммуникации в широком смысле.

Сегодня бренд является универсальным идентификатором личности, общества, цивилизации. Благодаря своей многогранности, способности быстро трансформироваться и адаптироваться к публичной коммуникации он становится знаково-публичным ориентиром в информационном обществе.

Бренд выступает как новый медиаобъект, опосредующий отношения между людьми и предметами. Он не ограничен ни временем, ни пространством, но собирает время и пространство воедино через медиацию производства и потребления, образует персонифицированный мир вещей и символов в экстрасоматическом бытии человека [1, с. 154]. Бренд позволяет выбирать товар среди множества подобных ему по качественным и потребительским свойствам товаров, руководствуясь не столько рациональными соображениями, сколько символическим обещанием бренда: от ассоциирования образа объекта потребления с различными положительными эмоциональными состояниями – радостью, удовольствием, наслаждением – до ассоциирования с определенным стилем жизни и социальным статусом. Именно к концу XX века символический смысл бренда приобрел «духовное измерение», включив в себя специфическую идеологию бренда как уникального комплекса идеалов, ценностей и убеждений. Бренд на современном этапе развития сохраняет традиции «старой вещи» (артефакта), однако он также психологически детерминирован эмоциональной привязанностью и «открывает дорогу» в прошлое, дополняя и завершая этим свой современный образ будущего. «Императив, которому соответствуют древние вещи – это императив совершенной, завершенной в себе сущности. Время, в котором живет мифологический предмет – это "перфект", то, что существует сегодня, но обладает качествами того, что уже когда-то было и в связи с этой укорененностью приобретает определенную подлинность» [2, с. 71].

Индивидуальность бренда обеспечивает не только связь с эмоциональными выгодами и удобством самовыражения, но и основу взаимоотношений между брендом и потребителем. Особенно это касается брендов, имеющих незначительные функциональные различия, однако потребляемых в социальной среде, где они являются символом статуса. Сегодня бренды как нематериальные маркеры жизненного пространства включают новые эффективные публично-коммуникативные средства, доступность любого вида информации, рост числа бытовых благ, возможности реализовывать человеческие карьерные устремления. Дело-бренд в рамках философии повседневности выступает как символическая мера определения желания и формирует субъективное отношение к предмету. Для осмысления новых характеристик современного бренда определяющей является категория «символ», как востребованный символический ресурс для построения и поддержания собственной

репутации, авторитета, идентичности. Однако личность, как продукт субкультуры и брендинга в частности, не просто субъект мегаполисов, а «проект» в условиях глобализации и информатизации, предусматривающий успешность своей реализации [3, с. 151]. Бренд как продукт «должен, с одной стороны, иметь какие-то уникальные, неповторимые свойства, позволяющие его легко идентифицировать, выделить среди других, а с другой стороны – такие характеристики, которые позволяли бы его легко тиражировать в массовом количестве экземпляров и вариаций» [4, с. 112].

Явление символа имеет глубинные корни в опыте коммуникации вообще и публичной коммуникации в частности.

В публичном брендовом дискурсе фрагменты реальности сочетаются в единый тождественный комплекс. Такой дискурс анонимного всегда включает в себя способ собственного определения, обозначения. Его можно сравнить со стилем логографического письма, где каждому слову может быть сопоставлено определенное изображение. Возникает система так называемых детерминант – дополнительных определений. Ее рельеф, глубина, пространство и темпоральность – сущностные модусы человеческой телесности. Тело человека как определяемое пространство, как экспрессивная выразительная система является основой дискурса бренда. И когда мы говорим о «антропоморфном пространстве», то, по сути, абстрагируемся от символизма человеческого тела, от его морфем и начинаем искать в нем партитуру значений и модуляций всего знакового мира, которые так или иначе связаны с телесными практиками человека и реализуются через знаково-символическую форму проявления бренд-публичности.

Дискурс бренда можно рассмотреть как определенный архетип, символическую матрицу или прототекст, выступающий инвариантом экспрессивных выразительных возможностей человека и демонстратором его телесных практик. Но дискурс бренда в публичном проявлении может иметь определенную знаково-символическую неполноценность, поскольку особой его характеристикой, зависящей от исторических детерминант, является «прерывистость» времени, связанная с особенностями социальной памяти. Люди, создавая в своем воображении бренд-образы и реализуя их через бренд-объекты, удовлетворяя свои желания и потребности, формируют общественные идеалы-образцы и эталоны. Показы мод, конкурсы красоты, открытые презентации и конференции формируют определенные представления о символическом идеале публичности человека. Так, основными априорными представлениями, которые сейчас демонстрируют модные журналы, выступают идеалы красоты, здоровья и карьеры. Представление о женской красоте всегда можно найти в любой культуре, однако конкретные каноны этой красоты модифицируются в зависимости от исторических, социальных и

культурных условий. Под влиянием современных детерминаций бренд-символизма в массово-публичное среду традиционный образ женщины «матери-жены» кардинально подменяется характерным образом «сильной женщины» – целенаправленной, деятельной, самостоятельной и даже агрессивной. Такие характерные особенности женской красоты, как широкие бедра и пышная грудь, которые в разные эпохи считали идеалами в самых разнообразных произведениях искусства, меняются на стандартизированные унифицированные бренд-образцы «деловой женщины». Красота современной идеальной женщины, как наглядно подчеркивают СМИ и интернет-ресурсы – в женской публичной свободе, что должно проявляться в обязательной открытости, раскованности, решительности, целеустремленности. И здесь дело не только в том, что женские бренд-образы публично навязаны, а в том, что предлагаемые ныне идеалы женской красоты – это часто попытка идти против природы. И многочисленные попытки молодых женщин изменить свое тело – это стремление приблизиться к счастливой успешной жизни, надежда на беспрецедентный успех. Характерно, что акцент в публичном репрезентативном бренд-образе делают на сохранении стандартизированной красоты, здоровья и молодости. Так, увеличение веса, потеря стройности в зрелом возрасте рассматривается не как норма, а как досадная проблема, которую можно решить, в лучшем случае, с помощью специальных косметических средств, процедур, индивидуально составленной диеты и системы упражнений. Без сомнения, стремление к продлению молодости – один из основных фетишей современного человечества, и в этом нет ничего постыдного. Молодость всегда открыта, притягательна и прекрасна. Но при благоприятных условиях для формирования чрезмерного самовосхваления, культа нарциссизма и телесной самозначимости, публичная востребованность этих качеств порочит ценность человека как такового, его внутреннюю красоту, самобытность и идентичность.

Публичный бренд-символизм настолько укоренился в сознании человека, что любые отклонения от указанного стандарта уже считают недопустимыми. В публично заангажированном обществе бренд-символизм формирует четкую систему кодирующих знаков, отличающихся унифицированностью и чрезмерной социальной востребованностью, что навязывается возможностями публичного пространства.

**Литература и источники**

1. Газнюк, Л. М. Персоніфікованість символів і речей у соматичному та екстрасоматичному бутті людини / Л. М. Газнюк // Практична філософія. – 2004. – № 4. – С. 153–159.

2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр // Пер. с фр. С. Зенкиной. – М.: Рудомино, 1999. – 122 с.

3. Газнюк, Л. М. Брендинг города: от культурных индустрий к креативной экономике / Л. М. Газнюк, Я. О. Дьяченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2019. – № 4 (50). – С. 147–152.

4. Florida, R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life / R. Florida. – New York: Basic book, 2002. – 156 p.

## РАЦИОНАЛИЗМ НА ИСПЫТАНИИ НАШИМ ВРЕМЕНЕМ

*Э. Жирар*

О западной классической философии можно сказать, что она почти единосущна рационализму. Со времен Аристотеля способы выражения этой центральной роли разума выражались принципом достаточных оснований. То есть, чтобы философский дискурс был истиной, он в конечном итоге должен быть привязан к рациональной истине причинного характера. На периферии философии мы, безусловно, всегда находили контрдискурсы, контрмодели аксиомам мысли, основанной на принципе достаточного основания: трагической философии (от Гераклита до Ницше) или даже вдохновенной религиозной философии (от Плотина до Бергсона). Но именно эти альтернативные дискурсы всегда оставались на обочине философии. Они всегда выступали против доминирующей части философской традиции. Именно по этой причине мы можем сказать, что фундаментальная модель философии была и остается каузальной моделью, основанной на принципе достаточного основания: то, что история философии позже назовет «рационализмом». Сама эта философская модель помогла установить критерий истины: то, что мы видим, рационально наблюдаемо и объяснимо, делает феномен «истинным». Согласно этой модели, истина не выводится из эмоционального отношения к миру.

Однако нам кажется, что эта доминирующая парадигма частично ослаблена в современных обществах. С этой точки зрения нам кажется, что новые технологии, и в частности наше отношение к информации через Интернет, трансформируют наше отношение к истине. Непосредственность, с которой мы получаем доступ к информации, больше не позволяет взглянуть на перспективу, необходимую для ее правильного понимания. Для терпеливого понимания, подразумеваемого сложностью мира, первичность образа, чрезвычайный объем информации, с которой мы сталкиваемся, делают связь с истиной гораздо более непосредственной. Таким образом, мы гораздо более склонны к

эмоциональным реакциям, чем к поиску длительного рационального суждения.

Кроме того, наши знания о мире стали одновременно огромными и поверхностными: огромными, потому что можно получить доступ к очень богатой информации (изображения, звук) со всего мира из того места, где мы живем. И поверхностный, потому что мы не можем понять реальную, прожитую жизнь людей, от которых мы отделены культурой, историей и образом жизни. Сочетание этих двух эффектов, как нам кажется, имеет замечательное следствие: оно имеет тенденцию к увеличению у современного человека уверенности в своей исключительности и, следовательно, в его способности субъективно устанавливать истину. Таким образом, субъективность становится важной частью способа доступа к истине: мы выражаем себя как женщина, мужчина, национальность, социальный статус и т. д.

С этой точки зрения субъективное ощущение изменяется в природе, и проверка поддающегося проверке и рационального основания теряет свою ценность в процессе установления истины. Такой образ мышления, когда-то присущий англосаксонскому миру, особенно США, похоже, распространяется и на остальную Европу.

Поэтому целью этого вмешательства будет исследование того, как эти технологии, наряду с наиболее заметными социальными изменениями 21 века, меняют наше отношение к истине. Мы также постараемся изучить основные истоки и возможные перспективы этой тенденции.

## СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИСТЕМ «НАУКА-ТЕХНОЛОГИИ-ИННОВАЦИИ» В СТРУКТУРЕ КОНТЕНТА АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ БЕЛАРУСИ И ИЗРАИЛЯ

*Н. С. Ильюшенко*

Об особенностях системы «наука-технологии-инновации» того или иного государства, помимо прочего, можно судить по специфике ее репрезентации в медийном пространстве страны: по отражению ключевых достижений науки на сайтах академических учреждений и наиболее крупных библиотек, по контенту новостных порталов, агрегирующих информацию о мировых и национальных прорывах в сфере инновационного развития, другим параметрам. Косвенно о состоянии системы свидетельствуют: данные о целевой аудитории, о количестве публикаций в течение заданного промежутка времени, их тематике, рубрикации контента и его жанровом своеобразии, месте размещения в структуре сайта (например, на главных страницах, в новостях, в специализированных рубриках и т. д.), а также наличие лояльности к

определенным темам и др.

В качестве основы сравнения репрезентаций системы «наука-инновации-технологии» в структуре контента академических интернет-ресурсов Беларуси и Израиля были выбраны сайты Национальной академии наук Беларуси [1] и Израильской академии естественных и гуманитарных наук [2].

Проведенный анализ показал, что оба государства уделяют значительное внимание освещению своих достижений в сфере науки, технологий и инноваций на онлайн-площадках ведущих исследовательских организаций. Было установлено, что значительная часть материалов выбранных сетевых ресурсов, помимо ученых и исследователей, адресована также реальным и потенциальным партнерам академий, широкой общественности. В публикациях конструируется образ успешно функционирующих национальных инновационных систем (НИС) двух стран, а сами академии позиционируются как драйверы инновационного развития, разработки и внедрения новых технологий, постоянного углубления научных исследований, значимых не только для Беларуси или Израиля, но и для мира в целом.

Проведенный анализ также позволяет судить о специфике приоритетов в развитии системы «наука-инновации-технологии» Беларуси и Израиля. В частности, на сайте НАН Беларуси содержатся такие рубрики как «Разработки», «Исследования», «Стратегические направления», «Международное сотрудничество» и др., в материалах которых в качестве значимых определяются следующие области научного поиска: цифровые информационно-коммуникационные и междисциплинарные технологии, биологические, медицинские, фармацевтические и химические технологии, энергетика и др. Критерием, позволяющим судить об успешности белорусской системы «наука-технологии-инновации», признается наличие взаимовыгодных связей с зарубежными научными и производственными организациями, выполнение межгосударственных научных и научно-технических программ и проектов, участие белорусских ученых в деятельности международных научных и научно-технических организаций и ассоциаций. Именно этим аспектам деятельности уделено в публикациях сайта НАН Беларуси ключевое внимание. Специфичной для белорусской системы «наука-технологии-инновации» является ориентация белорусской научной политики на стимулирование участия ученых и исследователей в научно-технических программах Союзного государства, что также получает широкое отражение в материалах сайта академии. Указание на приоритетные сферы исследований и значимые достижения, освещение прошедших и предстоящих событий призваны подчеркнуть насыщенность научной жизни в области инновационных исследований и разработок, стимулировать интерес к сотрудничеству у возможных партнеров. Анализ тематики публикаций показал, что материалы в

большей степени имеют ориентацию на «внешнего» потребителя информации, поддерживая образ системы «наука-технологии-инновации» близкий существующим в обществе социальным ожиданиям от науки как сферы деятельности, находящейся на передовой технического и социального прогресса. Относительно малая часть материалов по поисковому запросу «наука и технологии» предназначена непосредственно для самих ученых и работников НАН Беларуси (правовые аспекты инновационной деятельности, объявления о научных мероприятиях, презентация новых приоритетов в области научных исследований). Данные о достижениях, проведенных мероприятиях, успешном сотрудничестве в большинстве случаев поданы в доступной форме кратких новостных заметок.

Сайт Академии наук Израиля разбивает информационный контент по следующим тематическим блокам: «Отчеты и публикации», «Стажировки и гранты», «Международные отношения», «Новости и мероприятия» и др. Анализ рубрикации и ее наполнения позволяет сделать вывод, что репрезентация системы «наука-инновации-технологии», помимо ориентации на представление результатов научных исследований и разработок, преследует цель информирования о возможностях развития и продвижения исследований в первую очередь членами самого академического сообщества. Рассмотрение тематики публикаций с точки зрения репрезентации науки, технологии и инноваций по поисковому запросу «наука и технологии» выявляет материалы, в которых наиболее частыми информационными блоками выступают: данные о международном сотрудничестве, о проводимых и планируемых форумах, конференциях, дискуссиях и др.; информация о совершаемых визитах с целью обмена опытом; объявления о конкурсах, грантах, работе различных фондов; презентация новых информационных ресурсов; отчеты о проделанной работе; разъяснение политики в области инновационных разработок (например, в сферах нанотехнологий, биоэтики, охраны общественного здоровья в ситуации пандемии новой коронавирусной инфекции и др.). Следует отметить, что в материалах сайта не только фиксируются наиболее значимые достижения и открытия ученых Израильской академии естественных и гуманитарных наук, но и описываются области, в которых необходимо интенсифицировать научный поиск. Таким образом, имеет место наличие критической компоненты, что свидетельствует о высокой социальной заинтересованности в эффективной работе науки, запросе на своевременное решение поставленных перед системой «наука-технологии-инновации» задач. Материалы сайта организации ориентированы при этом не столько на «внешнюю» аудиторию и широкую общественность, сколько на «внутренних» пользователей и потребителей специализированной информации. В публикациях, помимо новостных заметок, встречаются более

разнообразные форматы: интервью, отчеты (без сокращений), презентации, транскрипты дискуссий и др. Данная особенность связывается нами с различием в целевых аудиториях сайтов, несмотря на совпадение цели репрезентации системы «наука-технологии-инновации» как эффективной развивающейся и передовой области исследований.

*Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта «Национальные модели научной политики как средство развития инновационных систем Беларуси и Израиля» (договор с БРФФИ № Г20ИЗРГ-001).*

**Литература и источники**

1. Национальная академия наук Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nasb.gov.by/. – Дата доступа: 20.03.2021.

2. Израильская академия естественных и гуманитарных наук [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.academy.ac.il/. – Дата доступа: 20.03.2021.

## ФИЛОСОФ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*В. И. Каравкин*

Обращаясь к истокам философии, мы обнаруживаем мудреца в самой гуще публичной жизни, активно воздействующим на нее своим веским словом. Философы вещают на площадях и рынках, в портиках и садах, создают сообщества и организации, удивляются, вспомним Аристотеля, ищут «первоначала» и «первопричины». Сами себя они видят исцелителями, врачевателями пороков (Эпикур), сеятелями добра и справедливости (Цицерон).

Философы следующего периода европейской культуры находятся «в граде земном», опять-таки, в центре пульсирующей духовной и социальной жизни, для того, чтобы указать Путь «к граду небесному». Они – профессора университетов воздействуют на умы юношества, способствуя духовной зрелости.

В период Ренессанса, как известно, именно философы совершили прорыв к гуманизму, со всеми сложностями неоплатонического видения мира, перехода к гелиоцентрической картине мира, пантеизму, осмысления потребностей государственной жизни и создания социальной утопии.

Новое время именно ими, философами и фундируется как таковое, с девизом: «Знание – сила», с уверенностью, в возможность справедливого общественного устройства, призванного сделать человека счастливым и свободным.

Просвещение утверждает рациональный подход ко всем сферам жизнедеятельности, включая социально-политическую, что выражается в Декларациях, провозглашающих общечеловеческие ценности как высшие,

и в Конституциях, предполагающих верховенство права.

Последнее обретает в учении Канта метафизический характер. Этические основания духовного бытия людей, базирующиеся на моральном долге, включаются в юридическое законодательство; если нет, внимательно прислушаемся к словам философа: «заимствуются от патологических определяющих оснований произвола склонностей и антипатий, а среди них – от определяющих оснований последнего рода» [1, с. 582]. На наш взгляд, кантовский принцип соотношения юридического и этического является абсолютной истиной, которая, как известно, никогда не утрачивает актуальность!

Гегель создает «Философию естественного права» [2, с. 4–6], что дает нам основания на вопрос, где находился мыслитель в свое время, утверждая разумность действительности, но не существующего реально [3, с. 53, 380, 383], ответить однозначно: в авангарде духовной культуры современности.

Представители последующей неклассической философии могут быть условно разделены на две группы: марксисты и западноевропейские мыслители, которые и формировали позитивизм, феноменологию, современные экзистенциализм, постмодернизм и политическую философию.

Западноевропейская философская мысль обращает на себя внимание, скажем, работой Ж. Маритена с характерным названием «Философ в мире», в которой можно прочесть такие слова: «Философ во граде свидетельствует о высшем достоинстве мышления; он демонстрирует то, что в человеке является вечным … от чего зависит вся наша практическая активность, поскольку мы, прежде чем действовать, мыслим…» [4, с. 19].

Характерной для западноевропейской философии является точка зрения М. Фуко о том, что вторая половина XX века вновь поставила перед философами «вопрос о Просвещении», в связи с тремя проблемами социальной, в целом, и духовной жизни. Первая, – возникла в результате той роли, которую играет в экономике и политике научно-техническая рациональность. Вторая проблема связана с той же рациональностью, но в аспекте ее воздействия на историю революционных преобразований. Третья, – вызывает вопрос об универсальном характере западноевропейской рациональности. «Два века спустя после своего появления вопрос о просвещении возвращается, – пишет М. Фуко, – одновременно и как способ осознания Западом своих нынешних возможностей и доступных для него свобод, но также и как способ спросить себя самого о своих собственных границах и полномочиях» [5, с. 46–47].

Представители философии постмодернизма делают попытку отказаться от исторически заданных форм рационализма, предлагая, например, проект децентрализации («Ризома» Ж. Делеза и Ф. Гваттари),

или, определяя современные популистские идеи как «Симулякры» (Ж. Бодрийяр). Но главное, делается это, потому что признается необходимость кардинальной смены философско-мировоззренческой парадигмы «после Освенцима». Взятое в кавычки сложносоставное понятие, следует понимать предельно широко, включая в него трагические коллизии и катастрофы двадцатого столетия в целом.

Обращаясь к проблеме жизненной позиции интеллектуала сегодня, сейчас – «после Освенцима», – Ю. Хабермас формулирует императивы: «Интеллектуал должен публично пользоваться профессиональным знанием, которым он располагает, например, как философ или писатель, как социолог или физик, не будучи спрошенным, то есть не получая поручений ни с какой стороны. … он должен стараться улучшить достойный сожаления дискурсивный уровень публичных дискуссий. … На государственной службе интеллектуалы перестают быть интеллектуалами» [6, с. 24–25].

В отношении западноевропейских мыслителей следует обратить особое внимание на современную политическую философию Республиканизма, которая, на наш взгляд, справедливо считается самой актуальной современной политической философией [7]. В ее недрах происходит переосмысление понятия свободы. Под ней понимается не «невмешательство» или «выбор», а статус человека в обществе – отсутствие зависимости (К. Скиннер) и не-доминирование – иммунитет от вмешательства, основанного на произволе (Ф. Петтит). В контексте наших размышлений важным является то, что республиканская теория приобрела мировую известность, а ее мировоззренческие принципы оказалось возможным применять для решения практических задач: «Премьер-министр Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро (с 2004 по 2011 г.) объявил республиканизм идеологией своего правительства и предпринял ряд мер по введению республиканских принципов в правительственные программы. Следующим шагом Сапатеро было приглашение Петита для проведения оценки деятельности его правительства в ряде областей (например в вопросах миграционной политики, трудовых отношений, поддержке независимым СМИ и др.) на основании принципов, изложенных в книге *Republicanism*» [8, с. 14].

Западноевропейская философия в целом, в соответствии с ее основополагающей традиционной направленностью вовне, задает высокие общечеловеческие интеллигибельные установки, базой которых являются идеи свободы, равенства, братства, справедливости – естественных прав человека и душевно-сердечной близости: сострадания человека к человеку. Философам первой отмеченной нами группы долгие годы суждено было обслуживать социально-политические и экономические интересы и побуждения власть предержащих, соответственно, суждено было быть вульгаризаторами марксизма, агитаторами, пропагандистами и

«антипропагандистами», как они сами себя одно время величали в противостоянии западноевропейской философской мысли. Речь идет только о тех, кто определял, позволим себе неологизм, духовный фон реального социализма.

Очевидно поэтому, в настоящее время, если говорить о профессорско-преподавательском составе высшей школы и академических кругах философов (чтобы судить о непрофессионалах, необходимо время), можно прибегнуть к символическому образу того, что с учетом игры слов на японском языке, называется Мидзару, Кикадзару, Ивадзару. Речь идет о популярной на рынках статуэтке трех мартышек. Первая изображается с закрытыми глазами: «не вижу зла»; вторая – прикрывающей уши: «не слышу зла»; третья – прижимающей ладонью рот: «не говорю о зле».

**Литература и источники**

1. Кант, И. Основы Метафизики нравственности / И. Кант. – М.: Мысль, 1999. – 1472 с.

2. Нерсесянц, В. С. Философия права Гегеля: история и современность / В. С. Нерсесянц // Гегель. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 3–43.

3. Гегель. Философия права / Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 526 с.

4. Маритен, Ж. Философ в мире / Ж. Маритен. – М.: Высш. шк., 1994. – 192 с.

5. Фуко, М. Жизнь: опыт и наука / М. Фуко // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С. 43–53.

6. Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2011. – 336 с.

7. Павлов, А. Республиканизм Филипа Петтита: самая актуальная современная политическая философия / А. Павлов // Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – С. 7–22.

8. Рощин, Е. Введение / Е. Рощин // Современная республиканская теория свободы: коллективная монография / Науч. ред. Е. Рощин. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 7–24.

## О ФРАГМЕНТАРИЗАЦИИ СОСТОЯНИЯ МАССОВОГО ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА (ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ)

*С. А. Колдыбаев*

С учетом перехода современного общества в цифровое состояние проблема состояния в нем массового философского знания безусловно заслуживает серьезного внимания и исследования. Ведь речь идет о функционировании философского знания в иной парадигме социально-культурной реальности общества, предполагающей в конечном счете

строгую технологически-рациональную и информационно-аналитическую организацию труда всех сторон жизни социума.

Понятно, что футурология в отношении любого социального явления, в том числе философского знания – вещь не со стопроцентной гарантией реализации. Но, тем не менее, происходящий ныне процесс цифровизации экономики, сферы досуга, образования и других сфер современного общества, повсеместное падение духовности в условиях господства капитала, дают основания для выдвижения некоторых предполагаемых гипотез состояния философского знания в сознании людей цифрового общества в его будущем зрелом состоянии.

Речь при этом не идет об изменении академической стороны философского знания. Не изменится и характер исследуемых традиционных для философской науки метафизических научных проблем, разрабатываемых философией. Все эти сферы философского знания и в условиях цифрового общества (термин, все чаще встречающийся в последнее время в официальном лексиконе и науке) по научному интересу, актуальности, интенсивности их разработки и прочим параметрам существенно, как представляется, не изменятся.

Другой вопрос – судьба философского знания в сфере массового сознания в условиях цифровой социально-культурной реальности; речь идет о массовом знании философии, которое проявляется на уровне предфилософии, выражается в определенном видении мира, проявляется в изучении и овладении философским знанием. Именно на этом уровне, под влиянием цифровой социально-культурной реальности, способны проявиться значительные изменения содержания философского знания в сознании современного человека как следствия общего падения духовности в таком обществе. Эти ожидаемые изменения будут выражаться, на наш взгляд, главным образом в сегментации философского знания; философское знание в сознании масс будущих поколений цифрового общества будет представать скорее в дробном, нежели в определенном духовно-системном состоянии.

Подобный вывод нами выводится как из самого характера технологического состояния цифровой социокультурной реальности, так и тех перемен в процессе усвоения философии, которые проявляются уже ныне в учебном деятельности вузов и других заведений.

Сегодня, в частности, можно констатировать изменение востребованности массовым сознанием в той или иной области философского знания под влиянием цифровизации экономики (промышленности, сельского хозяйства, сферы досуга, быта и пр.). Цифровое общество сегодня больше утверждает в сознании человека рационализированные фрагменты философского знания, нежели духовно-нравственные идей социальной философии. Для массового сознания становятся более приоритетными практико-инструментаристские стороны

философского знания. Это – прежде всего разделы онтологии, гносеологии, методологии и методов научного познания, диалектики, синергетики и др. В то же время, утверждающее массовое мышление человека в силу своей природы и под влиянием цифровой реальности становится более индифферентным к духовно-нравственным запросам философии, проблемам морали, эстетики, смысла жизни, религии.

В значительной степени подобному состоянию философского знания в массах способствуют и вводимые уже сегодня в учебных заведениях формы, методы преподавания философского знания. Вкупе с внедрением электронной формы и широким применением в преподавании философии тестирования, кредитной системы, различных форм бумажно-методической документации (силабусы, рабочие программы) и пр. – они придают суммарно познанию философского знания черты цифрового обучения. В результате, не только объект (средства преподавания философии), но и сам субъект (сознание обучающего) приобретают черты цифризированности.

Таким образом, можно предположить, что как реальность конечным продуктом цифрового общества явится формирование массового человека со стандартизированным мышлением не только в профессиональной области, но и в усвоении и понимании человеком философского знания.

## СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ: КРИЗИС И ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ

*А. Г. Косиченко*

Надо признать, что современная философия находится в упадке. Сегодня нет философии в классическом ее понимании. Нет крупных философских систем; есть «философствование» по тому или иному поводу. Такое «философствование» делает философию мелкой, даже ничтожной. Деградации философии предшествовала деградация человека, что естественно: ранее реальная жизнь человека, его проблемы, способы решения этих проблем обладали смыслом – это и придавало, по большому счету, содержание философии. Поэтому, когда измельчала человеческая жизнь, измельчала и философия.

Философия потеряла свое предметное единство. Она стала то философией политики, то философией культуры, то философией религии, и вообще стала философией – прислужницей конкретных наук, что повышает теоретическую составляющую этих наук и их методологическое содержание, но сама философия утрачивает при этом свое собственное, присущее только ей содержание. И раньше философия была в прислужницах – например, богословия – но это служба возвышала философию, а сегодняшнее ее услужение означает сдачу философией

своих основ, отказ от своего места в культуре и от мировоззренческих оснований бытия человека.

В настоящее время ослабла философская рефлексия над бытием. Раньше философы пытались людям объяснить, как надо жить, как встать над обыденностью, а сегодня обыденность доминирует, она осталась едва ли не одна, больше и нет ничего, обыденность подавила все вокруг, и философию в том числе. Иссякла энергетика бытия, бытие истончается как паутина, по известному выражению. Современный мир не нуждается в обосновании своего бытия. Он просто есть и для себя хорош, каким есть. Каким он должен быть, уже мало кого интересует. Нет идеальных проектов бытия. Вот и нет философии. Философия не нужна «реальной жизни» и далека от ее приоритетов и ценностей. Это говорит об утрате значения осмысленности жизни. Человечество всегда, вплоть до нашего времени, стремилось постичь смысл жизни – многое в истории объясняется именно таким устремлением. Сегодня же произошел отказ от осмысленного бытия человека; люди в массе живут, как получается, немногие имеют осознанную цель своей жизни, особенно цель достойную человека.

Известно, что в античности простые люди спорили о философских проблемах на площадях городов. Будет излишним сказать, что люди жили философией, но она была одним из жизненных приоритетов, философы того времени были учителями жизни. Сейчас же философия мало кого интересует. Это плохой признак современной цивилизации. «Скорее всего, теперь человечество так и будет развиваться: каждый его шаг будет противоречив, станет привычной неочевидность успехов и проигрышей, нестабильность будет восприниматься как неизбежность, несовпадение намерений и результатов станет правилом. Это прискорбно и это говорит об утрате чувства должного, но это так. Нельзя утратить сущностные характеристики человека: свободу, понимаемую как ответственность; совесть, как голос Бога в человеке; обязанность нравственно относиться ко всему происходящему; способность к жертвенности, состраданию; утратить человеческие добродетели и среди них: веру, надежду, любовь (а все это, бесспорно, утрачено); нельзя утратить все человеческое и при этом ожидать, что все будет хорошо, легко, без проблем и что можно достигать цели, толком не поставив ее и не прилагая усилий к ее достижению. Как говорили древние по аналогичным случаям "желающего судьба ведет, а не желающего – тащит", посему, если человечество пришло в состояние нравственной деградации, потеряло здоровое историческое чутье и способность к осмысленному созиданию будущего, что же, придется "тащиться" в ярме обстоятельств» [1, с. 15].

Утратил смысл тезис о том, что «идея становится силой, когда она овладевает массами», что само по себе требовало порождения значимых идей. Сегодня массы можно подвигнуть на что угодно без всяких больших

идей с помощью социальных манипулятивных технологий. Поэтому можно не выдвигать идеи, в том числе философского свойства, но выработать технологии воздействия на массы, используя самые примитивные и даже низменные устремления людей. Философия может для этого понадобиться, но в самых плоских своих формах. Может быть, завершаются времена, и людям надо делать самое нужное и главное? А философия – не самое главное и не самое нужное. Не исключено. А что самое главное и самое нужное? Самое главное – это спасти душу человека. Помогает ли философия ее спасать? Раньше считали, что помогает. Теперь сомневаются. А многие уверены, что не только не помогает, но и мешает: запутывает все, обманывает, ведет не туда. Много ложных проблем, идей, в том числе порожденных современной, якобы, философией.

Думается, что философия только тогда станет по настоящему нужной, когда она станет как раз тем, в чем человек и нуждается как в последнем прибежище, последней надежде. Если сможет философия стать такой – она будет жить, а не сможет – что ж, как говорят c'est la via. Как философии стать такой? Н. Бердяев считал, что философии, чтобы быть жизненно важной, надо отойти от рафинированных и предельно рациональных форм и прибегнуть к иным способам объяснения сущности бытия, к религии, например. «Религия может обойтись без философии, источники ее абсолютны и самодовлеющи, но философия не может обойтись без религии, религия нужна ей как пища, как источник живой воды. Религия есть жизненная основа философии, религия питает философию реальным бытием» [2, с. 35].

Н. Бердяев и проделал такую работу: он заимствовал из богословия немногие, но предельно содержательные понятия (понятие свободы, к примеру) и ввел эти понятия в философию, отчасти философски их переформулировав. Философия при этом, бесспорно, обогатилась. Но Н. Бердяев внес тем самым в философию искус отказа от строгой логичности в пользу глубины понимания проблем. Он сделал вид, что не усматривает разницы между онтологией бытия человека, как ее видит философия, и онтологией бытия человека в религии. Если в религии сущность человека получает определение в акте творения его Богом, то в философии человек восходит к своей сущности в процессе развития. Понятие должного, как сущности, к которой развивается человек, тем самым принципиально различны в философии и в богословии. Поэтому нельзя взять и просто перенести из богословия в философию важнейшие богословские понятия; при этом осуществляется подмена одной бытийственной реальности на другую.

Но Н. Бердяев абсолютно прав в том, что философия должна кардинально измениться для того, чтобы остаться в арсенале человечества в качестве значимого феномена. И религию следует иметь в виду как «жизненную силу» философии, ибо имеется некое единство философии и

богословия. Это единство восходит к нерасчлененному единству античной мысли: когда миф объединял в себе и философию, и науку, и учение о Боге.

Философия должна учить смыслу жизни, раскрывать этот смысл. Это возможно, ведь все люди подозревают или чувствуют или даже знают, что есть смысл, что не может его не быть, не бессмысленно же бытие, не случайно и не бессмысленно. Достигнуть этого смысла, понять его, несколько рационализировать – вот уже кое-что, что философия может предложить людям. Что для этого философии придется постараться – очевидно, а как же иначе. Способна ли на это философия, и самое главное – надо ли ей это? Если не надо, а очень похоже, что не надо, что ж: «вольному воля, спасенному рай». Но, вообще-то, философии надо постараться, тем более, что эту задачу в горизонте светскости больше не на кого возложить.

Скорее всего, теперешний кризис философии, как и кризис всего иного, есть путь к обновлению. Кризис, как суд, а суд, как осуществление правды, – вот вектор движения, в том числе и для философии. Иначе, зачем ею был проделан такой долгий и трудный путь, какой она проделала и по телу истории, и по пространству смыслов. Ведь если нет времени, а есть вечность, если нет пустоты, а есть смысл, если нет потерь, а есть обретения, то кому как не философии этим заниматься, это прозревать и это вычерпывать? Раз уж взялась за мудрость, то и полезай наверх, разве не из этого «верхнего» материала соткана высокая философия прошлого, и как надеемся будущая философия в ее истинной форме и содержании.

**Литература и источники**

1. Косиченко, А. Г. Человек перед вызовом глобализации / А. Г. Косиченко // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. – 2018. – Вып. 2. – С. 13–18.

2. Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 736 с.

## МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА Г. В. ПЛЕХАНОВА: ПЕРСПЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Н. И. Кулак*

XXI век – время смены устоявшихся идеологических парадигм и оценка новых исторических вызовов сквозь призму предшествующей теоретической мысли. Используя логическую стройность и систематичность при анализе общественных условий, в современных реалиях на первый план выходят вопросы искусства и эстетическая проблематика, играющая важную роль в жизнедеятельности современного

человека. В процессе социализации личности, человек склонен видеть общие закономерности, а философ-материалист предвидит «Иное», ориентируясь на принципиальное единство своего взгляда с концепцией классиков научного социализма. Подобная позиция была характерна для теоретика русского марксиста, наиболее значимого марксистского представителя в области искусства – Г. В. Плеханова.

Главным методологическим принципом, который использовал философ в своей деятельности, является теория материалистического понимания истории. Автор рассматривает социально-политические и философские вопросы с позиций материалистического инструментария. Не обошел стороной и теорию искусства, уделив ей достаточно внимания в своем философско-литературном творчестве. Эстетические вкусы и понятия, формируются у Г. В. Плеханова на базе марксистского учения, что определило его критические воззрения на художественную деятельность ряда русских и западноевропейских мыслителей. В журнале «Литературный критик» (1935, №7, с. 21–26), А. В. Луначарский характеризуя взгляды Г. В. Плеханова отмечал: «Не преувеличивая, можно сказать, что основа марксистского искусствоведения дана именно Плехановым. В самом деле, у Маркса и Энгельса есть лишь небольшое количество разбросанных замечаний: прямой цели указать на способы применения великих принципов диалектического материализма в области искусства они не имели».

Действительно, художественная составляющая занимает важное место в историко-философской концепции Г. В. Плеханова, оказав влияние на формирование его методологического кредо. Отправной точкой принято считать творчество Н. Г. Чернышевского, ценителем которого Г. В. Плеханов оставался долгие годы, посвятив ему немало работ. В частности, теоретик марксизма отмечал, что «Диссертация Чернышевского есть чрезвычайно интересный и единственный в своем роде пример приложения к вопросам эстетики общих принципов Фейербахова материализма» [1, с. 24]. В работе «Эстетические отношения искусства к действительности» Н. Г. Чернышевский анализирует главные вопросы материалистического учения об искусстве, критикует прежние метафизические системы и их несостоятельную связь с теорией эстетики. Суждения автора были нацелены на смену взгляда с идеалистической теории искусства в сторону построения научных систем на материалистических позициях. Данный мировоззренческий полюс был воспринят Г. В. Плехановым, который последовательно развил материалистическую эстетику, став ее главной, философской опорой. «Я глубоко убежден, что отныне критика (точнее: научная теория эстетики) в состоянии будет подвигаться вперед, лишь опираясь на материалистическое понимание истории. Я думаю также, что и в прошлом своем развитии критика приобретала тем более прочную основу, чем более

приближались ее представители к отстаиваемому мною историческому взгляду» [1, с. 31].

Художественной проблематике Г. В. Плеханов посвятил ряд своих работ: «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» (1897); «Письма без адреса» (1899–1900); «Конспект лекций об искусстве» (1904); «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» (1905); «Пролетарское движение и буржуазное искусство» (1905); «Генрик Ибсен» (1906) и др. Рассматривая эстетическую проблематику, Г. В. Плеханов придерживается марксисткой терминологии, осторожно анализирует исторические предпосылки и приводит все к логически верному, на его взгляд, материалистическому умозаключению.

Г. В. Плеханов любил посещать различные выставки и после критически анализировать увиденные произведения искусства. Подводя под критическую черту современное состояние области искусств, приведем стих «Муза», любимого поэта Г. В. Плеханова, классика русской литературы Н. А. Некрасова:

«Нет Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь…» [2, с. 99].

В настоящее время искусство имеет очень высокий ранг. Различные стили и художественные изыскания претерпевают изменения, которые ранее считались непозволительными. Стерты все возможные рамки, а эстетическое наслаждение как цель, преобразовалась в достижение коммерческого блага. Современный период развития литературы и живописи, столкнулся с нравственным беспокойством и односторонним взглядом на окружающую действительность, что уничтожило эстетический вкус к идеям. «…Идейность, взятая сама по себе, не только не составляет недостатка, но, напротив является огромным достоинством» [3, с. 457–458]. Мода на искажение реальности с помощью художественных приемов, все больше превращается в фальшивое понятие, ведущее искусство в трагическое будущее. Таким образом, перспектива развития эстетики в современном мире, заключается в возврате к классическим образцам древнего искусства, анализе деятельности ряда

философско-литературных трудов русских и западноевропейских деятелей и наконец, детальной проработке материалистической эстетики в историко-философской концепции Г. В. Плеханова.

**Литература и источники**

1. Плеханов, Г. В. Полное собрание сочинений: в 24 т. / Г. В. Плеханов. – Т. 14: Искусство и литература. – Москва: государственное издательство Москва. – 350 с.

2. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений: в 15 т. / Н. А. Некрасов. – Т. 1: Стихотворения 1838–1855 гг. – Ленинград: Наука, 1981. – 720 с.

3. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. / Г. В. Плеханов. – Т. 5: Генрик Ибсен. – Москва: издательство социально-экономической литературы, 1958. – С. 457–508.

## САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК СВОЙСТВО СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

*Л. Е. Кульбицкая*

Понятие «самоорганизация» стало результатом исследования и понимания синергетических законов, которые изучают механизмы саморазвития систем различной степени сложности. В контексте синергетики самоорганизующиеся системы – это составляющие единого мирового процесса самодвижения и саморазвития материи. Система является самоорганизующейся, если она способна без специфического внешнего воздействия, приобретать новую структуру во времени, пространстве, обновлять функциональные характеристики и формировать новые, несводимые к качеству ее составляющих, свойства.

Процессы самоорганизации имеют универсальный характер: от космических тел до социально-культурных образований. На основе теории самоорганизации формируется новое видение мира и понимание процессов развития. Сторонники данного подхода утверждают, что «существует универсальная общность образцов саморазвития и самоорганизации сложных систем мира, что и составляет предмет синергетики» [3, с. 33]. Надо отметить, что этот всеобъемлющий масштаб не просто декларируется многими учеными, а является результатом обнаружения в самых различных областях действительности общих законов и тенденций. «Самоорганизуются, создавая устойчивые структуры, подъемная сила крыла самолета при образовании разгонного вихря, поток автомобилей на скоростных трассах, люди в транспортных магистралях, клин перелетных птиц, интенсивность лазерного излучения, фондовый рынок, базар и т. д.» [2, с. 139]. Понятие «самоорганизация» указывает на наличие внутренних механизмов движения.

Процессы самоорганизации, имеющие универсальный характер, специфически проявляются в социальных системах. В них спонтанная самоорганизация в значительной степени ограничивается или снимается новыми формами взаимодействия между действующими силами, происходит в некоторой степени отрицание природной самоорганизации, как движущей силы развития систем различной степени сложности. С развитием сознательных форм жизни появляется способность активного реагирования на внешнюю информацию, предвидения событий и принятия соответствующих решений. Самоорганизация общественной жизни зависит не только от объективных обстоятельств, но и от субъективных факторов. Субъективные факторы – это сознательно-волевые акты людей, на которые влияет их духовный и культурный опыт. В обществе возникает организация, которая является результатом управления. Социальные системы начинают целенаправленно организовываться и самоорганизовываться: «…социальная самоорганизация и социальная организация – две стороны социальной жизни. Явления самоорганизации первичны, как первично начало (100% неопределенность и 100% ответственность), как первичен вызов. Организация – вторична, как вторичен ответ, ибо изначально задачей властных органов социума являлось утверждение устойчивости социального существования…» [2, с. 40].

Процессы универсальной природной самоорганизации, действующей в социальных системах, представлены наличием случайностей, непредсказуемости в связи с существованием бифуркаций, то есть путей ветвления, по которым может пойти развитие системы. Указывая на то, что случайность является одним из важнейших принципов самоорганизующихся систем, Н. Н. Моисеев пишет: «Из того, что мир стохастичен, что существуют механизмы бифуркационного типа, следует неповторимость (необратимость) эволюционного процесса и его направленность» [4, с. 56].

Самоорганизация общественных систем характеризуется способностью данных систем частично снимать ограничения, которые устанавливает природа для человека, что связано с его управленческой деятельностью, основанной на рациональных началах. Возникающая организационная деятельность, направлена против стихийной природной самоорганизации или в результате покорения сил природы, или в результате умелого сотрудничества с последней.

Самоорганизация на уровне общества – это единство физических, химических, биологических и социальных процессов. Уровни самоорганизации материального мира органично включаются в самоорганизацию человеческого общества, влияя на его цивилизационное развитие. Вся история человечества – это процесс переплетения действий самоорганизующихся природных сил и целеорганизующей деятельности

человека. На уровне общества человек способен частично предусматривать последствия естественной стихийной самоорганизации, предупреждать ее негативные для себя последствия. Человек способен самоорганизуясь, противостоять природным стихиям и в мире, основанном на принципах цивилизации, его всегда увлекал поиск гармоничного устройства всего существующего. Наивысшего подъема этот интерес достигал в условиях обретения человеком возможности свободно творить в периоды народовластия и гуманистических ценностей.

Соотнося универсальную самоорганизацию и целеполагающую организационную действий человека, можно полагать, что организационная деятельность людей – это частный случай всеохватывающей самоорганизации. Как писал А. А. Богданов: «Человек в своей организующей деятельности является только учеником и подражателем великого общего организатора – природы. Поэтому методы человеческие не могут выйти за пределы методов природы и представляют по отношению к ним только частные случаи…» [1, с. 57]. Это закладывает сложный характер человеческой деятельности, с одной стороны покорение природы, борьба за выживание в ее условиях, с другой – сотрудничество с ней и деятельность в ее рамках.

Из самоорганизации, как универсального свойства систем различной степени сложности, возникает не только организационная деятельность людей, связанная с управлением, но и самоорганизационная деятельность различных групп людей, общественных структур, которая при должной целеустремленности и компетентности приобретает самоуправленческий характер.

Речь идет о самоорганизующемся характере социальных систем, которые в общественной жизни связаны с активностью субъектов и их способностью самоорганизовываться с целью сохранения своей жизнедеятельности и идентичности присутствия в обществе. Данный вид деятельности находил отражение в научной и популярной литературе. Например, авторы XVIII-XIXвв., исследующие процессы экономической и политической жизни в своих странах, не используя понятие «самоорганизация», тем не менее, описывают именно этот феномен социальных отношений. В экономической сфере это общеизвестная «невидимая рука рынка» А. Смита или способность людей организовывать собственную жизнедеятельность в определенных условиях народовластия в исследованиях автора XIXв. Алексиса де Токвиля.

Тенденции самоуправления проходят через всю историю человечества, присутствуя в политике, экономике, науке, культурном развитии стран, оказывая влияние на управление, которое в той или иной мере было предрасположено к его учету. Особенно ярко самоорганизационные процессы и самоуправление проявлялись в экстремальные периоды общественного развития в политической (как

продолжение – военной) и экономической сферах жизни стран и народов, когда возникала угроза их жизнедеятельности. Совместные действия по сбору урожая (ведение хозяйственной жизни – белорусская толока), особое умение в голодные неурожайные годы сохранить жизнь своей семьи, соседей, деревни, общины, выстоять в период разрушительных боевых действий, военная защита (народные ополчения), подпольная и партизанская борьба, сплочение любого коллектива перед угрозой его исчезновения.

Стремление населения к самоорганизации проявлялось на всех этапах истории, часто превращаясь в мощные политические, национальные и религиозные движения за освобождение своей страны, государства, класса, сословия от дискриминации. Исходя из этого положения, самоорганизацию можно рассматривать как свойство социальных систем, представленных различными институтами или группами населения, стремящихся к реализации своей жизнедеятельности и сохранению идентичности по самым различным признакам.

**Литература и источники**

1. Богданов, А. А. Всеобщая организационная наука. Тектология / А. А. Богданов. – Кн. 1. – М., 2007. – 300 с.

2. Капустин, В. С. Введение в теорию социальной самоорганизации / В. С. Капустин. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 137 с.

3. Князева, Е. Н. Основы синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2018. – 264 с.

4. Моисеев, Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – № 8. – С. 52–66.

## ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕНАСИЛИЯ В АБОЛИЦИОНИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЖИВОТНЫХ

*А. С. Лепина*

В исходном смысле под аболиционизмом подразумевается общественное движение за отмену какого-либо закона, постановления или социального института на моральных основаниях. Впервые данный термин был употреблен в отношении общественного движения за отмену рабства. В настоящее время под аболиционизмом понимается народное движение, деятельностью которого является ведение ненасильственной борьбы против всех легитимных форм насилия. В соответствии с аболиционистской идеей признается аморальный характер всякого насилия. Главной отличительной чертой последнего этапа развития аболиционистской мысли является возникновение нового спектра

проблем, связанного с вопросом этичного отношения к животным. На протяжении последних трех десятилетий приверженники аболиционистской парадигмы разрабатывали моральную программу по преодолению насилия в отношении животных. К настоящему моменту мы имеем дело уже не просто с идеей этичного отношениях к животным, а с целым подходом к решению множества социально-культурных и этических проблем современного общества.

Основоположники данного подхода (Г. Фрэнсион и А. Чарльтон) являются волонтерами в разных зоозащитных организациях, внесшими значительный вклад в общественную юридическую работу для этих организаций. «С 1990 по 2000 гг. мы руководили Юридическим Центром по Правам Животных Юридической Школы Университета Ратгерс, который был первым в своем роде во всем мире. Студентки и студенты получали зачеты за изучение теории прав животных во время работы над реальными юридическими делами, связанными с животными. Мы писали об этих вопросах на протяжении десятилетий. С этой перспективы мы призываем к радикальным переменам» [8, с. 10]. В трудах основателей данного подхода можно найти неоднократные отсылки к учениям М. К. Ганди и Л. Н. Толстого [1; 2; 6; 7].

Новая направленность аболиционистской деятельности привела к формированию еще одного этического концепта, который его авторы стремятся привести в полную социальную функциональность. Речь идет об идее прав животных, под которой подразумевается признание за животными фундаментальных прав абсолютного характера, где ключевым является право не быть собственностью. В настоящее время данная идея сосредоточила на себе внимание всех вовлеченных в сферу зоозащиты. И, прежде всего, это обусловлено наметившимся расколом между позицией самих аболиционистов и теми, кто предпочитает руководствоваться утилитаристским моральным императивом в вопросах морали. К последним относятся велфеpисты. Под велферизмом понимается идея, согласно которой в отношении животных признается существование только одной этической проблемы: проблемы гуманного обращения. Именно здесь обнаруживается раскол между аболиционистами, требующими прекратить всякую эксплуатацию животных на основании признания за ними морального права не быть собственностью, и велферистами, отрицающими существование каких-либо моральных прав. Основателем велферизма является философ П. Сингер, который нашел признание у многих зоозащитных организаций. Его деятельность направлена на поддержании реформ эксплуатации, на улучшение содержания и гуманизацию убийства животных, а также на разработку стандартов гуманной эксплуатации [3; 4; 5]. К числу зоозащитных организаций, придерживающихся велферистского похода в своей деятельности, относятся такие, как: PeTA, Vegan Outreach, Mercy for

Animals, HSUS, Farm Sanctuary, Compassion Over Killing, Viva! USA и др.

Таким образом, ненасилие здесь понимается как одна из форм обращения с животными, основанная на использовании их в своих интересах без причинения физического и психологического вреда. В то же время аболиционисты видят свою главную цель в смене парадигмы современной культуры, которая основана на утилитаристских ценностях, исключающих возможность реализации ключевой идеи аболиционизма – моральной легитимации прав животных. Для аболиционистов первичной проблемой является не обращение с животными, а их использование. В то время как велферисты отказываются рассматривать поступок сам по себе и оценивает его по его результатам, аболиционисты ведут борьбу за возможность признания определенных форм поведения и отношения насильственными по своему существу, независимо от каких-либо условий. В основе велферистского подхода находится утилитаристская система ценностей, в соответствии с которой допускается использование отдельных форм жизни (животных) под предлогом его оправданности – блага для большинства (людей). Аболиционизм постулирует абсолютный характер фундаментального права не быть собственностью для всякого живого существа, выступая против возможности оправдания любых форм эксплуатации. До тех пор, пока в качестве легитимного морально-нравственного ориентира выступает максима цель оправдывает средство, аболиционизм признает первичной этической проблемой не обращение с животными, а их использование. Вместо реформ эксплуатации животных аболиционисты предлагают полный отказ от использования животных с какой-либо целью, провозглашая их моральными партнерами. Именно такое отношение свидетельствует об отказе от насилия в целом и об отказе воспринимать животных в качестве вещей в частности. По мнению аболиционистов отношение велферистов к животным носит спесишистский характер и ничем не уступает другим видам дискриминации, в основе которых всегда находится насилие [8].

Таким образом, в соответствии с аболиционистским подходом, под ненасилием к животных понимается такая форма отношения, в основе которой находится признание морального равенства людей и животных, что влечет за собой отказ не только от причинения физического и психического вреда, но и отказ от всех форм властных отношений. Данная позиция исходит из признания за животными фундаментального права не быть собственностью и не признает утилитаристскую систему ценностей, в соответствии с которой отрицается наличие каких-либо фундаментальных прав.

**Литература и источники**

1. Ганди, М. К. Моя вера в ненасилие / М. К. Ганди // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 65–66.

2. Ганди, М. К. Моя жизнь / М. К. Ганди. – М.: Наука, 1969. – 378 с.

3. Сингер, П. Жизнь, которую вы можете спасти / П. Сингер. – М.: «Фонд "Нужна помощь"», 2019. – 224 с.

4. Сингер, П. О вещах действительно важных. Моральные вызовы двадцать первого века / П. Сингер. – М.: Синдбад, 2018. – 300 с.

5. Сингер, П. Освобождение животных / П. Сингер. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2002. – 136 с.

6. Толстой, Л. Н. Закон насилия и закон любви / Л. Н. Толстой // Соч.: в 90 т. – Т. 37. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. – С. 64–77.

7. Толстой, Л. Н. Первая ступень / Л. Н. Толстой. – М.: Москва, 1997. – 67 с.

8. Франсион, Г. Права животных: аболиционистский подход / Г. Франсион, А. Чарлтон. – Филадельфия: Exempla press, 2015. – 162 с.

## ПОВОРОТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

*М. А. Лепский*

Философское мировоззрение как альтернатива таким исторически сложившимся типам мировоззрения как мифология и религия, также обладает и своей спецификой по отношению к науке, поскольку выполняло и надеемся выполняет функции метаанализа научных исследований, «квинтэссенции всех наук» (по Г. Гегелю). «Признанное место философии» в системе подготовке профессионалов все больше ставится под вопрос такими процессами:

– логикой реформирования системы высшей школы с сокращением гуманитарно-философского блока дисциплин;

– стереотипами практических запросов из структуры экономики, в которой курс на рыночные отношения является превалирующей практикой обесценивания фундаментальных и мета-исследовательских направлений;

– сменой поколений управленческих кадров и молодежи с тенденцией упрощения научного знания и заменой понятия «знания» на понятие «информацию» в средствах массовой информации;

– смещения фокуса внимания с поиска «истины» на рассмотрение «постправды».

Все это актуализирует проблемы смены направлений деятельности философов, те повороты, которые требуют поиска ответов на современные вызовы виртуализированного мира, с технологиями утверждения гиперреальности, как мира новой экономики, стоящей над обществом потребления и опирающемся на него.

В центре виртуализированного мира все-таки находится не только симуляция и моделирование, не только (и к тому же) копии копий –

симулякры, но реальный процесс коммуникаций и в политэкономическом измерении – процесс обмена и распределения (находящийся в системе отношений производство – распределение – обмен – потребление).

В результате по отношению к качественным, поворотным изменениям в формировании философского мировоззрения следует отметить следующие важнейшие, на мой взгляд, направления для философского осмысления.

Во-первых, *гносеология и эпистемология* из сферы теоретического, а часто «статусного», определения требует перехода в научно-практическую и научно-популярную сферу работы, прежде всего, с молодежью, что будет требовать объяснения и демонстрации решения *вопроса об логически обоснованном и морально-этически выверенном разграничении истины и лжи*. Побочным процессом является раскрытие подделок, фейков и репутационных войн, что актуализировано в референтно-массовом сообществе социальных сетей и их гибридизации со СМИ. Сейчас это направление уверенно «держит» журналистика в фактчекинге. Но это система комплексной проверки фактов эмпирических исследований, а теоретический и фундаментальный уровень проверки отдан на «растерзание» социально-сетевым активистам, а часто и группам влияния международных игроков, которые все больше заинтересованы в дискредитации философии и метанаучных исследований – как информационный захват «права на истину». В результате цифровизации государств, пересечения границ, публичной и приватной сферы, создается угроза блокировки социально-презентующих систем в Интернете, под предлогом «недостоверной информации» или «неправды» (примером было даже блокировка страниц тогда еще действующего Президента США Д. Трампа). Философия призвана не только отвечать на существенные проблемы развития общества, но и служить цивилизаторской, обучающей функции по отношению к обществу.

Во-вторых, возрастает *роль философии в развитии общества в аксиологическом – ценностном и оценочном измерении движения к мудрости*, поскольку мир информации, не только подменяет знания информацией, но и вводит оценочные установки в мир поиска отцифрованной информации в Интернете, часто с сомнительной направленностью, и эмоционально броскими «цепляющими утверждениями» в борьбе за внимание и его удержанием на интернет-страницах. Глубокие исследования ценностей отбрасывается по умолчанию, как, впрочем, и логико-понятийное, рационализированное оценивание. В результате формируется не только клиповое мышление с сокращением времени информационных сообщений, если раньше в рекламе до 30 секунд, то сейчас в Инстаграм, Тик-токе до 15 секунд. При этом в бюджете времени дня молодежь тратит большой объем времени на социальные сети. Сейчас только японцы и американцы научились

удерживать внимание и рассматривать серьезные философские темы в сериалах – как последовательном обучении массовой аудитории.

Обучение концентрации, вниманию и логико-понятийному, морально-этическому мышлению без понимания этих процессов становится невозможным и значительно сужает основу для понимания философии, создавая систему «брошенности философии» в обществе. Философия все чаще в стереотипах массового сознания определяется как инструмент непонятного мыслительного назначения – что, в свою очередь, определяет упрощение мышления и мировоззрения собственно общества. Ответить на этот вопрос могут только философы.

В-третьих, потребность изменения направленности гносеологии и аксиологии ставит вопрос о специфики исследований онтологии – онтологическом повороте – разграничения реальности, объективного мира и субъективного мира со своими имитированными – виртуально-игровым миром и гиперреальностью (провидчески проанализированной Жаном Бодрийяром). Требования онтологии определяет уже не только проблематику присутствия, но и отсутствия в реальном мире, «застрявания» в гиперреальности, а следовательно, создания мыслительных контуров онтологического возвращения в реальность, верификации мира, разграничения реальности и гиперреальности, настоящего и симулятивного миров (с использованием обучающих возможностей виртуальной и дополненной реальностей).

В-четвертых, поворотные проблемы стоят и перед *праксиологией и практической философией*, философия слишком долго находилась в «катакомбной культуре» (эскейпизме в привычную уютную сферу истории философии, наследия предыдущих гигантов мысли) и «внутренней миграции» держа оборону от внешний влияний практически значимых решений проблем общества и моделирования бытия развития. Результатом бегства философии из общества стало интервенция за статусами в философию бизнесменов и чиновников, присвоение философских научных званий людьми стремящимся к статусам и званиям, но уходящими от поиска мудрости в жизни. Поэтому назрело возвращение философии к 11 тезису о Фейербахе Карла Маркса в новых конкретно-исторических условиях. Одновременно место философской праксеологии *как поиска рациональных основ эффективной деятельности* заменили бесчисленные курсы и тренинги лидерства, мотивации, эффективного управления, личной эффективности, часто разновекторные и внутренне противоречивые.

В-пятых, если предыдущие повороты направлены на возвращение философии и ее понятности обществу, то этот поворот направлен на философское осмысление новых систем образования, которые часто носят альтернативный привычному и пока еще удобному, но катастрофически сужающемуся, философскому образованию в высшей школе. Оно часто

безопорно в средней школе (где предметы «Обществоведение», «Человек и мир» стали факультативными предметами – «довеском» для школьных учителей в нагрузке к основным предметам). Философское осмысление тенденций и новых систем образования (с актуализацией онлайн систем образования во время пандемии COVID19 и неформальных систем образования несколько раньше) требует участие философов не только в популяризации философии как поиска мудрости жизни, но и формирования публичной философии, как вопрос «нового философского просвещения» общества.

В-шестых, формирование в образовании модульной системы обучения, модульных профессий и в конечном счете «модульного человека», часто сокрыто под дымовой завесой компетентностного подхода, а, значит ставит *вопрос об исцеляющей философии*. Речь идет *о философии целостности* и гуманизма, миротворчества, выхода из социальных травм и теории страха перед ними, как теории безопасности, к теории социального и гуманистичного развития, преодоления мифологии и религии войны с регрессией мировоззрения к архаичным формам мышления. Поворот к философии целостности и гуманизма является основой к решению задач освоения космоса и того, что означает выход человечества во всеединство деятельностного начала.

В-седьмых, философия стоит перед проблемой решения *осмысления будущего*, практикой мышления теоретическими моделями будущего лучше предыдущего, как не только *борьбы за фьючерсное равенство*, равенство возможностей в будущем людей и обществ (что безусловно необходимо), но и *осмысления права на будущее*.

Думаю, эти семь поворотов формирования философского мировоззрения в гиперреальности современного мира являются существенными уже не просто для развития, но и выживания философии в «новом чудном мире», в котором оказались философы. А они, хочется верить, все-таки обладают миссией движения человечества по пути прогресса, гуманизма и целостности человечества в общечеловеческом стремлении к лучшему будущему.

## THE APPLICATION OF LAOTZE'S THOUGHT IN RELEASING THE PSYCHOLOGICAL PRESSURE OF COLLEGE STUDENTS

*Chen Linlin*

In the first part I would like to introduce the background of this research. College students are with higher knowledge and better ability among the youth. The particularity and importance of their identity make the great pressure of college students highly concerned by the society. As a result, we conducted a psychological stress survey on a freshman in a college of China based on the

Symptom Checklist SCL-90. It shows that the average SCL-90 detection rate of freshmen was 14.7% in 2017, 15.2% in 2018, 15.4%in 2019 and 15.9% in 2020, which displays that the psychological pressure of college students is increasing year by year.

In order to find out the Sources of College Students' Psychological Stress, we produced a self – edited psychological stress questionnaire to survey 1,200 undergraduate students of ten universities in Guangdong Province, a province with great economic development in China.

According to the results, 53% of the students believe that the first pressure faced during the university is study. For the second pressure, 24% of students believe that it is employment pressure. At last, 21% of students hold the view that the third pressure is interpersonal stress, while 20.5% of students believe it's the pressure of not being recognized by others or self – recognized.

The second part of the paper covers the data used in this research. On this basis, we conducted a further study on the main sources of psychological stress by selecting 50 in-depth interviews with college students from four of the universities. Depending on the severity, psychological problems can be classified into three categories: developmental psychological problems, mild psychological problems and severe psychological problems. The survey results show that the sources of psychological stress of college students mainly include academic problem, employment and interpersonal relationships.

Then let's move to the third part of the research. The Main Content of Lao-tze's Philosophy Thinking Applied to the Adjustment of College Students' Psychological Stress.

It is believed that psychological stress is the physiological changes and mood fluctuations of people caused by changes in the external environment and internal state of the body. For college students, the external environment cannot be easily changed by its own power. However, subjective cognition is the reflection of college students' own objective things, which can be changed by changing their own way of thinking and attitudes towards life. Lao-tze's thoughts of "Ziran", "Wuwei" and "Xiushen" provide a dialectical thinking for people to understand the world and life.

According to Lao-tze, "Man follows the earth, earth follows the sky, heaven follows the Tao, and Tao follows nature" (Lao Tzu, Chapter 25) "Ziran" in Chinese means following the nature rule. "Nature" is the law to follow and comply with, which includes both nature and the process of natural realization. As to the academic problem, college students should apply the process of learning and pay attention to long-term study, which cannot be achieved overnight.

Secondly, "Wuwei" is the essence of Laozi's thought. "Inaction" is not "inaction", but "inaction without inaction" (Lao Tzu, Chapter 37). In a sense, it means doing something or not. Faced with the pressure of employment, college students should first "do something", study hard, practice diligently and forge

their own professional skills; on the other hand, they can choose to learn knowledge in a targeted way, without any fuss, cheating and speculation. One step at a time, along the goal of increasing knowledge and skills, college students could have a comprehensive and sober understanding of their own situation and external environment.

Finally, in Lao Tzu's view, being good is like water. Water is good at nourishing all things without competing with others. In the process of College Students' interpersonal communication, the idea of "good as water" is applied to learn from "water", that is, to be good at "dealing with the evils of all", to lower one's stature, to keep calm and silent, to consider and serve others sincerely, so that interpersonal relations can be harmonious and interpersonal. Then the stress naturally eases.

## «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» КАК СОЦИАЛЬНАЯ И НАУЧНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ

*Е. В. Мареева*

«Искусственный интеллект» из мечты стал реальностью. Другое дело – обладает ли Google в качестве интернет-сервиса интеллектом? Здесь перед нами интеллектуальная аберрация, когда не программу оценивают с позиций человеческого ума, а, напротив, возможности нашего ума определяют, исходя из успехов программирования.

Ушел в прошлое бихевиоризм, когда в свете успехов физиологии человека оценивали посредством схемы «стимул-реакция». Понятно, что в век информационной революции на человека уже смотрят через оптику сложной технической системы, а на его ум как на аналог суперкомпьютера. Направление трансгуманизма возникло именно на почве идеи ущербности человеческого ума, который посредством НБИК-технологий будет замещен перспективным искусственный аналогом. Но трансгуманизм потому легко овладевает умами, что это не глупость, а глобальная мистификация, а точнее объективная видимость, в основе которой и успехи науки, и научно-технический фетишизм, когда публика, да и сами создатели «нейросетей», экстраполируют на них свои творческие способности.

В 60-е гг. XX в. еще у истоков компьютерной революции Э. В. Ильенков писал о том, как человек в силу обстоятельств переоценивает собственное орудие. Во времена Ильенкова ЭВМ именовали «быстродействующим идиотом». Современные возможности техники не могли представить ни Маркс, ни Гегель, которые хорошо понимали природу нашего мышления и при этом были уверены, что техника, как и мир культуры в целом, – наше «неорганическое тело». Но

техническая цивилизация как гигантское «неорганическое тело» человека – не только помощник, но и угроза. Однако нам угрожает не порабощение машинным разумом, как это изображают в антиутопиях. Еще в 1968 г. в книге «Об идолах и идеалах» Ильенков пишет, что «вовсе не Машина сама по себе превращает одного Человека в Раба, воспитанного в голодной дисциплине, а другого – в Жадного Хама, продавшего свое человеческое достоинство за радости комфорта и мещанства» [2, с. 33].

Индустриальная революция в свое время превратила наемного рабочего в придаток машины (К. Маркс), постиндустриальная революция уже превратила его в придаток социальных сетей. И в обоих случаях это сопровождается деградацией индивида – умственной и физической. Искусственный интеллект – сложнейшие технические устройства, преобразившие весь наш мир. Но суть «общества массового потребления» (Ж. Бодрийар) такова, что они отнюдь не помогают овладевать богатством духовных орудий человечества – искусством с возможностями художественного вкуса, философией с культурой теоретического мышления и др. Все это богатство замещается суррогатом пустого общения в сетях. В этом своеобразие отчуждения в XXI в., в эпоху позднего постмодерна, где информационные технологии – средство манипулирования индивидом, который при этом признается «творческой личностью» [5, с. 121].

Разделение умственного труда в середине XX в. обернулось противостоянием в среде интеллигенции. Спор «физиков» и «лириков» был выражением разницы в мировоззрении научно-технической и гуманитарной интеллигенции, что в философии выглядело как противоборство позитивизма и экзистенциализма. Но у этого противостояния было и другое обличье, когда в самой науке разошлись две версии понимания науки и самого мышления. Речь идет о различиях науки в форме Science и Wissenschaft. В названии «Наука логики» (Wissenschaft der Logik) у Гегеля имеется в виду наука в ее классическом гуманистическом понимании. И в то же время в английских университетах знание об обществе и человеке не только методологически, но и идейно сближалось с естествознанием, где к человеку применимы те же эмпирические методы, которые пспользуются в позитивной науке типа Science. В статье «О культурной определенности науки: наука как Science и / или Wissenschaft» О. Ф. Иващук отмечает, что «немецкая философия провозглашала несводимость научного творчества ни по характеру, ни по результату к репродуктивному облику science, несводимость науки-Wissenschaft к ее усеченной английской версии» [1, с. 16]. В свою очередь знание о человеке и его мыслительных способностях в науке англо-американского образца приобретало все более формализованный характер, ориентированный на технологическое применение. Как мы знаем, позитивизм, а значит наука типа Science, стали доминировать не только в

нейрофизиологии и computer sciences, но в большинстве социально-гуманитарных наук. Что касается современной философии, то здесь самый передовой мыслитель как раз тот, кто отказывается от философской классики, опираясь на узкопрофессиональной взгляд на интеллект в науке типа Science.

Но в том-то и дело, что основа мышления человека – вовсе не алгоритм, а его совершенствование – не создание новых алгоритмов, привязанных к изменившейся ситуации. Неизбежный тупик на этом пути описан в сказке про Ивана-дурака, которая есть у многих народов. Дурак потому и дурак, что использует старые предписания в новых ситуациях [6]. Но даже там, где создатели искусственного интеллекта идут по пути поиска нового решения самой машиной, у нее нет критерия для отбора адекватных алгоритмов, каким у человека является практика.

Иначе говоря, мы ищем каждый раз конкретное решение проблемы в реальном мире, а не в базе данных, даже если речь идет о Big Data. Но и ученый, который действует в пространстве воображения, опирается не на алгоритмы, а на категории мышления, изучением которых занималась классическая философия. И формами мышления категории являются потому, что это принципы действия, позволяющие каждый раз принимать адекватное ситуации решение. Простой пример – категорический императив И. Канта, а его суть: «Человек всегда цель, и никогда средство». Но алгоритма такого действия не существует. И возможно ли уяснить, что есть Добро и Зло, путем перебора «базы данных» всей человеческой истории?

Столь же принципиальна проблема идеального для понимания способности воображения, которая лежит в основании теоретической, художественной и любой другой деятельности человека, вплоть до идеальности наших чувств [4]. Наш выбор основан на целеполагании, и цель определяет поиск конкретных средств и способов ее достижения, порой парадоксальных, в чем проявляет себя суть творческого мышления. Парадоксальный способ решения потому и эффективен, что сокращает путь движения к цели. Так не только случайность, но свобода воли человека оказываются встроены в основание творчества, в то время как искусственный интеллект может предложить лишь произвольный выбор, исходя из внешне заданных критериев.

Специалисты со знанием программирования и истории философии особо ценны потому, что видят разницу между творчеством и сопоставлением новой информации с уже наличной базой данных. «Даже в своей памяти мы не храним данные, как компьютер, – пишет Д. Нуштаев, – а всегда как будто по-новому их создаем – этот вопрос требует отдельного философского разбора, но мы точно можем сказать, что мы можем работать с тем, что есть, не прибегая к нашей памяти. … Алгоритм так не может – он всегда работает через отсылку к уже имеющейся БД» [7].

Речь опять идет о том, что умный человек владеет не алгоритмами, а культурой мышления, в основе которой «универсальные схемы деятельности», которые распредмечиваются при освоении вещей, созданных людьми для людей [3]. А тот, кто закрыл себе доступ к этим богатствам развитого ума, сам близок по интеллекту к той машине, рабом которой он становится на радость жадному Хаму, наживе которого нет предела.

**Литература и источники**

1. Иващук, О. Ф. О культурной определенности науки: наука как Science и / или Wissenschaft / О. Ф. Иващук // Вестник МГУКИ. – 2018. – № 4. – С. 10–22.

2. Ильенков, Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1968. – 317 с.

3. Ильенков, Э. В. Проблема идеального / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. – 1979. – № 6. – С. 128–140.

4. Мареев, С. Н. От Канта и Кассирера к Ильенкову: проблема идеальности человеческих чувств / С. Н. Мареев // Вопросы философии. – 2009. – № 9. – С. 142–152.

5. Мареева, Е. В. «Лузер» апостол Павел / Е. В. Мареева // Свободная мысль. – 2013. – № 2. – С. 149–157.

6. Мареева, Е. В. От искусственного интеллекта к искусственной душе / Е. В. Мареева // Вопросы философии. – 2014. – № 1. – С. 171–177.

7. Нуштаев, Д. Почему невозможен искусственный интеллект (Strong AI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://medium.com/ techroom/ ai-bf70d0f1e41/. – Дата доступа: 20.03.2021.

## МЕТОД Л. ВИТГЕНШТЕЙНА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Н. В. Медведев*

Метод Л. Витгенштейна вызывает повышенный интерес в философском сообществе, правда, этот метод претерпел кардинальные изменения в ходе эволюции мировоззрения австрийского мыслителя. Сохранив верность своему исходному принципу – «критике языка», – поздний Витгенштейн осуществил переход от концепции философии, связанной с синоптическим видением мира и прояснением смысла основополагающих научных утверждений, к так называемой *терапевтической* философии, которая должна помочь «пациенту» избавиться от концептуальных заблуждений, обусловленных неверным истолкованием употребляемых слов повседневного языка. Благодаря совместным усилиям исследователей, сегодня реконструирована методология философской терапии, которая охватывает объекты, цель терапии, а также идею совершенствования терапевтического метода.

Разбирая особенности терапевтического метода, большинство специалистов сходится во мнении, что Витгенштейн в «Философских исследованиях» отказался от использования назидательного тона в общении со своим воображаемым оппонентом; он не столько обучает собеседника правильному употреблению языка, сколько побуждает его размышлять над собственными выражениями [3; 5].

Аргументация этой точки зрения, как правило, строится на основе анализа специфики терапевтической практики, которую Витгенштейн демонстрирует в «Философских исследованиях». Вместе с тем нам важно прояснить философскую технику Витгенштейна, чтобы понять, как ему удается заставить своего собеседника мыслить. Безусловно, специалисты правы, когда они заявляют, что практикуемый Витгенштейном способ лечения философских болезней стимулирует воображаемого оппонента размышлять над его собственными выражениями. Но вполне допустимо, что приверженец витгенштейновской философии способен изобрести и использовать несколько иную форму философской терапии. На это намекает и сам Витгенштейн в Предисловии к «Философским исследованиям»: «Я был бы рад опубликовать хорошую книгу. Эта такой не является, и время, когда ее можно было бы улучшить, прошло» [1, с. 15]. Актуальным остается вопрос о том, насколько эффективным и полезным может быть метод Витгенштейна в случае его применения в образовательном процессе, прежде всего при изучении курса философии? Этот вопрос относится к числу малоизученных тем в современной философии образования, несмотря на то, что имеется определенный опыт применения метода Витгенштейна в педагогической практике [4].

Цель моего доклада заключается в том, чтобы раскрыть педагогический потенциал, содержащийся в философском методе Витгенштейна. Основной тезис состоит в том, что витгенштейновский метод помогает личности освобождаться от навязчивых концептуальных образов, стереотипов мышления и учит воспринимать мир в новом свете посредством грамматического действия.

Согласно Витгенштейну, нет какого-то одного метода лечения философских болезней, а «есть многие методы, наподобие различных терапий» [1, с. 87]. Для преодоления концептуальных замешательств могут быть использованы различные приемы, например, описание способов употребления языкового выражения или постановка вопроса, как мы учимся правильно употреблять слова, или предложение участвовать в вымышленной языковой игре и т. п. Демонстрируемые Витгенштейном приемы, по сути, раскрывают суть его философского метода, который обладает несомненной педагогической ценностью, а именно способностью пробуждать в собеседнике желание размышлять над собственным словоупотреблением.

Описываемые Витгенштейном многочисленные обучающие

ситуации, где основными действующими лицами являются учитель и ученик, призваны прояснить грамматическую путаницу, которая является источником философских проблем. Такой способ прояснения значения трактуется им как «изобретение промежуточных звеньев», которые помогают обозревать употребление слов [1, с. 84]. Витгенштейн направляет наше внимание на форму применяемого собеседником выражения, причем его замечания выглядят так, как будто он хорошо знаком с позицией своего собеседника. Например, он утверждает, что «философское понятие значения имеет свое место в примитивном представлении о том, как функционирует язык» [1, с. 18]. Он разбирает утверждение, которое лежит в основе представления Августина о том, что именование есть главная функция языка. Другой пример мы находим в абзаце, посвященном рассмотрению понятия *следование правилу*, где Витгенштейн говорит: «Можно заметить, что здесь имеется непонимание, вытекающее из простого факта, что в ходе доказательства мы даем одно истолкование за другим; как если бы каждое удовлетворяло нас, по крайней мере, на мгновение, пока мы не нашли нового, его подкрепляющего» [1, с. 130]. Витгенштейн понимает, что его собеседник бессознательно принимает нечто вроде интерпретации, которая, независимо от каких-либо правил, определяет то, как ведут себя люди в случае достижения ими согласия.

Вместе с тем философский метод Витгенштейна призван помогать собеседнику овладевать приемлемым способом мышления. Витгенштейн стремится убедить своего оппонента признать необычность его собственных выражений, для этого предлагает их рассматривать в разных контекстах. Важными подсказками собеседнику в таком случае служат «языковые игры». Витгенштейн отмечает, что «языковые игры, скорее, выступают *объектами сравнения*, предназначение которых – проливать свет на факты нашего языка, посредством обнаружения не только сходств, но и различий» [1, с. 86]. Лечение философских болезней, обусловленных влиянием августиновской модели языка, Витгенштейн осуществляет при помощи примитивной языковой игры, которая позволяет выявить неразличимые аспекты философских понятий. Философская техника Витгенштейна позволяет обнаружить категориальные заблуждения, которые лежат в основе представлений собеседника и обусловливают его образ мышления.

Самым важным итогом философской деятельности Витгенштейна является разработанный им метод, применение которого в педагогической практике может помочь учащимся развивать свою способность к самостоятельному, критическому, творческому мышлению. Этот метод отвергает одномерный взгляд на мир, освобождает мышление индивида от стереотипных представлений и оков догматизма, создает условия для конструктивного диалога, расширяет горизонт мировоззрения личности.

Витгенштейн показывает, как учитель способен привить своим ученикам новые модели поведения, которые с течением времени станут привычными для них и будут восприниматься форма жизни [2, с. 91].

Таким образом, независимо от того, придерживается ли Витгенштейн или нет определенной основы правильного употребления языка, его философский метод обеспечивает собеседника подходящим способом мышления. Метод Витгенштейна соответствует природе философских проблем. Эти проблемы понятны тем, кто легко замечает наличие в них грамматических ошибок. Однако, обнаружение грамматической ошибки не есть эффективное средство для избавления от «мучительной» проблемы философии. Витгенштейн почти ничего не говорит собеседнику о его грамматически ошибочной интерпретации. Он просто побуждает его размышлять над собственным словоупотреблением. Для этого важно преодолеть разрыв, который существует между точкой зрения информатора и его реципиента. Витгенштейн рекомендует нам прибегать к наглядным примерам, которые помогают объективно рассматривать словоупотребление, но не следует навязать собеседнику свою точку зрения как единственно верную. Метод Витгенштейна служит противоядием против той философской бессмыслицы, которая иногда проникать в педагогические теории. Эта бессмыслица, по Витгенштейну, скрывается в нашей грамматике. Такой вывод способствует лучшему пониманию метода Витгенштейна.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00254.*

**Литература и источники**

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Людвиг Витгенштейн // Пер. с нем. Л. Добросельского. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 347 с.

2. Медведев, Н. В. Философская педагогика Л. Витгенштейна / Н. В. Медведев // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13, № 4. – С. 87–92.

3. Diamond, C. Criss-cross philosophy / Cora Diamond // E. Ammereller and E. Fischer (eds.). Wittgenstein at Work: Method in the Philosophical Investigations. – London and New York: Routledge, 2004. – Pp. 201–220.

4. Erden, Y. J. We need to talk about Wittgenstein: the practice of dialogue in the classroom and in assessment / Y. J. Erden // Arts and Humanities in Higher Education. – 2019. – Vol. 18, № 1. – Pp. 34–48.

5. McGinn, M. The Routledge Guidebook to Wittgenstein's Philosophical Investigations / Marie McGinn. – London and New York: Routledge, 1991. – 360 p.

# ЭКОПРОСТРАНСТВО СИСТЕМЫ ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕХНОГЕННЫЕ РИСКИ

*С. С. Мишук*

Развитие информационного общества в XXI веке привело к возникновению особой виртуальной сферы, которая постепенно приобрела глобальные масштабы и сформировала действительно общецивилизационную «разумную оболочку», необходимость и закономерность появления которой гениально предвидел В. И. Вернадский.

В настоящее время развитие системы информационно-коммуникационных технологий в общецивилизационном контексте данными процессами не ограничивается. Система ИКТ начинает постепенно выходить за собственные рамки: на современном этапе алгоритмы как бы выходят за пределы чисто технического компонента, за пределы технических устройств и начинают активно трансформировать саму физическую реальность. Построенная на основе микрообъектов и микропроцессов, система информационно-коммуникационных технологий начинает менять мир макрообъектов и макропроцессов. Она уже требует внешних условий своего существования, соответствующих собственной природе. Как человеческое общество в целом преобразует окружающую его природу, создает в процессе своего существования особую, отвечающую его потребностям так называемую «вторую природу», так и система инфокоммуникационных технологий уже начинает формировать собственную «среду обитания». Очевидно, что структура, свойства и способы существования последней вытекают из структуры и свойств самой сферы ИКТ. В этом новом компоненте «второй природы» человека отражаются, проявляются сущностные свойства системы инфокоммуникационных технологий, которая, в свою очередь, представляет собою закономерное и необходимое продолжение общепланетарной сферы разума.

В совокупности данных процессов проявляются новые аспекты того парадигмального значения, которое играют информационно-коммуникационные технологии для современного общества. Характеристики новых структурных элементов «второй природы» уже должны соответствовать именно потребностям эффективного функционирования компонентов системы ИКТ. Фактически появляется особое «экологическое пространство», обладающее специфическими параметрами.

Требования, предъявляемые к структуре, характеристикам и способам функционирования экопространства информационно-

коммуникационных технологий, с необходимостью должны наиболее четко проявляться при изучении объектов, изначально создаваемых именно для данной системы, а не взятых из иных компонентов человеческого общества и приспособленных для ее целей. Причем размеры данных объектов также должны быть значительными, чтобы ярче проявились потенциальные проблемы при их создании и функционировании. С нашей точки зрения, достаточно наглядным примером такого типа объектов структуры ИКТ являются data-центры, или центры обработки данных (ЦОД). Появление данных элементов системы информационно-коммуникационных технологий в очередной раз подтверждает общую закономерность «удвоения» структур человеческого общества, проявляющуюся в развитии виртуальной сферы.

Центры обработки информации образуют принципиально важные структурные элементы собственного пространства инфокоммуникационных технологий со специфическими экологическими характеристиками. Причем эти центры, помимо включенности в процессы функционирования виртуальной реальности, представляют собою элементы физически-предметного мира, макромира. Они взаимодействуют с уже существующими элементами цивилизации; встраиваются во «вторую природу», но не совпадают полностью с нею. Данные центры обладают в этом смысле двоякой природой. С одной стороны, они являются новыми элементами «второй природы», новыми структурными компонентами неорганического тела человеческой цивилизации. С другой стороны, выступают «узлами», формирующими и структурирующими собственное пространства ИКТ. В них проявляются новые содержательные аспекты системы информационно-коммуникационных технологий как необходимого элемента ноосферы.

Центры обработки информации образуют принципиально важные структурные элементы собственного пространства инфокоммуникационных технологий со специфическими экологическими характеристиками. Причем эти центры, помимо включенности в процессы функционирования виртуальной реальности, представляют собою элементы физически-предметного мира, макромира. Они взаимодействуют с уже существующими элементами цивилизации; встраиваются во «вторую природу», но не совпадают полностью с нею. Следовательно, эти элементы структуры ИКТ обладают в этом смысле двоякой природой: они являются новыми элементами «второй природы», новыми структурными компонентами неорганического тела человеческой цивилизации и в то же время выступают «узлами», формирующими и структурирующими собственное пространства ИКТ. В них проявляются новые содержательные аспекты системы информационно-коммуникационных технологий как необходимого элемента ноосферы.

Обратимся к анализу вышеуказанных направлений.

Первое направление при ближайшем рассмотрении распадается на две составляющие. Во-первых, data-центры должны соответствовать требованиям, уже сформированным в рамках «второй природы» к объектам такого назначения. В первую очередь, должны быть обеспечены безопасность и гарантии устойчивости работы данных элементов пространства ИКТ, с учетом как чисто природных, так и антропогенных факторов. Во-вторых, должны быть обеспечены необходимые внешние инфраструктурные условия, обеспечивающие устойчивое функционирование таких объектов.

Второе направление развития данных компонентов системы инфокоммуникационных технологий реализуется в процессах формирования собственного экологического пространства, параметры которого должны обеспечивать устойчивость и результативность функционирования самой системы ИКТ в целом. Экопространство внутри data-центров должно соответствовать специфическими физико-химическими параметрами, обеспечивать определенный микроклимат и т. д.

В рассмотрение данного направления в развитии экосреды системы ИКТ следует выделить два аспекта, связанных с условиями функционирования как технических устройств, так и самого человека, занятого в обслуживании данных объектов. Постараемся кратко охарактеризовать каждый из них.

Необходимость обеспечения соответствующего температурного режима и системы вентиляции, которая должна обеспечить приток не просто холодного, но и чистого воздуха извне. Соответственно, «отработанный» воздух будет выделять наружу. Экологическое пространство данных объектов должно быть свободным от пыли, которая является источником электростатических напряжений. Требуется поддерживать определенный уровень влажности – в противном случае возможно образование «дождевого облака» с выпадением конденсата на оборудовании. В структуре экосреды таких узлов пространства информационно-коммуникационных технологий будет возникать свой специфический биокомпонент: бактерии, микроорганизмы, различные форм плесени, грибов и т. д. Борьба с ними с помощью фильтров не будет эффективной; жидкости здесь вряд ли можно будет использовать. Возможно, потребуется периодическое заполнение помещений специальной газовой средой.

Все вышеназванные факторы будут воздействовать и на людей, работающих внутри подобных объектов. Здесь уже четко прослеживаются не менее трех направлений подобного воздействия. Во-первых, влияние на физическое здоровье человека. Необходим целый комплекс мероприятий, начиная от спецодежды, особого режима труда и завершая специальными мероприятиями по реабилитации обслуживающего персонала, чтобы

обеспечить возможность нормальной работы. Во-вторых, сформированная экологическая среда подобного типа будет оказывать постоянное воздействие на психическое состояние сотрудников человека всем комплексом своих параметров. В-третьих, в данных структурных компонентах пространства информационно-коммуникационных технологий будет возникать такое явление, как «электромагнитный смог» - большая концентрация электромагнитных полей и импульсов вступает в резонанс, как с электромагнитными импульсами мозга человека, так и с работающими внутри него электросистемами (например, кардиостимулятором).

Таким образом, развитие системы инфокоммуникационных технологий приводит на современном этапе к зарождению и формированию особого экологического пространства, которое требуется для ее нормального функционирования. Процесс возникновения элементов такого пространства порождает целый ряд техногенных рисков, связанных как с существованием неорганического тела человеческой цивилизации и сложившимся глобальным экологическим балансом, так и жизнедеятельностью самого человека, развитием сущностных сил которого в XX – начале XXI выступает данная система.

## КОНЦЕПТ Ф. НИЦШЕ «БОГ МЕРТВ» КАК МОДИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

*Н. А. Никонович*

Рассматривая религиоведческие проблемы в зеркале методологической рефлексии, мы проанализируем концепт Ф. Ницше «Бог мертв» как модификацию современной философской антропологии. В работе Ф. Ницше «Веселая наука» мы можем обнаружить неоднозначность понятия «смерть Бога» и его трагические коннотации: «Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом. "Где Бог? – воскликнул он. – Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли средь бела дня зажигать фонарь?"» [1, с. 592–593]. На наш взгляд, идея смерти Бога может означать и смерть внутреннего, интериорного измерения человеческой личности, если исходить из базового постулата о том, что Бог – это то, что присуще человеческой природе. Идея смерти

Бога изменяет человеческое сознание как в направлении большей атономизации, так и в направлении экзистенциальной «заброшенности», отчуждения от собственного высшего «Я». В истории философской мысли глубоко и детально анализирует идеи Ф. Ницше и их коллизии другой известный представитель западной философии, К. Ясперс. Рефлексируя над постулатами ницшеанства, К. Ясперс показывает дихотомичность и раздробленность современного сознания: «Ницше, а вместе с ним и современный человек не живет больше связью с Единым, которое есть Бог, но существует как бы в состоянии свободного падения, связанный лишь путеводной нитью христианского единства человеческой истории; он падает навстречу лишенному трансценденции Единству, которое составляет этот мир и историю человечества, и лишь по мере своего падения обречен вместе с Ницше узнать, что эта всемирная имманентность вовсе не существует как нечто единое. Единство распадается, и случай становится последней инстанцией, хаос – подлинной действительностью, фанатизм – единственной опорой, лишь бы схватиться хоть за что-нибудь; вселенское Целое предстает экспериментальной мастерской, и человек, обманывая самого себя, принимается планировать это Целое, но в глубине души не может не сознавать обмана – и вот все выше, все мощнее поднимается Нигилизм» [2, с. 57]. Здесь противопоставлена нигилистическая парадигма отрицания Ф. Ницше и концепция философской веры с центральной идеей трансценденции К. Ясперса; мы можем увидеть их антагонизм. Человек, по К. Ясперсу, оказывается перед лицом сущностного экзистенциально-онтологического выбора: «…потеряет ли он себя здесь перед лицом Ничто, которое принудит его сперва к отчаянию, а потом к фанатизму, или найдет себя перед лицом трансценденции, которая позволит ему устоять и сделаться свободным» [2, с. 61]. Анализируя философию Ф. Ницше, мыслитель заключает: «Он сознает Ничто своей эпохи как собственное, а собственное Ничто – как эпохальное» [2, с. 68]. Философия Ф. Ницше оказала влияние на развитие всей философской мысли XX века, однако его идеи интересны также с точки зрения модификаций религиозной рефлексии (в ее нигилистическом модусе), религиозной и философской антропологии.

**Литература и источники**

1. Ницше, Ф. Веселая наука / Ф. Ницше // Соч. в 2 т.; пер. с нем. К. А. Свасьяна. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 592–593

2. Ясперс, К. Ницше и христианство / К. Ясперс // Пер. с нем. Т. Ю. Бородай. – М.: Московский философский фонд: Медиум, 1994. – 113 с.

# СОЗНАНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

*А. Г. Новогродский*

Обсуждая направления развития современного философского знания в контексте глобальных вызовов современности особое место необходимо уделить актуальным исследованиям сознания. На это указывают многие ученые работающие в данной области, в частности Д. И. Дубровский: «Проблема сознания становится сейчас первостепенной научной, философской и социальной проблемой по своему стратегическому значению, что связано во многом с мрачными перспективами развития нашей потребительской цивилизации, углублением общего антропологического кризиса» [1, с. 126].

В настоящее время тема цифровых технологий, искусственного интеллекта (ИИ) и возможности их использования на благо общества очень актуальна. Возникающие проблемы и достигнутые результаты затрагивают острые для общества вопросы, такие как монополия человека на разум, сознание и его ответственность за разработку концепций влияющих на ценностно-смысловое наполнение жизни общества. Все это требует серьезного философского исследования «сильного» и «слабого» ИИ, «искусственного сознания» и влияния данных феноменов на нашу жизнь.

Важно не только правильно определить направления необходимых исследований в области цифровых технологий и способы грамотного их внедрения, но и показать неизбежность вовлечения в данный процесс практически всего современного общества. Белорусский философ Санько С. И. пишет об этом так: «Нельга не звярнуць увагу, што на зломе двух тысячагодзяў чалавецтва не толькі сур’езна арупілася праблемай, спароджанай выключна камп’ютарнай рэвалюцыяй, але і перажыло своеасаблівы светапоглядны зрух, які адбіўся не толькі ў працах многіх матэматыкаў, фізікаў і філосафаў, але і ў масавай свядомасці» [2, с. 15].

Бурный рост систем контроля над человеческим обществом: введение обязательного общественного рейтинга в КНР контролируемого системой ИИ, попытки «цифровизации» населения Москвы и предполагаемое широкое внедрение цифровых технологий в Республике Беларусь с использованием систем ИИ ставит перед нашими учеными непростые задачи по разработке принципов построения нового общества. Общества, использующего инструменты машинного обучения, нейронные сети, системы распознавания лиц, автоматизацию и роботизацию во благо человека. Для понимания данных процессов и контролируемого развития систем ИИ первостепенное значение имеют работы по теории сознания. Философы, как никто другой могут внести важный вклад в эту область научных исследований. Вот как об этом пишет Д. И. Дубровский:

«Очевиден крайний дефицит критического рассмотрения предлагаемых теорий и концепций сознания. Эту столь необходимую, трудную, иногда весьма неприятную работу призваны выполнять в первую очередь философы, занимающиеся методологическими и теоретическими вопросами науки» [1, с. 127].

Для более глубокого понимания взаимосвязи между исследованиями феномена сознания и разработкой систем ИИ необходимо рассматривать концепцию онтологического подхода к разработке данного направления. Нужно это делать принимая во внимание ущербность имеющихся в настоящее время определений: «слабого ИИ» – решающего узкие задачи, «сильного ИИ» – использующего универсальные алгоритмы, машинное обучение и нейронные сети для решения широкого спектра задач, и «супер-ИИ» – по утверждениям сторонников трансгуманизма, способного многократно превзойти интеллектуальные способности человека и обреченного в своем развитии на некую «сингулярность», невозможную для понимания человеческим обществом.

Поэтому важной задачей стоящей перед научным сообществом и особенно философами, является определение уникальности человеческого сознания в свете онтологического подхода, новой классификации систем ИИ и создание предпосылок для гармоничного и контролируемого развития новых технологий на благо человечества.

Необходимо отметить, что для работы в этом направлении в Республике Беларусь создана уникальная научная база и в трудах наших ученых есть наработки способные привести к прорыву в изучении феномена сознания. К примеру, в Институте философии НАН Беларуси сложилось несколько научно-исследовательских групп, в разработках которых открываются новые горизонты для развития современного общества по пути грамотного использования потенциала современных цифровых технологий и искусственного интеллекта [3; 4].

Новый оригинальный подход к пониманию взаимосвязи человеческого разума и мозга в рамках субстанциально-информационной онтологии, можно найти, например, в недавней публикации белорусских ученых: «Материальный носитель человеческого разума – мозг, способен воспринимать и обрабатывать информацию, поступающую из субстанциального и трансцендентного по отношению к вещественному уровню организации мира» [5, с. 14].

Данная краткая концепция может коренным образом изменить подходы к определению феномена сознания, методам и способам разработки систем искусственного интеллекта, их внедрения и использования. В свете изложенного выше можно ожидать широкого резонанса и обсуждения намеченной проблематики как в научных кругах, так и в обществе осознающим начавшийся процесс перехода к новому технологическому укладу.

**Литература и источники**

1. Дубровский, Д. И. Критический анализ теории сознания Пенроуза-Хамероффа / Д. И. Дубровский // Философия науки и техники. – 2017. – № 1. – С. 125–136.

2. Санько, С. И. Інфармацыя, кванты і фізычная рэальасць: анталагічныя небакраі навукова-тэхналагічнага поступу / С. И. Санько // Наука и инновации. – 2017. – № 1. – С. 14–16.

3. Колесников, А. В. Космогенез. Становление человеко-машинной космической цивилизации будущего / А. В. Колесников // Воздушно-космическая сфера. – 2020. – № 4. – С. 30–39.

4. Симанов, А. Л. Квантовая основа сознания, или онтология психофизической квантовой реальности / А. Л. Симанов, А. Н. Спасков // Философия науки. – 2020. – № 1 (84). – С. 128–137.

5. Бабосов, Е. М. Антропный принцип в контексте глобального эволюционизма / Е. М. Бабосов, А. Н. Спасков // Философские исследования: сб. науч. тр. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Вып. 6. – С. 7–20.

## АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*В. А. Одиноченко*

Подчеркнем проблемный характер наших рассуждений о проблеме актуальности. Она может быть сформулирована различным образом, и сама ее формулировка является частью определенной ситуации, которая осмысливается как проблемная. Поэтому мы учитываем возможность и даже необходимость иных точек зрения. Это обусловлено самим характером философии, которая продуктивно функционирует в обстановке дискуссии (реальной либо предполагаемой). Когда осуществляется ее монологическое и безапелляционное изложение, философия как интеллектуальный феномен утрачивает свой продуктивный характер.

Мы исходим из того, что актуальность (от лат. *actualis* – *действенный*) – это способность быть пригодным для решения тех проблем, которые возникают перед человеком и обществом. Сейчас, когда меняются привычные схемы поведения и восприятия мира, актуальным становится осмысление самого этого изменения, его причин, характера и направленности.

Возникает вопрос: как может быть действенной философия в принципе и конкретно в условиях современной Беларуси? Следуя общепринятой логике рассуждений, ответом на него должно быть указание на функции – те роли, которые философия выполняет в обществе.

Они обычно перечисляются в учебниках, где задаются базовые представления о философии для человека, получающего высшее образование, которые в большинстве случаев сохраняются у него в

дальнейшем.

В Беларуси за период ее независимости вышел ряд учебников по философии. В одном из наиболее основательных и авторитетных называются такие ее функции как мировоззренческая, методологическая, социально-критическая (См. [1, с. 24–25]).

Перечисленные функции философии достаточно полно раскрывают ее место в современном мире. Можно назвать и другие. Важно, что они отсылают к вопросу, что такое философии.

Источником философствования является Древняя Греция. Именно там зародилась европейская философская традиция, в которую мы включены. Само слово *философия* греческого происхождения и переводится как *любовь к мудрости* (*φιλία – любовь* и *σοφία – мудрость*). Отсюда возникает вопрос о том, что такое мудрость и зачем она нужна. Аристотель писал о философии, что «все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше – нет ни одной» [2, с. 70]. Это положение вновь приобретает для нас актуальность, причем не как афоризм, но как часть системы мысли. Аристотель рассматривал философию как занятие свободного человека. В современных условиях необходимо осмысление того, что такое свобода. У Аристотеля она связана с трактовкой человека как разумного существа. В современных условиях всеобщего глобального распространения настроений утилитаризма и консьюмеризма резко возросла необходимость осмысления свободы как способа осуществления убеждений человека.

Большое влияние на понимание характера актуальности философии в современной Беларуси по-прежнему оказывает знаменитый одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [3, с. 4]. Поэтому нам необходимо его осмысление, как в плане принятия, так и полемики с прошлыми мировоззренческими установками и движения вперед.

Актуальность философии в Советском Союзе определялась задачами построения наиболее справедливого и гуманного общества, в котором все будут полностью обеспечены материальными благами. Акцент делался на практической деятельности, в контексте которой должно было осуществляться философствование. В качестве показательного примера приведем определение нравственности, предложенное одним из классиков марксизма-ленинизма и потому имеющее нормативный характер: «Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов» [4, с. 311]. Таким образом, философия была подчинена задаче изменения мира, и на первый план в конечном итоге выходила ее преобразовательная функция.

Отметим, что в советском обществе существовала официальная

трактовка философии. В ее рамках философия имела поддержку власти, но преимущественно как одна из трех составных частей марксизма. Кроме того Советский Союз был идеологизированным обществом. На наш взгляд, следует говорить как об отрицательных, так и о положительных последствиях данной ситуации. К последним можно отнести широкое распространение социальных знаний. В настоящее время это постепенно утрачивается, наиболее наглядным примером чего являются современные студенты. Тем не менее, интерес к социальным проблемам в нашем обществе растет, и со стороны философов должны быть предприняты усилия для его удовлетворения в новых условиях.

Сейчас для философии необходимо установление дистанции по отношению к различным идеологиям. При этом следует признать необходимость последних. Они выражают интересы социальных групп, т. е. имеют инструментальный характер. Поэтому, говорить об идеологиях возможно только в контексте политической деятельности. Философия же должна быть постоянно соотносима со своей первоначальной установкой на мудрость. На наш взгляд, необходимо изменение не столько в обозначении, сколько в понимании функций философии, а также ее самой. Прежде всего должна быть преодолена абстрактность в рассуждениях. Необходимо соотносить их с проблемами нашей современной ситуации. Также в контексте последней должно осуществляться понимание философии. Известно, что существуют ее различные определения. Мы использую следующее: философия – это способ осмысления наиболее фундаментальных аспектов действительности и возникшая на этой основе система знаний. Преимущество этого определения, на наш взгляд, состоит в том, что оно дает возможность построить дальнейшие рассуждения.

Фундаментальные аспекты действительности, которые являются предметом философии, не имеют характера наглядности и выявляются через проблематизацию того, что для нефилософского восприятия представляется очевидным.

В контексте наших рассуждений мы выделяем проблему как трудность и проблему как вопрос. При этом мы исходим из оптимистического видения мира. Трудности в нашем обществе порождены не его упадком, но, напротив, движением. Необходимость осмысления трудностей, а также выработки путей их решения создает ситуацию, благоприятную для развития философии.

Наличие вопросов о фундаментальных аспектах действительности является показателем активности человека, поскольку вопросы ставятся. Характер проблемы как вида вопрошания состоит в том, что неизвестными являются способы получения ответов. Но сама постановка вопроса открывает новые аспекты ситуации. Относительно наших рассуждений, это означает, что нам необходимо определить актуальность философии в тех условиях, которые являются для нас новыми.

В современной Беларуси осуществляется трансформация самой реальности. На этой основе возникает иная, по сравнению с прошлым, актуальность философии. Она не редуцируется к социальной проблематике. Хотя, возникновение независимой Беларуси и поиск путей ее развития данную проблематику в значительной степени актуализирует. Но сейчас, на наш взгляд, на первый план, с одной стороны, выходят проблемы онтологии, с другой – аксиологии. Необходимо определиться, что такое действительность. Материалистическая трактовка бытия не утратила своей эвристической ценности, но она должна быть как-то соотнесена с концепциями, выработанными в философии XX в. Также продуктивно рассмотреть человека через те ценности, которыми он руководствуется. Актуальным является понимание того, что такое личность, свобода, права человека. На наш взгляд, это в нашем обществе это понимание либо отсутствует, как следствие сохранения старых мировоззренческих схем, либо искажено в результате распространения потребительских настроений.

Сейчас для философии актуальным является, образно говоря, обретение собственного голоса. Для этого, на наш взгляд, необходимо исходить из наличной ситуации и выявлять в ней проблемы, в том числе и проблему актуальности философии.

**Литература и источники**

1. Философия и методология науки: учебное пособие / Ч. С. Кирвель [и др.]; под ред. Ч. С. Кирвеля. – Минск: Вышэйшая школа, 2018. – 568 с.

2. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения в четырех томах; ред. В. Ф. Асмус. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 63–367.

3. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С. 1–4.

4. Ленин, В. И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 41. – М.: Политиздат, 1981. – С. 298–318.

## АКАДЕМИЧЕСКИЙ СТАТУС ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

*Е. С. Петриковская*

В чем смысл существования университетов? На этот вопрос можно предложить как минимум три ответа, однако сегодня любой из них не является удовлетворительным, поскольку университет переживает трансформацию. Это значит, что три его функции – исследование, преподавание и администрирование – меняются местами. Размышления о потенциале практической философии в контексте вызовов XXI века

приводят нас в университет как место, где можно мыслить практически.

Практическая философия – это не теоретическая философия с последующим применением полученного знания. Скорее, это само философствование, реализованное понимание. О понимании В. В. Бибихин говорит как об открытости и принятии, правящем всеми телами и умами, как об умении. «Оно существо человека потому что человек не имеет в мире своей природы и не осуществится в своей истине, если не прикоснется к пониманию и не откроется в нем всему» [2]. Цель практической философии – узнавание себя или возвращение к себе, что позволяет открыться пониманием всему.

Уже средневековый университет предоставлял индивиду пространство для личностного роста и развития. Европейский университет эпохи модерна, основателем которого является кантианец Вильгельм фон Гумбольдт, построен на двух основных принципах: университетской автономии, находящейся под правовой зашитой государства; соединение обучения и исследования в едином образовательном процессе.

Немецкий университет решал задачу «образования посредством науки», что рассматривалось как автономная цель воспитания самостоятельного гражданина, опирающегося в своих суждениях и поступках на универсальную картину мира. Центром университетской системы В. Гумбольдта был философский факультет, объединявший тогда все теоретические науки. С середины XIX века усиливается автономизация и специализация научных дисциплин, что постепенно делает нереализуемой достижение единой цели «образования». К тому же наступил кризис философской претензии на синтез всего теоретического знания. В конце концов, наука превращается в сферу профессионального исследования, из которой исключаются все мировоззренческие элементы. Все это разрушило идею Гумбольдта, в основе которой – образование гражданина посредством науки. «В условиях высоко специализированного исследования формирование общей гуманистической картины мира уже не могло быть провозглашенной целью университетского образования» [4, с. 16]. Сложилась ситуация (главным образом в области гуманитарных наук), над которой стоит задуматься: чем сильнее представители наук настаивали на «научности» своих дисциплин и отвергали философию, ориентируясь на эпистемологические стандарты естественных наук, тем быстрее они утрачивали «полезность для жизни», то есть функцию ориентирующей картины мира. Как хорошо показал Ф. Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни» гуманитарные науки (у него речь идет об истории), ориентированные на позитивистскую программу естественных наук – описание фактов и формулирование эмпирических закономерностей – попадают под подозрение в бесполезности. Проект Гумбольдта оказался подорван из-за отчуждения знания от человека дисциплинарной специализацией.

Факультет философии постепенно уступил свое место центра гуманитарных наук и духовного центра университета факультету национальной литературы. Идея культуры как стержень либерального образования – это попытка подвести альтернативное разуму основание под совместную жизнь людей. Культура сплачивает людей в нацию, а образование через культуру работает на процесс создания и упрочения национального государства. В настоящий момент в связи с глобализацией происходит отделение Университета от идеи национального государства. Университет уже не призывается к тому, чтобы воспитывать граждан-субъектов. Он становится транснациональной бюрократической корпорацией, а его центральной фигурой – менеджер. Университет переориентируется на рынок, где действует обобщенная логика «учета», критерии рыночной эффективности и «управление качеством». В такой обстановке традиционные гуманитарные дисциплины утрачивают центральное место в университетской жизни. Вместо понимания (с помощью разума) и сущностного единства знаний целью университета XXI века становится способность обрабатывать информацию. В условиях неустойчивости конъюнктуры ведутся постоянные дискуссии о роли образования и поиски новой модели Университета будущего.

Тем не менее, кризис университета оказывается шансом для философии и связанного с ней мышления. Профессор Стэндфордского университета Х. У. Гумбрехт возвращается к идеям Гумбольдта и утверждает, что Университет является исключительно местом производства нового знания [3]. Он считает опасной тенденцию выводить инновации за пределы университета. Университет – это образовательное место, где создается более сложная картина мира, сохраняющая возможности для альтернативной точки зрения. Глобальной опасностью Гумбрехт считает нормализацию жизни общества, отсутствие в ней интенсивности, противодействовать чему как раз и призван университет, в котором на высоком уровне читаются гуманитарные дисциплины. И проводятся семинары по философии, которые помогают людям усложнить их понимание мира.

В споре о том, где подлинное место философии – публичная сфера или университет, Гумбрехт занимает сторону Академии. И с ним трудно не согласиться. Современные интеллектуалы совершают ошибку, признавая, что практическая философия – это публичная философия, которая стремится реформировать публичную сферу, повысить интеллектуальный уровень публичных сообществ и т. д. Представители академии, безусловно, могут вовлекаться в публичную интеллектуальную жизнь, однако не следует противопоставлять последнюю университетской аудитории. Именно в аудитории происходит интерпретация интерпретации, перевод и раскрытие философской эзотерики на доступный студентам язык. Именно в университете только и может

появиться публичный интеллектуал, стремящийся к универсальному просвещению. Доступ к универсальному знанию необходим каждому индивиду для завершения личностного роста [1].

К гумбольдтовскому идеалу Университета (идеал обучения, объединенного с исследованием) возвращается и американский философ Стив Фуллер. По его мнению, университеты уникальны – они производят новое знание (через исследование), а затем консолидируют и распределяют его (через образование). В первой фазе академия порождает новые формы социальных преимуществ и привилегий, а во второй их отменяет. Творческое разрушение социального капитала дает университетам право называться первыми предпринимательскими организациями [6, с. 47]. Таким образом, Университет – это организация, отвечающая за производство знания как общественного блага и регулирование потока знания в обществе [6, с. 360]. Этот образ может реализоваться только на фоне четкого представления об «академической свободе», которая позволяет и членам академии, и студентам свободно вести исследования в компании друг друга.

Рассматривая университет как место не просто критического, но совместного мышления, мы создаем почву для развития в нем практической философии. Мышление начинается там, где мы лишаемся алиби. Имеется в виду отказ от обоснования наших практик некой «внешней» идеей, которая избавила бы нас от ответственности за конкретные действия [5, с. 204]. Философы-практики не хранят приверженность абстракции, но включены в бесконечный диалог. Они раскрывают способности друг друга на основе понятий, ставших принципами поведения и потому уже не абстрактными.

**Литература и источники**

1. Апухтина, Н. Г. Методы философской практики (философское консультирование и партнерство) в студенческой аудитории: образовательный эксперимент. Часть I / Н. Г. Апухтина, Е. Г. Миляева, Р. В. Пеннер // Социум и власть. – 2018. – № 6 (74). – С. 68–78.

2. Бибихин, В. В. Узнай себя / В. В. Бибихин. – М.: Наука, 1998.

3. Гумбрехт, Х. У. «Башня из слоновой кости»: о будущем гуманітарного образования / Х. У. Гумбрехт // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Теорія культури і філософія науки». – Харків, 2016. – Вип. № 55: Койнонія. Філософія Іншого та богослов'я спілкування. – С. 13–27.

4. Плотников, Н. С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея / Н. С. Плотников. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 232 с.

5. Ридингс, Б. Университет в руинах / Билл Ридингс // Пер. с англ. А. М. Корбута; под общей ред. М. А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2009. – 248 с.

6. Фуллер, С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / С. Фуллер // Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой; под науч. ред. С. Гавриленко. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. – 383 с.

# ФИЛОСОФИЯ КАК БЫТИЕ РАЗУМА В КУЛЬТУРЕ НАЦИИ

*М. Ф. Печенко*

Во все эпохи, начиная с античной, философы давали определения своему делу, называя предпринимаемый субъективный опыт греческим словом «философия» (др.-греч. φιλοσοφία – любовь к мудрости, любомудрие). Это понятие включало всю духовную деятельность древних греков, исключая мифологию, потому как она была выведена за его смысловой контур. И хотя о философии как мудрости говорили Парменид, Гераклит, киники, киренаики, именно пифагорейцы придали ей статус образования и образа жизни, что одновременно служило определяющей характеристикой философа. Переход от мифа к логосу означал кардинальный поворот к философствованию или способу умозрительной деятельности как важнейшему делу философов, о чем говорил Сократ, а позднее его ученик и последователь Платон.

Философия, возникнув в пространстве древнегреческой культуры, получила системное положение, статус целостности, что предполагало онтологию, гносеологию социально политическую философию, а также моральное и эстетическое учение о человеке. Важно и то, что отношение греков к философии не было эпизодом, построенном на увлечении: этот процесс имел постоянство, которое свидетельствовало о деятельности философов в больших и малых городах Греции. Это значит, что она заложила и статус истории философии как описания укореняющегося в культуру древней Греции философствования, что отличало этот народ от других народов Средиземноморья. Наряду с мифологией и религией, философия ознаменовала победу логоса над мифом и поворот к разуму, что определило весь путь в будущее Европы, выдвинуло альтернативу варварству и нацелило континент на цивилизацию. Это определило как важную историческую характеристику философии, свидетельствующую о том, что она не прерывается во времени, а имеет продолжение в каждую культурную эпоху, и одновременно свидетельствовало о том, что философы развивали учения своих учителей, а также более далеких предшественников, выступая с критикой и обогащая их положения. Такая ситуация свидетельствовала о перманентности философствования и о постоянном присутствии философии в духовной жизни античного общества. Но если понимать, что история человечества также носит перманентный характер, то можно сказать, что древние греки, и особенно греческие философы, постоянно философствовали, направляя свое мышление как на власть, так и на свободных граждан. Это были философские школы, в том числе Академия Платона, Лицей Аристотеля, школы софистов, а также организованные городские споры со свободными гражданами Афин.

Никто из древних греков не сомневался, что философия является высшей формой разума, а ее познание гарантирует людям свободу и счастье, справедливость и равенство, поэтому важно жить философски, о чем говорил Эпикур, настаивая на философствовании как источнике совершенствования, и тот, кто игнорирует такое положение вещей, тот живет не достойно.

Античные философы заложили основы понимания роли философии в обществе, ее важность как для политики, так и для повседневной жизни. Аристотель в «Метафизике» определенно указал на то, что побуждало древних греков философствовать и потому создать науку мудрости, которая четко определялась как философия. Он подчеркнул, что «и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать» [2, с. 69], а потому возникающие всякий раз моменты удивления постоянно повторялись, что побуждало к созданию философии. Процесс освобождения от мифов был длительный, но он заключил в себе множество факторов, на основе которых греки стремились дать утешительные ответы, что превращало их в философов – людей серьезных и способных к доказательности.

Это значит, что философы освобождали мышление из пучины повседневности и уходили в царство рассуждений, споров, доказательств и опровержений, то есть связывали свою деятельность с поиском истины. Аристотель утверждал, что «тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного» [2, с. 69]. Уже здесь ясно, что Аристотель указывал на существование философского мнения как интеллектуального творчества, а не анализа мнений граждан.

Важно отметить одну деталь: Аристотель акцентирует внимание на свободном характере философии, ее стремлении вести за собой другого человека к подобному состоянию. Позиция такого рода, когда вокруг существовало рабство, а свободой обладали только аристократические люди, свидетельствует о том, что Платон и его ученик Аристотель видели в философии (и философствовании) способ обретения свободы, – разумеется, внутренней, субъективной, но такой дорогой человеку. «И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя» [2, с. 69].

Очевидно, что древнегреческие философы связывали философию с общечеловеческим идеалом – свободой, и поскольку философия самоценна, она была олицетворением надежды и свидетельствовала о том, что философия как способ обретения духовной свободы связывает человека с бытием. Обретение свободы определенно связано с познанием, с истиной, считал Сократ, и этот момент найдет свое осмысление в учении Христа, а в XVII веке отразится в мыслях Спинозы о свободе как познанной необходимости.

Когда философия выделяется в общественном сознании как его высшая форма, рассматриваемая в аспекте историко-культурного процесса, то изначально предполагается, что ее определяют не как просто знание, ученость, но как форму разумности, рациональный опыт, существование в границах нации. Философский разум является вечной формой интеллектуальной культуры, благодаря всеобщности и универсальности, и если рассудок как форма рациональной культуры фигурирует как теоретическое мышление, характерное для науки, то разум метафизически присущ философии как таковой.

Философия существует в обществе преимущественно как высшая интеллектуальная культура, которая не может быть массовой, как, например, искусство, сфера общественного мнения. Не случайно ее определяют как нечто совершенное, хотя и не законченное. Ни одна другая форма сознания не имеет самый большой (предельный) масштаб миропонимания, не использует специфичный (категориальный) язык объяснения и осмысления бытия, что важно как с теоретической, так и с методологической точки зрения. Кант подчеркивал: «Некоторые рациональные знания вредно приобретать только исторически» [1, с. 330], т. е. когда источником знания выступают чужие мысли, знания, используемые в мышлении. Далее он предупреждает о том, как это может выглядеть метафизически. Он пишет: «Если же правовед знает правоведение лишь исторически, то он плохой судья, а в качестве законодателя и совсем не пригоден» [1, с. 330]. Эти знания явно формальные и больше объективно-нормативные, чем конкретно-содержательные, субъективные по сути, ибо за историческим (формальным) всегда стоит традиция, нечто постороннее, и это не гарантирует истинности.

Что касается философии, то философия изначально – теоретическое знание. Кант писал, что «философия есть система философских знаний или рациональных знаний из понятий». Это значит, что философы извлекали мышление из пучины повседневности и уходили в царство рассуждений, споров, доказательств и опровержений, то есть связывали свою деятельность с истиной.

Философия существует в обществе преимущественно как высшая интеллектуальная культура, которая не может быть массовой, как, например, искусство, сфера общественного мнения. Не случайно ее определяют как абсолютный дух, как нечто совершенное, хотя и не законченное. Ни одна другая форма сознания не претендует на такой статус, ибо философия имеет самый значительный (предельный) язык и на этой основе разворот к бытию.

Это и делает философию незаменимой и необходимой в духовной жизни нации: без философии не может быть уникальной культуры и уникальной нации как социального бытия. Современное мировоззрение

фундируется не только на науке (точнее науках), хотя это очень важно, особенно в условиях глобального стремления к цивилизованной жизни, но и стремится не игнорировать философию, которая дает целостный взгляд на мир, наполняет сознание метафизикой вечного дерзания человеческого разума, поиска истины и свободы.

**Литература и источники**

1. Аристотель. Сочинения в 3 томах / Аристотель. – Т. 1. – М.: «Мысль», 1975. – 550 с.

2. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – М.: «Наука», 1980. – 709 с.

## КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ Н. О. ЛОССКОГО: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

*В. С. Попова, В. И. Савинцев*

Тема времени в философии конца XIX – начала XX вв. поистине обрела популярность. Мыслители, определяющие интеллектуальную направленность этого периода, такие как: Брентано, Гуссерль, Бергсон, Хайдеггер, Ясперс, Шпенглер и пр. не просто обновили представление о его свойствах, но создали учения, где понимание времени выходит за пределы философской классики. Время – одно из философских понятий, с помощью которого определяется порядок событий. От его толкования зависит фундаментальное представление о природных процессах, истории, индивидуальном бытии. Одним из участников общеевропейского процесса интерпритации феномена времени стал философ Н. О. Лосский. Его темпоральная концепция была представлена как в работах интуитивистской, так и персоналистской направленности. Созидая здание своего учения, Лосский обращаеся к традиции и опыту предшественников, главным образом, учителей и друзей – А. И. Введенского и А. А. Козлова. Здесь мы обратимся именно к этим персонам, поскольку, на наш взгляд, именно у них Лосский усвоил базовые идеи, подвергнув их последующему переосмыслению в своем учении.

Сближающим моментом в панпсихизме А. А. Козлова и иерархическом персонализме Н. О. Лосского явилось убеждение, что время и пространство изначально не заданы, как полагалось в классической европейской традиции, но созидаются субстанциональными «я» – вневременными и внепространственными сущностями. Согласно Козлову, все виды изменений, которые можно наблюдать в мире, определяются лишь на уровне «степени» и «логической последовательности» их проявлений. Время – лишь рациональная форма интерпретации интуитивно схваченных изменений. При этом онтологический аспект идеи времени в учении Козлова не получил

надлежащего развития. А вот у его ученик Лосский обратился к этому вопросу, увязывая онтологические и гносеологические стороны одной фундаментальной сущности.

По определению Лосского, время «есть форма событий» [1, с. 290]. Из событий, реализующихся отдельно или совместно, переходящих друг в друга, складывается то, что философ называет «бываниeм», бытием в его непрекращающемся становлении. Субъектами деятельности выступают субстанциальные деятели. Они наделены «психоидными» и «психическими» способностями, позволяющими использовать «усилия» и «стремления», определяющие характер и направленность творческих воздействий на реальность. И здесь проблема онтологии времени сопрягается с проблемой эпистемологии времени. Эпистемология времени у Козлова и Лосского решаются по-разному. Козлова интересует вопрос о том, как у сознающего субъекта формируется идея времени и о том, как он реализует ее на практике. Лосский же выделяет интуитивный акт как основополагающий фактор образования пространственно-временных отношений. Философ-интуитивист выдвигает и защищает гносеологический принцип: в акте познания предмет, оставаясь частью внешнего мира, всецело включается в состав сознания личности. Таким образом, представление о времени в концецпции Лосского вытекает из «аксиомы» об одновременной имманентности и трансцендентности познаваемого объекта познающему субъекту. Субстанциальное «я» свободно и равным образом способно обращаться к каждому из фрагментов событий: к настоящему, прошлому и будущему и актуализировать их. Интересно, что субстанциальные деятели имеют доступ к будущему (Лосский называет это «ясновидением во времени»). Они могут лицезреть события грядущего, механизм этих сверхспособностей, в частности, описан Лосским в публикации 1952 года в Журнале Лондонского общества психических исследований под названием «Экстрасенсорное восприятие и психокинез» [2]. В итоге сравнительного анализа философских моделей Лосского и Козлова нами сформулирован ряд тезисов, характеризующих основные позиции концепции времени у Лоссского в ее преемственности и своеобразии.

Влияние идей Введенского на концепцию времени Лосского можно свети к основополагающей мысли: «познанию доступно только то, что имманентно сознанию». Благодаря этой кантианской идее Лосский нашел возможность логически обоснованно вести разговор о потустороннем, трансцендентном бытии и его подлинной данности во времени субъекту. Несмотря на глубокие расхождения во взглядах Введенского и Лосского, все же прочитывается некоторое единодушие по некторым темпоральным вопросам. В диссертации 1988 года Введенский указывает: «Сознание есть та самая деятельность, которая производит пространство и время» [3, с. 58]. Но и у Лосского всякое «я» как субстанциальный деятель

сверхвременно, оно само творит время. Однако творческое начало субстанциального деятеля у Лосского задано гораздо более мощно. Для Лосского, в отличие от кантианца, время – это не априорная форма чувственности, упорядочивающая представления, а форма протекания событий, порождаемых активностью субстанциальных деятелей. Интересен еще один аспект взаимоотношений учения о времени Введенского и Лосского. Это тема времени в связи с понятием причинности. Гипотетически объективный ответ на вопрос о всеобщей причинности может быть получен, по мысли Введенского, лишь таким умом, который будет иметь непосредственный доступ к прошлому и будущему. Такой созерцающий вещи в себе ум можно назвать интуитивным рассудком или интеллектуальной интуицией [4, с. 92]. А именно такой ум реализует Лосский в своих субстанциальных деятелях. Далее следует отметить значимость философского содержания идеи времени для решения вопроса о свободе воли. Здесь также можно провести сравнение идей Введенского и Лосского и выделить черты самобытности и преемственности трактовок у последенего. Для философов тема времени оказалась необходима при обращении к метафизики души.

В докладе показано, что в идеал-реализме Н. О. Лосский развивает своеобразную метафизическую концепцию понимания времени. Причем в ней сегодня можно найти интересные догадки, которые сооносимы с некоторыми современными теоретико-физическими трактовками времени [5].

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 19–011–00302А «Темпоральные размышления в русской философии XIX–XX вв.: опыт реконструкции и актуализация»).*

**Литература и источники**

1. Лосский, Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский. – М., 1999.

2. Lossky, N. O. Extrasensory Perception and Psychokinesis / N. O. Lossky // Journal of the Society for Psychical Reserch. – 1952. – November. – P. 702–708.

3. Введенский, А. И. Опыт построения теории материи на принципах критической философии / А. И. Введенский. – СПб., 1888.

4. Введенский, А. И. Спор о свободе воли перед судом критической философии / А. И. Введенский // Философские очерки. – СПб., 1901. – С. 69–114.

5. Faizal, Mir Time crystals from minimum time uncertainty / Mir Faizal, Mohammed M. Khalil, Saurya Das // The European Physical Journal. – 2016. – Iss. 1.

# ПЕРСПЕКТИВИЗМ НИЦШЕ И РЕАЛИЗМ

*И. Е. Прись*

Ницше указывает на «слепое пятно» позитивизма О. Комта, акцентирующего внимание на исследовании чистых закономерностей и законов и отвергающий «метафизический» поиск причин явлений. Комт ошибочно полагает, что можно иметь дело лишь с чистой видимостью. Поэтому его позитивистские «явления» не имеют глубины – они не интенциональны. Для комтовского позитивизма «все относительно», за исключением самого этого утверждения. То есть это разновидность абсолютистского релятивизма. Субъект в качестве метафизического абсолюта остается на заднем плане явления, которое к нему относится.

Согласно Ницше, позитивизм принимает за «факт» то, что на самом деле является интерпретацией. Даже сама относительность по отношению к субъекту является интерпретацией. Оборотной стороной такого позитивистского релятивизма является субъективистский метафизический абсолютизм. Ж. Бенуа считает, что ницшеанское «нет фактов, а есть лишь интерпретации», – критика именно релятивизма Комта, а не реализма, как это обычно считается [6, p. 114–124].

В то же время позиция самого Ницше обычно рассматривается как антиреалистическая. Ницше также трактуют как прагматиста и перспективиста [10–12]. Также возникает вопрос о том, не является ли сам Ницше релятивистом.

На наш взгляд, если Ницше и релятивист, то не абсолютистский, и можно попытаться выявить как достоинства, так и недостатки его позиции в свете контекстуального реализма [4]. Релятивизм Ницше отвергается, например, С. Сойсал [12]. Т. Доли трактует философию Ницше как «внутренний реализм» в смысле Х. Патнэма [8]. Сам Ницше довольно часто говорит о реальности, призывает избавиться от идеализма. С его точки зрения «познание, утверждение реальности для сильного есть такая же необходимость, как для слабого, под давлением слабости, трусость и бегство от реальности – "идеал"…» [3, p. 420–421].

Для Ницше нет абсолютных фактов, а «интерпретации» можно трактовать как контекстуализированные – релятивные к интерпретирующему реальность (как текст) языку – факты. При помощи интерпретаций философ, подобно ремесленнику или артисту, формирует реальность. При этом субъект как метафизическое данное «растворяется», дуализм субъекта и объекта, внутреннего и внешнего устраняется. Как представляется, выбор интерпретации у Ницше играет ту же роль, что и выбор стандартов, эпистемической системы. Интерпретировать – выявить ценности среди жизненных тенденций [5, p. 60]. Интерпретировать – действовать.

Б. Бенуа резюмирует антипозитивистскую позицию Ницше в виде четырех положений: «Существуют лишь интерпретации в ущерб фактам, несправедливо относимых к регистру "в себе"; субъект как принцип интерпретации – дорогостоящая идея, так как это бытие, предположительно внешнее по отношению к процессу интерпретации, фиктивно; против идеи последнего смысла утверждается перспективизм как множественность точек зрения и, следовательно, смыслов; наконец, интерпретации отнесены к конфликту пульсаций в том смысле, в котором "каждая пульсация представляет собой некоторую потребность в доминировании, – каждое обладает своей перспективой, которую оно хотело бы навязать в качестве нормы всем другим пульсациям"» [5, p. 76].

Таким образом, Ницше отвергает абсолютизм. Он отвергает: 1) абсолютные факты (факты «в себе». Имеет смысл говорить лишь о фактах-интерпретациях. «Нет фактов, а есть только интерпретации» – это также отказ от универсальной и необходимой истины. Воля (стремление) к истине понимается как стремление к «власти», развивается в интересах воли к власти [5, p. 76–77]); 2) абсолютный метафизический субъект как «принцип интерпретации», внешний по отношению к самой интерпретации (такой субъект есть «фикция»); 3) абсолютный («последний») смысл (всякий смысл зависит от перспективы, точки зрения. Поскольку существует множество точек зрения, существует множество смыслов). 4). Для Ницше интерпретации могут вступать в конфликт, который отнесен к конфликту «пульсаций» (что можно понять как своего рода натурализацию интерпретаций: Каждая интерпретация у Ницше выражает некоторую потребность в доминировании). Две главные интерпретации-пульсации – дионисическая и аполлоническая. Первая – растворение в реальности как недифференцированном целом. Вторая – сингуляризация отличающихся друг от друга множественных частей. Эти пульсации находятся в конфликте, но они могут на какое-то время воссоединяться. Мир в своей целостности не познаваем и даже не имеет смысла; он аморален, так как производит несправедливость и страдание. Это хаос, который переживается как экзистенциальное испытание [5, p. 30]. К этому добавим, что для Ницше не все интерпретации имеют одинаковую ценность, а есть иерархия интерпретаций. Это положение аналогично отрицанию принципа равной пригодности, который приписывают релятивизму.

Для Ницше реальность, мир, жизнь (три термина синонимичны) – скрытый текст, который можно расшифровать, интерпретировать бесконечным числом способов. Реальность интерпретируется при помощи языка. Сама реальность состоит из борющихся друг с другом интерпретаций, представляет собой множество интерпретаций интерпретаций. Это динамический процесс, а не нейтральная позиция свысока. Б. Бенуа пишет: «*Философия Ницше пытается мыслить*

*реальность как интерпретативную динамику, чтобы ее возвысить*» [5, p. 33]. Единство мысли Ницше в том, что это «совокупность попыток или проб понимания реальности как интерпретативной динамики посредством прогрессивного конструирования "нового языка" как осуществление перспективизма» [5, p. 51–52].

Перспективизм Ницше не догматическая доктрина. С. Д. Халес делает различие между ницшеанскими перспективизмами первого порядка и второго порядка (методологическим перспективизмом). «Ницшеанский перспективизм первого порядка (частично) предлагает теорию познания, в рамках которой различные перспективы генерируют различные виды знания. Он говорит: "Нет *никаких вечных фактов*, ни каких-либо *абсолютных* истин"» [11, p. 24]. Для Ницше истина вне или независимо от перспективы не существует. Это относится в том числе и к моральным истинам. Ницше пишет: «Мое основное положение: нет моральных явлений, а есть только моральная интерпретация этих явлений. Сама же эта интерпретация – внеморального происхождения» [2, с. 107]. «Во всякой оценке дело идет об определенной перспективе: (…). Благодаря *забвению* того факта, что нет никакой другой оценки, кроме основанной на перспективах, все кишит противоречивыми оценками» [2, с. 107]. Ницше предостерегает против «опасного старого баснословия понятий, предполагавшего "чистый, не обладающий волей, не подверженный страданию, безвременный субъект познания"», против таких понятий как «чистый разум», «абсолютная духовность», «познание само в себе». «Перспективизм второго порядка – способ занять позицию (stance) относительно точек зрения первого порядка и использовать их, чтобы произвести понимание» [11, p. 28]. Для Ницше «есть *только* перспективное зрение, существует только перспективное "познавание"; и *чем больше аффектов* будет участвовать в обсуждении предмета, *чем больше* глаз, различных глаз, сумеем мы пустить в дело для восприятия его, тем полнее будет наше "понятие" об этом предмете, тем больше будет наша "объективность"» [1, с. 293–294].

Объективированная, неореалистическая форма постницшеанского перспективизма развивается М. Габриэлем [9]. Ж. Бенуа, однако, отвергает перспективизм, как попытку формализовать проблему эпистемических разногласий, исходя из неудачной метафоры различных углов зрения. Для него перспективизм антиреалистичен и связан с субъективизмом модерна. Некоторые версии современного перспективизма или перспективистского реализма также критикуют за то, что, на самом деле, они ведут к релятивизму. Контекстуальный реализм устраняет эту опасность, так как по самой своей сути направлен на поиск объективной истины [4; 7].

**Литература и источники**

1. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали / Ф. Ницше. – Минск: «Беларусь», 1992. – 335 с.

2. Ницше, Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. – М.: «REFL»-book, 1994. – 350 с.

3. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла; Казус Вагнер; Антихрист; Ессе Homo: Сборник / Ф. Ницще // Пер. с нем. Н. Полилова и др. – Мн.: ООО «Попурри», 1997. – 544 с.

4. Прись, И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика / И. Е. Прись. – СПб.: Алетейа, 2020. – 354 с.

5. Benoit, B. La philosophie de Nietzsche / J. Benoist. – Vrin, 2019. – 190 p.

6. Benoist, J. Logique du phénomène / J. Benoist. – Vrin, 2016. – 206 p.

7. Benoist, J. L'adresse du réel / J. Benoist. – Vrin, 2017. – 376 p.

8. Doyle, T. Nietzsche on epistemology and metaphysics: The world in view / T. Doyle. – Edinburgh: Edinburgh UP, 2009. – 256 p.

9. Gabriel, M. Fields of sense. A New Realist Ontology / M. Gabriel. – Edinburgh University Press, 2015. – 386 p.

10. Gori, P. Nietzsche's Pragmatism / P. Gori. – De Gruyter, 2019. – 182 p.

11. Hales, S. D. Nietzsche's Epistemic Perspectivism / S. D. Hales // Knowledge from a Human Point of View / Eds.: A.-M. Cretu, M. Massimi. – Springer, 2020. – P. 19–36.

12. Soysal, S. Nietzsche's perspectivist epistemology: epistemological implications of will of power / S. Soysal // PhD Thesis, 2007 [Electronic resource]. – Mode of access: https://open.metu.edu.tr/ handle/ 11511/ 17020. – Date of access: 20.03.2021.

## ПОНЯТИЕ «СОВРЕМЕННОСТЬ» Э. ГИДДЕНСА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

*М. И. Радкевич*

Новейшие результаты осмысления процесса общественного развития получены одним из наиболее значительных современных социологов Энтони Гидденсом (р. 1938). Целостная оригинальная концепция современных обществ, причем с использованием термина «современность», изложена им в книгах «Последствия современности» (1990), «Модернити и самоидентичность» (1991). Приведем его положения относительно существенных черт или, согласно его терминологии, институциональных измерений обществ современности.

Современность (модерн, модернити, модерность), понимается как начавшаяся в XVII в. и продолжающаяся по настоящее время эпоха утверждения и развития в Европе и других регионах мира посттрадиционных обществ. Согласно Э. Гидденсу, новый тип обществ характеризуется такими отличительными признаками, как: капиталистический способ производства, индустриальные технологии,

механизмы административного контроля и монопольное использование государством средств осуществления насилия в пределах четко обозначенных в территориальном отношении границ [1, с. 177–187]. Общественные образования такого типа получили название модерных (современных) обществ.

Э. Гидденс обратил внимание на некорректность подхода, когда в поисках единого основания для определения типа обществ современности исследователи стремятся либо индустриализм рассматривать как подвид капитализма, либо наоборот. «В противоположность этому редукционизму, – считает он, – нам следует рассматривать капитализм и индустриализм как два различных "организационных блока" или измерения, включенных в институты современности» [1, с. 177]. Под капитализмом он понимает систему производства товаров для рынков со свободной конкуренцией, сосредоточенную вокруг отношения между частным владением капиталом и лишенным собственности наемным трудом. Основной характеристикой индустриализма, по его мнению, является использование неодушевленных источников физической энергии при производстве изделий независимо от степени технологичности используемых приспособлений. Организованное на указанных принципах общество, как он пишет, «является "обществом" лишь потому, что оно – национальное государство». Ни одно из предшествовавших современности государств не смогло развить административного согласования функционирования составляющих их элементов до такого уровня, который был достигнут в рамках национального государства.

Дополнительное представление об организующих общества современности принципах дает их систематизация, выполненная видным польским социологом Петром Штомпкой (р. 1944). В своей книге «Социология социальных изменений» (1993) в качестве таковых он выделил индивидуализм, дифференциацию, рациональность, экономизм и экспансию [2].

*Индивидуализм* исходит из того, что каждый человек свободен от обязательных групповых связей, по собственному усмотрению определяет свои отношения с другими людьми и несет личную ответственность за свои успехи и неудачи. Данный принцип обосновывается, с одной стороны, пониманием человека как абстрактного существа, свойства которого не зависят от исторических, социальных и культурных условий его жизнедеятельности и, с другой стороны, представлением о человеческих общностях (общинах, народах, нациях) и группах людей как механических скоплениях отдельных индивидов. Американский социолог и футуролог Д. Нейсбит «триумф индивидуального» считает центральной «мегатенденцией» современности [3].

*Дифференциация* есть процесс непрерывного усложнения обществ современности, приводящий к разграничению и специализации функций

их институтов. Использование неодушевленных источников энергии в сочетании со сложными механическими инструментами требует множества специальных занятий и профессий. Это, в свою очередь, предполагает высокий уровень образования, компетентности, опыта и ответственности работников. Данный фактор наиболее значим в сфере труда и в сфере потребления с их разнообразием возможностей и «жизненных шансов».

*Рациональность* – способ деятельности, обеспечивающий эффективное достижение поставленной цели. С момента возникновения модерных обществ рациональными считаются действия, основанные на разумных, то есть научных, представлениях о явлениях действительности. Проблематичным остается вопрос о рациональности целей деятельности. Науке в таких обществах отводится важнейшая роль в обеспечении их эффективного функционирования. Функцию управления ь обеспечивает свободная от элементов традиционализма бюрократия, руководствующаяся формально установленными, понимаемыми как ведущими к достижению искомого результата, правилами и нормами деятельности.

*Экономизм* – основанный на владении капиталом и использовании наемного труда способ производства товаров и услуг, предназначенных для их продажи с целью получения прибыли. Такой вид производства составляет доминирующую сферу жизнедеятельности обществ современности, определяющей динамику других областей общественных отношений и являющейся показателем эффективности социальных процессов. Организация производства в обществах модерна в первую очередь ориентирована на потребление товаров и услуг. Эту их черту приемлет подавляющее большинство их населения; в то же время она систематически культивируется всеми их институтами в ущерб необходимым условиям развития личности. В силу этого немецкий и американский философ и социолог Г. Маркузе определил такой тип общественной организации термином «одномерное общество», а образ мыслей его населения – «одномерное мышление» [4].

*Экспансия* – способность обществ современности подчинять своим принципам жизнедеятельность отставших от них в своем развитии другие общества. Согласно американскому социологу, политологу и философу И. Валлерстайну, капиталистическая экономика в немногих отношениях связана с границами определенных социальных систем. С самого начала капитализм был проектом в рамках мировой экономики, а не национальных государств. Капитал никогда не допускал, чтобы его стремления определялись границами национальных государств [1, с. 194]. Потребностям предпринимателей-капиталистов, утверждает ученый, вполне отвечает такое мироустройство, которое наделяет «как государства, так и межгосударственную систему ограниченной властью… Максимум,

на чем они настаивают, – это наличие такого государства, которое играло бы, если можно так выразиться, роль ночного сторожа» [5, с. 86].

Ни одно из обществ современности, согласно Э. Гидденсу, еще не вышло за пределы указанных им измерений или принципов организации. «В настоящее время, – утверждает он, – мы живем в эпоху высокой современности». Это означает переход модерных институтов на новый – глобальный – уровень. Если изначально сфера их распространения ограничивалась европейскими масштабами, то теперь она охватывает весь мир. Кроме того, происходящие в обществах современности процессы способны проникать в глубинные пласты их организации, касаясь самых частных, интимных проявлений жизнедеятельности людей, таких, например, как религиозные убеждения, сексуальные отношения, потребительские предпочтения, культурные приверженности и т. д. Тем не менее, все это, считает Э. Гидденс, не дает оснований говорить о постсовременности, или постмодерне, как уже существующей реальности. Поэтому, решительно заявляет он, необходимо отбросить как не заслуживающую серьезного внимания идею постмодернистов о том, что «невозможно никакое систематическое знание о человеческих действиях и тенденциях социального развития» [1, с. 164–173].

Разумеется, конкретные общества современности в разной степени соответствуют приведенным признакам. Каждое из них является индивидуальным историческим образованием и, следовательно, обладает собственной спецификой. Перечисленные общие признаки получены посредством отвлечения и мысленного усиления (идеализации) свойственных модерным обществам типических черт. В своей совокупности эти черты образуют идеально-типическую конструкцию, или идеальный тип, в веберовском значении этого термина [6]. Следовательно, понятие «современное общество» или, что в данном контексте одно и то же, «общество современности» может служить инструментом сравнительного научного исследования.

**Литература и источники**

1. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.

2. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

3. Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.

4. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.

5. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: социология XXI века / И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2003. – 368 с.

6. Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345–415.

## НРАВСТВЕННОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПЕРСПЕКТИВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Е. Е. Румянцева*

Знания, накопленные всемирной нравственной философией, ценны не только для формирования зрелых ценностных ориентаций развития любого современного общества [5; 6], но и для оценки деятельности государства как субъекта хозяйствования во всех странах мира.

Еще древние выдающиеся мыслители утверждали, что не только у каждого человека, но и у власти и общества в целом есть два противоположных вектора проявления сущности и развития: нравственный или безнравственный. Например, Конфуций уделял большое значение нравственному воспитанию общества через законы, сдерживая безнравственное развитие через наказания [1, с. 190–191].

Сократ связывал нравственную природу законов с их опорой на знания как добродетель, одну из нравственных составляющих законодательства любого государства [2], подразумевая, что законы могут приниматься и в отрыве от науки, если наука не поддерживается политиками.

Платон в своей книге «Государство» выделил главные позитивные нравственные качества идеального государства, которое, по его мнению, должно быть мудрым, мужественным, справедливым и рассудительным. Государство может обладать этими качествами, если, как полагает Платон, обществом управляет небольшая, но мудрая, мужественная, справедливая и рассудительная часть населения. К этой части Платон относил именно философов. «Пока в государствах, – пишет он, – не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки, не станут благородно и основательно философствовать и не сольется воедино – государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди – а их много, – которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор… государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно». До сих пор, считает Платон, господствуют четыре вида извращенного, по его мнению, государственного устройства: критско-лакедемонское, олигархия, демократия и тирания.

Платон выделяет еще и пятый вид государственного правления –

аристократическое государство, относимое им к наиболее справедливому и нравственному. Этим видам государственного устройства соответствует пять складов души. Лакедемонский строй, который основывается на честолюбии, Платон называет тимократией (или тимархией). Олигархический тип души соответствует олигархии, демократии – демократический, а тирании – тиранический склад. Эти типы государств так же, как и соответствующие характеры человека, подвижны и могут переходить одни в другие [4, с. 152–232].

В книге «О законах» Платон связывает необходимость формирования законодательного устройства государства на основе Божественных законов, законов от Бога. А какие законы, таков и вектор общественного развития – нравственный или безнравственный, разумный или для глупцов.

К такому же выводу пришел впоследствии и А. Смит, полагающий, что правила нравственности – это заповеди и законы самого Бога, который вправе либо вознаградить за их исполнение или наказать за их нарушение [7]. При этом А. Смит различает три группы чувств, или, в его трактовке, нравственных качеств человека – эгоистические, общественные и антиобщественные. В связи с учением А. Смита следует обратить внимание также на актуальность восстановления значимости понятия «общественные интересы», которое вытеснили монетарные, технократические и иные главенствующие в политике многих стран теории.

Л. Н. Толстой обращает внимание на значимость правдивости сведений как важного критерия позитивности развития любого государства в противовес лживости ряда чиновников и искажению сведений в государственных документах, что обсуждается современными историками, работающими в архивах с мемуарами и документами времен самодержавия (например, [3, с. 11]). «Для того, чтобы совершились самые великие и важные изменения в жизни человечества, – подчеркивал Л. Н. Толстой, – не нужны никакие подвиги: ни вооружение миллионов войск, ни постройки новых дорог и машин, ни устройства выставок, ни устройства союзов рабочих, ни революции, ни баррикады, ни взрывы, ни изобретения, ни воздухоплавание и т. п., а нужно только изменение общественного мнения», для которого «не нужно придумывать что-либо необыкновенное, новое, нужно только не поддаваться ложному, уже умершему, искусственно возбуждаемому правительствами общественному мнению прошедшего, нужно только, чтобы каждый отдельный человек говорил то, что он действительно думает и чувствует, или хоть не говорил того, чего он не думает... А изменится общественное мнение, и без всякого усилия само собой заменится все то внутреннее устройство жизни людей, которое томит и мучает их... Пускай только не поддаются люди той лжи, которую внушают им, пусть только не говорят того, что они не думают и

не чувствуют, и тотчас же совершится такой переворот во всем строе нашей жизни, которого не достигнут революционеры столетиями, если бы вся власть находилась в их руках. Только бы верили люди, что сила не в силе, а в правде, и смело высказывали бы ее, или хоть только бы не отступали от нее словом и делом: не говорили бы того, чего они не думают, не делали бы того, что они считают нехорошим и глупым» [9]. Сам Л. Н. Толстой в своих трудах был правдив и искренен, как и многие другие величайшие писатели и поэты (М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, А. П. Чехов и т. д.). Именно правдивость и другие нравственные характеристики их трудов, по нашему мнению, во многом формируют значимость их произведений для людей из разных стран мира как прошлого, так и современности.

Таким образом, актуальность данных идей при проведении в дальнейшем междисциплинарных исследований на стыке нравственной философии с политикой, юриспруденцией, экономикой, социологией, историей и психологией состоит, во-первых, в уточнении сочетания понятий «нравственность» и «духовность» с конкретизацией границ ответственности различных общественных институтов за результаты нравственного и духовного воспитания общества (с учетом того, что в современных общественных науках сформировалась тенденция нечеткости трактовок многих понятий (например, [8]), не только в отношении «нравственности» и «духовности»); во-вторых, в разработке и применении на практике нравственных критериев оценки эффективности деятельности того или иного государства, реализации его политики и, в-третьих, с учетом развития междисциплинарных основ совершенствования законодательства, указанных выше, – в необходимости развития нравственной составляющей в международном и национальных законодательствах стран мира, в которых нравственность пока даже четко не определена как понятие, а позитивные качества людей, общества, власти не идентифицированы.

**Литература и источники**

1. Конфуций. Об управлении страной на основе ритуала и «исправления имен» / Конфуций // Антология мировой философии. – Т. 1, Ч. 1. – М.: Мысль, 1969. – 576 с.

2. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Ксенофонт. – М.: Рипол-Классик, 2019. – 472 с.

3. Любина, Т. И. Уездное чиновничество Тверской губернии в конце XIX-начале XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Т. И. Любина; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 1998. – 25 с.

4. Платон. Избранное / Платон. – М.: АСТ, 2004. – 496 с.

5. Румянцева, Е. Е. Вечные нравственные ценности как основа преобразования современного российского законодательства и формирования более нравственного общества / Е. Е. Румянцева // Ученые записки РАГС (Рос. акад.

гос. службы при Президенте Рос. Федерации); под общ. ред. В. К. Егорова, В. П. Чичканова, В. М. Герасимова. – М.: РАГС при Президенте Российской Федерации, 2011. – С. 241–262.

6. Румянцева, Е. Е. Духовные основы развития экономики / Е. Е. Румянцева // XIX Международные Рождественские образовательные чтения: материалы научной конференции. – М.: Российский государственный торгово-экономический университет, 2011. – С. 89–96.

7. Смит, А. Теория нравственных чувств / А. Смит. – М.: Республика, 1997. – 351 с.

8. Чуянов, Ю. В. Дискуссия о соотнесении понятий «здравоохранение» и «социальная сфера» / Ю. В. Чуянов, Ю. И. Растова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 1 (121). – С. 58–61.

9. Толстой, Л. Н. Христианство и патриотизм / Л. Н. Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zen.yandex.ru/ media/ molokols/ sila-v-pravde-5bced5fc2069cf00a9eccc6a. – Дата доступа: 12.03.2021.

## О ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ, ГЛОБАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

*Р. С. Сартаева*

В пространстве «нового вида» человека – Homo Covidicus – формируется сложная глобальная реальность, конституирующими особенностями, проблемами и вызовами которой является целый ряд феноменов, требующих исследований предельного охвата – философских исследований. Это проблемы сжатия пространства и времени, ускорения и уплотнения событийного ряда, формирования новой научно-философской картины мира (взамен ньютоно-картезианской), осознания необходимости перехода экологического и этического императивов мирового цивилизационного развития в статус смысложизненных категорических императивов, новое понимание духовности как практической необходимости и, соответственно, необходимость безусловного выбора в пользу нравственного в дихотомии «нравственное-безнравственное».

Новая картина мира основывается, в первую очередь, на новом понимании принципа целостности, сущность которого состоит в смещении акцента с самодетерминированности объекта на его «извне-окружение», на его единое происхождение с окружающим миром, то есть, на всеобщие связи. Новое понимание принципа целостности опирается на получающий все большее признание и значение в науке холономно-голографический подход, который, в свою очередь, основывается на новом подходе к феномену информации «как некой изначально заданной данности» (В. Налимов) [1]. Современные научные исследования (в первую очередь,

в области астрофизики) обнаруживают связь между такими феноменами, как информация и духовность. Так, из исследований величайшего британского астрофизика современности Л. Саскинда о природе феномена информации следует вывод о том, что информация о предметах окружающего нас мира, поступках, мыслях людей откладывается на окраинах Вселенной на так называемых пленках в двумерной плоскости и влияет на настоящее, будущее и даже прошлое нашего мира [2]. Отсюда следует другой очень важный вывод о том, что духовность есть практическая необходимость, а не дело личного выбора каждого отдельно взятого человека. А также важнейшая роль этической составляющей мирового цивилизационного развития и этической экспертизы как безусловного требования научной рациональности.

Кроме того, к конституирующим особенностям современного мирового развития можно отнести актуализацию проблем социокультурного развития, как-то: тенденции десуверенизации государственных образований, опасность эрозии института государства, проблемы национально-государственной идентичности и всех типов идентичности в целом, усиливающиеся тенденции перестройки мирового геополитического пространства. А для государств «третьей волны демократизации» (по С. Хангтингтону), «позднего старта» (по А. Гершенкрону), к которым относится Казахстан, кроме перечисленного выше, особую остроту и значимость обретают вопросы имитационного императива, архаизации и маргинализации в контексте проблемы «субьект-объект» мировой геополитики.

Так, в 2019 году была опубликована книга двухвидных исследователей современности Ивана Крастева и Стивена Холмса «The Light That Failed: Why the West Is Losing the Fight for Democracy» – «Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию». Авторы, отмечая мировые тенденции отката к антилиберализму, справедливо отмечают: «Попытки бывших коммунистических стран походить на Запад после 1989 года называли по-разному – "американизация", "европеизация", "демократизация", "либерализация", "расширение", "интеграция", "гармонизация", "глобализация" и так далее, но речь в любом случае шла о модернизации через имитацию и интеграции через ассимиляцию» (раздел «Слова и необходимость») [3, с. 8].

Проблемы переформатирования управления мировым геополитическим пространством также должны относиться к сфере философских исследований (философии политики и права). Так, 23 марта текущего года в американском журнале политических исследований «Foreign Affairs» была опубликована статья двух известных американских политологов Richard N. Haass and Charles A. Kupchan «The New Concert of Powers How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World», в которой они, рассуждая о неэффективности современных

международных институтов управления (ООН и др.), отмечают, что «Международная система находится на историческом переломе. По мере того, как Азия продолжает свое экономическое восхождение, двухвековое господство Запада над миром, сначала вовремя Pax Britannica, а затем при Pax Americana, подходят к концу. Запад теряет не только свое материальное господство, но и свое идеологическое господство» [4].

Соответственно, практически перед всеми государствами мира, желающими быть субъектами, а не объектами мировой геополитики, стоят сверхзадачи модернизации в сфере экономики, политики, общественного сознания (в первую очередь, в государствах переходного типа, в которых все виды инициатив исходят в основном от властных элит).

Сверхзадачи модернизации требуют новых научно-практических разработок, которые включали бы анализ феноменов внешнего и внутреннего информационно-технологического, информационно-коммуникативного пространства, теоретических оснований процессов модернизации, типа ментальности, типа рациональности государствообразующего этноса.

Кроме того, модернизационные преобразования требуют консолидации социумов, а, следовательно, новых идеологических подходов, обладающих большим интеграционным, мобилизационным, эмоциональным потенциалом, то есть, требуют модернизации общественного сознания.

Проблематика модернизации общественного сознания имеет в своей постановке как критический, так и конструктивный дискурс. В целом, конструктивный потенциал проблематики модернизации общественного сознания превышает (перекрывает) критический дискурс в постановке этого вопроса, если принимать во внимание необходимость объединения усилий, консолидации, интеграции граждан для сохранения института государства, остающегося основным гарантом социальной защиты своих граждан, национальной, культурной идентичности.

Необходимым условием выполнения модернизационных сверхзадач являются процессы цифровизации, которые несут в себе возможности и вызовы, создают «на выходе» амбивалентный эффект: имеют конструктивный и деструктивный потенциал. Соответственно, главным этическим дискурсом современной цивилизации должно стать условие невозможности осуществления каких бы то ни было технологических инноваций без этических инноваций. Для реализации в Казахстане конструктивного потенциала процессов цифровизации имеются весомые культурно-цивилизационные основания и Государственная Программа «Цифровой Казахстан», в которой одним из основных векторов развития для выхода на принципиально новую траекторию объявлено: «Создание цифровой индустрии будущего… за счет повышения уровня развития человеческого капитала» [5].

Цифровизация экономики, цифровая экономика связана с развитием такие феноменов, построенных на инновационных технологиях, как робототехника, искусственный интеллект, блокчейн, облачные сервисы, Интернет вещей и т. д., и т. п. Однако в новой социокультурной реальности феномены, которые призваны улучшать качество человеческого капитала (скажем, Интернет вещей), в то же время влияют на онтологический статус человека, изменяя систему субъект-объектных отношений между человеком и вещным миром, несут вызовы, угрозы и риски феномену человеческой идентичности.

**Литература и источники**

1. Налимов, В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности / В. В. Налимов. – М.: «Прометей», 1989. – 287 с.

2. Susskind, L. The Black Hole War: My battle with Stephen Hawking to make the world safe for quantum mechanics / L. Susskind. – NW, Publisher, Little, Brown and Company. – 481 p.

3. Симулякры демократии. Отрывок из книги политологов Ивана Крастева и Стивена Холмса // Огонек. – 2020. – № 27. – С. 8.

4. Haass, R. N. The New Concert of Powers How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World / Richard N. Haass, Charles A. Kupchan // Foreign Affairs, March 23, 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.foreignaffairs.com/ issue-packages/ 2021–02–16/ decline-and-fall. – Date of access: 02.04.2021.

5. DigitalKazakhstan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitalkz.kz/. – Дата доступа: 03.04.2021.

## МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА КАК СОВРЕМЕННЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

*Р. С. Сащеко*

В современных социально-экономических проектах особую актуальность приобретают исследования генезиса, содержания, динамики и функционирования капиталистической системы мирового хозяйства. Особое место среди современных концепций динамики капитализма занимает методологическая программа мир-системного анализа, которая сформировалась в начале 60-х – 70-х гг. XX в. [1, с. 151].

Мир-системный анализ представляет собой макроисторическую парадигму исследования, ориентированную на историческую перспективу анализа циклов, тенденций и долгосрочных структурных характеристик мировой экономики. У истоков мир-системной программы – крупнейший представитель французской исторической школы «Анналов» Ф. Бродель,

исследования которого были посвящены генезису капиталистической цивилизации и взаимосвязывающей все общества «мир-экономике», и, общепризнанный основатель мир-системного анализа, американский социолог и экономист, И. Валлерстайн.

Мир-системный анализ начинается с вопроса, что является подходящей «единицей анализа» социальной реальности. И. Валлерстайн отмечает, что исследователи ранее избирали предметом своего изучения – общество или национальное государство, но такой подход исследователей запутывал, поскольку любое государство или народ существует не изолированно, а существует в тесной связи с другими странами и культурами. Исходя из данного посыла, И. Валлерстайн отказывается принимать общество как единицу истории, так как, по его мнению, необходима «альтернативная возможность организации материального мира», нужна иная «единица анализа». Поэтому главной единицей развития И. Валлерстайн, считает − «социальные системы», которые имеют определенную логику функционирования и основаны на определенном способе производства [2, с. 320].

Так И. Валлерстайн выделяет три типа социальных систем и соответствующих им способов производства:

1. Реципроктно-линиджные мини-системы. Мини-системы относительно небольшие, высоко автономные единицы, с четким внутренним разделением труда и единой традиционной культурой, основанные на отношениях взаимообмена и присваивающей экономике. В мир-системном подходе мини-системами являются все общества на начальных этапах своего развития, до возникновения в них товарно-денежных отношений. В своих исследованиях И. Валлерстайн не уделяет особого внимания мини-системам, ограничиваясь лишь, констатацией их существования в прошлом, поскольку в современном мире таких обществ практически не существует.

2. Редистрибутивные мир-империи. Такие системы базируются на изъятии прибавочного продукта посредством дани или ренты-налога и его редистрибуции. Главным признаком мир-империи является территориальная ограниченность основных экономических связей границами государств. Изменения в мир-империях происходят по схеме циклического расширения и сжатия, как пространственного, так и временного. Предполагается что есть некий «центр» и «переферия». «Центр» имея инструменты военной, политической и культурной экспансии, подчиняют себе «перефирию» со стратегическими ресурсами, богатыми торговыми путями и удерживает захваченные провинции от посягательств государств-конкурентов. В результате «центр» или «ядро» мир-империи производит регулярный сбор и перераспределение ренты-налога через централизованную бюрократизированную систему из провинций. И. Валлерстайн, констатирует, что устойчивость мир-империй,

зависит от эффективности выполнения следующих ключевых функций:

− утверждение легитимности имперской власти (как правило, через распространение массовой религии, нравственного учения, идеологии);

− преодоление сепаратизма провинций и подавление внутренних беспорядков;

− симбиоз с внутренними и внешними коммерческими структурами, и сетями (торговые пути и города) в сферах, где невозможен или крайне затруднен централизованное перераспределение, «обмен» безопасности торговли на доходы в казну от пошлин и налогов.

3. Мир-экономики, основанные на товарно-денежных отношениях. Такие системы интегрировались посредством экономических связей, которые пронизывали политические границы стран. В мир-экономиках ведущее место играет разделение труда и неравнозначный обмен между разными частями.

Мир-экономики характеризуются тремя признаками:

− занимают определенное географическое пространство, границы которого могут колебаться;

− у них всегда имеются один или несколько полюсов, центров притяжения или экономические столицы;

− вокруг этих центров образуются концентрические зоны: вокруг центра (или ядра) располагаются области «срединной зоны» – полупереферия, далее ближняя и дальняя периферия, и, наконец, внешнее пространство.

Наиболее существенными различиями между мир-империями и мир-экономиками являются следующие:

− мир-империя имеет только одно ядро; в мир-экономике ядром может выступать как одно государство, так и несколько;

− мир-империя всегда ограничивается границами только одной цивилизации. Мир-экономика способна охватывать несколько цивилизаций;

− интегрирующим фактором в мир-империи является принуждение, политическая и военная сила. Мир-экономики формируются добровольно, исходя из экономической целесообразности развития межгосударственного обмена товарами и услугами;

− если для существования мир-империи решающее значение имеет наличие сильного в политическом, экономическом, военном аспектах ядра (центра), то, говоря о мир-экономике, наличие развитых государств центра лишь констатируется. Акцент делается на устойчивость экономических связей в системе [3, с. 146].

Сторонники мир-системной парадигмы утверждают, что современный мир характеризуется существованием только одной мир-системы − капиталистической европейской мир-экономики, сложившейся в XV-XVI вв.

В частности, И. Валлерстайн отмечает, что современная капиталистическая мир-система, подошла к структурному кризису (фазе стагнации), и на смену ей должна прийти новая мир-система, сущность которой пока не определена. К процессам, которые, являются симптомами кризиса, одновременно с этим и углубляют его, И. Валлерстайн относит урбанизацию, ведущую к истощению ресурса запасной рабочей силы, составляющей материал для пролетаризации; рост социальных затрат на увеличение цены продукции предприятий, снижающей прибыльность производства; демократизацию мировой системы (т. е. выполнение социальных программ), снижающую норму прибыли и подрывающую экономическую рентабельность системы; кризис идеи государственности и ослабление силы государственных структур; повышение значимости альтернативных, негосударственных общностей и объединяющих ценностей (религиозных, национальных, этнических).

Таким образом, необходимо отметить, что эвристико-методологический потенциал мир-системной программы заключается не только в исследовании генезиса, динамики и функционирования современного капитализма, а так же в осмыслении будущих приоритетов развития капиталистической мир-экономики.

**Литература и источники**

1. Барсук, И. А. Методологический потенциал мир-системной парадигмы в решении экономических проблем современности / И. А. Барсук // Философия и социальные науки в современном мире: материалы междунар. науч. конф. к 30-летию фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 сент. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Ф. Гигин (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – С. 151–154.

2. Сащеко, Р. С. Мир-система И. Валлерстайна и современная экономическая система / Р. С. Сащеко // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов / Сост. С. В. Анцух; под общ. ред. В. Г. Шадурского. – Минск: Четыре четверти, 2020. – Вып. 25. – С. 319–321.

3. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн // Пер. с англ.; науч. ред. и предисл. А. И. Фурсова. – 2-е изд. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.

## ПЛАТОНИЗМ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

*Н. Г. Севостьянова*

«Тонкими и крепкими нитями философия Платона пронизывает не только мировую философию, но и мировую культуру» [1, с. 3]. Влияние платонизма испытала вся западная и восточнославянская интеллектуальная культура, но в особенности русская морально-религиозная философия в различных формах метафизики всеединства и апологетики духовного

опыта.

Платонизм представляет собой переосмысленное учеными почти трех тысячелетий наследие великого древнегреческого философа, основоположника объективного идеализма и предтечи христианства Платона (427–347 до н. э.). Ученик Сократа и основатель Академии, в которой учился Аристотель, мыслитель рассмотрел умозрительный мир вечных идей, слабым отражением и тенью которого является все материально-чувственное. Учил о бессмертии души, познании истины через обращение разума к идеальному основанию космоса. В философии античности платонизм представлен Древней, Средней и Новой Академией; средним платонизмом (неопифагореизм, гностицизм, герметизм); неоплатонизмом.

Впоследствии философы и богословы всех времен и народов по-разному интерпретировали творчество Платона, в том числе неоднозначное понятие «христианский платонизм», характерное для русской философии. «Излагать философию Платона как систему – это истинное мучение, ибо ее приходится реконструировать из его противоречивых суждений. Даже знаменитый термин "идея" имеет несколько разных значений. Платон менее всего догматичен. Его философский метод – это метод острейшего критицизма и диалектики» [1, с. 62], – отмечает приверженец платонизма, русский философ-феноменолог и выдающийся антиковед А. Ф. Лосев (1893–1988).

«У Платона не идеи образуют собой наивысшую действительность, но Единое, которое есть не что иное, как тождество всего идеального и материального, как тот первопринцип, из которого только путем его разделения возникает идеальное и материальное» [1, с. 49]. «Сильной стороной философии Платона менее всего является его объективный идеализм как мировоззрение. Платон создал теорию общего как закона для единичного, теорию необходимых и вечных закономерностей природы и общества» [1, с. 56–57].

Во-первых, в русской философии тексты Платона основательно изучали, о чем свидетельствует историография отечественной мысли. Общий строй идей платонизма был освоен уже в христианско-православной культуре Киевской Руси через византийское и болгарское влияния. Неоплатонизм явился философской основой русского исихазма, что отразилось во взглядах Нила Сорского (ок. 1433–1508). Славянофилы учили о всеединстве как соборном начале духовного бытия. Почти все философские сочинения П. Д. Юркевича (1827–1874), учителя В. С. Соловьева, посвящены анализу творчества Платона.

Во-вторых, на рубеже XIX–XX вв. платонизм воплотился в метафизике всеединства В. С. Соловьева (1853–1900) и плеяды его последователей мировой известности. Платоновское «оправдание добра» стало предметом главного труда В. С. Соловьева и его «нравственной

философии». «Предприняв полный русский перевод Платона», он усмотрел единство его творений «в самом Платоне как целом, живом человеке, герое своей жизненной драмы» [2, с. 585]. При этом «Платон – безусловный проповедник всевозможной гармонии: внутри человека, в обществе и в космосе» [1, с. 59].

Непосредственные сторонники метафизики всеединства представили учение о цельном знании. С. Л. Франк (1877–1950) обосновал «метафизический реализм» о сути и формах проявления непостижимого. С. Н. Булгаков (1871–1944) создал систему православного универсализма, дополняя метафизику всеединства мистическими идеями духовного спасения (сотериологии). П. А. Флоренский (1882–1937) в «конкретной метафизике» воспроизводил исихастский опыт молитвенного восприятия единосущия божественного и человеческого миров. В определенном смысле он слишком платонизировал христианство, сближая его с мистикой и магией.

В. В. Зеньковский (1881–1962) в «Истории русской философии» отметил, что роковым спутником всеединства оказался пантеизм, навеянный языческим мировоззрением Платона. Многие исследователи обращают внимание на связь христианской мысли метафизики всеединства с античным идеализмом, концептами платонической и неоплатонической мысли.

В-третьих, в русской философии есть традиция биографического описания жизненной драмы Платона. «Почитатели сравнивали его с Аполлоном, богом света, порядка, гармонии, уравновешенности как в моральном и художественном, так и в государственном и космическом плане. Он был врачевателем душ» [1, с. 42]. Платон через речи Сократа выразил исповедание «Я знаю только, что ничего не знаю». Это и есть «первое условие истинной философии – нищета духовная» [2, с. 596]. «Осуждение и смерть Сократа разрушили в нем веру в силу разумного убеждения с помощью слова» [1, с. 31]. «Завязка жизненной драмы Платона дана в его отношениях к Сократу живому – в первом акте, а память о Сократе умершем возвратно звучит, как некий лейтмотив и в актах последующих» [2, с. 585].

«Платон жил и действовал в ту роковую эпоху античного мира, когда погибал свободолюбивый классический полис. Вместо него нарождались огромные империи, подчинявшие себе личность в политическом отношении. Отсюда надежда на перевоплощение человеческих душ, проповедь служения вечным идеям» [1, с. 58]. «Помимо личной для Платона трагедии погибающего полиса он переживал еще одну трагедию, в которой сам едва ли отдавал отчет, но которая заставляла его чувствовать отчаяние и полное бессилие в итоге своего беспокойного жизненного пути. Это была трагедия всякого идеализма вообще, плохо понимающего невозможность преобразования жизни при помощи одних только

идей» [1, с. 33–34].

«Если Сократ свел философию с неба и дал ее в руки людям, то его величайший ученик приподнял ее высоко над головою и с высоты бросил ее на землю, в уличную грязь и сор. Хорошо, что сосуд мудрости не есть сосуд скудельный. Разбились вдребезги недостойные политические искания и планы философа, но мысли его лучших дней остались во всей целости. Суд потомства к нему не только справедлив, но и милостив» [2, с. 624].

И сегодня исследователи спорят по поводу проявлений платонизма в русской философии, выясняют соотношения неоплатонизма и христианства, метафизики всеединства и метафизики веры.

В итоге «секрет значимости Платона заключается не в буквальном содержании его философии и проповедуемой им морали. При самом беспощадном анализе платонизма в нем оставалось немало ценного. Конструктивно-логические принципы, проповедь самоотверженного служения идее, пафос мировой гармонии, принципиальный антисистематизм и антидогматизм, беспокойный драматический диалог и язык – вот в чем разгадка тайны значимости Платона» [1, с. 63]. «Идейный порыв, принципиальная настроенность, самоотверженное служение идеалу – все это на целые тысячелетия сделало философию Платона популярной, хотя конкретная оценка ее всегда была разной» [1, с. 59].

**Литература и источники**

1. Лосев, А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона / А. Ф. Лосев // Платон. Собр. соч. в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – с. 3–64.

2. Соловьев, В. С. Жизненная драма Платона / В. С. Соловьев // Соч. в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990.– С. 582–626.

## РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

*И. М. Сидорова*

Социальная ответственность философии и философов заключается в том, чтобы стремиться создать в обществе атмосферу любви и мудрости, в формировании социального идеала. Современная философия в России эту задачу в полной мере выполнить не может [1]. Основных причин несколько.

Во-первых, подвергается критике само понятие идеала как некоторой утопии, несбыточной мечты. На наш взгляд, это принципиально неверно. Задача человека, его долг, осмысленный Платоном, Кантом и Руссо, ставить перед собой высшие, трансцендентальные цели, выходящие за пределы обыденности. В этом человеку должна помочь философия. В

советской России человек был уверен, что завтра будет лучше. В постсоветской России мы точно знаем, что завтра лучше не будет. На постсоветском пространстве либеральные идеалы западного общества из «левых» становятся «правыми», т. е. происходит снижение качества жизни большей части населения.

Во-вторых, необходимо приобщать народ к знаниям, заниматься популяризацией философии. Западная философия постмодернизма при всем своем разнообразии не отвечает современным вызовам, т. к. по сути исключает ценности и смыслы из жизни общества и человека. Многообразная терминология ведет к отсутствию взаимопонимания и диалога между философами. Некоторые тексты изобилуют иностранными терминами, простые мысли выражают сложно, запутанно. Необходимо, чтобы преподаватель философии был еще и философом, умеющим интересно излагать свои мысли. Философия не должна вызывать чувство неполноценности у естествоиспытателя или педагога.

В-третьих, самочувствие философов в современной России можно определить печально знаменитой фразой: «хотели как лучше, а получилось как всегда». Эклектичная культура сформировала эклектичную философию. Современная философия потеряла политическое влияние и символическое очарование. Менеджеризм, ранжирование философов на основе принципов наукометрии сковывают все формы проявления творческой мысли. Превратившись в «актора», философ получил дополнительную свободу «постисторического» общества – свободу от ответственности.

В-четвертых, современную российскую национальную идею можно определить одним словом – «деньги». Люди теряют работу, попадают под сокращение, потому что основным показателем успешности организации является ее экономическая эффективность, прибыль. В этой ситуации социального отчуждения философия не может стать человеку опорой: согласно концепции плюрализма, мировоззрение является частным делом личности.

В-пятых, массовая культура привнесла в современную философию понятие повседневности как высшей культурной ценности. Повседневность выдвинула на первый план жизненных ценностей стремление к комфорту, достижение успеха любой ценой. Рынок стал во многом определять философскую и научную «продукцию». Симуляция как свойство современной культуры ведет к имитации философской деятельности, возрастанию научной недобросовестности.

В-шестых, вызовы истории должны не только порождать кризис и симуляцию активности. Они подсказывают пути реального решения проблем. Многообразие философских идей не может быть самоцелью – это лишь средство поиска истины, добра, справедливости. Правда – у каждого своя, а истина – одна на всех. Философия должна сформировать систему

ценностей трудовой жизни человека. Философия общества потребления исчерпала себя. Главной задачей современной философии в России, на наш взгляд, является создание условий для честной, доверительной творческой коммуникации между всеми социальными субъектами, помощи людям в понимании друг друга, обретении любви и смысла. Философ не имеет морального права уходить от участия в публичном обсуждении проблем современного общества, запирать свою мысль в «башню из слоновой кости».

**Литература и источники**

1. Философия обществу: сб. ст. Труды Центра «Интеллектуальный потенциал обновления общества» // Под ред. Б. В. Маркова, Ю. М. Штилькова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 256 с.

## АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС ФИЛОСОФИИ

*Л. С. Сироткина*

В последние десятилетия в мире существенно изменился социальный статус философии и философствования: из элитарного компонента духовной культуры они трансформировались в популярную, институционально закрепленную, целенаправленно распространяемую специализированными организациями (в т. ч. ЮНЕСКО) форму ментальной активности. Современный социокультурный фон развития «общего» формального философского образования на российском культурном пространстве характеризуется едва ли не нигилистическим отношением к философии и философскому познанию, нивелированием специфики целей приобщения к философии редукцией их к выработке общекультурных / универсальных компетенций. Данная ситуация со всей остротой поднимает проблему аксиологических оснований конструирования соответствующих образовательных практик. Каково значение философского образования в личностном аспекте, каковы его цели – эти вопросы остаются крайне актуальными.

Цели и ценностные ориентиры общего философского образования меняются в зависимости от исторического периода, социокультурных условий и авторского понимания роли философии в культуре и образовании. Многообразие позиций может быть представлено через их систематизацию в соответствии с типами образовательных результатов:

1. Социальное, в т. ч. гражданское, развитие личности: развитие способности к взаимопониманию, терпимости в отношениях между людьми и группами [1]; обеспечение осознания глобальных проблем и

проблем и перспектив развития страны, последствий прогресса и т. п. [2].

2. Познавательное совершенствование: развитие философской культуры [3], свободы мышления через демонстрацию возможности построения внутренне согласованных систем взглядов на разных основаниях [1; 4], культуры мышления, включая логическую культуру [5] и способность осуществлять переход от обыденного к философскому рассуждению [6], обеспечение полноты культурной эрудиции [7], просвещенности [8], активизация рефлексивного [9] и критического мышления [10].

3. Личностное развитие: формирование мировоззрения [2; 3; 4; 11] через приобщение к универсальному сущностному и проблемному миропониманию [10], развитие самосознания в качестве представителя нации, поколения, эпохи [8]; выработка системы ценностных ориентаций личности, содействие самоопределению [4], привитие ответственности за результаты собственного труда, в т. ч. интеллектуального, принимаемые решения [8], воспитание независимости от внешнего идеологического и иного интеллектуального давления [1; 4], формирование неконфронтационного нонконформизма [10], сохранение индивидуальности в «обезличивающем потоке общественной стихийности», готовности адаптироваться к новым информационным, мировоззренческим, технологическим парадигмам [10].

4. Повышение качества профессиональной подготовки в аспекте формирования устойчивой и осознанной личностной позиции в отношении профессии и профессиональной деятельности [8], содействие осмыслению философских проблем конкретной науки и человеческой практики.

Нет оснований оспаривать многоплановость значения философии для личностного роста. Однако объективный аксиологический потенциал философского образования может быть реализован только тогда, когда ценность философского познания включается в систему личностных смыслов субъекта и философское знание (и соответствующая компетенция) принимается в качестве значимого компонента структуры индивидуальных образовательных достижений. Поэтому реализация аксиологического потенциала философской пропедевтики должна быть психологически опосредована – должна выстраиваться с учетом структуры учебной деятельности, неотъемлемыми компонентами которой являются цели и мотивы учения. Важнейшая педагогическая задача, в этой связи, – содействовать трансформации объективно-аксиологических факторов философского образования в личностные структуры – подлинные реально действующие мотивы философского познания: цели, внеситуативные стойкие интересы и устойчивые потребности. Проблема: как обеспечить это опосредование?

Механизм интериоризации может быть основан на следующем принципе: цель философской пропедевтики – не философская

компетентность сама по себе, а «встроенность» ее в иные образовательные результаты (когнитивные или личностные структуры), значимость которых очевидна для субъектов учения. Данное отношение между философским образованием и индивидуальным развитием, поддерживая мотивацию, способствует формированию ценностно-конструктивного образа философии и философствования. Желаемая модель индивидуализированного образа философии как результата образования включает, по крайней мере, следующие черты:

– философия есть средство, а философствование – способ широко трактуемого личностного саморазвития и совершенствования индивидуальных интеллектуальных структур, в т. ч. входящих в ядро востребованных в информационном обществе ключевых компетенций личности и профессионала (развивающий результат философского образования);

– философское познание позволяет получить ответы на смысложизненные вопросы (воспитательный результат);

– философское осмысление профессиональной деятельности есть необходимое условие профессионального становления (обучающий результат).

Модель определяет частнодидактические принципы конструирования процесса преподавания философских дисциплин:

– философская пропедевтика должна обеспечить восполнение тех компонентов образования, которые не были реализованы на предыдущих уровнях и не могут быть реализованы вне философской подготовки (в частности, методологической и логической культуры, формируемых средствами фундированного и практикоориентированного освоения логики);

– философская пропедевтика должна обеспечить рефлексивный анализ смысложизненных проблем обучающихся;

– принцип профилизации: философская пропедевтика в определенной части должна быть профильно ориентирована, должна, среди прочего, обеспечивать анализ тех проблем частных наук, которые не могут быть рассмотрены их собственными средствами.

Воплощение в образовательном процессе перечисленных принципов позволит корректировать связанные с философией и философствованием компоненты общественного сознания в направлении преодоления пренебрежительно-нигилистического отношения к ним, содействовать формированию устойчивого интереса к философии и воспроизводству мотивированного философствования как значимой духовной практики.

**Литература и источники**

1. Парижская декларация по философии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ ark:/48223/ pf0000138673_rus. – Дата доступа: 10.04.2020.

2. Кочергин, А. Н. Перестройка преподавания философии и философская культура личности / А. Н. Кочергин // Методика преподавания философии: проблемы перестройки. – М., 1991. – С. 9–21.

3. Тульчинский, Г. Л. Философская культура и способы философствования / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2011. – № 11. – С. 65–76.

4. Липский, Б. И. Курс философии как урок свободы / Б. И. Липский // Философские науки. – 2009. – № 8. – С. 45–54.

5. Брюшинкин, В. Н. Логика / В. Н. Брюшинкин. – М.: Гардарики, 2001. – 356 с.

6. Кондратьева, С. Б. Зачем студенту философия: проблемы преподавания философии в высшей школе / С. Б. Кондратьева // Проблемы современного образования. – 2018. – № 2. – С. 27–32.

7. Кузнецов, В. Ю. Философия преподавания философии / В. Ю. Кузнецов // Вестник МУ, Сер. Философия. – 2003. – № 5. – С. 73–85.

8. Никифоров, А. Л. Философия в системе высшего образования / А. Л. Никифоров // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 17–23.

9. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filosof.historic.ru/ books/ item/ f00/ s01/ z0001103/ st003.shtml. – Дата доступа: 10.04.2020.

10. Андрейчук, Н. В. Материалы к курсу «Методика преподавания философии» / Н. В. Андрейчук. – Калининград, 2003. – 69 с.

11. Дианова, В. М. Цели философского образования: возможные интерпретации / В. М. Дианова // Философия и образование. – 2013. – № 1 (4). – С. 107–112.

## ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

*Д. А. Смоляков*

Высшее образование в современном мире занимает особую роль, выступая не только проводником инноваций, институциональным фактором общественной стабильности, но и важным элементом экономических, политических и социокультурных отношений. В силу быстрого развития и массовизации современного университета международное сотрудничество становится не просто заметной его частью, но полноценным институциональным элементом образовательной деятельности, новой составляющей идентичности высшего образования. Одновременно международное измерение – важный приоритет развития национальных систем образования в целом.

Неуклонный рост числа преподавателей и студентов, участвующих в международных проектах и программах, привел к новым цивилизационным изменениям, а иностранные студенты стали важной частью не только университетской жизни (университетской экономики и его культурного ландшафта), но и видимой составляющей городской жизни. В совокупности это привело к тому, что о проблемах интернационализации высшего образования говорят на самом высоком уровне, включая повестки саммитов глав государств или международных организаций. Международное сотрудничество в сфере образования воспринимается неотделимой частью участия той или иной страны в делах человечества.

Несмотря на то, что интернационализация уже стала одним из явлений, которые определяют современный облик мирового высшего образования, этот предмет исследования только входит в фокус современной социальной философии. Все чаще интернационализация высшего образования интерпретируется в контексте глобальных процессов, характеризующих современную повестку, философская рефлексия обнаруживает связи интернационализации высшего образования с глобализацией и деколонизацией [1]. В этом свете в рамках философской рефлексии представленная проблема разделяется на ряд традиционных направлений философского поиска: унификация и индивидуализация, традиция и новация, влияние и сотрудничество, автор и эпигон, единство и многообразие языка, культуры и общество [2].

В настоящее время исходной точкой последующих теоретических исследований интернационализации высшего образования выступает размежевание глобализации и интернационализации. Если глобализация апеллирует к унификации стандартов и языка, к изучению работы в денационализированной, универсальной среде, то интернационализация, наоборот, предлагает готовность выпускника функционировать в условиях разнообразия культурных и языковых различий. Унифицирующая составляющая глобализации может рассматриваться и как наследие механики империализма, сущность которого заключалась в проникновении одной нации на территорию другой, с последующим приведением к единообразию национальных различий. В условиях такой унификации постепенно редуцируется военная составляющая экспансии, на передний план выводя политическую проекцию силы, представленную как естественное превосходство обычаев, языка и культуры колонизатора. Это направление представляет собой важный объект для сопутствующих социально-философских поисков, так как в эпоху империализма предшествующий национализм объявлялся культиватором частностей, противостоящий улучшению мира посредством унификации лучшего (языка, культуры, науки и т. д.). Воздействующий просвещенный центр, поэтому целиком легитимно преобразовывал воспринимающую

периферию, в то время как последняя превращалась из географического в социокультурный локус [1; 2].

В этом смысле исследования интернационализации высшего образования могут реализовываться в рамках как диалектики глобализации и национального сопротивления ей, так и в деколонизационном аспекте, как форма взаимодействия национальных субъектов после падения колониальной повестки мирового развития. При таком режиме исследования объектом становится национальная субъектность, межнациональное и региональное сотрудничество, мультикультурализм и диалог идентичностей.

В целом интернационализация высшего образования с точки зрения философского поиска фокусируется на процессах культурной, языковой и инновационной диффузии, когда замкнутое пространство национального приобретает пористую структуру, сквозь которую тесно сплетается с другим национальным. Под такими порами подразумеваются не только каналы коммуникации, изучение иностранных языков и культур, но и политико-экономические связи [2; 3]. Таким образом, интернационализация высшего образования может предложить важное поле для социально-философских исследований, существенно расширив горизонты современной философии и предложив новый язык для объяснения современных социально-культурных изменений.

**Литература и источники**

1. Смоляков, Д. А. О генезисе интернационализации высшего образования / Д. А. Смоляков // Образование и наука. – 2019. – Т. 21, № 8. – С. 9–28.

2. Смоляков, Д. А. Интернационализация высшего образования: теория, практика, перспективы / Д. А. Смоляков. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 223 с.

3. Смоляков, Д. А. Философские основания интернационализации высшего образования / Д. А. Смоляков // Вести Национально академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2019. – № 2. – С. 135–144.

## ВОЗМОЖНОСТИ ФЕМИНИСТСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ С. ХАРДИНГ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ

*А. П. Соловей*

В современном мире активно наблюдается рост интереса к гендерным и женским исследованиям (women's studies). Последние представляют собой академическую исследовательскую междисциплинарную отрасль, направленную на изучение и осмысление социального статуса и положения, социально-профессиональных ролей женщин, детерминированных их уникальным жизненным опытом,

который реализуется и накапливается в контексте определенного социально-культурного пространства в конкретном обществе и ограничивается временным периодом. Исследование различной проблематики положения женщин актуализирует необходимость выхода за рамки общепринятых научных методологических познавательных практик и апеллирования к теоретико-методологическим основаниям и методическим инструментам феминистской методологии.

Возможности феминистской эпистемологии позволяют расширить познавательные установки, а также критерии объективности понимания и объяснения социально-профессионального положения женщин-ученых, при этом соответствуя принципам научного познания. Как отмечает одна из представительниц феминистской теории, американский философ С. Хардинг: «Поиск научных знаний должен быть ценностно-нейтральным, объективным, беспристрастным, бескорыстным» [3, с. 89]. Для достижения такого поиска необходимо обратиться к двум доказательным стратегиям феминисткой эпистемологии. Первая стратегия – *феминистский эмпиризм*, направленный на преодоление сексистских установок и андроцентризма, которые встраиваются в научное познание, как на этапе постановки научных проблем, разработки теоретико-методологического и методико-процедурного этапов исследования, а также в процессе сбора и интерпретации полученных эмпирических данных. Феминистская эпистемология не игнорирует и опирается на принципы научного исследования, главнейший из которых состоит в объективности результатов исследования, которые не должны зависеть от социальной идентичности ученого. В свою очередь, феминистский эмпиризм утверждает, что «социальный опыт, на основе которого проверяются научные гипотезы, всегда является исторически конкретным» [2, с. 220]. Положение индивидов, опыт которых может находиться в разных исторических и социокультурных условиях, и зависит от их расовой, половой, классовой, профессиональной принадлежности, определяет возможный дифференцированный потенциал познания. Следовательно, феминистский эмпиризм, по мнению С. Хардинг, соответствует современным тенденциям в философском познании и социально-гуманитарных исследованиях науки и направлен на «проблемные моменты фундаментальных основоположений эмпиризма» [2, с. 221]. Преодоление данных методологических ограничений позволит расширить исследовательские механизмы изучения женщин-ученых как специфической социально-профессиональной группы, которые с одной стороны, являются субъектами научного познания, а с другой – выступают в статусе одного из объектов в гендерных исследованиях науки, а также исключительным объектом в женских исследованиях.

Второй стратегией является *феминистская позиция*, главный постулат которой: «человеческая деятельность не только структурирует,

но и ограничивает наше познание» [2, с. 221]. Знание, которое основывается на повседневном опыте, является различным у мужчин и женщин. Учитывая социальный опыт женщин, методологическая система познания, которая традиционно основывалась на мужском опыте, является более объективной и способствует сокращению накопленной с годами дистанции между опытом женщин-ученых и устоявшимися концептуальными моделями познания мира. Научный поиск с применением феминистской оптики способствует углубленному изучению не только факторов андроцентристского познания мира, но и включению в исследовательский дискурс широкого круга проблем, характерных для женской социальной группы. Используя данную познавательную стратегию при исследовании профессиональной деятельности женщин-ученых, в центре внимания находится опыт женщин-ученых как представителей, прежде всего, женской социально-демографической группы, характеризующейся женской идентичностью, социализацией, выполнением повседневных гендерно-сконструированных практик. Фокусировка на женском опыте как одном их ключевых факторов эффективности научной деятельности женщин-ученых позволяет изучить специфику не только их научного поиска, но и в целом исследовать ограничения познавательных возможностей мужчин и женщин.

Социально-культурная детерминированность науки является ключевой идей и одновременно познавательной возможностью, которая раскрывается в работе С. Хардинг «Вопрос науки в феминизме» («The Science Question in Feminism», 1986). Исследовательница делает акцент на фундаментальности гендера как категории, при помощи которой значения и ценности приписываются всем социальным отношениям [4]. По мнению С. Хардинг, гендерное конструирование науки происходит посредством трех элементов:

1. гендерный символизм как результат приписывания метафор, наделенных сексуализированными значениями, различным социальным явлениям;
2. гендерная структура, которая выступает как организация социальной активности в соответствии с гендерными различиями (например, гендерное разделение труда);
3. индивидуальный гендер – форма социально сконструированной индивидуальной идентичности [1, с. 26].

Данные элементы могут выступать в качестве структурированной системы, взаимосвязанные между собой и оказывающие влияние на весь процесс научного поиска. Функционируя определенным образом, «гендерные» структурные элементы научного познания открывают различные перспективы гендерного анализа науки. К примеру, яркой иллюстрацией взаимосвязи этих элементов является анализ исследований, которые объясняют низкую представленность женщин в некоторых

научных сообществах и областях науки, механизмами женской гендерной социализации. В подобных исследованиях анализируются характеристики женской идентичности и «женского поведения», которые создают барьеры и трудности для включения женщин в научную деятельность в определенных исследовательских областях. Примерами таких барьеров могут быть как слабая мотивация непосредственно субъектов (женщин-ученых) к занятиям наукой, так и неразвитость необходимых для научной работы навыков, которые могут целенаправленно ограничиваться женской социализацией. На основании подобного рода исследований для большего вовлечения женщин в определенные отрасли науки (к примеру, технические науки) рекомендуется изменение мотивации, что в свою очередь приведет к смене «женской» идентичности и поведения на «мужские» эквиваленты [1, с. 26].

Таким образом, возможности феминисткой эпистемологии существенно расширяют теоретико-методологическую базу гендерных и женских исследований. При изучении социального и профессионального положения женщин-ученых доказательные стратегии феминисткой эпистемологии позволяют исследовать уникальный жизненный опыт женщин-ученых, детерминированный их биографическими ситуациями и включением в социальные практики и научно-исследовательскую деятельность. Изучение элементов гендерного конструирования науки С. Хардинг, а именно: гендерное разделение труда в социуме и гендерный символизм, которые обуславливают низкую представленность женщин в отдельных отраслях науки и особенности их профессиональной карьеры, позволяют объяснить подобные ситуации в научном сообществе более конструктивно и продуктивно. С практической точки зрения феминистская эпистемология не только открывает возможности преодоления некоторого гендерного дисбаланса в научном познании, но и способствует развитию гендерных исследований науки в целом, а также институциализации академических женских исследований.

**Литература и источники**

1. Ведерникова, Е. Феминистские исследования науки: позиции и аргументы / Е. Ведерникова // Гендерное устройство: социальные институты и практики: Сб. ст. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005. – С. 23–40.

2. Хардинг, С. Доказательные стратегии феминизма / С. Хардинг // Женщины, познание и реальность: исследования по феминистской философии / Сост.: Э. Гарри, М. Пирсел. – Гл. 11. – М., 2005.– С. 215–231.

3. Harding, S. Feminism and Theories of Scientific Knowledge / S. Harding // Women: A Cultural Review. – 1990. – Vol. 1, Iss. 1. – P. 87–98.

4. Harding, S. The Science Question in Feminism / S. Harding. – Cornell University Press, 1986. – 263 p.

# ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВСЕГО

*Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков, А. А. Лазаревич*

*Вступление*

Согласно энциклопедическому философскому словарю [1], эволюция – в широком смысле слова синоним понятия *развитие*; это процессы постепенного изменения, преимущественно необратимого, протекающие в живой и неживой природе, а также в социальных системах. Эволюционные теории – *семейство* научных теорий в физике, астрономии, химии, биологии, геологии, социологии, языкознании и других областях современной науки, рассматривающих свои объекты (галактики, звезды, химические элементы и их соединения, организмы и сообщества организмов, общества (людей), культуры и цивилизации и др.) под углом зрения их механизмов возникновения и исторического развития [2]. В *цикле* наших работ ([3–12] и мн. др.) была поставлена и в первом приближении решена задача о разработке обобщенной теории эволюции неорганических и органических систем, в том числе живых и разумных, – независимо от конкретных механизмов развития конкретных систем. В данном докладе на юбилейной конференции ИФ НАНБ представляется *единая гипотеза об эволюции Всего*. Дискуссионность такой гипотезы очевидна по определению. Однако авторы считают, что все мы вертимся вокруг истины, но дело состоит в том, чтобы приближаться к ней, а не удаляться от нее [11]. И мы думаем, что делаем именно шаг приближения к истинному знанию. И первая независимая оценка этого шага возможна на данной конференции.

*Основные постулаты*

Сформулируем их *на базе* основных законов диалектики и *первого принципа механотермодинамики*, который устанавливает *всеобщий закон Природы*: *повреждаемость всего сущего не имеет мыслимых границ* [3; 7; 13].

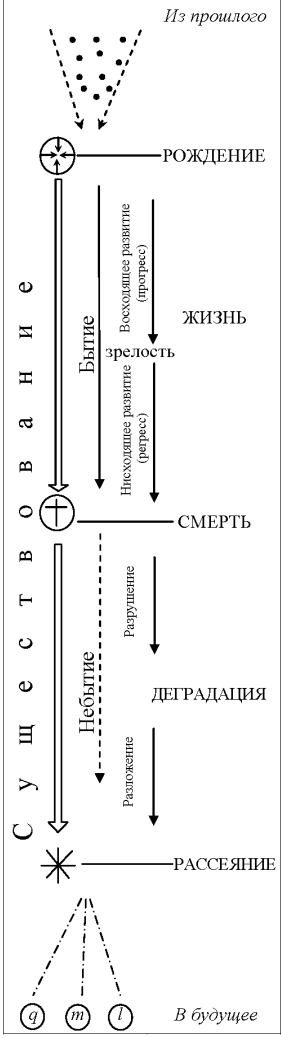
1. Эволюция Всего – это эволюция материального мира.

2. *Материальный* мир – это неисчислимое множество взаимодействующих (между собой и со средой) частиц, тел, объектов, систем (и т. д.) любого масштабного уровня – неорганических и органических, в том числе живых и разумных, – находящихся в любых состояниях (состав, свойства, функции и т. д.) и имеющих любую структуру (строение).

3. Эволюция любых *составляющих* материального мира подобна, идентична и качественно едина с эволюцией Всего, поэтому может быть описана как эволюция некоей *типичной компоненты*, наделенной всеми необходимыми атрибутами материи.

4. *Материя* есть объективная реальность любой пространственной протяженности, данная нам в ощущениях, измерениях и, наконец, в воображении, которая отражается в сознании человека разумного, существуя независимо от него. Движение в пространстве есть двуединый способ существования, ее всеобщая и обязательная функция. Движение материи вне пространства невозможно. Пространство без движения материи не существует. Материя обладает уникальной способностью воспроизводить себя после любых превращений. Пространство может неограниченно трансформироваться соответственно *n*-мерной протяженности (масштаба и формы) материи в процессе ее движения [3; 13; 14].

Рисунок 1. Схема *эволюции* (↓). *Всего*. *Из прошлого*: определенные материальные начала, содержащиеся во многих и разных объектах, системах и т. д., преобразуются и направляются для формирования нового сущего. *Рождение*: образование новой системы (объекта) как целого с определенными свойствами для выполнения соответствующих функций. *Бытие*: необратимые изменения состояний целого. *Смерть*: критическое по необратимой поврежденности состояние: это полная потеря целым всех свойств и функций; это предел бытия и начало небытия, *Небытие*: запредельное существование остатков (продуктов деградации) целого. *В будущее*: материальные *начала* существовавшей системы преобразуются, рассеиваются и расходуются на строительство бесчисленного множества других систем. Таким образом, материя неуничтожима и вечна, а эволюция Всего гистерезисна

| Философские представления | Механотермодинамические состояния | | Символическое (физико-механическое) описание |
|---|---|---|---|
| | наименование | количественный анализ | |
|  | Материальные начала | $a_i, b_i, c_i, \ldots$ | $Sub\,(\Sigma a_i, \Sigma b_j, \Sigma c_k, \ldots, Mot, \ldots)$ |
| | Неповрежденное | $\begin{cases} \omega_\Sigma = 0 = \omega_0 \\ d = 1 \end{cases}$ | $\int_0^{V_0}\int_0^{t_0} \Phi\left[Sub(A \cap B \cap C \ldots, \theta_{ch}\Lambda_{ij})dVdt\right]$ |
| | Необратимое повреждение | $\begin{cases} 0 < \omega_\Sigma\,(U_\Sigma^{eff}, \ldots, \Lambda_{ij}) < 1 \\ d \in 1 \end{cases}$ | $L\left[Sub, Mot, Spa, \Lambda_{ij}, F\ \rho, S_\rho\ , Dam, Inf, Разум, \ldots\right]$ |
| | Предельное | $\begin{cases} \omega_\Sigma = 1 = \omega_{\lim} \\ d^* = 1 \end{cases}$ | $\Phi\,(-E_k, V_k, t_k)$ |
| | Запредельное | $\begin{cases} 1 > \omega_\Sigma^*\,(t) < \infty \\ 1 > d^*\,(t) > 0 \end{cases}$ | $R\left(A \to \forall \oplus,\ B \to \text{Ꮓ} \oplus,\ C \to \text{Ɔ}, \ldots\right)$ |
| | Распад | $\begin{cases} \omega_\Sigma^* = \infty = \omega_\infty^* \\ d_o^* \in 0 \end{cases}$ | $\Psi_F = \left\lvert \frac{F_+}{F_-} \right\rvert \gtrless 1$ |

5. Эволюцию Всего формирует *совокупность* множественных флуктуаций *материальных компонент*, количественные параметры которых не могут и не должны совпадать (быть одинаковыми) с обобщенными характеристиками Всего.

6. Эволюция материального мира *в действительности* определяется (и, следовательно, может быть адекватно описана) только и исключительно изменениями фундаментальных состояний необратимой поврежденности всех его компонент и, следовательно, Всего. В первом приближении таковыми являются необратимые *преобразования* строения, биохимического состава, температуры, структуры, размеров, формы, объема, массы, сплошности (целостности), плотности (и т. д.) и, следовательно, любых свойств и функций. Они реальны: их можно ощутить, увидеть, зарегистрировать, измерить и, наконец, вообразить и описать.

7. Необратимость Всего *универсальна*: развитие необратимой повреждаемости есть *фундаментальное свойство и обязательная функция* любых компонент Всего.

8. Эволюция Всего *гистерезисна* и потому *необратима*: ни одно из состояний поврежденности повториться *не* может. Другими словами, *бытие и небытие любой компоненты невозвратны*.

9. Эволюция Всего *нескончаема*: у нее нет ни начала ни конца, так как любая ее (пусть и бесконечно малая) частица идет, направляется, расходуется на строительство и создание новых компонент. Это значит, что однонаправленной стрелы эволюции материального мира нет.

10. Вопрос о *первичности* бытия или небытия в процессе эволюции Всего *некорректен*: эволюция есть бытие, переходящее ($\rightarrow$) в небытие, что тождественно процессу небытие $\rightarrow$ бытие. Это и определяет *неограниченное существование* Всего. *Мультипереходы* бытие $\leftrightarrows$ небытие обычны для эволюции Всего, а их количество *несчетно* и *невообразимо*.

11. Эволюция Всего *нестатична*: для нее характерны качественные скачки состояний, которые есть результат соответствующих количественных изменений компонент. Например, *прямой эффект*: взрыв звезды и его влияние на изменение состояний окружающей среды. *Обратный эффект*: состояния окружающей среды, со своей стороны, не могут не влиять на возникновение и развитие процесса взрыва [15]. В таком случае *действие не равно противодействию* (как в законах механики). Этот *локальный источник асимметрии действия* вызывает *необратимые локальные искривления пространства*. Является ли оно одной из причин искривления пространства Вселенной – вопрос, требующий обсуждения. Таким образом, всякие «*революционные скачки*» вписываются в эволюцию Всего и составляют ее неотъемлемые явления.

12. *Асимметричность эволюции* в пространстве и качественные скачки в эволюции Всего есть один из *источников* движущей силы во Вселенной (энергетические поля и потоки?).

13. Бытие (жизнь) проходит *три* этапа: *восходящее развитие* (упрочнение), *зрелость*, *нисходящее развитие* (разупрочнение). *Упрочнение всегда конечно*, *разупрочнение* может иметь любую сколь

угодно большую интенсивность и является *неограниченным*. Именно поэтому всякая система *неизбежно* идет к смерти. Накопления повреждений, обусловленных источниками разной природы, *неаддитивны*.

14. *Источники* жизни: материя, движение, пространство. *Движущая* сила: развитие в условиях единства и борьбы противоположностей. Поскольку повреждения необратимы, то и жизнь необратима.

15. Развитие *органической жизни* может вести – в определенных условиях – к возникновению «*духа*» (*сознания*, *разума*). Обсуждение этой флуктуации эволюции и особого состояния некоторых компонент материального мира выходит за рамки сегодняшнего доклада.

Изложенные выше положения, как видно, не противоречат современным научным воззрениям и известным закономерностям, установленным в философии, физике, других науках.

*Общая схема эволюции Всего*

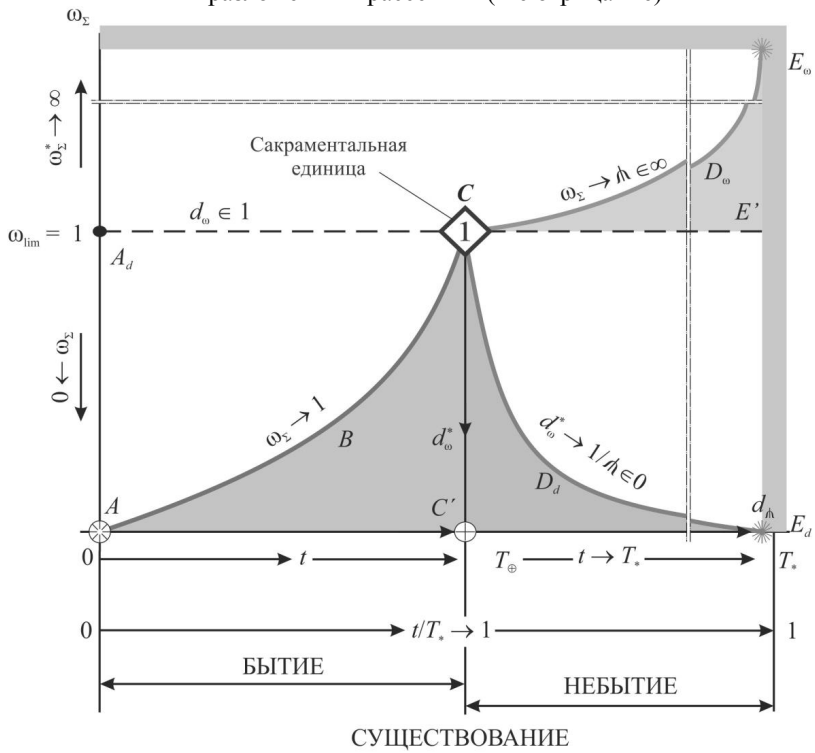
Такая схема представлена на рисунке 1 с учетом того, что всеобщие законы диалектики не нарушаются. В подрисуночной подписи сформулированы определения основных понятий. Эти определения (как и сами понятия) далеко *небесспорны*. Но вот они даны, и теперь их можно обсуждать (принимать, отвергать, уточнять и т. д.).

На рисунке 2 дана общая графическая иллюстрация эволюции Всего, а в таблице 1 приведены ее количественные показатели.

Таблица 1. Эволюция объектов по повреждаемости: количественный анализ

<table>
<tr><td colspan="2">Эволюция системы</td><td>Состояния поврежденности</td><td rowspan="6">А-эволюция:<br>развитие необратимых состояний системы по поврежденности<br><br>$\bar{\omega}_\Sigma = \bar{\omega}_\Sigma\left(U_\Sigma^{eff}\right) \overset{t}{\Rightarrow} \text{ѧ} \in \infty$<br>$d_\omega^* = e^{-K\omega_\Sigma^*} \Rightarrow \frac{1}{\text{ѧ}} \in 0$</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Стадия 1:<br>$d_\omega \in 1$</td><td>A-состояние</td><td>Неповрежденное<br>$\omega_\Sigma = 0 = \omega_0$</td></tr>
<tr><td>B-состояние</td><td>Поврежденное<br>$0 < \omega_\Sigma(t) < 1$</td></tr>
<tr><td>C-состояние</td><td>Предельное<br>$\omega_\Sigma = 1 = \omega_{\lim}$</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Стадия 2:<br>$1 \geq d^*_\omega \Rightarrow 0$</td><td>D-состояние</td><td>Запредельное<br>$1 < \omega_\Sigma^*(t) < \infty$</td></tr>
<tr><td>E-состояние</td><td>Рассеяние<br>$\omega_\Sigma^* = \infty = \omega_\infty$</td></tr>
<tr><td colspan="4">Примечание: Комплекс необратимых повреждений ($\omega_\Sigma$) определяется эффективной (поглощенной в системе) энергией ($U_\Sigma^{eff}$), обусловленной нагрузками любой природы:<br>$0 < \omega_\Sigma(U_\Sigma^{eff}) = \omega_\Sigma(U_n^{eff}, U_\tau^{eff}, U_T^{eff}, U_{ch}^{eff}, U_{Bio}, \ldots, U_0) = \omega_{\Sigma U} \leq \text{ѧ} \in \infty$.<br>Здесь индексы $n$ и $\tau$ указывают на нормальные и сдвиговые механические нагрузки, $T$, $Ch$ и $Bio$ – на тепловые, электрохимические и биологические нагрузки, которые порождают соответствующие энергетические потоки.</td></tr>
</table>

Рисунок 2. К гипотезе об эволюции Всего (закон отрицания отрицания): рождение сущего отрицает прошлое, но дает начало его жизни – это объединительный процесс (1-е отрицание). Смерть отрицает жизнь (бытие) существующего, но дает начало его будущему – это процесс разложения и рассеяния (2-е отрицание)




Примечание. Эволюция любой системы по поврежденности ($\omega$, $d_\omega$) реализуется как *двухстадийная* (см. таблицу 1): *стадия 1 бытия (жизни)* объекта как целого ($d_\omega \in 1$, $0 < \omega_\Sigma \le \omega_{\lim} = 1$, линия $A_dC$ и линия $ABC$) и *стадия 2 небытия* ($\omega^*_\Sigma \to \infty$, $d^*_\omega \to 0$, линия $C_\omega D_\omega E_\omega$ и линия $CD_dE_d$) его *фрагментов*, *осколков*, *частиц* (и т.д.). Стадия 1 характеризует время жизни (долговечность $T_\oplus$) *системы как целого* с выполнением ею определенных функций. Она представляется как *бытие, сопровождающееся неизбежным ростом повреждаемости и сбоями некоторых функций* вплоть до достижения предельного состояния (точка *C*). Эта точка оказывается *сакраментальной*: здесь «сходятся» три *особые – критические единицы*: $\omega_\Sigma = 1 = \omega_{\lim}$, $t/T_\oplus = 1$ и $d_\omega \in 1 = d_c$. Эти критические единицы и определяют *раздел* эволюции на две принципиально различающиеся стадии – стадию бытия (жизни) и стадию небытия (деградации). Точка (*C*) есть конец бытия (существования) системы как целого. После точки *C* система как целое не существует – она разлагается. Следовательно, это – *эпицентр эволюции*, или ее апофеоз. Стадия 2 характеризуется длительностью $T_D$ – временем существования фрагментов, осколков, частиц (и т.д.) «после смерти». Таким образом, общая продолжительность существования конкретной системы есть $T_* = T_\oplus + T_D$.

Дадим здесь предельно краткий перечень некоторых компонент эволюции Всего, которые, по нашему мнению, являются характерными и могут быть эффективно и по-новому проанализированы с помощью изложенной гипотезы эволюции Всего.

– бытие популяции биологического вида (например, мамонтов);

– рождение, развитие и смерть Солнечной системы (или, например, нашей галактики «Млечный путь»);

– возникновение, рост, могущество и падение Римской империи;

– эволюция первобытно-общинного строя;

– жизнь пчелиной семьи.

Список этот, конечно, можно множить беспредельно.

**Литература и источники**

1. Эволюция // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 754.

2. Философский словарь // Под ред. И. Т. Фролова. – М.: Современник, 2009. – С. 801–802.

3. Сосновский, Л. А. Основы теории эволюции неорганических и органических систем, в том числе живых и разумных / Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков, А. А. Лазаревич // Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорусского философского конгресса, Минск, 18–20 окт. 2017 г. – Минск: Беларуская навука, 2018. – С. 155–178.

4. Лазаревич, А. А. На пути к синергии техно – и биоразвития: техософия и трибофатика / А. А. Лазаревич // Вестник БелГУТа: Наука и транспорт. – 2016. – № 1 (32). – С. 39–44.

5. Сосновский, Л. А. Динамические системы с элементами разума: проблема и перспективы исследования / Л. А. Сосновский // Механика-2011: материалы V Белорусского конгресса по теоретической и прикладной механике, Минск, 26–28 окт. 2011 г. – Т. I. – Минск: ОИМ НАН Беларуси, 2011. – С. 64–79.

6. Сосновский, Л. А. О возможности построения общей теории эволюции систем / Л. А. Сосновский // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: материалы Междунар. науч. конф. к 80-летию Института философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, 14–15 апр. 2011 г. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 152–157.

7. Sosnovskiy, L. A. Mechanothermodynamical System and Its Behavior / L. A. Sosnovskiy, S. S. Sherbakov // Continuum Mechanics and Thermodynamics. – 2012. – № 24. – P. 239–256.

8. Сосновский, Л. А. Поле жизни и золотые пропорции / Л. А. Сосновский // Наука и инновации. – 2009. – № 9 (79). – С. 26–33.

9. Сосновский, Л. А. Трибофатика: о диалектике жизни / Л. А. Сосновский. – Изд. 2-е. – Гомель: БелГУТ, 1999. – 116 с.

10. Сосновский, Л. А. Поле судьбы: первое представление / Л. А. Сосновский // Наука и инновации. – 2009. – № 10 (80). – С. 29–33.

11. Сосновский, Л. А. L-риск (механотермодинамика необратимых повреждений) / Л. А. Сосновский. – Гомель: БелГУТ, 2004. – 317 с.

12. Sosnovskiy, L. A. From Tribology to Tribo-Fatigue and Mechanothermodynamics / L. A. Sosnovskiy, S. S. Sherbakov // Proc. of World Tribology Congress VI [Электронный ресурс]: Beijing, China, September 17–22, 2017. – Beijing, 2017. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

13. Сосновский, Л. А. Механотермодинамика (об объединении великих конкурентов: 1850–2015) / Л. А. Сосновский // Механика машин, механизмов и материалов. – 2016. – № 4 (37). – С. 19–41.

14. Сосновский, Л. А. И еще раз о понятии материи / Л. А. Сосновский // Вестник РФО. – 2016. – № 1 (77). – С. 107–109.

15. Сосновский, Л. А. Развитие понятия об энтропии: от термодинамики до космологии. Сообщение 1. Понятие об энтропии: термодинамика, механика, информатика, трибофатика, механотермодинамика / Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков // Механика машин, механизмов и материалов. – 2020. – № 3 (52). – С. 78–88; Сообщение 2. Гипотеза об энтропии в космологии и ее развитие // Механика машин, механизмов и материалов. – 2021. – № 1 (54). – С. 80–88.

## ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

*Т. Д. Суходуб*

Внимание к онтологии к концу XX века заметно ослабело, прежде всего в силу постмодернистской деконструкции любых метанарраций, под которые подпадает, конечно, и классическая онтология, т. е. культура мышления философского модерна с ее идеями наличия у бытия смыслов (в силу принятия аксиологического измерения бытия, следовательно, и связи онтологии с аксиологией), законов, которые способны быть всеобщими и потому определять мировое развитие, устанавливать порядок как такое состояние мира, при котором не разрушался бы главный, историей культуры выработанный принцип – человечности, создающий личность и сохраняющий мир ее духовно-культурного, традицией определяемого, мира.

Впрочем, современного человека, как и раньше, не отпускают поставленные в XX веке экзистенциальные вопросы о подлинной реальности, определяемой переживаниями человека, сознающего свою конечность. То есть, хайдеггерова постановка вопроса о вопрошающем человеческом бытии, выводящем мысль за границы сущего, как бы напоминает, что онтологию нельзя придать забвению, ибо на каждом витке социокультурной истории человечества воспроизводятся старые и появляются новые вызовы миру, требующие философского осмысления. Обратим внимание на некоторые из них.

Первый вызов – культура постмодерна и возможность возврата современного человечества к культуре модерна. Современная цивилизация уже привычно и почти безальтернативно называется постмодерной. Наблюдаемое же совмещение принципов, начал культуры модерна и

постмодерна позволяет не только констатировать переходность нынешней исторической эпохи, но и увидеть в таком синтезе проблему. Дело в том, что деконструктивизм постмодернистской интеллектуальной культуры, конечно, позволил разрушить утопизм грандиозных социальных проектов, исходящих из прогрессистской идеологии Просвещения, но ведь не разрушил утопизм как жанр социального мышления. В иных условиях, создаваемых технологически гораздо более развитым современным обществом, утопизм легко прививается сознанию через популярные ныне социальные мифы (например, об образцово устроенном социуме, выступающем идеалом для всех других, с иной культурой и традицией, или о рынке с его «невидимой рукой», который может обустроить все и тем самым отменить потребность в исторически устоявшихся социальных институтах, таких, например, как социальное государство, культура. Иначе говоря, паралогика, используемая в социально-политических технологиях работы с сознанием, не только не отвечает традиционной логике, но часто не соответствует и здравому смыслу.

Подобная архаизация мышления современного человека – еще один вызов ему. Тем не менее, постепенно прививается «нормальность» такого мышления, так что многим современникам уже трудно удивиться и не принять следующее утверждение в качестве допустимого в XXI веке: «Мифотворчество – это абсолютно нормальный способ сделать политические события понятными в свете идеологических верований. Некоторые повествования приобретают – внутри той или иной социальной группы – значимость на долгий срок» [1, с. 241]. Понятно, что в такой, идейно заданной, а по сути, мифологической (архаической) логике действуют иные законы, которые не способствуют пониманию происходящего, а всего лишь задают человеку «правильное» самоопределение в предлагаемых обстоятельствах социального бытия.

Безусловно, можно прошлое многовековой культуры (ее идеи, подходы, традиции общественного и духовно-культурного развития) волевым решением отменить (что не раз наблюдалось в истории). Но что из такого решения следует? Только одно – появляются новые утопии и новые социальные мифы на месте старых. В историческом контексте смены культуры модерна культурой постмодерна тонко подмечает легкость такого перехода Ю. Хабермас: «Из хайдеггеровой критики субъективности Нового времени Деррида делает вывод, – пишет он, – что мы можем перестать "тянуть лямку" западноевропейского логоцентризма, лишь прибегнув к бесцельной провокации» [2, с. 91]. И в общем-то задуманная реформа интеллектуальной традиции удалась. Человек оказался весьма внушаемым, согласился с тем, что разум как основополагающее для культуры модерна понятие в границах нового мышления схематизирует связи и межличностные отношения, упрощает самого человека, его «жизненный мир», систематизирует несистемное,

рационализирует нерациональное, односторонне понимает и потому догматизирует события человеческого бытия, не оставляя места свободному действию и мышлению. При этом не берется во внимание уже проглядывающаяся ныне следующая тенденция социокультурного развития: критический пересмотр философии модерна привел к тому, что умение мыслить теоретически, категориально, универсально перестало воспроизводиться в сфере образования, что и открыло возможности работы с сознанием (ставшим легко внушаемым) самым разным манипулятивным практикам современных политтехнологов.

Безусловно, эпохи имеют точки разлома, идейного расхождения. Однако вне преемственности культур, прежде всего традиций философского мышления, новые ответы на исторические вызовы могут быть облачены в одежды архаического псевдомышления, подменяющего разум эмоциями, чувственностью, жизнь – прельщающими, но ложными картинками якобы возможного бытия, и направляющего волю человека совершать бессмысленные поступки, часто безосновательно нацеленные против других.

**Литература и источники**

1. Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад // Пер. с англ. А. Георгиева. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.

2. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас // Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.

## ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФИЛОСОФСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Хань Сяоянь*

С начала XX в. китайское общество претерпело существенные социальные изменения, как с точки зрения социального развития, так и финансового благополучия нации. В том числе благодаря этим изменениям китайская культура превратилось из инструмента государственного влияния в независимую сферу социальной жизни общества. Начало было положено китайской политикой реформ и открытости, начавшаяся в 1980-ых годах, которая позволила китайцам открыть для себя внешний мир и сделать собственную жизнь, экономику, образование и искусство современными. Инициатива «Один пояс и один путь», предложенная Китаем в 2013 г., не только является стратегией содействия международному политическому сотрудничеству и экономическому развитию, но и предоставляет новые возможности для сотрудничества и взаимодействия китайской культуры с мировым сообществом. В итоге это будет содействовать более глубокому взаимодействию между различными

регионами мира, которые обеспечат как социальные инновации, так и культурные интеграции. В рамках стратегии «Пояса и пути» в сфере культуры были проведены многочисленные внутренние и международные обмены, отражающие важную роль культуры в повышении национальной суьъектности как в Китае, так и за его пределами.

Можно сказать, что современная культура Китая стала уникальной формой взаимодействия в мультикультурном ландшафте. В этом контексте роль китайской философии также изменяется. Эти изменения происходят в том же ключе, что и в области политики, экономики, социального развития. Современная китайская философия выступает в качестве демонстрации многотысячелетней китайской истории, великолепия китайской цивилизации и современной уверенности китайского народа в будущем развитии как Китая в частности, так и мира в целом.

Ориентация Китая на мультикультурализм и глобализм открывает новые горизонты для международного распространения и развития талантов, их развития и естественной реализации. В этом отношении Китай фокусируется на продвижении своего философского наследия в мировом сообществе, в этой связи фокус постепенно смещается в область традиционной культуры Китая.

Традиционная культура Китая включает целую систему гуманистических мировоззренческих установок. Китайская цивилизация – одна из древнейших цивилизаций в мире, можно сказать, что она объединяет и стремление к прогрессу, и сохранение проверенных временем моделей организации жизни.

Изучение гуманистического начала традиционной китайской культуры может стимулировать интерес мирового сообщества к китайской цивилизации, способствовать расширению кругозора, получению новых знаний и содействовать всестороннему развитию международных контактов.

Современная китайская этика по-прежнему остается универсальной, охватывает все слои общества и подчеркивает незыблемость принципов конфуцианизированного комплекса этико-ритуальных норм. Китайская современная и традиционная культура стремятся к единству истины, добра и красоты, в основе которой лежит добродетель, возвращающая общество к принципам конфуцианской морали. Акцент на нравственном поведении, прежде всего праведности как ее основном содержании, заключается в культивировании, обучении и формировании личности, а конечной целью является воспитание честности, справедливости, доброты, трудолюбия, предприимчивости и полезности человека для общества.

Ценности традиционной китайской культуры, являясь частью личностной культуры, становятся и своего рода практическим руководством в жизни. Традиционные добродетели – вежливость, мудрость, доброжелательность – способствуют гармоничному развитию

личности и межличностной коммуникации. Более того, они содействуют формированию профессиональных навыков, которые могут быть применены в системе менеджмента, межкультурной компетентности, в сфере образования.

Заложенная в традиционном этикете ритуальность предполагает последовательное выполнение нравственных правил и норм на всех уровнях – от бытовых форм культуры и профессиональных групп до личностной культуры. Ритуализация является своего рода знаковой системой, в которой каждое действие включает в себя определенный социально-моральный принцип. Поэтому совершение обряда, ритуала, служит механизмом инкультурации и социализации человека и обществ.

Таким образом, в настоящее время Китай активно взаимодействует с мировым сообществом. Это взаимодействие предлагается реализовывать на основе взаимного постижения культурного и философского наследия. В Китае, такой универсальной формой является традиционная культура Китая. Взаимное изучение традиционных форм, народных традиций, которые раскрывают уникальность и полноту национальной истории и культуры открывают новые возможности как к диалогу культур, так и развития философских дисциплин с точки зрения языка и предметной сферы.

## ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ: ФРАНЦУЗСКИЙ ОПЫТ

*В. А. Токарев*

Актуальность исследования особенностей современной французской модели сравнительного правоведения обусловлена поиском новой методологии познания правовых явлений и процессов в сравнительном аспекте, а также необходимостью оценки воздействия компаративистики на формирование и функционирование национальных и региональных правовых систем, в более широком смысле – юридических культур. Кроме того, выявление новых точек пересечения философии и правоведения приближает к адекватному пониманию процессов, происходящих сегодня на разных уровнях социально-политических систем Запада и Востока [1; 4; 5].

Наше исследование нацелено на обобщение методологических новаций в сравнительно-правовых исследованиях, а также на выявление эвристических возможностей компаративистики конца XX – начала XXI вв. Подчеркнем, что процессы трансформации права, взаимовлияния правопорядков и юридических культур («правовая аккультурация») проходят сегодня во многих странах под знаком формирования доктрины национальной идентичности. При этом именно французская

компаративистика традиционно ориентировалась не только на достижения собственно юридической науки, но и на учения ряда философов, социологов и антропологов, представляющих, прежде всего, такие направления как аналитическая философия, структурализм и феноменология [2; 3; 6].

Как отмечают многие франкоязычные компаративисты (Э. Агостини, С. Голтцберг, П. Легран, Р. Леже и др.), сравнительное правоведение становится в конце XX – начале XXI вв. вспомогательной правовой наукой. В этом качестве оно объединяет знания и методы, которые позволяют проводить сравнения правовых институтов, отраслей и систем с целью выявления их сходств или различий, необходимого для осуществления фундаментальных исследований и совершенствования правовой политики и юридической практики. Поэтому сравнительное правоведение рассматривается французскими юристами с точки зрения как фундаментального, так и прикладного значения разрабатываемой и применяемой ими методологии, в том числе заимствованной у других наук, выдвигаемых гипотез, полученных результатов.

Поскольку постсоветские теоретики и философы права (М. Н. Марченко, А. Х. Саидов, Ю. А. Тихомиров, В. А. Туманов), как правило, придерживаются подобного подхода, особый интерес, на наш взгляд, представляет выявление общего и особенного в методологии компаративистики и ее положении среди иных наук на данном этапе развития политико-правовых систем и понятийно-категориального аппарата философии и правоведения в странах бывшего СССР и Франции.

Обращение к анализу специфики, достоинств и недостатков французской модели сравнительного правоведения позволяет выявить две группы функций компаративистики: 1) внеюридические и 2) юридические. Причем реализация каждой функции ориентирована на раскрытие эвристических возможностей сравнительного правоведения [2; 4].

В первом случае компаративисты исследуют национальные правовые системы, ориентируясь на особенности структурных элементов общества и культуры: политика, экономика, религия, мораль, язык, традиции. По их мнению, тем самым укрепляются междисциплинарные связи сравнительного правоведения с теорией права и государства, историей, социологией, философией, антропологией, психологией, политологией и экономикой.

Во втором случае определяются основные направления развития и совершенствования правовых систем современности в перспективе их интеграции и эффективного использования конструкций наднационального, европейского и международного права. В поле зрения правоведа оказывается проблематика взаимовлияния и взаимопроникновения правопорядков, в том числе прецедентных практик конституционных судов и ЕСПЧ.

Обозначенные тенденции, характерные для современной французской компаративистики и представляющие несомненный интерес для российских юристов, свидетельствуют о возможности и необходимости проведения сравнительно-правовых исследований, которые основаны на понимании права как социального и культурного феномена. Для достижения этой цели французские правоведы обращаются к анализу многоуровневой правовой реальности, не ограничивая предмет исследования юридической догматикой. При этом сохраняются обе перспективы, традиционно принимаемые в расчет компаративистами: синтетическое и аналитическое сравнение, а правовые институты образуют «единый ансамбль» (Р. Леже), причем каждая норма и конкретный институт имеют смысл только при их включении в него [4]. С этой точки зрения, термин «юридическая география мира» наполняется новым содержанием, предполагая сравнение правовых ансамблей как обязательное условие точного и эффективного сравнения отдельных институтов, которые относятся к различным правовым системам.

**Литература и источники**

1. Agostini, E. Droit comparé / E. Agostini. – Paris: P. U. F., 1997. – 352 p.

2. Goltzberg, S. Le droit comparé / S. Goltzberg. – Paris: P. U. F., 2018. – 128 p.

3. Legrand, P. Le droit comparé / P. Legrand. – Paris: P. U. F., 2015. – 127 p.

4. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Р. Леже. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.

5. Рулан, Н. Историческое введение в право / Н. Рулан. – М.: Nota Bene, 2005. – 672 с.

6. Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – М.: Норма, 2000. – 310 с.

## ОТ СПЕЦИФИКИ АРХИТЕКТОНИКИ К «ЮРИСДИКЦИИ» ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ

*Т. М. Тузова*

В условиях существенных изменений предметных полей, стратегий, стилистики и языка анализа человеческого опыта в современной гуманитаристике, размывания границ философской рефлексии остро встают вопросы о самой возможности существования философии. Ее объявляют «исчерпанной», «невозможной», – пишет современный французский философ Алан Бадью, – «К примеру, Лаку-Лабарт: "Более не следует желать философии". И почти одновременно Лиотар: "Как архитектура, философия лежит в развалинах"… Но можно ли представить себе философию, лишенную всякой архитектоники?» Философию объявляют «переданной в ведение чего-то иного». Философы «пребывают в поисках окольного письма» (то есть, не входя напрямую в

метафизическое поле, они предпочитают работать через анализ живописи, кино, поэзии, политики и т. п. – *Т. Т.*). Они ищут «побочной поддержки, косвенных референций, дабы уклончивым образом перейти к захвату позиций на считающейся необитаемой философской территории» [1].

Эти умонастроения А. Бадью объясняет «изрядной гордыней» философов. Философы стремятся взвалить на себя бремя интеллектуальной ответственности за все зло, за все исторические и политические преступления «череды веков со времен самого Платона». Их «излишне претенциозная» мысль столкнулась с этими преступлениями и сочла их «препятствием для какого бы то ни было продолжения». Они хранят верность «спекулятивному тоталитаризму» – идее, что «философии подпадает все».

В этом контексте стоит обратить внимание на попытку А. Бадью избавить философию от гордыни и гнетущей ответственности «за все» и вывести тем самым ее из «тупика». Эту попытку А. Бадью предпринимает на пути, скажем так, демаркации философии и не-философии. Границу между ними он пытается провести слишком, на мой взгляд, просто – по *предмету* философского размышления. То есть «вотчину философии» А. Бадью будет определять именно по предмету как подпадающему либо не подпадающему «под юрисдикцию философии». При этом он имеет в виду философию как ту «специфическую мыслительную форму, которая со времен Платона удостаивается имени философии». «Когда Лиотар ставит в заслугу Лаку-Лабарту "первое философское определение нацизма", он считает само собой разумеющимся, что подобное определение способно пройти по философскому ведомству. А ведь это отнюдь не очевидно» [1].

А. Бадью заявляет о невозможности философского определения нацизма. «Нацизм как таковой не является возможным предметом философии… он вне тех условий, которым в рамках своего собственного строя способна придать форму философская мысль» [1]. Преступление не осмысляемо. Оно «не является для этой мысли событием». Оно – «развал любого понятия».

Так, через ограничение «ставок философии» и преодоление пафоса ее конца, А. Бадью выстраивает «ее защиту». За философией признается способность не порождать некие свои истины, но лишь оперировать теми, что ей могут дать ее «условия» (математика, поэзия, политическое изобретение и любовь). Ее задача – обеспечивать конфигурацию «общей совозможности» этих истин.

Мне представляется, что к вопросу о «юрисдикции» философского мышления у нас прямой путь именно от вопроса о специфике его архитектоники. Это означает, что мы должны сначала определить те специфические черты философской рефлексии, которые сохраняются (и воспроизводятся в модифицированных формах) в историческом потоке

времени и позволяют ее самоидентификацию в исторически, стратегически, типологически и предметно разнообразных и разнородных контекстах. Это те ее черты, которые конституируют специфическую предпосылочную структуру (архитектонику) мыслительного пространства, создаваемого собственно философской рефлексией.

Что касается специфических черт философской рефлексии, отличающих ее от не-философской работы мысли, то кратко я обозначу их так: сущностный (предельный) формат вопрошания, поиск условий мыслимости существующего – Что есть…? Что значит…? Как, при каких условиях возможно…?

Это тот сущностный формат, который предложили миру древние греки и который в самых разных предметных контекстах устойчиво воспроизводится на протяжении всей истории европейской философии вплоть до наших дней (Николай Кузанский, Р. Декарт, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, Ж. Делез и др.). То есть я считаю, что философию определяет не столько то, *о чем* мы говорим, сколько то, *как* мы об этом говорим.

Замечу, что в утверждениях о невозможности для философии понять абсолютное зло и бессмыслицу сложным образом сплетаются различные глубинные образы (или даже метафоры) самопонимания философского мышления. Первая аллюзия, разумеется, связана с Платоном, с его требованием для философа «различать все по родам и не смешивать один род с другим». И эти «идеи», сущности Платона вовсе не являются неким готовым, застывшим набором определений. Не случайно он не дает «окончательных» ответов о сущности «справедливого самого по себе», «прекрасного самого по себе» и т. п. Это знание, которое каждый философствующий должен строить на свой страх и риск, всегда заново, вживую, всегда идя «наощупь» к прояснению предпосылочных структур опыта своей собственной души и своей собственной мысли.

Поэтому и возможна «майевтика».

Следуя этому требованию предельного «различения», именно философия и должна определять, что такое зло, взглянув в лицо зверя. Но здесь – сразу же – у самого же Платона возникает вопрос, а все ли может, все ли «достойно» войти в сферу «идей», в сферу определимого? Существует ли идея «мусора» и т. п.? И, заметим, от ответа на этот вопрос сам Платон уходит.

Уходит, оставив в наследство философам саму структуру мыслительного пространства философии, ее архитектонику – мир «Идей», «Сущностей» как сферы подлинного бытия, сферы Божественного, известного человеческой душе с ее сущностями. Это сфера «абсолютов», с которыми – хотим мы этого или нет, осознаем мы это или не нет, то есть явно или подспудно – мы *соотносим* реальные феномены нашего опыта, когда квалифицируем их как добро или зло, прекрасное или безобразное и т. п. В любом случае, на мой взгляд, такое *соотнесение* остается

*обязательной* структурой мыслительного пространства философской рефлексии, его архитектоникой, его композицией в любых предметных контекстах. Иными словами, анализ специфики архитектоники мыслительного пространства философии позволяет провести демаркацию философии и не-философии не по *предмету* философского размышления, как это делает А. Бадью, а по *задачам* и *способу* вопрошания о нем. Сам способ философского анализа конституирует свой предмет.

Исходный же предмет философского размышления может быть любым, всяким – приметным или малоприметным, злым или добрым поступком, героическим или преступным деянием, прекрасным или безобразным явлением – но всегда *значащим,* что философ и должен прояснить, эксплицируя его «реальную философию».

Мы видим, что здесь de facto оказываются уже вплетенными еще несколько доминантных, по-разному в истории выражающихся, мотивов философского мышления (мотивов, возможно, и не всегда ясно осознаваемых, есть же и «философское бессознательное»). Ведь сам отказ понимать абсолютную бессмыслицу и зло, тем не менее, не может не предполагать существование (и понимание) противоположного смыслового полюса (того, по отношению к чему нечто может быть так определено). Как справедливо заметил С. Франк, в абсолютно бессмысленном мире не могло бы существовать ни одного существа, которое было бы способно на такую его оценку.

Эти темы метафизически проговариваются у Р. Декарта. Несовершенство чего-либо мы осознаем и понимаем только *в соотношении* с идеей совершенного. Все ли определяемое нами в качестве реально существующего действительно «субстанциально» или оно просто «отсутствие» чего-то субстанциального? Например, существует ли темнота или это «отсутствие света» (ср. у Платона: ночь есть тьма, противоположная дню, «похищение Солнца»)? Бог, по Р. Декарту, не видит и не знает небытия, и никакое зло (ошибка, заблуждение) не может поколебать мировой порядок, оно онтологически не конститутивно.

Но человек не Бог. И философ, как его понимал Платон, занимая «промежуточное положение между невеждой и мудрецом», будучи причастным «к божественному уделу», видит и знает зло (заблуждение, ошибку) и его реальное присутствие в реальном мире. Он может его делать и претерпевать. И философ хочет понять, что оно *значит*, при каких условиях оно возможно, что оно нам говорит и о мире, и о человеке. Понять хотя бы как «отсутствие…», «похищение…», выражаясь языком Р. Декарта и Платона. И сами истины такого философского прояснения конкретны и способны помогать предотвращать и преодолевать реальное зло в реальном мире.

Анализ зависимости «юрисдикции» философского мышления от его архитектоники проясняет и вопрос о том, что называют «окольным

письмом» современной философии, а именно возможность собственно философской работы, сохраняющей специфику философской рефлексии, в «не-философском» материале, возможность философского прочтения (на основе «философии учений и систем») широкого культурного массива как «реальной философии».

**Литература и источники**

1. Бадью, А. Манифест философии / А. Бадью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://filosoff.org/ wp-content/ uploads/ 2017/ 04/ manifest-filosofii.-alen-badju-filosoff.org_.pdf. – Дата доступа: 14.03.2021.

## МИР КАК ИЕРАРХИЯ СИСТЕМ

*Э. М. Хакимов*

На основе аксиоматизации и анализа взаимоотношений антиномий иерархия и неиерархия, обладающих категориальной природой, рассматривается методология построения теории иерархических систем и особенности построения ее моделей.

Аксиомы теории:

1. развитие иерархических систем ведет к возникновению в них неустойчивости в плане функционирования и управления своими частями;

2. возникшая неустойчивость тормозит развитие систем, препятствуя их переходу на более высокую ступень структурной и функциональной организации, и снижает эффективность управления своими частями;

3. переход системы на более высокий уровень организации осуществляется на основании компенсации постоянно возрастающей неустойчивости;

4. рост неустойчивости компенсируется за счет порождения подобных себе систем. Программа их построения записана в структурной организации материнской системы.

Возрастание неустойчивости ведет к ослаблению и потере системой функции управления жизнеобеспечением, а затем и к потере ее целостности, что порождает противоречие. Разрешение последнего осуществляется на основе разделения деградирующей системы на образующие ее подсистемы, или ее вхождение в состав системы более высокой организации. При этом система теряет часть своей целостности [1, с. 80–170; 2, с. 12–33; 3, с. 216–249].

Рассматриваемый нами механизм взаимоотношения уровней иерархии ведет к возникновению у последних двойственной природы в силу того, что каждый уровень, включая в себя нижележащие уровни в качестве частей, одновременно является частью более высокого уровня организации. Подобные отношения ведут к дискретно непрерывному

развитию иерархических систем.

Подобное развитие многоуровневых систем порождает определенные взаимоотношения между вероятностными и детерминированными процессами в последних. Структурная организация внутри уровней организации, связанных в иерархическую систему, в плане ее целостности, дифференцируется в зависимости от целостности ведущего уровня, включающего последние в качестве своих частей. Хаос (неопределенность, вероятность, конкуренция за выход на более высокий уровень организации и т. д.) является составной частью эволюционного процесса, порождающего иерархически взаимосвязанные объекты мира. При этом устойчивость и неустойчивость, как и детерминированные, и вероятностные взаимоотношения будут закономерно сменять друг друга в процессе развития иерархических систем. И чем дальше, тем быстрее будет осуществляться их смена.

Можно утверждать, что все существующие представления об иерархии объектов мира (учения, гипотезы, теории) получают конкретное обоснование с позиций предлагаемой концепции. Подтверждение главных положений теории базируется на основании изменения свойств моделей, построенных на основании аксиоматизации и характеризующихся двойственной природой [4, с. 126–133; 5, с. 116–124]. Полученные нами данные позволяют с новых позиций рассмотреть кристаллические структуры в качестве матриц, связанных с зарождением генетической информации. Важным требованием сегодняшнего дня является анализ взаимоотношений иерархии и неиерархии в социологии и политологии, в которых социальное разделение членов социума влияет на целостность общества. Решение этой проблемы связано с противоречивым взаимоотношением разума человека с материальной средой, и, в первую очередь, с сущностью его материального тела, обладающего конечным временем своего существования, против чего восстает его разум. Использование моделей социальной стратификации, характеризующихся двойственной природой иерархии позволит решить ряд практических вопросов не только в социальной стратификации, но и в самой социологии [6, с. 170–179; 7, с. 265–268].

Симметрия как соотношение тождественного и различного, связанная с диалектикой взаимоотношений иерархии и неиерархии, не исчезает при переходе к объектам молекулярной биологии. Она преобразуется в симметрию другого вида, характеризующую пространственную организацию биохимических структур ДНК и др. Диалектика взаимоотношений иерархии и неиерархии проявляет себя в психологии и других науках.

Рассматриваемые принципы усложнения симметрии иерархических систем позволили построить структурную организацию пространственных моделей иерархической системы, характеризующихся двойственной

природой. Формализованный язык описания деления и объединения пространственных структур моделей оказался связанным с золотым сечением, числами Фибоначчи и другими известными в математике числами. Выявленные нами принципы деления и объединения пространственных структур моделей теории иерархии, позволили рассматривать развитие природы и ее объектов, как развитие иерархических (многоуровневых) систем [4, с. 126–133].

Временной параметр компенсации неустойчивости связан с пространственным параметром взаимно обратными отношениями. Сравнение этапов эволюции неорганического, органического миров и человеческой цивилизации показывает, что начальные этапы эволюции неорганического мира (образование оболочек Земли, минералов, пород, формаций пород и т. д.) имели огромный временной интервал своего развития. Дальнейшая эволюция органического мира осуществлялась на фоне сокращения временных интервалов эволюции при резком расширении жизненного пространства (завоевании водной, земной и воздушной сред живыми организмами). Эволюция человеческой цивилизации по сравнению с эволюцией неорганического и органического мира осуществилась взрывообразно, захватив все среды обитания живых существ, включая и космическую среду. Подобное ускорение осуществилось на основе научно-технических революций и развитии средств массовой коммуникации, управляющих общественных сознанием. С рассматриваемых нами позиций стремление религиозных воззрений, идеологий и государств, сообществ государств и цивилизаций к завоеванию доступного им пространства, обусловлено законами развития иерархических систем.

Появление уровней иерархии связано с взаимоотношением порядка и хаоса, количества и качества, целого и части, взаимодействия вероятностных и детерминированных процессов. Реализация всеобщих законов осуществляется в процессе преобразования объектов нижнего уровня в объекты верхнего уровня и наоборот. Данное преобразование рассматривается нами как эволюция природы и социально организованных систем. При этом автором подчеркивается невозможность абсолютного преобразования иерархии в свою противоположность – неиерархию и неирархии в иерархию. Рассмотренная нами эволюция иерархических систем, позволяет объяснить возникновение ступеней иерархии и их эволюцию как фундаментальное свойство, генетически связывающее объекты многообразного мира. В чем заключается логика рассматриваемой эволюции? Усложнение систем не может идти непрерывно. Объект любого уровня должен прерывать качественно–количественное развитие собственной структурной организации в силу роста неустойчивости и приобретать новое качество, соответствующее изменившимся условиям окружающей среды.

**Литература и источники**

1. Богданов, А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А. А. Богданов. – М.: Изд. Финансы, 2003. – 496 с.

2. Хакимов, Э. М. Диалектика иерархии и неиерархии в философии и естествознании: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08 / Э. М. Хакимов; Российская Академия наук. Сиб. отд-ние. Ин-т философии и права. – Новосибирск, 1993. – 40 с.

3. Хакимов, Э. М. Диалектика иерархии и неиерархии в философии и научном знании / Э. М. Хакимов. – Казань: Фэн, 2007. – 288 с.

4. Хакимов, Э. М. Моделирование иерархических систем. Теоретические и методологические аспекты / Э. М. Хакимов. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1986. – 160 с.

5. Хакимов, Э. М. Иерархия, симметрия усложняющихся систем и некоторые проблемы экологии / Э. М. Хакимов, И. А. Уразметов, С. К. Губеева // Экологическое образование и воспитание как факторы социального, экономического и нравственного развития общества (теоретические и практические аспекты): материалы межд. науч.-практ. конф., 13–15 апреля 2009. – Казань, 2009. – 404 с.

6. Хакимов, Э. М. Некоторые аспекты моделирования социальной стратификации. Теоретические, методологические и практические вопросы / Э. М. Хакимов, Э. Н. Кузина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – Казань, 2015. – Т. 157, Кн. 1. – С. 170–180.

7. Хакимов, Э. М. Разум материи, материя разума / Э. М. Хакимов // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой междунар. науч. конф., Минск, 19–20 нояб. 2020 г.: в 3 т. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Т. 1. – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 265–268.

## ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ В СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

*В. В. Чекмарев*

Философия хозяйства в своей эволюции приобрела три ипостаси. Одна из них обращена к философии [1; 6; 7; 8], другая – к экономике [12; 13; 14], третья – к ноономике [2].

Возникновение философии хозяйства – одного из направлений философской мысли – можно отнести к различным временным периодам и датам. Так, например, А. М. Орехов предлагает исторические корни философии хозяйства искать и в прошлом, и в настоящем [5, с. 84]. А в учебнике «Основы философии хозяйства» отмечается, что философия хозяйства, являясь направлением русской экономической мысли, возникла в первой половине XX века [10].

При этом практически все авторы, публикующиеся по вопросам философии хозяйства, опираются на одноименную работу С. Н. Булгакова [3].

Основу взглядов Сергея Николаевича Булгакова составляли его воззрения на ценностные составляющие экономической науки. Именно поэтому многие ученые свои рассуждения относят то к экономической аксиологии, то к экономической антропологии, то к философии экономической политики.

Конечно же экономика есть составная часть хозяйства. И вроде бы логично выглядят позиции тех философов, которые исследуют хозяйство и экономику, идентифицируя философию хозяйства и философию экономики. Но основу экономики составляет, прежде всего, производство. Почему же тогда философия производства не стала предметом соответствующего анализа? По моему мнению причиной такого положения дел явилось рассмотрение производства сугубо как технического акта соединения средств производства с предметом производства. Однако понимание формирования посредством деятельности людей ноосферы привело к переосмыслению результатов производства. Ныне это уже не просто возможность удовлетворения потребностей людей, но и создание ноономики [2].

В ситуации выхода за пределы традиционной экономики мысль о несоответствии ее с экономикой как таковой отразилась в публикациях исследователей ноосферы и ноономики.

Именно в преддверии осмысления ноономики как третьей ипостаси философия хозяйства, огромную популярность в настоящее время приобрела школа философии хозяйства, основателем которой весьма справедливо было бы назвать профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Ю. М. Осипова, являющегося главным редактором альманаха «Философия хозяйства». Ежегодно шесть номеров этого журнала (основан в 1999 году) посвящены материальной, социально-политической и идеологической формам деятельности людей хозяйствующих. Сам Ю. М. Осипов в многочисленных своих работах (см., например: [6; 7; 8]) противостоит «экономизму». И это особенно следует подчеркнуть в связи с тем, что «экономизм» сегодня трансформируется в «цифровизм», механистизирующий человеческие отношения.

Не все исследователи солидаризируются с идеями Ю. М. Осипова. Есть и прямо противоположные суждения по поводу современной школы философии хозяйства [5]. Но вот цитата из работы доктора философских наук Л. А. Тутова: «Во-первых, она (философия хозяйства) позволяет рассматривать экономическую сферу как часть, фрагмент более широкой реальности, тем самым показывая ее связи с другими неэкономическими областями. Соответственно философия хозяйства расширяет горизонты экономической теории, раскрывает роль неэкономического при описании

поведения субъекта хозяйства. Во-вторых, философия хозяйства, подталкивая экономическую теорию к преодолению узкоспециализированного, утилитаристского подхода к пониманию экономического бытия, выявляет его скрытые смыслы, что крайне важно для формулирования ориентиров для дальнейшего развития. В-третьих, философия хозяйства формирует реальное мысленное поле, в рамках которого совершаются акты научного познания, нацеленные на комплексное социоэкономическое объяснение явлений и процессов, системный подход, учет специфики русской духовности» [11, с. 84].

Так следует ли относить философию хозяйства к псевдонаукам? В. А. Канке в работе «Философия экономической науки» дает категорический отрицательный ответ [4]. В завершение подчеркну тезис Н. Н. Ростовой о значимости рассмотрения человека не как тела, а как события [9, с. 253]. Именно это событие и рождает ноономику в качестве ипостаси философии хозяйства.

**Литература и источники**


1. Антология современной философии хозяйства. В 2-х томах / Ред. Ю. М. Осипов. – М.: Магистр, 2010. – 832 с.

2. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

3. Булгаков, С. Н. Сочинения в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М., 1993.

4. Канке, В. А. Философия экономической науки / В. А. Канке. – М., 2007.

5. Орехов, А. М. Философия экономики в России. Рождение традиции / А. М. Орехов. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 153 с.

6. Осипов, Ю. М. Время философии хозяйства / Ю. М. Осипов. – М., 2003.

7. Осипов, Ю. М. Очерки философия хозяйства / Ю. М. Осипов. – М., 2000.

8. Осипов, Ю. М. Философия хозяйства. В двух книгах / Ю. М. Осипов. – М.: Юристъ, 2001. – 624 с.

9. Ростова, Н. Н. Время манифестов: сингулярное событие в мире современной философии / Н. Н. Ростова // Философия хозяйства. – 2019. – № 3. – С. 253–259.

10. Савка, А. А. Основы философии хозяйства: уч. пособие / А. А. Савка. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2010. – 480 с.

11. Тутов, Л. А. На пути к философии хозяйства: первые приближения / Л. А. Тутов // Вопросы философии. – 2003. – № 6.

12. Философия экономики. Антология // Под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. – М.: Изд-во института Гайдара, 2012. – 520 с.

13. Философия экономики: уч. пособие // Отв. ред. С. В. Синяков. – Киев: «Альтерпресс», 2002. – 384 с.

14. Robinson, J. Economic Philosophy / J. Robinson // Harmondsworth. – 1964.

# МНОЖЕСТВЕННОСТЬ «Я» В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИБЕРКУЛЬТУРЫ

*С. Ф. Червона, Г. Н. Гончаров*

Принципиальной особенностью киберкультуры является четкая оппозиция, противопоставление двух аспектов понимания телесности. Каждый, кто попадает в киберпространство, сознательно или бессознательно оказывается в ситуации множественного «Я». Причина данной множественности заключается в том, что «Я» в виртуальной реальности одновременно представлены и материальным телом, и информационным «вне телесный Я». Это приводит с одной стороны к ощущению неуверенности, а с другой активные действия в виртуальном пространстве придают человеку «иллюзорное тело», или виртуального двойника, который начинает свое существование в различных базах данных и чрезвычайно уязвимым к манипуляциям извне. Уже недостаточно заботиться только о своем физическом теле, поскольку социальные взаимоотношения непосредственно зависят от восприятия другими двойниками электронного «Я». Такая ситуация создает непосредственное влияние уже и на физическом уровне бытия. Владеть материальным телом, быть внутри его – иметь что-то неподвластное, что очень трудно изменить. Но иллюзорное тело может быть любым, и поэтому формируется высокая степень отчуждения, с которой сталкивается сегодня общество. Причиной такого отчуждения является создание цифровыми технологиями и виртуальным пространством «постчеловеческих» стандартов тела [3, с. 599].

Данные стандарты все больше играют роль образца, подталкивая человека к ощущению «не комфортности» существования в собственном теле. Память опирается на телесные практики, следует подчеркнуть, что данный опыт имеет непосредственное влияние и на память, ведь нахождения и воспроизведения образов сегодня происходит не только в реальном измерении. Влияние пребывания в виртуальной среде является абсолютно одинаковым и относительно погружения в сконструированное техническими средствами цифровое пространство, о котором говорят, имея в виду использование различного рода симуляторов, придающих ощущение одновременного пребывания в нескольких пространствах.

Одним из важнейших путей трансляции памяти в середине социальной группы является коммуникация, осуществляемая между представителями разных поколений. Интернет стал новым поле, где действует человек, следовательно, внимание сейчас приковано к технологиям, которые способствуют тому, чтобы задуматься над фундаментальными вопросами человеческого бытия. Размышляя о влиянии технологий на «Я» и межличностные отношения, порождает тему

замкнутости и одиночества современного человека, жизнь которого происходит на фоне бесконечной интенсивной коммуникации. Сегодня возникает явная необходимость в восстановлении реального общение, ведь реальный разговор человека с человеком во многом оказывается утраченной навыком. В значительной степени это вызвано развитием мобильного интернета. Телефон, созданный как средство, помогающее людям общаться между собой, стал сначала мобильным, а теперь современный человек желает, чтобы мобильный телефон стал его собеседником. Он воспринимается не как соединяющий устройство, но как друга [2, с. 134].

Современные приложения к операционным системам способным давать советы, «понимать», с их помощью можно найти дорогу на карте, узнать, где находятся друзья и, в конце концов, вызывает ощущение, что друга можно найти в ней самой. И это будет друг даже лучше, чем человек, потому что эти системы не способны на чувства, а чувства могут быть как положительные, так и отрицательные, как агрессию, злость, ярость. Удивительно, но с операционной системой человек может быть самим собой, потому что его нельзя разочаровать, она не запрограммирована оценивать. Такие интеллектуальные Машины могут быть психологом, поскольку способны вести себя «как» психолог, особенно в мире, где размыты границы между «как-то» и реальной вещью. Искусственный интеллект может хранить, или помнить бесконечное количество информации о каждом дне жизни, предпочтения, о том, что находит в человеке эмоциональный отклик, но не способны знать, что это значит для человека, и именно этому человек стремится научить машину. Итак, коммуникативная память, которая является живым воспоминанием, сегодня, получает нового адресата – машину, а не человека. Таким образом, человек оказывается в мире, где никто не будет знать о человеке больше, чем машина, даже человек сам не в силах хранить столь полную информацию о себе. Такая власть машин означает еще и то, что заботится, становится невозможным. Общаясь с машинами, человек теряет настоящие навыки общения, потому что машины запрограммированы только на то, что только внешне выглядит как общение. Чувство «социальной невесомости», о котором говорят, описывая пребывание в виртуальной реальности, означает и освобождение от того, что Э. Гидденс называет «долгом» постоянно демонстрировать знания привычных практик повседневной жизни [1, с. 87].

Обращение к широкому кругу «друзей» в социальных сетях кажется в этом смысле безопаснее беседы с реальным собеседником, но любой автор сообщения помнит о логике функционирования социальной сети – систему реакции и отклика, осознает, что сказанное им является частью общего спектакля, перформансом [2, с. 102].

Постепенно разговор воспринимается не как обмен мнениями,

возможно ложными, но такими, которые волнуют, или которыми хочется поделиться, но как выдача «правильного» высказывания, такого, что получает положительную реакцию, не огорчает, не вызывает неприятных эмоций. Так возникает новая социальная ситуация, при которой навык письма предоставляет уникальные возможности общения без физического присутствия, или довольствоваться тем, что только выглядит как общение. Давление необходимости «соответствовать» требованиям группы можно уменьшить с помощью новых технологий. Поддержка отношений и ощущение себя частью общества одновременно означает и социальный эскапизм. Статистика утверждает, молодежь все больше предпочитает текстовые сообщением, ведь в отличие от телефонного звонка, который начинается неожиданно, печатание ответы дают больше времени на обдумывание, исправления ошибок и правильный ответ. Симуляция общения, или контакт человек-машина побуждает избегать непосредственных контактов с человеком, потому что в отличие от машин, люди реагируют непредсказуемо. Контактируя с машинами, обладая ими, человек пытается постоянно обновлять цифровые приборы, ведь скорость их устаревания чрезвычайно велика. И емкость внутренней, и особенно операционной памяти является тем указателем, который сообщает насколько техника отвечает требованиям настоящего времени. Современная жизнь невозможно без контакта с приборами, сохраняют «память» своего владельца – компьютеров, ноутбуков, планшетов и др., Но в этом ряду мобильный телефон занимает специфическое место. В социологических, философских, культурологических работах, посвященных рассмотрению влияния мобильных технологий на отдельного индивида и общество, постоянно подчеркивается – для современного человека мобильный телефон имеет гораздо большее значение, чем вещь, которой просто обладают. «Телефон – это ты, это продолжение твоего тела», а выход за пределы собственного дома без телефона вызывает чувство потери части себя [2, с. 88].

Телефон в современном мире стал постоянным спутником человека, дополнительный атрибут телесного бытия. Возможно единственное, к чему человек прикасается течение дня столь же часто, как и к мобильному телефону – это только его тело. Мобильный телефон предоставляет мгновенный доступ к «ящику воспоминаний», многочисленных аудио, видео, графических файлов, сохраненных фрагментов собственной жизни, облачных хранилищ, где хранятся такие же материалы и внешней памяти, он стал «протезом» памяти. Все то, что до изобретения мобильного телефона человеку приходилось запоминать или записывать в заметки: адреса, данные, телефоны, распорядок жизни и ежедневные планы теперь хранится в телефоне или других устройствах. Цифровые технологии не только создают новую оболочку для личной памяти, которую можно надеть на тело, но и возможно, будут способны наделить человека

собственно новым телом.

**Литература и источники**

1. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

2. Turkle, S. Reclaiming Conversation: The Power of Talk in a Digital Age / S. Turkle. – Penguin Press, 2015.

3. Beilin, M. V. Anthropogenic activity: risks and protection safety of human life / M. V. Beilin, L. M. Gazniuk, A. V. Kuznetsov, M. V. Struchaev, D. K. Manohin, E. Yu. Chistyakova // Revista Publicando, 5. – 2018. – № 16 (1). – P. 598–605.

## ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ, АРИСТОКРАТИЧНОСТЬ

*В. К. Чернусь*

В докладе рассматривается проблема интенциональности в рамках феноменологии Э. Гуссерля, эмоциональности в рамках логоанализа А. Ленгли и деструктивных отношений (игр). Э. Берна, а также экзистенциальная точка зрения на эти проблемы Н. А. Бердяева.

Интенциональность, согласно Гуссерлю, – неотъемлемая структура сознания. Поэтому сознание всегда находится в отношениях с предметом своей направленности. По умолчанию сознание направлено на внешний мир эмпирической действительности. *Сознание – это форма, ищущая свое содержание, потенциальность, ищущая пути своей актуализации.* Направляя себя на внешний мир, сознание пытается себя актуализировать, конституировать свое «Я», посредством того, что делает содержанием предмет своей направленности. Какой из предметов направленности сознания станет его содержанием – вопрос дискурса широком смысле. Критерием выбора предмета своего содержания может выступать рациональность. Так интенциональность становится носителем субъектности сознания. Отождествление одних внешних предметов со своим «Я», как и отрицание других носит эмоциональный характер.

Сознание, направляя свой взор на внешний мир, отождествляя и отрицания предметы своей направленности, становится рабом своих страстей и чувств. Это путь в никуда, что видно на примере русской интеллигенции (Вехи).

В этой связи ставится под сомнение ценность чувств как квинтэссенция «Я», т. к. это фундаментальная ценность, на которой держится вся современная цивилизация. Ценность чувств как культурная норма современной цивилизации – это подлог: их выдают за свободу воли – фундаментальную характеристику культуры.

Проблема заключается в том, что «Я», в отрыве от чувств, эмоций и

желаний нет, а есть «выбор без выбора». Эмоциональность, а также отсутствие понимания что такое добро и зло являются причиной ложного пути становления сознания. Это путь – «деструктивных отношений». Частным случаем таких отношений является «синдром эмоционального выгорания» (А. Лэнгли), а также деструктивный тип взаимоотношений с другими людьми (Э. Берн). Так интенциональность, будучи имманентной структурой сознания, становится причиной деструкции, т. е. сознание содержит в себе имманентные причины своего распада, полагая при этом обратное.

Другая проблема «деструктивных отношений», а также придание ценности эмоциям – это неспособность выйти за пределы своего «Я». Так в феноменологии есть проблема интерсубъективности, идея признания того, что есть «другие Я», но одно дело признать их наличие, другое, – вступить с ними в диалог. В мире страстей и чувств сознанию доступны лишь формальные сообщения, а не экзистенциальный диалог. Поэтому сознание обречено на рабство у чувств, а также открыто для внешнего манипулирования.

Решением проблемы «деструктивных отношений», энтропии сознания и неспособности выйти за его пределы является «аристократия духа» (Н. А. Бердяев). «Аристократ духа» направляет свое сознание не на внешний мир, а на внутренний, отделил себя от своих эмоцией, и после этого разделения «Я» никуда не исчезло. Направляя сознания на себя, «аристократ духа» встречает в глубинах своего «Я» Бога, который трансцендентен и имманентен сознанию (С. Л. Франк). Тем самым ему становится доступным трансцендентный мир. Он делает диалог с Богом – содержанием своего сознания. «Аристократ духа» отличается от святого (Г. П. Федотов) тем, что святой для того, чтобы достичь вышеперечисленного чаще всего вынужден был уходить от мира, искать уединения в пустыне и лесах, перед «аристократом духа» стоит более сложная задача: постигнуть трансцендентное, находясь в миру.

Идея феноменологии – герменевтическая, она демонстрирует структуру сознания, но не дает при этом ответ на круг онтологических проблем, которые из этой структуры следуют. Ответом является религиозная экзистенциальная философия и «логоанализ».

## ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ IT-ПРОЕКТАМИ

*О. Г. Шаврова*

Цифровая трансформация всех сфер жизни общества, обусловленная стремительным развитием информационных технологий, относится к числу мировых тенденций глобального масштаба, задающих общий вектор развития современной цивилизации. Преобразуя социальную динамику от

уровня технико-технологического развития до сферы межличностных взаимодействий и коммуникаций, процессы цифровизации приводят к изменению общих представлений о методологии и методах управления, нормах и правилах информационного обеспечения проектирования, интеграции информационных систем планирования с управленческими процедурами и организационной структурой управления, эффективных стратегиях проектного менеджмента. В этом плане особый интерес представляют новые управленческие решения, используемые в современной IT-индустрии, темпы инновационного роста которой определяют специфику цифровой трансформации в целом.

Методологический реестр проектного менеджмента включает в себя большое количество моделей и стандартов, которые успешно применяются при реализации проектов в различных условиях и сферах деятельности. Необходимость появления новых подходов к управлению проектами связана с усиливающейся цифровизацией мировой экономики, в значительной степени эта необходимость отражает уровень развития науки и технологий, новых областей знаний [1, с. 140]. В настоящее время все более востребованными, наряду с классической моделью управления, становятся гибкие неформализованные подходы, предполагающие выход за рамки поэтапного последовательного выполнения проекта, отказ от долгосрочного планирования, деление проекта на отдельные составляющие и эффективную работу небольших команд в условиях постоянно изменяющихся требований.

Согласно классической модели, управление предполагает стандартную разбивку проекта на ряд последовательных этапов выполнения промежуточных задач по линейному принципу. Управление проектом в данном случае осуществляется по так называемому «водопадному» или каскадному циклу, при котором проект выполняется по намеченным этапам, каждый из которых имеет определенные сроки. Данный подход к управлению наиболее эффективен в случаях отсутствия неопределенности, когда есть определенный алгоритм достижения цели и все промежуточные этапы могут быть выполнены в непрерывной последовательности. При этом соблюдаются такие условия как низкие риски, обязательное выполнение первоначального плана, значительная вероятность того, что требования к результатам будут оставаться неизменными на протяжении всего проекта.

Возникшие в сфере IT-разработок гибкие методологии представляют собой не столько единый подход к управлению, сколько сочетание идей, принципов и ценностей, на основе которых осуществляются конкретные практические решения. Реализуя альтернативные возможности проектного менеджмента, гибкие методологии задают общую направленность, а не предписывают конкретные действия. В этом смысле универсальным примером является методологическая стратегия управления проектами

Agile, появившаяся как инновационная версия методологии разработки программного обеспечения и управления IT-проектами, затем получившая широкое распространение в других сферах – от промышленной инженерии до искусственного интеллекта.

Основные положения гибкой методологии были сформулированы в 2001 году в Манифесте гибкой разработки программного обеспечения (Agile Manifesto): люди и их взаимодействие важнее процессов и инструментов; работающий продукт важнее исчерпывающей документации; сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта; готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану [2].

В Манифесте обосновываются общие философско-мировоззренческие ценности и методологические принципы гибкого проектного управления. Утверждается, что основным показателем успешной проектной деятельности является эффективно работающий продукт, при этом «самые лучшие требования, архитектурные и технические решения рождаются у самоорганизующихся команд» [2]. Использование данной методологической стратегии предполагает высокую степень коммуникативного взаимодействия и интерационный характер ведения проекта, быструю реакцию на изменения во внутренней и внешней среде, согласованную командную работу, постоянное техническое совершенствование, что в итоге повышает гибкость самого проекта. Необходимой предпосылкой эффективного проектного менеджмента здесь является реализация проекта профессиональной, мотивированной, самоорганизующейся командой, понимающей и принимающей основные установки и принципы гибкой неформализованной методологии.

Развитие проектного менеджмента связано с интенсивным внедрением новых подходов, методов и инструментов управления, использование которых приводит к увеличению скорости и к расширению границ диффузии инновационных методологий. За счет увеличения объемов информации происходит значительный рост возможностей управления инновационными проектами, повышение точности и достоверности информации обеспечивает рост качества принимаемых управленческих решений. В условиях цифровой трансформации все чаще обосновывается эффективность гибридного подхода, ситуативной интеграции и эффективного применения наиболее подходящих элементов существующих в современном проектном менеджменте методов и методологий в рамках выполнения конкретного проекта.

В контексте цифровизации всех сфер жизни общества особое значение приобретает переход от шаблонных алгоритмических систем к нелинейным стратегиям управления, открытым по отношению к новым методологическим подходам и внедрению методологических инноваций.

Перспективы развития проектного менеджмента во многом определяются необходимостью использования обширного спектра актуальных методов и инструментов управления, новых философско-методологических подходов, направленных на решение таких задач, как управление проектами в условиях глобальной цифровизации экономики и устойчивого развития общества.

**Литература и источники**

1. Коваленко, Б. Б. Влияние цифровизации экономики на методологии управления проектами / Б. Б. Коваленко, И. В. Гусейнова, Т. И. Гусарова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2019. – № 2. – С. 135–144.

2. Manifesto for Agile Software Development / Agile Alliance, 2001–2019 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.agilealliance.org/ agile101/ the-agile-manifesto/. – Date of access: 20.03.2021.

## КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ В РАМКАХ ПСЕВДОНАУЧНЫХ ДИСКУРСОВ

*О. К. Шевченко*

«…Наука – это когда ученые ищут и находят истину. На самом деле это не так – они создают и проверяют модели… понять что-либо – значит создать модель, которая сможет предсказать результаты и согласовать с этими результатами наши наблюдения. Истина – это модель» [2, с. 127–128], – говорит один из самых известных физиков планеты. Что это означает в приложении к теме власти, а именно стратегий [7] познания власти как реальности?

В свое время известный аналитик язвительно заметил, что нет необходимости именно предсказывать события, если ты их сам генерируешь. Если ты предсказал, что там-то и там-то тогда-то и тогда-то начнется революция (а за год до этого твои агенты влияния сумели подготовить военный переворот и купленные международные наблюдатели уже имеют на руках текст, который ты им напечатал, и которые они должны произнести в объективы камеры)… и, вот, она – революция произошла. То это отнюдь не значит, что ты создал действующую модель понимания, нет, – это означает, что ты подменил термины, а попросту говоря, смошенничал. С. Переслегин выразил эти мысли убийственно точно, цитатой из Джеффа-убийцы: «Я знаю точно, наперед – / Сегодня кто-нибудь умрет. / Я знаю, где и знаю как, / Я не гадалка, я – маньяк…» [6, с. 41].

Когнитивные стратегии власти всегда находятся в такой ситуации неизбежного мошенничества, когда классическим методом изучения

истории философии власти выступает анализ авторских концепций в исторической ретроспективе. Это основа для общепринятого взгляда на историю мышления власти, которая игнорирует историю власти как таковую и весь набор эпистемологии истории как реальность. Более того, история философии власти представляется как механическая сцепка отдельных концепций западноевропейской философии без выстраивания трансформации, метаморфоз и текучих переливов мысли, классический пример такого подхода представлен во множестве работ, например, в статье В. Т. Новикова [5].

Вариант А. Исследователь берет факты прошлого и производит их интуитивный разбор согласно тому, что он ощущает как власть. После этого он укладывает факты – якобыВласти в некую модель, которая не столько объясняет происходящее сколько предлагает непротиворечивые логические связи между этими фактами. Фактор текущих изменений, проблема реализации этой модели для предсказания будущих изменений – не важен. Классическая модель А – это модель Аристотеля (власть связь элементов и частей).

Вариант В. Исследователь формирует понимание власти, базируясь на естественном языке, опираясь на глубинную правду культуры (чаще всего на мифы) и только после этого строит динамичную модель, которая может поглотить любой факт прошлого и дать ему понимание, символическое изъяснение, метафорическое знание. Настоящее включается, также как и будущее в эту картину, но в том случае если факты – противоречат намеченным в данной модели перспективам развития, реальность признается ложной, ущербной, неправильной, а значит как та, которое не имеет право быть. Основная задача не столько предсказать события будущего, сколько их создать, не столько объяснить прошлое, сколько понять его правильность или не правильность. Классическая модель В – модель Платона (власть-знание).

Вариант С. Представляет собой модель власти (истина о власти в понимании Н. Гершенфельда) которая строится при непосредственном контроле / участии / цензуре государства. В таком случае для нее за исходную, базовую, аксиоматическую реальность берется идея наличного бытия власти как абсолютно данная, но имеющая перспективы усовершенствования. Модель формируется, эксплуатируя текущие правовые и административные реалии, обеспечивая их над юридическое и вне бюрократическое бытие. Всегда речь идет в таком случае о гармонии отдельных частей целого, одухотворение вертикали: от вышестоящего к нижестоящего. Все остальное признается не существующим. Реальность имеет, впрочем, градации как то, что ближе к сформированной модели и как то, что дальше. Классический вариант модели С – модель Юстиниана (симфония властей).

Вариант D. Формируется в виде отдельных, но емких фраз в текстах,

которые признаются каноническими. Их формирование, как правило, происходило в устной традиции, и процесс записи фиксировал имеющиеся вариант разноголосий понимания власти. Формирование же конкретных моделей (и их всегда много, они плюралистичны) происходит путем интерпретации уже готовых фраз-истин. Классический вариант D – модели власти в мире ислама.

Вариант E. Модель данного типа строго локальна. Она исследует не власть вообще, а одно из ее узких пониманий или восприятий. Как правило, подобные философские модели строят ученые из строго эмпирических наук, формируя теоретическую базу своего локального исследования. Очень часто такая философская модель вырастает из этимологического анализа власти (или ее референта в том или ином языке), концептуального анализа известных автору теорий власти или же просто исходя из здравого смысла опытного ученого-социолога или ученого-политолога или попросту государственного деятеля. Модель не претендует на предсказание результатов. Она сама опирается на результаты и составляет неразрывную связь между предположением и эмпирическим результатом. Она поясняет специфику власти в отдельно взятом локусе ее бытия, но претендует на растягивание имманентно локальных пониманий на все многообразие власти. Классическими ее проявлениям в относительной древности явилась модель Н. Макиавелли. А в современности концепция Р. Даля на западе [10] и В. Г. Ледяева [3] у нас в стране.

Вариант F. Выводит проблему власти из встроенности в мире в некую особую реальность. Наделяет власть особым бытием и особым властным измерением. Иногда даже такого уровня, что все остальные явления есть суть проявления власти. Апологеты данной модели в полной мере воплощают в реальной исследовательской практике теорию «скрытых уровней» – выделяя воображаемый объект очень продуктивно давать ему некое особенное название. Речь идет о выявлении в мире неких наборов характеристик, которым придумывается новое имя и довольно часто оказывается, что исследователь ухватил в категориальную сетку воображаемого, самую что ни наест реальность, как это, например, произошло с «кварками» или «анионами» [1, с. 274]. Впрочем, очень часто забывается, что одна из самых распространенных ошибок современной науки укладывается в номинативную ошибку: «… если феномен назван – значит, он изучен и что дать имя – значит изучить» [8, с. 115].

Наиболее ярким явлением в этом плане, следует признать деятельность профессора В. Ф. Халипова в формировании особой науки о власти – Кратологии, у нас в стране и отчасти и идеи С. Льюкса [4] о третьем измерении власти за рубежом

В чистом виде указанные модели как стратегические шаблоны когнитивного отношения к власти встречаются не так уж и часто. Однако

во всех без исключения существующих моделей одна является явно доминирующей с инкорпорацией в нее отдельных элементов иных моделей на положении подчиненных структур. Наиболее явно это иллюстрирует модель М. Фуко [9], где очевидно доминирует Вариант F, с подчиненным ему ближайшим вариантом B и последним в иерархической лестнице вариантом A.

**Литература и источники**

1. Вильчек, Ф. Скрытые уровни / Ф. Вильчек // Эта книга сделает вас умнее. Новые научные концепции эффективности мышления. – М.: АСТ, 2017. – С. 271–274.

2. Гершенфельд, Н. Истина – это модель / Н. Гершенфельд // Эта книга сделает вас умнее Новые научные концепции эффективности мышления. – М.: АСТ, 2017. – С. 127–128.

3. Ледяев, В. Г. Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.

4. Льюкс, С. Власть: Радикальный взгляд / С. Льюкс. – М.: Изд. дом ГУВШЭ, 2010. – 240 с.

5. Новиков, В. Т. Феномен власти в классической и современной философии: сравнительный анализ / В. Т. Новиков // Философия и социальные науки. – 2011. – № 3/4. – С. 40–45.

6. Переслегин, С. Б. Опасная бритва Оккама / С. Б. Переслегин. – М.: АСТ: Астрель; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2011. – 664 с.

7. Переслегин, С. Сумма стратегий / С. Переслегин, Е. Переслегина, А. Желтов, Н. Луковникова // Санкт-Петербург, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://designing-the-future.com/ knigha_summa_stratieghii. – Дата доступа: 08.01.2019.

8. Файрстен, С. Игра в названия / С. Файрстен // Эта книга сделает вас умнее Новые научные концепции эффективности мышления. – М.: АСТ, 2017. – С. 115–118.

9. Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.

10. Dahl, R. The Concept of Power / R. Dahl // Behavioral Science. – 1957. – Vol. 2. – P. 201–215.

## НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ

*Л. Е. Яковлева*

Цель работы – проанализировать изменение отношения к нациям как субъектам творчества в испанской и русской философии с начала XX века до настоящего времени и соответствующих стратегий историко-философских исследований, связанных с переходом от логического анализа истории философии к культурологическому анализу. Интерес к

нациям как субъектам творчества возрастал в период коренных социальных изменений. Так было и на рубеже XIX–XX, и в период после перестройки, и в современную эпоху постмодерна, хотя причины и мотивы этого интереса различались.

В конце XIX -начале XX века в Испании и России эта тема стала предметом философского анализа у таких мыслителей, как Мигель де Унамуно, Антонио Мачадо, А. Ганивет, Вл. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. А. Бердяев. Интерес к теме национального творчества в это время был связан с осознанием отличия своих национальных культур от Европы. Испания рассматривалась как «другая Европа», а в России, начиная с эпохи славянофилов, шла дискуссия по вопросу о том, является ли Россия европейской державой или у нее свой самобытный путь развития.

И в испанской, и в русской философии проблема национальной идентичности приобрела особую остроту по ряду причин. Во-первых, этому способствовал пограничный характер испанской и русской культуры, обусловленный географическим положением Испании и России. Во-вторых, синтетический характер этих культур. В-третьих, в тот период времени и Испания, и Россия находились в процессе модернизации.

Нация в это время трактуется философами не феноменологически, а метафизически. Религиозно-метафизический подход позволяет увидеть нацию не как абстракцию от фактов национальной жизни, но и как «умную сущность», «творчески производящую свои обнаружения, однако всецело не имеющуюся ни в одном из них и поэтому не сливающуюся с ними» [1, с. 435–438]. В Испании символом испанского образа жизни у представителей поколения 1898 г. выступает Дон-Кихот. Вера против разума (кихотизм) и героизм – вот черты испанского бытия, которые должны быть сохранены при продвижении страны к модернизации. Цельное знание против рассудочности европейской цивилизации и соборность, «всечеловечность» – таковы черты бытия русского народа.

Следующее поколение испанских интеллектуалов – Хосе Ортега-и-Гассет, Хулиан Марис, Лаин Энтральго ставили проблему испанского бытия в историко-философском плане. Идеологом этого подхода был крупнейший испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, который отказывал философии в праве на существование, если она не основывается на национальной традиции, если она не выражает национальных обстоятельств своего бытия. «Народы отличаются не внешними условиями жизни и не тем, что находятся на различных уровнях эволюции человечества (которую мы правильно считаем единой), а разницей в радикальной ориентации духа» [2, p. 380].

Применительно к философии тезис о национальном характере всякого культурного творчества означал необходимость различения научной и ценностной парадигмы философского знания. Такие разделы и

проблемы философии как логика, методология, частные проблемы теории познания (за исключением главного вопроса о природе знания и истины) являются выражением научной составляющей философского знания. И в этой области, как подчеркивал С. Н. Булгаков, «более молодые нации, естественно, становятся в отношении ученичества к старшим. В этом смысле следует, конечно, признать "что молодой русской философии... следует приобщаться к движению мировой философской мысли"» [1, с. 454–455]. Но философия как стремление к построению целостного мировоззрения, имеет в своей основе своеобразное мироощущение, что проявляется в определенном национальном характере ее творчества.

В отечественной историко-философской литературе после перестройки сложилось два подхода к проблеме «национальной» философии. Такие ученые как М. А. Маслов, В. Б. Сербиненко, принявшие активное участие в дискуссии, начатой в 1988 года в журнале «Вопросы философии», считали, что национальные характеристики неприменимы к философии. Можно говорить о развитии философии в России, но не о русской философии. Эту точку зрения разделяло большинство историков философии. Описание историко-философского процесса с точки зрения его национального развития стало возможным благодаря теоретическим разработкам новой стратегии историко-философского исследования в работах З. А. Каменского, Г. Гачева, испанского историка философии Х. Л. Абельяна.

Методологически плодотворным принципом, позволяющим избежать крайностей в трактовке национальной философии, является описание процесса философского осмысления действительности как диалогического взаимодействия его дискретно-дискурсивной и образно-целостной подсистемы [3, с. 25]. Применительно к национальной истории философии это означает, что если первая подсистема обеспечивает накопление и развертывание описаний и характеристик конкретных философских учений, то вторая – устойчивость и преемственность динамики осмысления философских проблем на основе национальной традиции, и прежде всего, ее нравственно-ценностных компонентов, решения о смысле бытия нации.

В научных трактовках нации в 90-х г. XX века стал преобладать конструктивистский подход, который рассматривал нации как «символические общности», и даже предлагал исключить понятие «нация» из научных исследований [4, p. 11]. Основой такого подхода является отождествление национальной общности с этнической общностью. Преобладающая в современном социальном познании конструктивистская парадигма трактовки нации как «воображаемой политической общности» не учитывает того обстоятельства, что для существования национального сознания необходимо существование того, сознанием чего оно является. Не может существовать коллективной идентичности без памяти, какой бы

избирательной она ни была, не может существовать коллективного проекта без исторического прошлого, какие бы очевидно ложные мифы его не окружали. Государство может способствовать укреплению нации или лишить ее мифов, но оно не создает нацию. Оно инкорпорирует этнические и культурные особенности, но не творит их ex nihilo. Для трактовки нации более плодотворным является понятие гражданского общества, чем государства.

В современную эпоху, когда обозначился крах глобализма как субъективного проекта Запада, и культурологический метод историко-философского исследования прочно вошел в инструментарий мировой философии, вновь возник интерес к различным культурно-историческим мирам с их специфической системой ценностей и смыслов. Поиск универсального в мировой философии происходит теперь на пути диалога различных национальных философских традиций, что приводит к осознанию ценностной значимости Другого [5, с. 3–5].

Изучение философии в национальном контексте, а не в ее имманентном движении, как это было обычно для традиционных историко-философских исследований, позволяет полнее всего выразить и осуществить бесконечное многообразие мировой философии [6, с. 200–207].

В современной культуре также происходит переосмысление природы философии, которая рассматривается как создание пространства для обнаружения истины. В связи с этим в философии на первый план стала выдвигаться мировоззренческая составляющая философского знания. Современный историк философии должен руководствоваться в своей работе представлением о философии как «моменте наивысшего интеллектуального познания, которого достигают о себе определенные культуры» [7, p. 93]. Анализируя идеи как магистральный путь развития культуры, историк философии должен проследить, как в этих идеях суммируется своеобразие исторической реальности народа.

**Литература и источники**

1. Булгаков, С. Н. Размышления о национальности. Нация и человечество / С. Н. Булгаков // Сочинения в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Изд-во Наука, 1993. – 752 с.

2. Ortega-y-Gasset, J. Obras completes / J. Ortega-y-Gasset. – T. III. – Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1955. – 346 c.

3. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков // Под ред. Г. Л. Тульчинского, М. С. Уварова. – СПб: Алетейя, 2000. – 415 с.

4. Inman Fox La invencion de Espana. – Madrid: Ediciones Catedra, S. A., 1998. – 224 c.

5. Яковлева, Л. Е. Сравнение национальных философских традиций как способ осознания «своего» в культуре. // «Свое» и «Чужое» в культуре: материалы XI

международной научной конференции, Петрозаводск, 22–24 июня 2017 / Отв. ред. Н. Г. Урванцева. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017.– С. 3–5.

6. Никифоров, А. Л. Существует ли мировая философия? / А. Л. Никифоров // Вопросы философии. – 2017. – № 11. – С. 200–207.

7. Abellán, J. L. La historia critica del pensamiento español / J. L. Abellán. – T. I. – Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1979. – 443 с.

## РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

*Я. С. Яскевич*

В последнее время в западных политических дискуссиях все в большей степени актуализируется тема регионального порядка в особенности в так называемых «срединных странах», занимающих промежуточное положение между Россией и Западом и не входящих ни в какие блоки и экономические союзы – Грузия, Украина, Молдавия, Беларусь и др.

Ретроспективный взгляд на исторический процесс во всем его многообразии позволяет зафиксировать, что за очевидными межгосударственными конфликтами и противостояниями скрываются более фундаментальные, сущностные детерминанты, нарушающие состояние мирового равновесия и, как правило, приводящие к геополитическим потрясениям, перманентному хаосу и реализации трагических сценариев. И как бы не пытались при этом называть цветные революции революциями достоинства, последствия от них оказывались трагическими и приводившими к хаосу в обществе, ибо на волне «управляемого хаоса», происходит отток квалифицированных специалистов-врачей, инженеров и др. из стран, превращая их в полусельскохозяйственные страны, охватывающие все большие территории. В результате «цветных революций», «арабской весны» и Евромайдана происходили разрушение исторически сложившихся социокультурных систем, традиций, механизмов национальной и международной безопасности, существующих балансов сил, погружая мир в трагическое пространство больших и малых войн, этнополитических и религиозных конфликтов. В этом плане остро встает вопрос о сохранении национальных приоритетов, самодостаточности и стабильности в каждом государстве.

Радикальные трансформации, характерные для современной мировой экономики, политики, социокультурного пространства повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост *региональных сценариев* с такими их угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием

внешних сил, по крайней мере – риск снижения суверенитета государства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего хаоса [5, с. 212].

В современной геополитике были выявлены закономерности, ставящие перед государствами вопросы как теоретического, так и практического плана, обусловливая тем самым их вдумчивость, рациональность и сдержанность в принятии политических решений и рисковом поведении [5, с. 153–154]. Расширяется проблемное поле сценариев и стратегий мирового развития, дополняя европоцентризм идеей взаимодействия, взаимозависимости, единства современного мира в контексте глобализационных процессов. Классическую геополитику не случайно называют силовой геополитикой, поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империалистическими государствами и превосходства в применении организационного насилия. В противовес доктрины установления нового миропорядка и концепции «управляемого хаоса», провозглашенной Вашингтоном после трагических событий 11 сентября 2001 г., современная неклассическая геополитика трансформируется на новом историческом этапе в глобальную цивилизационную геополитику. В ее основу должны быть положены постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии геоцивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от логики конфронтации и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества [3, с. 11–15].

Цивилизационно-антропологическая матрица современной геополитики формируется в ответ на региональные ритмы, являясь основой кооперативного согласованного взаимодействия социальных, политических, экономических и социокультурных институтов суперсистемы. Сегодня так называемая Беловежская геополитическая эпоха (1991, Post-Cold-War era), наступившая после распада Советского Союза и мировой системы социализма, ознаменовавшая завершение «холодной войны», с претензией США на утверждение однополярного мира, должна во имя сохранения и выживания человечества трансформироваться в глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории с моделями диалога культур и цивилизаций, народов и религий, не силовой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях, несмотря на пока еще реальные сценарии и прогнозы относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы» [4, с. 112]. Учитывая же, что именно в эпоху неустойчивости и перманентных перемен, переживаемых современным человечеством, создаются предпосылки для оказания влияния на конструкцию будущего мира, важно «вписать» в

неклассическую геополитическую картину мира идеалы взаимоуважения и толерантности, согласия и сотрудничества.

Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этно-религиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами национальных стратегий. Принятие адекватных времени решений, обеспечение государственной безопасности на национальном уровне нацелено на увеличение предсказуемости развития внешнеэкономических связей и гарантирование стабильности внешних операций отдельных национальных корпораций. Это особенно важно учитывать сегодня «срединным странам» в период обострения противостояния Запада и России после расширения НАТО и ЕС на восток (начало200-х гг.). Заметим, что «срединные страны» при этом, так или иначе, испытывали давление от супердержав. Главное, что в этой борьбе нет победителей. Есть лишь ужасные последствия для стран, переживших «цветные революции» или как их в утешение в Украине стали называть «революциями достоинства». С российской точки зрения, эта позиция была направлена на установление прозападных правительств, уменьшение влияния России, а в перспективе – на возможную смену режима в России.

Такого рода отношения выступают как мера укрепления между государствами, сцепляя экономики и культуры стран друг с другом, и дают импульс для создания отдельных институтов (подобных ВТО) для нейтрализации потенциальных конфликтов и актуализации диалога между Россией и ЕС. Заметим, что опыт последних лет показывает, что, если «срединная страна» хочет вступить в экономический или геополитический союз одной из сторон ситуации, когда великие державы не договорились друг с другом и не достигли консенсуса по этому вопросу, это государство будет разделено (к примеру, Молдавия, а сейчас к этому близка Украина). Если конфликты и сепаратистские настроения возникли в этой стране из-за реального недовольства населения, оно впоследствии будет использовано в геополитических целях.

В этих условиях Беларуси для того чтобы сохранить достоинство без социальных потрясений и революций приходится вести гибкую взвешенную политику, заключая двусторонние и многосторонние экономические и иные отношения между отдельными странами, входя в зону свободной торговли ЕАЭС и ЕС. Политика сохранения независимости и суверенитета оказывается наилучшей для сохранения самодостаточности и достоинства страны.

**Литература и источники**

1. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Жак Аттали. – М.: Международные отношения, 1993. – 135 с.

2. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

3. Глобальная геополитика // Под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. – Москва: МГУ, 2010. – 312 с.

4. Глущенко, В. В. Теория государства и права: системно-управленческий подход / В. В. Глущенко. – Железнодорожный: ООО НПЦ «Крылья», 2000. – 416 с.

5. Ильин, В. В. Мир GLOBO: Вариант России / В. В. Ильин. – Калуга: Полиграф-Информ, 2007. – 252 с.

6. Яскевич, Я. С. Политический риск и психология власти / Я. С. Яскевич. – Минск: Право и экономика, 2011. – 298 с.

# Раздел 2 ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА: ГОРИЗОНТЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА

## ОМСКАЯ ШКОЛА КАТЕГОРИАЛЬНО-СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

*З. А. Аксютина*

Зарождение школы категориально-системной методологии в г. Омске происходит во второй половине 90-ых годов прошлого столетия, когда протекает кризис во всех сферах жизни. Знаковым для более интенсивного развития школы является выход в свет учебного пособия В. И. Разумова «Категориально-системная методология в подготовке ученых» [4]. Интересен тот факт, что на запрос в библиотеке elibrary, ключевого слова «категориально-системная методология» (далее – КСМ), дана ссылка на 71 работу (по данным на 21.02.2021). Анализ публикаций демонстрирует, что исследования, опирающиеся на КСМ, носят ярко выраженный междисциплинарный характер. На базе КСМ, защищены кандидатские и докторские диссертации по разным наукам. Это свидетельствует о том, что Омская научно-методологическая школа доказала свою научную состоятельность [5]. Тематика публикаций весьма широка и разнообразна и относится к разным наукам: экономическим, педагогическим, сельскохозяйственным наукам, философии и др. Целью научной школы является продвижение методов КСМ в научные исследования. Указанные методы способствуют получению объективно нового знания и упаковки его в удобные формы и позволяют ученым, представляющих различные научные направления, говорить на едином языке.

Родоначальником и вдохновителем Омской школы КСМ является Владимир Ильич Разумов. Работа над кандидатской диссертацией «Особенности теоретизации медицинского знания (на примерах клинической медицины)» в стенах Томского государственного университета и ее защита в 1986 г., привела его к пониманию необходимости поиска более удобных форм упаковки теоретического знания. Уже в 1997 г. В. И. Разумовым защищена докторская диссертация по теме «Методология подготовки и интеллектуально-технологического

сопровождения научных исследований», подготовленная в Новосибирском государственном университете, где его идеи начинают приобретать более оформленный вид. Предпосылками создания КСМ, по словам В. И. Разумова, в основе своей были разработки И. С. Ладенко (Новосибирск) по интеллектуальным системам и интеллектике [3] и Ю. М. Горского (Иркутск, Москва) по гомеостатике систем [7].

Зарождение научной школы связывается с семинарами, проводимыми в 1994 г. в Омском филиале Института математики им. С. Л. Соболева, а окончательно КСМ как «Научная платформа школы укрепилась в стенах ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, где Владимир Ильич с 2001 г. заведует кафедрой философии, а также в Омском ГАУ на занятиях с магистрантами и аспирантами, которые непрерывно проводятся с 2002 г.» [5, с. 151].

Основными подходами в КСМ являются системный, категориальный и инфомационно-динамический. Системный подход (Аристотель, В. Г. Афанасьев, Л. фон Берталанфи, И. В. Блауберг, А. А. Богданов, В. Н. Садовский, Ф. В. Й. Шеллинг, А. И. Уемов, Э. Г. Юдин и др.), предусматривает изучение объектов любой природы как систем с упорядочением связей между компонентами и элементами, включенными в нее. Основные понятия системного подхода: система, элемент, структура, функционирование, среда, гомеостат, гомеостаз.

Категориальный подход берет истоки в учение И. Канта о категориях, где категориальные схемы приобрели статус конструкций, управляющих мышлением. До уровня категориальных систем были доведены учение о субстанции (Б. Спиноза) и учение о сущем (Г. Гегель). Основные понятия категориального подхода: категория, категориальная система, категориально-системная методология.

Информационно-динамический подход (Ю. М. Горский, В. И. Разумов, В. П. Сизиков) разрабатывается с опорой на гомеостатику, идей придания информации онтологического статуса. Основные понятия информационно-динамического подхода: информация, динамическая информационная система, теория динамических информационных систем.

КСМ обладает выраженным потенциалом в практике реализации научных идей, оформлении их в схемы, что позволяет более целостно использовать принцип наглядности в исследовательской деятельности. Идеи интеграции методологических подходов, конструктивной философии нашли технологизированное воплощение в КСМ, предвосхищающей движение от конкретного к абстрактному. КСМ представляет из себя целостную систему функционально связанных методов, которые создают условия для работы с естественными средствами выражения мысли (живым языком, образами, ощущениями); обработки значительных массивов разнообразных текстов, упорядочивания предпроектных изысканий, и любой деятельности, относящейся к познанию. Синтез этих

методов позволяет строить технологические последовательности преобразования исследовательской информации [4, с. 257].

Разработанные и систематизированные методы КСМ научного знания, представляют из себя обширный исследовательский аппарат, обладающий большим потенциалом в приближении к необходимым стандартам рациональности. Методы КСМ создают возможности для экстраполяции научного знания путем репрезентации предметной области исследования с переходом от словесно-образных форм представления информации к построению качественных моделей с выраженной опорой на закономерности диалектики, системный, категориальный и информационно-динамический подходы.

Омская школа КСМ позволяет формировать новую научную картину мира, отражающую когнитивную ее составляющую с опорой на междисциплинарность; развивать творческий потенциал ученого, повышать уровень самостоятельности в постижении и разработке научных проблем; формирует новый уровень методологического мышления. И, как пишет В. М. Шкарупа: «Богатый опыт работы коллектива научной школы, навыки вовлечения молодых ученых в проведение исследований позволяют продолжать фундаментальную научную деятельность, генерировать новые идеи и использовать перспективу преемственности поколений ученых на благо отечественной философии» [6, с. 123].

Признанием Омской школы КСМ на общероссийском уровне можно считать выход в свет двух учебников по методологии научного исследования для студентов вузов и соискателей ученых степеней [1; 2].

**Литература и источники**

1. Боуш, Г. Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник / Г. Д. Боуш, В. И. Разумов. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 227 с.

2. Боуш, Г. Д. Методология научных исследований (в курсовых и выпускных квалификационных работах): учебник / Г. Д. Боуш, В. И. Разумов. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 210 с.

3. Ладенко, И. С. Концептуальные основы теории интеллектуальных систем (систематизация методологических основ интеллектики) / И. С. Ладенко, В. И. Разумов, А. Г. Теслинов // Отв. ред. И. С. Ладенко. – Новосибирск: СО РАН, Ин-т философии и права, 1994. – 270 с.

4. Разумов, В. И. Категориально-системная методология в подготовке ученых / В. И. Разумов. – Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2004. – 277 с.

5. Скосырева, Н. Д. Омская научно-методологическая школа к 60-летию профессора В. И. Разумова / Н. Д. Скосырева, А. С. Скосырева // Вестник Омского государственного аграрного университета. – 2018. – № 1 (29). – С. 150–157.

6. Шкарупа, В. М. 60 лет профессору В. И. Разумову / В. М. Шкарупа // Вестник Омского университета. – 2017. – № 2 (84). – С. 122–123.

7. Gorsky, Y. Danger of development of a global catastrophe and the need for new information concepts / Y. Gorsky, V. Razumov, A. Teslinov // Kybernetes. The International Journal of Systems and Cybernetics. – 1999. – Vol. 28. № 8–9. – P. 929–938.

## ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

*А. А. Артеменков*

В последние десятилетия произошли существенные изменения в среде обитания человека и развитии современного общества. Сремительное социально-техногенное развитие мира в конечном счете привело к изменению направления биосферно-биологической формы жизни на Земле и трансформации человека. Данная проблема широко обсуждается в философской литературе с позиции различных методологических подходов. Так, например, Е. А. Дергачева [1, с. 30] рассматривая эволюционные изменения, происходящие в человеке в условиях социально-техногенного развития мира, на основе системного социоприродного и междисциплинарного подходов, показала, что в общественных системах формируется техногенный человек, неблагоприятные изменения в котором возникают под воздействием расширения техносферно-городской среды обитания. О. Е. Баксанский и А. В. Скоробогатова [2, с. 36] с точки зрения социоприродного подхода на процессы трансформации человека отмечают, что кардинальные изменения в научной картине мира связаны прежде всего с интенсивным развитием конвергентных NBICS-технологий, и, что это требует перестройки не только мировозрения человека, но и реформ современного образования. А. В. Соколов [3, с. 3] с позиции библиофутурологии видит два основных пути перехода современной цивилизации в ноосферу: технологический, связанный с неограниченным наращиванием технической мощи, и гуманистический, заключающийся в просвещении и совершенствовании человека.

В тоже время, спецификой системного и синергетического подхода Р. И. Зекрист [4, с. 7] является рассмотрение культуры как целостной системы, близкой к позиции «интерпретативной антропологии» и теории самоорганизации открытых нелинейных систем. Такой подход делает возможным применение современных методов системного и синергетического анализа трансформаций человека в условиях глобального развития общества. С подобными выводами согласуется

проблема «беспорядка и хаоса» в современном обществе, которая подробно рассматривается О. П. Карнауховым [5, с. 46]. С позиции информационного подхода анализирует проблему трансформации человека А. Д. Иоселиани [6, с. 30]. Он указывает на то, что человечество вступило в эпоху информационной цивилизации и, что процесс формирования новой эпохи и нового человека тесно связан с процессом глобализации. Человек в информационном обществе приобретает новые качественные параметры, которых не было у него в индустриальном обществе.

Междисциплинарный подход к развитию конвергентных технологий как фактора трансформации человека и его среды обитания представлен в работе И. А. Асеевой и В. Г. Будановой [7, с. 130]. Авторы видят проблему в том, что внедрение фантастических научных технологий в нашу жизнь приводит к трансформации природной и социальной среды обитания человека. М. Ансари с соавт [8, с. 89] на основе базовой теории техноценологического подхода Б. И. Кудрина выявили особенности и направленность познания современных сложных технических систем как феномена, который интегрирует в себе многочисленные сущности, образуя своеобразный целостный техноценоз. С. И. Родзин и И. Н. Титаренко [9, с. 10] на основе интегративного подхода к нано-, био-, инфо – и когнитивным технологиям отмечают, что нарастающая конвергенция передовых технологий упрочняет связь между такими понятиями как «электронная культура», «сознание», «искусственный интеллект». Авторы приходят к выводу о том, что с развитием науки, техники и образования станет возможным радикальное преобразование людьми не только материального мира, но и субъективной реальности. Интегративный подход С. Ф. Сергеева [10, с. 39] провозглашает идею того, что эволюция техногенной цивилизации ведет к интенсивному развитию процессов тотальной интеграции человека с искусственными средами жизнедеятельности. Автором предлагается концепция «тотального аутопоэзиса человекомерных систем». В соответствие с этой концепцией все человечество и продукты его жизнедеятельности вызывают появление сложного самоорганизующегося единства аутопоэтического типа – технобиода. Между тем, У. Матурана и Ф. Варела считают, что познание мира происходит не путем отражения мира, а представляет собой процесс формирования мира через взаимодействие между мозгом, телом и внешней средой. Базисом этой теории познания является концепция клеточного аутопоэза и принцип самовоспроизводства замкнутых (автономных) систем. У. Матурана и Ф. Варела делают следующий вывод: «Живые существа отличаются тем, что их организация носит аутопоэзный характер. Они различаются по структуре, но имеют схожую организацию» [11, с. 53]. Но несмотря на то, что человек – это единственное разумное существо на Земле, обладающее автономным аутопоэзным единством, он

нередко теряет ориентацию в глобализирующемся мире. Каждому человеку, преодолевая огромные противоречия приходится искать себя и свое место в мире глобализации и технических новшеств. Только путем толерантного сознания человечество может найти истину своего бытия и познания глобальных изменений современного мира [12, с. 10].

Таким образом, мы видим, что методология исследований по проблеме трансформации человека строится на совершенно различных подходах, изучающих этот феномен с определенных позиций. Поэтому с уверенностью можно сказать, что в XXI веке трансформация человека станет еще глубже и он приобретет новые, искусственно созданные признаки и свойства. Человек нуждается в расширении своих физических, когнитивных и интеллектуальных возможностей в связи с развитием техники и технологий, освоением космоса и формированием информационного общества, а естественная биологическая эволюция человека существенно отстает от научно-технического развития мира. И человечество не откажется от прогрессивных биомедицинских технологий, продлевающих жизнь и развитие человека. Но здесь возникает биоэтическая проблема, связанная с сохранением естественной природы человека. А поскольку остановить биотехнологическое усовершенствование человека уже невозможно, то человечество должно позаботится о моральной стороне такого вмешательства в телесный и внутренний мир человека. Такими моральными принципами могут стать ограничение манипуляций с геном человека и сохранение психики, сознания и разума человека неизменными для будущий поколений.

**Литература и источники**

1. Дергачева, Е. А. Человек в техногенном городе: междисциплинарный подход / Е. А. Дергачева // Управление городом: теория и практика. – 2020. – № 2 (36). – С. 30–35.

2. Баксанский, О. Е. Образование в условиях конвергентного социоприродного взаимодействия / О. Е. Баксанский, А. В. Скоробогатова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 4 (7). – С. 35–41.

3. Соколов, А. В. Восхождение к ноосфере. Библиофуторологические сценарии / А. В. Соколов // Научные и технические библиотеки. – 2019. – № 3. – С. 3–20.

4. Зекрист, Р. И. Философские и методологические проблемы образования / Р. И. Зекрист // Вестник «Өрлеу»-kst. – 2017. – № 3 (17). – С. 7–12.

5. Карнаухов, О. П. Категориальный аппарат исследования порядка и хаоса в обществе и в философии образования / О. П. Карнаухов // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. – 2019. – № 1. – С. 46–51.

6. Иоселиани, А. Д. Человек как субъект коммуникации в глобальном мире / А. Д. Иоселиани // Социосфера. – 2015. – № 4. – С. 30–32.

7. Асеева, И. А. Философские и биоэтические аспекты развития новых конвергентных технологий как фактора трансформации среды обитания

человека / И. А. Асеева, В. Г. Буданов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – № 3. – С. 130–138.

8. Ансари, М. Проблемы философского осмысления сложных технических СМАРТ-систем / М. Ансари, А. Н. Кузьминов, И. Г. Палий // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, № 7. – С. 89–96.

9. Родзин, С. И. Конвергенция нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий и электронная культура / С. И. Родзин, И. Н. Титаренко // Открытое образование. – 2014. – № 3. – С. 10–17.

10. Сергеев, С. Ф. Человеческий фактор в эволюции техногенного мира / С. Ф. Сергеев // Автоматика. Информатика. – 2016. – № 2 (39). – С. 39–45.

11. Матурана, У. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: УРСС-ЛЕНАНД, 2019. – 320 с.

12. Умарова, З. Я. Что несет человеку глобализация? / З. Я. Умарова // Научное мнение. – 2019. – № 9. – С. 10–15.

## РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XXI – СОВРЕМЕННАЯ СОФИСТИКА ИЛИ НОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ?

*О. Е. Баксанский*

XXI век считается продолжением научно-технического прогресса и революционных подходов во всех областях жизни, начатых еще в прошлом столетии. С момента первого полета человека в космос и до сегодняшнего дня человечество находится в непрерывном интеллектуальном, культурном, социальном и технологическом развитии. При этом все чаще отмечаются такие негативные аспекты, как чрезмерное потребление, повышенный спрос на материальные блага и комфорт, падение спроса на духовное развитие [1].

Можно ли считать философию наукой, которая была актуальна во времена Канта, Гегеля и других представителей классической немецкой школы философии или же она остается актуальной и сегодня? Такой вопрос стоит рассматривать с как с позиции мировоззрения современного человека, так и с позиции самого понятия философии.

Для определения своего места относительно философского процесса современности, важно учитывать характеристики дискурсивного пространства философии и уметь выражать свою позицию, точку зрения [2].

В различные периоды своего развития человечество стремилось к познанию и совершенствованию как своего образа жизни, так и своего внутреннего мира. Понятие философии соотносится с понятием мировоззрения, мудрости, жизненной позиции, образа мысли. Согласно общепринятому определению, философия – наука о наиболее общих

законах развития природы, общества и мышления [3].

Проблема философии также связана с дисбалансом и дисгармонией, вызванной у человека искусственно навязанными требованиями экономики, политики, социума [4].

Современные технологии философского мышления носят ярко выраженный «гипертекстовый» характер, поскольку предполагают нелинейную, ризоматическую структуру организации знания [1].

Сегодня человечество страдает от переизбытка информации и недостатка времени. Обилие возможностей привело к замкнутости и растерянности многих индивидуумов, что является серьезной психологической и философской проблемой нашего века.

Если раньше философия говорила о том, что есть человек, то сегодня философия рассуждает с позиции соотношения человека и техники. Как техника влияет на человека и человек на технику? Главным вопросом становится доминирование одного над другим.

Философия находится в затруднительном положении, стремясь найти человека в том, в чем искала его раньше – среде обитания познающего человека. Человек теряет ориентиры – требования к нему настолько высоки, что соответствовать им становится очень трудно. Нарушены традиции философии, заложенные еще в XIX столетии – человека и природа как единое целое. В XXI веке философия рынка доминирует над другими философиями в силу глобального экономического развития, периодически обращающегося в кризис.

Таким образом, можно сделать вывод, что духовные и философские проблемы двадцать первого столетия на фоне развития человечества в техническом, научном и экономическом плане во многом связаны с психологическим и психическим состоянием и общим настроением социума, завышенным требованиям к личности, сложности осуществления выбора и реализации поставленных целей на фоне информационного перегруза, избыточности товаров и услуг, направленных на человека как на потребителя и источника финансовых средств.

Задачи, которые должна поставить перед собой философия XXI столетия, могут быть заключены в поиске решении проблемы психологического дискомфорта человека, попытке обратить его вновь к природным корням, отставив на задний план классический стиль урбанистической жизни, в которой человек скрывается от собственного предназначения. Общество должно создать такие условия жизни, при которых будет соблюдаться баланс духовного и материального [4].

**Литература и источники**

1. Аронов, Р. А. Когнитивная стратегия А. Эйнштейна / Р. А. Аронов, О. Е. Баксанский // Вопросы философии. – 2005. – № 4. – С. 66–75.

2. Аронов, Р. А. Происхождение знания: истоки и основы / Р. А. Аронов, О. Е. Баксанский // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 98–108.

3. Баксанский, О. Е. Когнитивные науки: от познания к действию / О. Е. Баксанский. – М., 2005. – 196 с.

4. Баксанский, О. Е. Наука и философия образования в XXI веке: нарративность и дискурс / О. Е. Баксанский // Педагогика и просвещение. – 2013. – № 1. – С. 7–18.

## РЕДУКЦИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ОНТОЛОГИИ Д. АРМСТРОНГА

*Е. А. Безлепкин*

В свое время Фрэйзер Макбрайд показал, что концепция модальности Дэвида Армстронга (в частности, речь шла о понимании «возможного») является «бракованной» (flawed) [1]. Однако на наш взгляд, критика Макбрайда апеллирует к разнице семантического и метафизического понимания, в частности, утверждений о существовании. Разнице, о которой нужно помнить, когда мы говорим, например, об устанавливающем истину для предложения «может существовать красный камень весом 5 кг». В семантической парадигме мы говорим об условиях истинности этого предложения, т. е. о еще одном предложении, раскрывающем значение первого, а в метафизической – непосредственно говорим о физическом объекте. И понимание этой разницы, в том числе, важно с точки зрения понимания того, о чем собственно мы говорим, когда приводим различные примеры о возможных ситуациях, например, описывающих возможное поведение физического объекта. Например, когда мы приводим пример о том, что что-то возможно логически (один набор эмпирических данных подкрепляет разные теоретические онтологии), как эта «логическая возможность» будет соотноситься с «физической возможностью»? Здесь, различение «семантического» и «метафизического» понимания модальных суждений может иметь далеко идущие последствия. Вплоть до запрета использовать «логическая возможность» для описания «реальных физических явлений и процессов», который вводит Джеймс Лэдимен [2].

Макбрайд понимает Армстронга следующим образом. Существуют партикулярии и универсалии в том смысле, что чисто возможных объектов нет, а есть только актуальные. Отсюда, возможные миры не существуют реально, но мы можем о них говорить, как о мирах, в которых «различным образом комбинируются существующие партикулярии и универсалии» [1, p. 475], – т. е. если в актуальном мире у нас есть характеристики X и Y и нет объекта, который бы проявлял эти характеристик одновременно, то такая возможность всегда существует в каком-либо из возможных миров. С точки зрения Макбрайда, модальные утверждения «формулируются в

языке, в котором необходимость выражается в терминах универсалий в возможных мирах, а случайность – посредством кванторов существования» [1, p. 475]. В этом смысле, теория Армстронга задает свои конкретные правила поиска условий истинности для модальных утверждений, т. е. переводит модальные утверждения в язык логики возможных миров говоря, что они являются истинными, если конкретный возможный мир, о котором идет речь, является таким-то и таким-то. Редукция, в данном случае, – это появление для данного модального выражения не-модальных условий истинности, связанных с описанием конкретного возможного мира.

Однако, сам Армстронг, вряд ли бы согласился с такой трактовкой Макбрайда, поскольку его цель: «предложить подход к пониманию природы возможного» [3, p. 3], в частности, ответить на вопрос: «что мы можем сказать об устанавливающих истину для модальных истин с точки зрения онтологии?» [4, p. 149]. Армстронг утверждает, что «необходимые и чисто возможные положения дел не требуются. Для задания устанавливающих истину достаточно контингентных положений дел» [4, p. 172]. Он говорит о том, что существуют только актуальные объекты и что истинные модальные утверждения будут являться истинными именно в силу существования актуальных объектов. Для любых двух характеристик X и Y, любая партикулярия может выражать либо одну, либо обе, либо ни одной из них. Характеристики «смогут сосуществовать» (compossible), возможна любая из комбинация, и все комбинации партикулярий и характеристик, «которые можно описать в форме атомарных положений дел, составляют множество возможных положений дел» [4, p. 160]. С этой точки зрения, Армстронг ничего не говорит о возможных мирах. Истинные модальные утверждения будут истинными в силу наличия актуальных контингентных универсалий и партикулярий. Здесь ничего не говорится о возможных или о необходимых положениях дел. Здесь нет «перевода» модальных утверждений в не-модальные условия истинности.

Проблема заключается в том, что традиционно, в философии после лингвистического поворота, мы ожидаем что модальность объясняется семантически, посредством условий истинности. В тоже время, Армстронг, отчасти, принадлежит другому лагерю – лагерю философов, которые считают, что семантика должна заниматься только проблемами значения, а не проблемами онтологии (один из ярких представителей М. Девитт [5]). Условия истинности – это пропозиции, в то время как устанавливающий истину у Армстронга – это актуальный объект. Пропозиция может быть истинной или ложной, а объект – нет. Привести устанавливающего истину для модального утверждения, это не значит привести его условия истинности. На наш взгляд, именно в этом смысле, например, когда Лэдимен критикует неосхоластику (см [2, p. 7–9]), в том

числе, выступая против некритической апелляции к концепции возможных миров (в том числе, когда речь идет о понимании модальности), он отказывается от семантической трактовки существования, от того, что «логическая возможность» должна играть решающую роль в рассуждениях о физической реальности, он отказывается от позитивистской трактовки научного знания в пользу проекта поиска научной онтологии близкого онтологии Армстронга.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики».*

**Литература и источники**

1. MacBride, F. Could Armstrong have been a Universal? / F. MacBride // Mind. – 1999. – Vol. 108. – P. 471–501.

2. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized / J. Ladyman [et al.]. – Oxford: Oxford University Press, 2007.

3. Armstrong, D. A Combinatorial Theory of Possibility / D. Armstrong. – Cambridge University Press, 1989.

4. Armstrong, D. A World of States of Affairs / D. Armstrong. – Cambridge University Press, 1997

5. Devitt, M. Realism and Truth / M. Devitt. – Princeton University Press, 1997.

## ТРИБОФАТИКА: ОТ ПАРАДОКСА К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ

*А. В. Богданович*

Как правило, к возникновению новой науки, особенно на стыке двух и более классических «старых», приводят возникшие противоречия (парадоксы) в объяснении ими новых явлений или закономерностей. Так случилось приблизительно за два десятилетия до начала XXI века и в классической механике, точнее в двух ее достаточно больших разделах – трибологии и механике усталостного разрушения. Ряд экспериментально полученных закономерностей весьма трудно было, а порой и невозможно, объяснить с позиций и трибологии, и механики усталостного разрушения. Надо отметить, что не только лабораторные опыты, но и практика эксплуатации сложного и дорогостоящего, иногда уникального, оборудования ставила неразрешимые вопросы перед специалистами и учеными [1]. Новая наука – трибофатика – появилась в ответ на требования машиностроения, когда стало ясно, что существует особый класс механических систем машин и оборудования (их называют силовыми), для которых известные методы прогнозирования и обеспечения надежности по важнейшим критериям работоспособности – как по сопротивлению усталости, так и по износостойкости – оказались неэффективными [2]. В

силовых системах имеют место комплексные износоусталостные повреждения как результат взаимодействия явлений механической усталости, трения и изнашивания, тепловых и коррозионных процессов [3, с. 26–28].

Парадоксы, которые привели к созданию основ новой науки, назвали ее сюрпризами, т. е. сюрпризы трибофатики – это то, что «до трибофатики» ученые не могли понять, объяснить, вообразить или теоретически описать [4, с. 5]. При этом чтобы осознать сюрпризы трибофатики, пришлось преодолеть высокий познавательно-психологический барьер устоявшихся традиций мышления специалистов.

Сформулировано к настоящему времени 9 парадоксов-сюрпризов трибофатики [5]:

*S1 Загадка трибофатики*: неожидаемое падение сопротивления усталости стального вала, обусловленное взаимодействием механо-физико-химических явлений при трении по нему полимерного контртела;

*S2 Обратный эффект*: эффективное управление процессами трения и изнашивания под действием контактной нагрузки путем возбуждения циклических напряжений от внеконтактной нагрузки;

*S3 Трибофатическая бомба*: *S3.1* аномально низкое сопротивление разрушению при фреттинг-усталости, обусловленное сильным взаимодействием комплекса слабых повреждений; *S3.2* наступление многообразных запредельных состояний элементов системы при безудержном росте нагрузок;

*S4 Подарок трибофатики*: аномально высокое сопротивление разрушению при контактно-механической усталости, вызванное процессами самопроизвольного упрочнения;

*S5 Троппи*: явление образования нерегулярных остаточных поверхностных волнообразных повреждений в результате нестационарного процесса упругопластического деформирования в зоне контактного взаимодействия элементов силовой системы при трении качения;

*S6 Трибофатическая триада (взаимосвязь движения, информации, повреждений)*: движение порождает новую информацию в системе, если индекс ее повреждаемости ненулевой;

*S7 Трибофатическая энтропия*: мера необратимого поглощения энергии в опасном объеме силовой системы;

*S8 Трибофатическая жизнь:* жизнь есть особый способ накопления повреждений;

*S9 Механотермодинамика:* повреждаемость всего сущего не имеет мыслимых границ.

Рассматривая трибофатику как науку, находящуюся на стыке механики усталостного разрушения и трибологии, следует отметить, что на этом стыке, кроме взаимного влияния процессов механической

усталости и изнашивания, имеет место взаимное научно-методическое обогащение – обмен опытом, моделями. Естественно, и трибофатика, вырастая из основ трибологии, и механики усталостного разрушения, пользуется по праву всеми достижениями этих наук. Но главное состоит в том, что комплексные модели и методы, разрабатываемые в рамках трибофатики, в частных случаях могут с новых позиций описать как усталостное повреждение, так и закономерности изнашивания при трении скольжения, качения, проскальзывания. А это, в свою очередь, является полезным для дальнейшего развития как механики усталостного разрушения, так и трибологии.

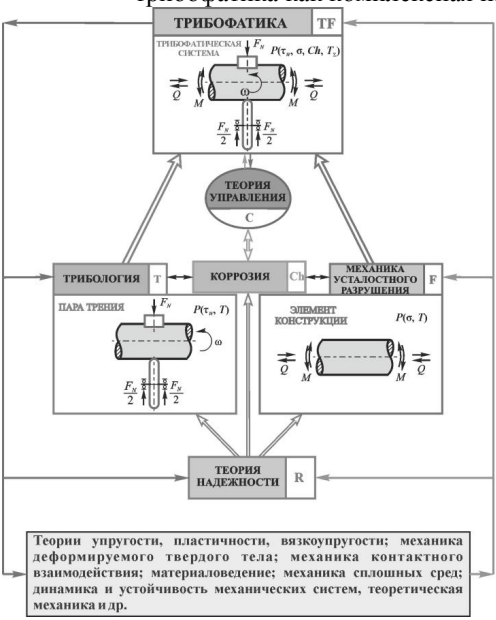
Трибофатика, безусловно, имеет свой предмет исследования (рис. 1), в ней: а) изучают взаимодействие явлений трения и изнашивания, усталости, эрозии в их неразрывном единстве; б) разрабатывают комплексные показатели надежности по критерию износоусталостных повреждений; в) оценивают и повышают долговечность силовых систем; г) разрабатывают методы комплексных износоусталостных испытаний и создают новый класс машин и оборудования для таких испытаний.

Таким образом, трибофатика представляется «целым, мыслимым как многое» по отношению к сопряженным к ней наукам, в том числе и к тем, которые являются ее «прародителями» [6, с. 36]. Она предлагает идти в направлении эффективного использования системного подхода и диалектики, а также дает пример широкой направленности научных исследований, сопровождаемых методологическими подходами, ломающими узкие дисциплинарные методы в инженерно-технической тематике [7, с. 45].

Новая парадигма в механике, связанная с трибофатикой, возникает, конечно, не сразу. Помимо сформировавшейся методологии, научно-теоретической и экспериментальной базы, коллектива ученых и специалистов, увлеченных и активно работающих на благо новой науки и внедрения ее достижений в производство, необходимо широкое признание в среде ученых и организаторов науки, обеспечение подготовки кадров в системе высшего и послевузовского образования с учетом инновационных подходов трибофатики.

В докладе обсуждаются подробно парадоксы-сюрпризы трибофатики, задачи, решенные за прошедшие годы на нелегком пути формирования новой парадигмы, а также те, которые еще предстоит решить.

Рисунок 1. Новый раздел механики:
трибофатика как комплексная научная дисциплина




***Современная западная цивилизация достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части…***

***Мы изрядно преуспели в этом искусстве, преуспели настолько, что забываем собрать разъятые части в то единое целое, которое они некогда составляли.***

***О. Тоффлер***

***…Именно в Белоруссии родилась и успешно развивается новая наука – трибофатика, один из наиболее перспективных разделов механики.***

***К. В. Фролов, 1993***

***"Целое, мыслимое как многое," – такой… представляется нам трибофатика по отношению к сопряженным с нею наукам, в том числе и к тем, которые являются ее прародителями…***

***Не взаимное влияние факторов, а взаимодействие явлений – вот что изучает трибофатика.***

***Л. А. Сосновский, 1996***

***Трыбафатыка: навукова-тэхнічная дысцыпліна, якая вывучае зносастомленасныя пашкоджанні (ЗСП) і разрурэнні сілавых сістэм***

***Белорусская энциклопедия: 2002 г., т.15***

***Трибофатика: наука об износоусталостных повреждениях и разрушении силовых систем машин и оборудования***

***ГОСТ 30638-99***

## Литература и источники


1. Сосновский, Л. А. Методологические проблемы комплексной оценки поврежденности и предельного состояния силовых систем (обзорная статья) / Л. А. Сосновский, Н. А. Махутов // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. – 1991. – № 5. – С. 27–40.

2. Трибофатика – новый путь для повышения надежности машин / Л. А. Сосновский [и др.]. – Гомель, 1993. – 32 с.

3. Богданович, А. В. Природа износоусталостного повреждения / А. В. Богданович // Наука и инновации. – 2010. – № 9 (91). – С. 26–28.

4. Сосновский, Л. А. Трибофатика – это серьезно / Л. А. Сосновский // Наука и инновации. – 2010. – № 9 (91). – С. 5–11.

5. Sosnovskiy, L. A. Surprises of Tribo-Fatigue / L. A. Sosnovskiy, S. S. Sherbakov. – Minsk: Magic Book, 2009. – 200 p.

6. Слово о трибофатике // Ред.-сост. А. В. Богданович. – Гомель–Минск–Москва–Киев: Remika, 1996. – 132 с.

7. Лойко, А. И. Трибофатика и философия: стратегия трансдисциплинарных исследований / А. И. Лойко // Вестник БелГУТа: Наука и транспорт, 2016. – № 1. – С. 45–48.

# ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*М. К. Буслова*

Структурно-функциональная взаимосвязь различных компонентов биосферы в условиях неустойчивости динамического равновесия создает возможность образования цепи деструктивных изменений в окружающей человека природной среде, поэтому фрагментарные разработки в области реабилитации качества среды обитания на пострадавших территориях и рационализации практики социального природопользования не могут быть средством эффективного решения проблемы. Изучение процессов, происходящих в поставарийный период, предполагает комплексный подход, учитывающий сложность системных связей между различными природными компонентами, а также фактор их субстратной неоднородности [1, с. 112]. Структурно-функциональное единство этих частей является условием нормального функционирования различных природных комплексов, и в оценке качества среды обитания человека фактор двойственности должен учитываться при обосновании экологических критериев и нормативов. Устранение несоответствий между концептуальными системами различного уровня является условием социально–экологической оценки состояния природных комплексов на региональном уровне.

Концептуальное агрегирование как методический прием, является наиболее эффективным средством преодоления взаимной несводимости поисковых методик, характерной для каждой из природоохранных структур, а само решение природоохранных задач в таких условиях может осуществляться в следующей последовательности: с выявлением экологической значимости биоценоза, ставшего объектом антропогенного воздействия, выявляется возможность определения социальных последствий его деградации, а модальная оценка по принципу «экологически опасно – экологически безопасно» может быть осуществлена уже на последующем этапе. Количественная оценка антропогенного фактора не может предшествовать качественной, поскольку такое опережение чревато смешением оценочных акцентов на частные внесистемные аспекты ситуации [2, с. 83].

Процесс построения категориальной системы, отражающей сложную, саморазвивающуюся систему окружающей человека природы, предполагает ее соотнесение с имеющимися развитыми категориальными структурами, при безусловном сохранении специфичности как понятийных, так в целом и концептуальных конструктов.

Одним из наиболее актуальных направлений в развитии социальной экологии, как научной дисциплины, является развитие ее

методологического арсенала с заимствованием философских принципов.

При явном дефиците естественно научных рекомендаций по преодолению поставарийного социоприродного отчуждения эвристична, после определенной адаптации, концептуальная эксплуатация социальных критериев.

Определенную сложность при переносе исследовательского акцента представляет общая неразработанность исходных постулатов, а также неизбежный дефицит эмпирического, большей частью естественнонаучного материала, но эти издержки в полной мере компенсируются возможностью своевременного резкого сужения предмета анализа с выделением наиболее значимых в реабилитационном процессе моментов [3, с. 215].

При этом процесс адаптации изложенных ранее базовых методов и критериев осуществляется путем как концептуального заимствования философско-методологических систем, так и путем обобщения эмпирического материала и создания на этой основе достаточно полной, внутренне не противоречивой социально-экологической концепции. Они в данном случае предлагаются в качестве «первокирпичиков» социоэкологических концепций, но при этом они не носят исчерпывающий характер и структура концепции может быть дополнена новыми элементами, в зависимости от характера протекания социально-экологических процессов в сфере практического взаимодействия человека с природной средой.

*Работа выполнена при поддержке ФФИ в рамках научного проекта № Г20РА-015.*

**Литература и источники**

1. Вернадский, В. И. Избр. тр. по биогеохимии / В. И. Вернадский. – М.: Мысль, 1967. – 376 с.

2. Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям / Д. И. Широканов, А. Д. Урсул, М. К. Буслова [и др.] // Институт философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2009. – 201 с.

3. Браун, Р. Л. Рисуя картину устойчивого общества / Р. Л. Браун, К. Флэвин, С. Постел // Экологическая антология. – М.-Бостон: Голубка, 1992. –268 с.

## ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ И «РОЛЬ ЛИЧНОСТИ»: ОБЩЕГУМАНИТАРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

*О. А. Власова*

Современный мир с его многочисленными проблемами требует объединения полей многих наук – как естественных, так и гуманитарных.

Для последних это необходимо не только для осмысления актуальных проблем, но и для выработки новых стратегий интерпретации прошлого, поскольку для них связь «прошлое – настоящее» есть основополагающая связь. Для истории психологии, истории филологии, социологии, наук о культуре, некоторых исторических отраслей пространством диалога сегодня может выступить история философии. При этом она может выступать и как история философии в классическом смысле, и как история мысли в том исконном смысле, в каком она развивалась ранее и к которому она часто стремится в последнее время. Историко-философский диалог может стать основанием для общегуманитарного диалога наук, дать ориентиры для обсуждения их методологии, наиболее общих теоретических установок, актуальных проблемных полей, имеющих междисциплинарное звучание.

Следуя традиции проблематизации истории философии в различных мировых традициях, можно выделить два уровня, или два аспекта, проблематизации историко-философского диалога: личностный и безличный. При этом первый будет представляться как диалог современных мыслителей (философов) с философами прошлого, второй – как выстраивание диалогических полей, или систем мысли, во вневременном философском, или общегуманитарном поле. Какой из этих уровней будет наиболее продуктивен в общегуманитарной перспективе – это важный для статуса истории философии вопрос.

Разумеется, историко-философское исследование не избегает личностного элемента, но в своем классическом варианте стремится к безличному, объективному исследованию, сродни историческому исследованию прошлого. Только для истории философии это прошлое представляется как прошлое философской мысли. Объективная историко-философская реконструкция, или, в терминологии Р. Рорти, ее можно обозначить просто как историческую реконструкцию [1], направлена на воссоздание систем мысли, построение вневременных диалогических полей, установление связей между учениями различных периодов. Такая работа предполагает восприятие истории философии как развития школ и направлений, систем. Выстраиваемые историком философии связи при этом носят внеличностный объективный характер. Подобный аспект историко-философской практики проблематизирует в своей дианоматике М. Геру, акцентируя дилемму временного и вневременного [5]. В случае такой работы история философии часто растворяется в философии как таковой, становясь лишь ее частной практикой. Корпус историко-философских систем становится корпусом философии.

Объективный уровень историко-философского диалога оказывается более продуктивным для работы с философскими системами, поскольку в пределе стремится к разработке устойчивого и объективного представления мысли прошлого. Историко-философская работа как

диалогическая реконструкция школ и направлений, сравнительный анализ мысли и концептуального строя эпох закладывает основания для подобного исследования в других отраслях философии и гуманитарных науках в целом. Не случайно, формирование философской антропологии, философии культуры, социальной философии и проч. первоначально было связано с ассимиляцией реконструированных систем мысли прошлого и вычленением соответствующих концептуальных полей. Другие гуманитарные науки – психология, социология, политология, теория культуры, педагогика, филология – всегда привлекают концептуальные блоги и части реконструированных историками философии систем для построения своих собственных проблемных пространств. Поля одного уровня при этом – это и есть поля общегуманитарного диалога.

Казалось бы, старая традиционная стратегия объективного исследования в истории философии наиболее продуктивна и успешна, однако XX век показывает нам и стремительное развитие личностно окрашенного историко-философского диалога. Его ведущие «спикеры» – одновременно и ведущие философы разных направлений, которые отыскивают в философии прошлого каждый свои основания. Их истории философии очень разные и вряд ли вписываются в объективистскую схему историко-философской реконструкции, однако общее для них – не содержание, а мотивы. Все они стремятся отыскать в прошлом основания философского мышления настоящего, современной мысли.

Если бегло посмотреть на историко-философские поиски философов XX века, мы видим яркие проекты. Это, например, экзистенциальная история философии К. Ясперса, в которой каждый из философов прошлого вписывается в картину бесконечного стремления к внеисторической истине, приоткрывает горизонт объемлющего и на своем личном философском пути, в своей экзистенции ведет постоянный диалог с другими проводниками истины, передает эстафету непрерываемой ни на мгновение мысли [4]. Или, к примеру, бытийная история философии М. Хайдеггера, который почти мистическим образом адресуется к античной, средневековой, нововременной мысли, отыскивая ее начало одновременно как начало нашей современной и своей собственной мысли. Диалог здесь – это и бытийный, онтологический диалог в истине, и онтический диалог, герменевтическое исследование ходов, структуры и основания мышления как такового. Обращение назад во времени в этой истории философии способствует ориентированию в пространстве мышления, его самосознанию [3]. Можно вспомнить и историю мысли позднего М. Фуко, который обращается к античным, средневековым, нововременным практикам речи, чтобы поднять проблему мужества истины одновременно как личную проблему отваги, свободы и как политическую проблему управляемости. Интересуясь обществом, режимами его сборки, самолегитимации, он занимается историей мысли,

историей философской мысли как практикой речи и высказывания истины, как практикой конституирования и развертывания субъективностей [2].

Чем отличаются эти и другие истории философии великих философов XX века от объективистских историй философии и в чем они похожи как полюса историко-философского исследования? В своем отличии эти две стратегии отсылают к природе истории философии как одновременно истории и философии.

Внеличностные, объективистские истории философии – это истории философии как истории. Они встраивают динамику историко-философской мысли в общую динамику «исторического процесса», поэтому такие истории философии непротиворечиво входят в корпус таких исторических дисциплин, как история филологии, культуры, психологии и проч. Они составляют основание исторически ориентированного диалога гуманитарных дисциплин, позволяют выделить дискуссионные поля. Личностно окрашенные истории философии – это истории философии как философии. Они отыскивают основания философского мышления и мышления в целом. Они позволяют не достроить, а, скорее, пересмотреть общие схемы исторического развития культуры и философии, ставят новые проблемы, радикально расширяют подходы, обращают нас к методологии гуманитарных наук. В этом смысле они способствуют консолидации не в плане обмена проблемами, а в плане связывания подходов и обращения к основаниям стиля проблематизации гуманитарных наук в целом.

Таким образом, личностная и внеличностная стратегия историко-философского диалога дополняют друг друга. Они по-разному связывают гуманитарные науки и организуют дискуссионные пространства, работают на разных уровнях самосознания гуманитарных наук. Однако в современной ситуации именно их взаимодополнение может способствовать укреплению позиции истории философии в структуре философских дисциплин и гуманитарных науках в целом.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17–18–01440 «Антропологическое измерение истории философии».*

**Литература и источники**

1. Рорти, Р. Историография философии: четыре жанра / Р. Рорти // Пер. И. Джохадзе. – М.: Канон+, Реабилитация, 2017. – 176 с.

2. Фуко, М. Мужество истины. Управление собой и другими II: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / М. Фуко // Пер. А. В. Дьякова. – СПб.: Наука, 2014. – 357 с.

3. Хайдеггер, М. Парменид / М. Хайдеггер // Пер. А. П. Шурбелева. – СПб.: Владимир Даль, 2012. – 382 с.

4. Ясперс, К. Всемирная история философии. Введение / К. Ясперс // Пер. К. В. Лощевского. – СПб.: Наука, 2000. – 272 с.

5. Gueroult, M. Dianoématique. Livre II. Philosophie de l'histoire de la philosophie / M. Gueroult. – Paris: Aubier, 1979. – 275 p.

## ОТ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА К ДИАЛЕКТИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ «ФИЛЬМУ» БЫТИЯ

*В. Э. Войцехович*

Ведущие мыслители и ученые объявили начало 21 в. переходным временем – периодом опасного кризиса цивилизации, культуры, науки. Разрушаются старые ценности, формируются новые идеалы. Умирает буржуазная цивилизация, рождается следующая, возможно, «Новое средневековье» как общество, ориентированное на духовные ценности (в противоположность потребительскому обществу, поклоняющемуся материальным, «телесным» ценностям).

Наука как часть культуры также находится в стадии «разброда и шатания». Ее называют и постнеклассической наукой (по В. С. Степину), и наукой о сложности и транснаукой (западные авторы).

Ядром рационализма является математика. Она также в кризисе. Признаки кризиса:

1. Доказательства важных теорем чрезвычайно сложны и распухли до тысяч страниц. Проверить их очень трудно. Известный математик М. Л. Громов пишет: «нетрудно показать, что существует много доказуемых теорем Т, у которых формулировка на стандартном математическом языке занимает одну-две страницы, но кратчайшие доказательства чудовищно длинны; таким образом, эти теоремы не могут быть доказаны человеком» [1, с. 130].

2. Научное сообщество раскололось: одни признают компьютерные доказательства, другие не признают, требуют человеческие критерии истины: понимание и ясность.

3. Не решена проблема оснований. Вероятно, проблема ставится неправильно.

4. Замедлились темпы развития. Если раньше математика опережала другие науки и поставляла структуры естествознанию, то сегодня положение изменилось. Например, найдены десятки уравнений, решения которых могли бы объяснить ряд физических проблем. Но решений их нет.

Таким образом, процесс развития математики, науки в целом и цивилизации столкнулся со «*стеной сложности*». Старые методы плохо работают либо не работают совсем. Однако количественный рост неувязок приводит к кризису, его разрешению и качественному скачку – рождению новых идей, методов, новому пониманию сущности математики и

мышления.

Математика давно стала языком науки. Это провозглашено еще основателем науки Нового времени – физиком, философом и пифагорейцем Г. Галилеем, заявившим о книге природы, написанной языком геометрии. Его знаменитые слова являются прямым выражением двух идей: 1) главного принципа Пифагора: «Все есть число и гармония» и 2) ведущего принципа платонизма, лежащего в основе христианской теологии: «Идеи творят вещи» (подразумевается – Идеи в уме Творца). Сам же Платон писал, что он только развивает мысли Пифагора и своего учителя Сократа. Продолжая мысль Галилея, к языкам реальности следует отнести не только математику, но и философию как учение о всеобщем, особенно теорию категорий, открытую Аристотелем.

*Сущностная связь математики и языка* установлена благодаря открытиям А. Туэ и Н. Хомского.

В начале XX в. норвежский математик Аксель Туэ (Axel Thue) доказал ряд теорем, относящихся к комбинаторике слов, на которые тогда мало кто обратил внимание. Однако результаты Туэ оказались «удивительно современны и позже стали играть важную роль в математике, логике и информатике» [5]. Добавим – и лингвистике.

В 1957 г. американец Ноам Хомский (Noam Chomsky) создал «универсальную грамматику» – формальные структуры любых языков [4]. Не только известных, но и неизвестных, возможных. Подход Хомского раскрыл глубинные структуры мышления и объяснил удивительную скорость, с которой дети осваивают языки, а кроме того и типы логических ошибок, совершаемых детьми. Метафорически выражаясь, по Хомскому

Язык = знаки + универсальная грамматика.

Позже было доказано, что порождающие грамматики Хомского являются частным случаем исчисления Туэ, т. е. класс всех возможных языков Хомского – подкласс «языков» Туэ.

Отсюда ясно, что в процессе эволюции человека скрытая «космическая» математика реализуется в глубинных структурах мышления и позволяет детям быстро осваивать обыденные языки. Или, иначе говоря, универсальные «числа Пифагора» являются базисом универсальной грамматики Хомского. Аналогично имеет смысл метафора

Язык = клипы + исчисление Туэ.

«Язык» понимается в космическом, вселенском смысле – как средство взаимопонимания между *любыми* разумными существами (как из нашей Метагалактики, так и из других). «Клипы», глифы – движущиеся мыслеформы, обобщающие неподвижные знаки.

Однако сущностная связь открытий Туэ и Хомского (как и многих других) осталась неосознанной научным сообществом. По нашему мнению, из-за потери целостности науки. Не только связь математики и лингвистики осталась неразвитой, но и сотни других междисциплинарных

связей (физики и психологии, биологии и теории познания и т. п.).

Эти кризисные явления – симптомы болезни не столько «усталой» западной цивилизации, сколько эволюции человека вообще. Современная «стена сложности» – симптом границы человеческого интеллекта. Только *принципиальное обобщение* мышления, или ментальная *революция спасет* и *интеллект*, и *человека*. Далее мы и предлагаем возможный выход.

Каковы фундаментальные причины современного кризиса сложности?

Главная причина – *неподвижность понятий, следование закону тождества* в математическом и научном мышлении.

Действительно, уже в VI в. до РХ Пифагор, Фалес и другие мыслители Древней Греции понимали числа и фигуры как неподвижные логосы (понятия), которые всегда и везде одни и те же. Отсюда 1-й и *главный* закон логики – закон тождества, введенный Аристотелем. На нем рациональное мышление базировалось более 2 тысяч лет.

«На свете счастья нет, а есть *покой* и воля», – писал А. С. Пушкин.

Почему же люди (в том числе философы и ученые) любят неподвижное, покой, постоянство? И избегают изменяемого, движущегося?

По-видимому, причина любви к покою кроется в установке подсознания, диктуемой геномом человека. Главная *цель генома – сохранение самого себя.* Отсюда стремление к поиску неподвижного – в духовном мире (Бог вечен, всегда один и тот же), в интеллектуальном (философы ищут Абсолют, а ученые – постоянные законы природы), в материальном (материальная субстанция вечна, всегда одна и та же).

Один из создателей синергетики И. Пригожин прямо заявил: наука движется от Парменида к Гераклиту, т. е. от оперирования неподвижными логосами (понятиями) к движущимся образам-понятиям [3], от картины мира к *фильму бытия*, от математики постоянства к математике движения, к рационализму на базе метафизики движения. Один из вариантов такой философии – диалектический идеализм Г. Гегеля.

Выражение «фильм бытия» означает, что в одну эпоху складывается одна картина мира (природы), в следующую – другая, в третью – третий «кадр» и т. д. Кадр за кадром возникает история познания как движущийся «фильм» бытия – всего, что существует в точки зрения мыслителей и социума. Понятие «мыслефильм» обобщает понятие «картины».

Отсюда выводы о *современном кадре фильма бытия*, или НКМ, которая возникла к 21 в. Этот кадр включает в себя образы *внешней и внутренней реальности.*

Во-первых, представление о природе (внешней реальности) на основе господствующих естественнонаучных теорий – 1) в физике – квантово-релятивистско-фрактальная эволюционная картина, сближающаяся с психологией, 2) в биологии – генетико-эволюционное

представление о жизни, т. е. «жизнь есть движение генов» (А. В. Марков).

Во-вторых, представление о человеке (внутренней реальности) как единстве природного и духовного – тела, психики и духа.

Эти 2 «среза» бытия 1) все дальше уходят от эмпирико-чувственного познания и все более приближаются к информационно-мыслительному, математическому, 2) неизбежно сливаются благодаря тому, что ученые осваивают парадигму Гераклита – познание с помощью оперирования движущимися понятиями-образами, или кратко клипами.

Современная тенденция изменения НКМ – соединение внешней и внутренней реальностей (субъекта и объекта), междисциплинарный синтез различных наук. Синтез знаний ведет в дальнейшем к сближению науки с философией, с искусством, с религией [2]. Резюмируя, можно утверждать, что познание приближается к *диалектико-математическому фильму бытия.*

**Литература и источники**

1. Громов, М. Кольцо тайн: вселенная, математика, мысль / М. Громов. – М.: МЦНМО, 2017. – 335 с.

2. Малинецкий, Г. Г. Будущее в зеркале науки / Г. Г. Малинецкий // Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 19–44.

3. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

4. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М.: МГУ, 1972. – 123 с.

5. O'Connor, J. J. Axel Thue / J. J. O'Connor, E. F. Robertson [Electronic resource]. – Mode of access: http://mathshistory.st-andrews.ac.uk/ Biographies/ Thue.html.

## ИСКУССТВО КАК СИММЕТРИЯ ВРЕМЕНИ

*И. Н. Вольнов*

Важность работы со временем и понимание его как ресурса развития обусловлено рядом процессов. Во-первых – это кризис пространственного развития и смена экстенсивного механизма роста цивилизации на интенсивный. Во-вторых – это навязанные либеральными элитами остальному миру сценарии развития типа цифровой трансформации и технологической сингулярности, где будущее как пространство свободного выбора человека схлопывается, а время, лишенное модуса «будущего», деградирует. В-третьих – это возможное наступление в середине этого века исторической сингулярности (А. Панов) с полной сменой законов планетарной эволюции. Человечество лишится онтологических оснований и всех форм времени, которые структурируют наше мышление, и мы окажемся во власти неупорядоченного,

хаотического времени.

Опишем основные формы времени с опорой на работу [1]. Древние греки различали две формы времени Хронос – время людей и Кайрос – время богов. Сегодня Хронос полностью приватизирован научным мировоззрением, а Кайрос выведен за скобки массового сознания. Вместе с этим наука, с появлением в ее структуре неравновесной термодинамики, стала различать в Хроносе составляющие механического и биологического времени. Таким образом, сегодня мы имеем три формы времени.

Механическое время – это «мертвое» время механического движения, измеряемое через повторяющиеся события. Оно линейно, однородно, однонаправлено, бесконечно. Это время «мирового аквариума» И. Ньютона и «релятивистских поездов» А. Энштейна.

Термодинамическое, биологическое время – время живого наблюдателя, которое фиксирует изменения в системе. Оно не измеримо, но наблюдаемо, однонаправлено, нелинейно, конечно, абсолютно, маркирует процессы самоорганизации и разрушения.

Кайрос – это онтологическое время. Оно неизмеримо, нелинейно, разрывно, дискретно, конечно, обратимо. Это время Писания, время мыслящей материи, духовного опыта и прозрений человека.

Тезис о том, что в Кайросе время обратимо поясним на примере выворачивания времени, приводимом о. П. Флоренским в работе Иконостас. В молитвенном или сновидческом состоянии наше сознание способно выворачивать время, меняя местами причину и следствие. Так при внимательном отношении к своим сновидениям, в которых пробуждение происходит от какой-либо внешней причины, например будильника, можно заметить, что сам звон будильника, будучи причиной пробуждения в физической реальности, в мире сновидения является следствием сюжета этого сновидения.

Добавим, что в каждой форме времени предполагается наблюдатель, который «со стороны» и рефлексивно наблюдает ее из иной, вышестоящей формы. Механическое время оценивается живым наблюдателем в биологическом времени. Биологическое время подразумевает онтологического наблюдателя, находящегося в Кайросе. Наконец, последнее, предполагает предельного наблюдателя, которого можно назвать «квантовым наблюдателем», Богом или Вселенной. Через наблюдателя формы времени собираются в слоистую модель.

Формы времени можно собрать также через тройной баланс, фигуру равнобедренного треугольника, в вершинах которого полагаются сами формы времени, попарно соединяемые его гранями. Обе модели конструктивны и структурируют наши представления о более сложных, составных формах времени, процессах работы с ними и областях знания, связанных со временем.

Так на грани треугольника между механическим и

термодинамическим временем, находится циклическое время и области знания типа синергетики и глобального эволюционизма. На грани между механическим временем и Кайросом, лежат мифология и области знания типа философии спонтанного и вероятностной теории смыслов В. В. Налимова. Между термодинамическим временем и Кайросом располагаются литургические практики и области знания типа Иеротопии.

Теперь если вспомнить, что человек создан «по образу и подобию», то в нем должны быть выражены все три формы времени. Действительно, между рождением и смертью есть интервал времени размеренного, однородного течения времени зрелого периода жизни, который все же, дробится спонтанными событиями кризисов, озарений, инсайтов и пр. Отсюда следует что смысл человеческой жизни как целого может быть выражен через симметрию баланса времени. Чем больше симметрия, тем больше гармонии и жизнь больше наполнена смыслом. Далее этот критерий может быть спроецирован из человека вовне на его области деятельности и знания. Эта проекция следует из известной установки постнеклассической науки о построении знания по принципу человекомерности.

Оценим различные области знания по критерию симметрии баланса времени. У большинства наук баланс вырожден и представлен только механическим временем. В этом причина кризиса научного познания в ситуации перехода от освоения пространства к освоению времени. Немного лучше ситуация там, где есть пересечение с неравновесной термодинамикой, и мы видим широкое распространение таких наук как синергетика и глобальный эволюционизм. Однако и здесь, баланс оказывается вырожденным до одной его грани, а интенция глобального эволюционизма быть единой научной картиной мира не оправдывается. Лучше ситуация с науками, которые по своему определению работают со временем. Так история, несмотря на то сильно тяготеет к механическому времени, в нем полностью не помещается. В ее основании лежит группа противоречий [2], которые удерживают ее баланс от полной редукции. Баланс времени истории не является вырожденным, но он также не является симметричным.

Вопрос: какие инструменты культуры способны работать с Кайросом и восстанавливать симметрию баланса времени? Ответ: важнейшим таким инструментом является искусство, а важнейшей фигурой – художник, который находится в позиции онтологического наблюдателя над слоями механического и термодинамического времени.

В области искусства можно найти много значимых образов с Кайросом и симметричным балансом времени, например, художественный стиль «кузнецовское письмо». А что происходит в смежных с искусством областях?

Один из аспектов глобального кризиса – отсутствие нового, как в

науке, так и в искусстве. Выход из этого тупика – междисциплинарный подход синергетики, обобщенный на науку и искусство и, представленный сегодня тремя направлениями. Первое – это научпоп, где искусство решает утилитарную задачу популяризации науки и ею полностью исчерпывается. Второе – это научное искусство, где наука и технология рассматриваются как новые медиа. Оборотной стороной этого направления является быстрое моральное устаревание такого искусства. В обоих случаях искусство лишается Кайроса и переподчиняется механическому времени в первом случае и термодинамическому времени во втором.

Третье направление – это объединение науки и искусства, но не них самих, а их способов мышления [3]. При этом проводится различение интеллекта и мышления как частей умственной деятельности в механическом времени, с одной стороны, и во времени Кайроса, с другой. Только это направление Science-Art позволяет удержать симметрию баланса времени.

Аналогичная оценка может быть сделана для процессов цифровой трансформации и работ по искусственному интеллекту, в которых опора идет на большие данные и отчуждаемую от своих носителей информацию. Ясно, что при отчуждении, информация переносится из времени своего носителя в механическое временя, а это процесс прямо противоположен, восстановлению симметрии временного баланса. Это полная редукции баланса к мертвому времени. Не сложно предсказать, что процесс этот обречен и, если сам человек его не остановит, это сделают стихиальные силы природы.

Итак, освоение ресурса времени цивилизацией, будет сопровождаться восстановлением симметрии баланса времени во всех видах деятельностей. Важнейшей сферой культуры в этом смысле является искусство и фигура художника, как носителя Кайроса, а те области, где наблюдается обратный процесс, следует признать ошибочными.

*Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20–511–00003.*

**Литература и источники**

1. Никитин, В. Инженерная онтология. Инженерия как странствие. Учебное пособие / В. Никитин, С. Переслегин, А. Парибок. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2013. – 230 с.

2. Вольнов, И. Н. Искусство, порождающее время / И. Н. Вольнов // Восьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы. – СПб.: ГУАП, 2020. – 426 с.

3. Вольнов, И. Н. Science-art: единство науки и искусства / И. Н. Вольнов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2017. – Т. 21, № 4. – С. 557–564.

# ФИЛОСОФИЯ В ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОМ МИРЕ: ИНФЛЯЦИЯ ИЛИ ДЕФЛЯЦИЯ ИСТИНЫ?

*С. В. Воробьева*

Перспективы философии в информационно-цифровом мире предопределены, с моей точки зрения, двумя обстоятельствами. Философия должна, во-первых, стать критическим мышлением в постоянно изменяющихся условиях, во-вторых, переосмыслить преемственность идей классической философии, логики и методологии науки. Постмодернизм, добиваясь свободы в формах мышления, попал в зависимость от собственных не всегда логически и морально последовательных рассуждений, которые, по существу, лишь повторяют то, что давно выявлено, определено и множественно подтверждено в качестве постулатов. Это приводит к смешению инфляции и дефляции истины.

Отношение философии к миру трансформируется вследствие видоизменения его картины, которая стала информационно-цифровой. Ее основные свойства – неопределенность и нечеткость – усугубляют рискованность принимаемых решений относительно мира и плохую прогнозируемость его будущих состояний. Осознав это, философия стала в постмодернистском духе пересказывать собственные переживания по поводу неотвратимости «цифрового бытия», мало что обосновывая, скорее, констатируя и умножая когнитивные образы истины. Результатом множественности философий и «цифровых» форм ее существования стала реальностью, с одной стороны, инфляция истины, с другой, – ее дефляция.

В информационно-цифровом мире философия, согласно первому обстоятельству, должна стать открытым разумом и развернуться в сторону прагматической формализации сложных систем, возникающих на пересечении дискурсивных практик между собой и с жизненными реалиями. Но открытость разума в качестве допущения предполагает невозможность решения какой-либо проблемы в одномерных классических рамках, регулируемых базовыми формально-логическими законами. Поэтому первый вопрос открытого разума, какие законы блокируются, какие локализуются. Неразрешимость, или инфляция истины, – старт для трансдисциплинарности, которая не может не опираться на дисциплинарную или междисциплинарную организацию знания, в пределах которых возникают проблемы. Открытость и сопряженность с «различными способами получения знания и стилями мышления» [1, с. 11] – условие изучения многомерных объектов. В таком аспекте критическое мышление становится сложно-системным, опирающимся, допустим, на контрадикторную логику, локализующую противоречие, или на конструктивистскую логику, блокирующую

действие законов исключенного третьего и двойного отрицания, не допуская в качестве когнитивной схемы рассуждение «от противного» [2, с. 61].

Из второго обстоятельства – философия должна пересмотреть свое отношение к классической философии, логике и методологии науки – выводима постнеклассическая идея обоснования. Согласно Х. Альберту, задача философского мышления «состоит в установлении критическим и конструктивным образом связи между различными областями человеческой культуры, которые выделяются в историческом развитии и формируются более или менее изолированными друг от друга, притязающими на автономию и разграничение сферами». К ним относятся наука, право, мораль, искусство, религия, литература, техника, экономика и политика [3, с. 203]. Это значит, что философия не должна «ограничиваться описательным осмыслением» производимых в различных областях достижений культуры и «установлением их значимости». Ее задача – разрешить «проблему перехода тем» и оценив их претензии на значимость, увязать их в рациональную связь, сделав их «плодотворными друг для друга» [3, с. 203–204]. Поиск путей посредством такого абсолютного обоснования, приводящего «к единому миросозерцанию», Х. Альберт иллюстрирует апелляцией к философским построениям И. Канта и Ф. Ницше. И. Кант в своем учении о двух мирах обосновал «функцию связующего звена между физикой, моралью и религией». Ф. Ницше, опираясь на психологические установки и исторические знания, выстроил стратегию для критики западноевропейской морали и религии [3, с. 204].

Философия как критическое мышление и трансдисциплинарная методология, преодолевая жанр описательства, должна принимать форму анализа, понимания, оценки или модификации. Структурным основанием анализа служит триада «проблема – способ ее решения – обоснование этого решения». «Проблема обоснования высказываний и систем высказываний» является центральной проблемой философского и научного мышления [3, с. 233]. Но что подразумевают усилия по обоснованию, особенно в релятивных условиях, когда любые способы решения проблем – методологические, научно-теоретические и иные – несовершенны? Такие усилия предопределены связями философской аналитики с пониманием и оценкой, с преодолением ошибок герменевтики, подменившей мышление языком.

Первоосновы философской аналитики проистекают из дифференциации трех логических теорий – порядка, типов и контекста, восходящих, соответственно, к концептуальным идеям Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна. Согласно этим теориям становится возможной дифференциация допущений – ценностных и дескриптивных предпосылок тройственности понимания. Такая тройственность подразумевает, во-

первых, наличие предпосылок тождества или сходства между элементами одного класса, определяющего последующие процедуры сортировки элементов в аналитическом процессе. Во-вторых, – выявление артефактов (типов) со своей динамикой развития и агрегатными (собирательными) значениями. В-третьих, – установление контекста как места или среды акцидентных (случайных или второстепенных) и эссенциальных (существенных) признаков. Тройственность понимания означает, что разнообразие локальных и изменчивых систем и подсистем составляют условия обнаружения и обоснования типов (артефактов) и установления классифицирующих порядков. Единство и множественность, бинарные и не бинарные отношения и подходы раскрываются в аналоговом или символическом контекстах, которые предопределяют первоэлементы референции и концептуализации.

Понимание всегда исходит из системы допущений, которая, с одной стороны, устанавливает границы, определяющие масштабы значения и смысла, с другой, – определяет естественные зоны умолчания, или недосказанности. Согласно идеям А. Эйнштейна и Р. Бэндлера, размеры объекта зависят не от него самого, а от установок измеряющего его человека. Этим определяется фундаментальность в философии вопроса терминологии и преемственной связности идей. В частности, выходя за терминологические границы, заключение по проблеме перестает быть ее решением, а резоны теряют свою силу. Поэтому методологически важно феномен понимания рассматривать как элемент истории, что означает привязку к различным длительностям, позволяющую установить меру конкретизации философского знания. Например, история обоснования идеи или концепта свободы, история модификации его содержания подразумевает обоснование эволюционных изменений на большой длительности или революционных изменений на относительно небольшой.

Философия как оценка проявляет себя в системе допущений, уточняя границы своих возможностей: различает то, что знает, и то, чего не знает; то, что аргументировано, и то, что осталось необоснованным; то, что можно исправить, и то, в отношении чего мышление остается некомпетентным. Философия как модификация подразумевает проверку системы допущений, в пределах которой сформирован образ истины. Такая верификация строится на принципах когерентной логики, которые обеспечивают соответствие изучаемого объекта ценностным и дескриптивным предпосылкам и исключают противоречивость в формально-классическом смысле [2, с. 10], сдерживая некритическое умножение когнитивных образов истины.

Таким образом, главным препятствием и главным стимулом развития философии в информационно-цифровом мире являются тенденции инфляции и дефляции истины. Инфляция сопряжена с пренебрежением классической концепцией истины, дефляция – со

свободой интеллектуального самовыражения вне критических начал ментальной активности, вне историко-философской традиции, вне принадлежности к наднациональной или национальной философской школе.

**Литература и источники**

1. Шольц, Р. В. Дорожная карта трансдисциплинарности / Р. В. Шольц, Л. Киященко, В. Бажанов // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы; под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. – С. 11–30.

2. Воробьева, С. В. Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие / С. В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2018. – 231 с.

3. Альберт, Х. Трактат о критическом разуме / Х. Альберт // Пер с нем., вступ. ст. и примеч. И. З. Шишкова. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 264 с.

## ПРОБЛЕМА ПОЛЬЗЫ В ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ И ТВОРЧЕСТВА П. К. ЭНГЕЛЬМЕЙЕРА

*И. А. Гапаров*

В условиях современного технического прогресса вопрос о роли пользы приобретает первостепенное значение, потому что позволяет прояснить многие вопросы и проблемы, связанные с неоднозначной оценкой процессов, вещей и явлений по отношению к интересам действующего субъекта. В строгом смысле, польза, выступая в качестве характеристики средств, нужных для достижения определенных целей, отражает тенденции человеческого развития и позволяет учесть те недостающие звенья, найти которые – значит совершить очередной прорыв в систематизации и структуризации параметров действительности.

Поскольку принято, что человек преследует интересы в форме целей, то полезным становится только то, что благоприятствует их достижению, в т. ч. то, с помощью чего они достигаются. Напротив, то, что препятствует, оказывается несовершенным и требующим дополнительных исследований для выявления упущенных характеристик и свойств этого сущего. По этой причине, под пользой необходимо понимать то «свойство предмета, благодаря которому, он может приносить добро, счастье, выгоду и предупреждать зло, страдание, вред для той стороны, об интересе которой идет речь» [1, с. 10]; под принципом полезности – то, что «одобряет или неодобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело» [1, с. 10].

Эти простые максимы в проутилитаристском учении И. Бентама нашли применение в направлениях, посвященных исследованию

оснований творчества и техники. Для одного из основателей философии техники, П. К. Энгельмейера, польза выступила понятием, должным обосновать значимость творческого акта. П. К. Энгельмейер ставит следующий вопрос: почему человек творит? Ответом выступают рассуждения о процессах, касающихся видоизменений окружающей среды и связанных с тем, что только у человека «есть способность направлять события» [2, с. 33], благодаря которой он может в своем воображении заблаговременно опережать, реконструировать и правильно предсказывать их. Ограниченность человека сущностью наделяет его специфическим аппаратом, позволяющим сочетать впечатления, постоянно получаемые извне в стройные ряды представлений. На этом основании у него формируется сфера возможного опыта, позволяющая в дальнейшем, при столкновении с незнакомыми явлениями или событиями, подводить их под известные. Так пересборка опыта становится конститутивным механизмом для возникновения памяти и условием возможности творческого акта.

Для уточнения условий возможности творческого акта, П. К. Энгельмейер прибегает к анализу разновидностей деятельности, лежащих в основании пересборки – субъективирующей и объективирующей [5]. Если первая связана с приспособлением человеческого «я» к внешним условиям, т. е. с познанием, то вторая направлена на изменение окружающего мира под нужды (потребностей). Поэтому то, что свойственно науке, ни в коем образе не тождественно технике. Проблема возникает с момента соединения двух составляющих – рецептивных и проективных навыков. Если переход от одного к другому осуществляется нететически (интуитивно), то в основании интуиции должно лежать исходное основание, делающее возможным, в принципе, взаимосвязь между пониманием, усвоением, объяснением и осуществлением намерения, в противном случае, идея и ее прототип не будут соответствовать друг другу. П. К. Энгельмейер считает, что найти данное основание можно тетически, с помощью рефлексии.

Исследование условий возможности творчества подходит к анализу рефлексии, роль и назначение которой раскрывается в трехакте. Под трехактом понимается «совокупная функция трех деятелей: желания, знания и умения. Функцию желания (интуиции) мы называем первым актом, функцию знания (рассуждения) вторым актом, функцию умения (рутины) третьим актом» [6, с. 116]. Каждое из них существует в разных модальностях, но преследуют они одну цель, под которой подразумевается борьба за жизнь с силами природы. Если ее успех зависит от приспособленности плана к замыслу и окружающему, то соответствие связано с воздействием, оказываемым человеком на мир. Чтобы определить это влияние, достаточно обратиться к жизни человека и общества после внедрения изобретения. Реакцией окажется удовлетворенность или неудовлетворенность новшеством. Энгельмейер

считает такую установку превратной. Исходный замысел никогда не будет соответствовать реальному изобретению, т. к. люди способны получать разные ощущения от одного и того же устройства.

Чтобы отсутствовало недопонимание, новое нужно постоянно дополнять, приспосабливать к реалиям, подвергать его проверке со стороны пользы. В противном случае изобретение не найдет применения и будет забыто. Ситуация, подобная этой, разворачивается в романе С. Лема «Эдем» [3], где попытка осуществить биотехническую эволюцию проваливается, т. к. появляются особи недееспособные и слабоумные. В отличие от «двутелов», человек действует иначе. Не останавливаясь на достигнутом аспекте, он ищет средства, чтобы усовершенствовать изобретенное, т. е. приспособить его к реалиям. В этом плане фантастические летающие корабли окажутся плодами воображения, т. к. человек по своему способу существования – конечное существо, неспособное совладать с высокими мощностями. Интерес действует в угоду пользе, а не познанию. Новшество, представляя воплощение возвышенного, не находит перед собой поклонников. Оно вызывает страх за жизнь и обратную негативную реакцию, потому что по верному замечанию А. Ю. Нестерова «определяется через отрицание или через сдвиг границы познаваемого, мыслимого, возможного» [4, с. 44]. То, что трансформирует опыт, тесно связано с неопределенностью, несущей риски угрозы культурной безопасности. По этой причине новое должно доказать опытным путем, что оно на самом деле целесообразно, т. е. приводит к конкретным результатам, изменяющим жизнь человека во благо ему самому, и своевременно, т. е. соответствует духу времени.

Выдержав испытания фальсификацией и верификацией, новое становится старым, той частью действительности, в которой пребывает человек. Однако, воплощенный в изобретении, аспект творчества не перестает быть полезным, так как он встраивается в систему вещей, роль и назначение которых теперь определяется новым качеством – средства. А полезность представляет способ взаимодействия нового и старого, рутины и творчества, в результате которого изобретение находит свое место, назначение и применение.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00462 А.*

**Литература и источники**

1. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: РОССПЭН, 1998. – 416 с.

2. Горохов, В. Г. Петр Климентьевич Энгельмейер. Инженер-механик и философ техники. 1855–1941 / В. Г. Горохов. – М.: Наука, 1997. – 223 с.

3. Лем, С. Эдем / С. Лем. – М.: АСТ, 2010. – 317 с.

4. Нестеров, А. Ю. Категории «значение» и «изобретение» в контексте семиотики техники / А. Ю. Нестеров, А. И. Демина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 42–50.

5. Энгельмейер, П. К. Творческая личность и среда в области технических изобретений / П. К. Энгельмейер // Философские вопросы науки и техники. Часть 3. Философские вопросы техники / Е. Ю. Матвеева, Е. В. Решетникова. – Новосибирск, 2013. – С. 316–323.

6. Энгельмейер, П. К. Теория творчества / П. К. Энгельмейер. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 208 с.

## «НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ» ПОСТСОЦИАЛИЗМА ИЛИ ПОИСКИ НОВЫХ ПАРАДИГМ РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*А. А. Гезалов, А. А. Дадашев*

После распада бывшей страны Советов усилился интенсивный процесс переоценки ценностей, более глубокого анализа сущности господствующей идеологии и, конечно, пересмотра отношения к ней и, особенно к ее философии. В философских исследованиях, равно как и в других областях культуры, идут безуспешные поиски новой концепции приемлемого мировоззрения, духовно-нравственного и социального смысла происходящих реформ в контексте глобальных перемен, происходящих в мире.

В современных условиях, сложного переплетения национального и интернационального, глобалистических и анти-глобалистических тенденций в мировом социокультурном развитии, трансформации содержания представлений о мультикультурализме, время, когда республики бывшего СССР наряду с политической независимостью обрели и духовную независимость, а названные «истории» являются наиболее действенными факторами формирования национального самосознания, определение новой методологии становится наиболее актуальной проблемой научного и идеологического развития.

Анализ философских концепций постсоветского периода позволяет нам выделить два основных течения, предлагаемые теоретиками: радикально-либеральное и постмодернистское.

Радикально-либеральная философская теория (и на ее основе соответствующая) политика форсированного перехода к рыночной экономике потерпело фиаско. Все более осознается необходимость изменения приоритетов в проведении реформ, правомерность отказа от политики «олигархического капитализма», поворота к социально ориентированной политике. Зреет потребность в выработке консолидирующих идей на основе национальных интересов, коренных

российских традиций, идеалов и ценностей

С конца XX в. постмодернистские идеи также обрели общекультурное звучание, как у многих западных аналитиков, так и у российских. Выступив против любых форм монизма, тоталитарности, жесткого детерминизма, абсолютизации научного типа рациональности, сторонники постмодернизма провозгласили, что во всякой творческой деятельности необходимо исходить из многообразия (плюрализма) проектов жизни, философских учений и научных концепций, между которыми существуют отношения не только взаимодействия и диалога, но и принцип дополнительности.

Эти методологические подходы оказывают определенное влияние и на современные процессы в России, связанные с поисками теоретико-философского обоснования производимых в постсоветском пространстве половинчатых и непоследовательных реформ.

Как показывает опыт, что в поисках решения той или иной фундаментальной проблемы необходимо изучать не только разработки отечественных ученых, но и теоретические изыскания западных философов и теоретиков.

Проблема социально-классового противостояния, провозглашенная марксистской идеологией, или, наоборот, единения работодателей и трудящихся, успешно преодолимое в прошлом веке является актуальной и злободневной, и в наши дни.

После распада СССР, в России начался переход к рыночной экономике, базирующейся на частной собственности и предпринимательстве. И российским философам, и теоретикам предстоит, используя мировой опыт, изыскивать свои особые формы и приемы согласования интересов собственников и трудящихся.

Необходимо помнить также, что в обществе, как известно, существуют не только сфера экономики и производства, в которой выделаются группы людей, – предприниматели и трудящиеся – интересы которых могут и должны быть согласованы, усреднены в «среднем классе», в общих делах и заботах. В обществе живут и действуют другие социальные и демографические группы людей, представляющие разные сферы жизни. Это – различные национальные группы, люди, принадлежащие к различным религиозным конфессиям, молодежь, женщины, пенсионеры и другие.

Анализ предложенных теорий и концепций отечественных и зарубежных теоретиков постсоветского периода позволяет нам выделить два основных направления в развитии стран постсоветского периода: «китайский» и «западный».

Первое направление: видимо, не совсем нам подходит, т. к. основными атрибутами реформирования Китая являются: «ментальность» самого китайского народа вместе с главенствующей ролью

Компартии.

Второе направление; скажем, западное (в основном американское) – основанное на двух принципах: либерально-политическая теория корректирование экономических и политических интересов разных социальных слоев и теория пропорционального социального представительства во власти, с постоянным реформированием направления развития исходя из потребностей времени.

## ПРИНЦИП ЭФФЕКТИВНОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

*М. Г. Годарев-Лозовский*

Предварительно обозначим некоторые развиваемые автором идеи в основании науки, касающиеся актуальной и потенциальной бесконечности и ее референтов.

Нами была предложена аксиома Лозовского, названная в честь деда автора тезисов – Лозовского Максима Семеновича, который будучи инвалидом ушел в ополчение на фронт и пропал без вести в 1942 году.

Актуальной количественной бесконечности не существует без качественной и, соответственно, невозможна истинная количественная бесконечность качественно однородных периодов дроби – что не относится к дроби не периодической. В случае актуальной бесконечности множества знаков всякой периодической дроби между числами 0 (9) и 1 (0) на числовой прямой не существовало бы других действительных чисел и, в частности, среднего арифметического этих чисел. В случае потенциальной бесконечности множества знаков дроби 3,141… – это число не было бы представлено единственной точкой на числовой прямой, а также в этом случае было бы допустимым решить задачу квадратуры круга.

Аксиома Лозовского: потенциально бесконечное множество знаков периодической дроби имеет мощность конечного множества, а актуально бесконечное множество знаков непериодической дроби имеет мощность счетного множества [1, с. 213–218]. Отметим, что референтами счетного актуально и потенциально бесконечных множеств является время.

Концепция метатеоретической стрелы времени заключается в следующем:

1. Прошлое направлено от актуально бесконечного прошлого к настоящему (история как процесс).

2. Память направлена от настоящего в прошлое.

3. Познание направлено от настоящего в потенциально бесконечное будущее (время жизни протона в свободном состоянии, как потенциально бесконечный процесс и модель познания).

4. Информация о будущем направлена из потенциально бесконечного будущего к настоящему (волновая функция, как

потенциальная реальность в конфигурационном пространстве возможных состояний) [2, с. 23–46].

5. Пространство ортогонально времени и пересекает стрелу времени в точке 0.

6. Движение ортогонально времени и пересекает стрелу времени в точке (-1) (атемпоральность и бестраекторность мнимого движения квантовых частиц) [2, с. 229–244].

7. Нигде не плотное множество электромагнитных взаимодействий во Вселенной соответствует всюду плотному множеству моментов времени на стреле времени.

8. Несчетное множество гравитационных взаимодействий соответствует физическим взаимодействиям локальных материальных объектов с континуальной и нелокальной материальной средой.

9. Время имеет динамическое и статическое измерения. Концепцию двумерности времени ряд лет успешно развивает известный белорусский философ А. Н. Спасков [3].

Основания принципа эффективного научного познания следующие.

Тезис № 1: бесконечность научной информации эквивалентна ее отсутствию.

Известно, что как количество информации в Метагалактике, так и множество частиц в ней конечны. Общепризнано то, что информация – это разнообразие, которое допустимо сообщить с помощью физического сигнала. «Основополагающий принцип квантовой механики постулирует, что элементарная физическая система несет один бит информации. По мнению ученых, по своей физической сущности, информация – неоднородности распределения материи и энергии. Поэтому информация неразрывно связана с материей и энергией. Физическая неоднородность – это информация, информация – это физическая неоднородность. Под информацией мы будем понимать устойчивые определенное время неоднородности произвольной физической природы» [4]. Предлагается также полагать разумным следующий принцип, обосновываемый И. М. Гуревичем: *Метагалактика, объем информации в которой конечен, эффективно познаваема* [4]. Также известно, что волновая функция, как полная информация о будущем квантовой системы по определению конечна и описывает она конечное множество частиц и их состояний. При этом Вселенная как Универсум или как наиболее общая система в природе – определенно бесконечна в пространстве и времени.

Тезис № 2: научное знание в любой момент времени конечно.

Например, конечное множество известных науке знаков числа 3,141…, в 2020 году было примерно равно 3,1 триллиона знаков.

Тезис № 3: областью становления потенциальной бесконечности является актуальная бесконечность.

Например, потенциально бесконечный процесс познания числа 3,

141… общепризнан, а актуальное множество знаков этого числа является математическим фактом (аксиома Лозовского). При этом, как мы полагаем, наука может утверждать, что она знает значение каждого члена (0,1,2,3,4,5,6,7,8,9) из всего актуально бесконечного множества знаков числа 3, 141… с 10% вероятностью. Однако, если допустить, что математика вдруг откажется от актуальной бесконечности, то она вынуждена будет оказаться и от числовой прямой, и от счетных и несчетных множеств, и от кардинальных чисел… Очевидно, что в этом гипотетическом случае математика лишится собственных оснований [5, с. 73–94]. Не случайно Д. Гильберт был убежден: никто не изгонит математиков из рая, который создал Г. Кантор.

Тезис № 4: информация – есть знание, которое возможно запечатлеть на материальном носителе.

Например, на материальном носителе можно запечатлеть как информацию огромную, но конечную последовательность знаков числа 3,14…; потенциально бесконечное множество натуральных индуктивных чисел n+1; конечное множество любых математических символов, в т. ч. знак «бесконечность» и даже символ континуальной числовой прямой. Но, на носителе невозможно запечатлеть, например, последовательно перечисляя цифра за цифрой даже счетное множество натуральных чисел {N}. В связи с вышеизложенным мы рискнем сделать следующее не научное, но философские допущение. Актуально бесконечное множество знаков числа 3,141… существует в сознании математика как конечное знание о бесконечном, а в Абсолютном Сознании – как «бесконечное знание о бесконечном». Сам же термин «сознание» допустимо трактовать как совместное относительное и безотносительное осмысленное знание.

Принцип эффективного научного познания:

1. Существует физическая реальность, как «конечное знание о конечном» – она эффективно познаваема (первый род знания). Основание: принцип И. М. Гуревича о эффективной познаваемости конечной Метагалактики.

2. Существует математическая реальность, как «конечное знание о бесконечном» – она эффективно познаваема (второй род знания). Основание: математическая аксиома бесконечности.

3. *Существует сознание, которое эффективно познает объективную реальность, если включает в себя оба рода знания.* Основание: теорема Тарского о невыразимости предиката истинности в какой-либо одной формализованной системе.

Почему существует «непостижимая эффективность математики в естественных науках», спрашивает Ч. С. Пирс и сам себе отвечает: «...по-видимому, здесь есть какая-то тайна, которую нам еще предстоит раскрыть».

**Литература и источники**

1. Годарев-Лозовский, М. Г. Метатеоретическая аксиома о различной мощности множества знаков периодической и непериодической дробей, ее основные следствия / М. Г. Годарев-Лозовский // Основания фундаментальной физики и математики: материалы IV Российской конференции (ОФФМ-2020) / Под ред. Ю. С. Владимирова, В. А. Панчелюги. – М.: РУДН, 2020. – С. 213–218.

2. Феномен времени сквозь призму современной науки / А. Ю. Севальников [и др.] // РАН. Институт философии. – М.: URSS, 2020. – 244 с.

3. Спасков, А. Н. Размерность времени. Философский анализ проблемы / А. Н. Спасков. – LAP LAMBERT. 2011. – 172 с.

4. Гуревич, И. М. Физические законы и свойства природы как слествие законов информатики / И. М. Гуревич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lnfm1.sai.msu.ru/ SETI/ koi/ articles/ gurevich_2011–05–27.pdf.

5. Годарев-Лозовский, М. Г. Возможная в будущем парадигма в основании точных наук / М. Г. Годарев-Лозовский // Credo New. – 2021. – № 1 (105). – С. 73–94.

## ЗАВИСИМОСТЬ КАК ФОРМАЛЬНОЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

*Н. В. Головко*

Онтологическая система Эдварда Джонатана Лоу (1950–2014) примечательна по ряду причин, в частности, хорошо известна своей трактовкой диспозиционных предикатов, эссенциальной зависимости и устанавливающих истину для контингентных утверждений [1]. При этом, одним из значимых моментов для самого Дж. Лоу является то, что его концепция должна быть применима непосредственно к метафизике науки, т. е. по сути его система должна выполнять роль метафизического основания при ответе на вопрос: «в каком смысле мы говорим, что электрон существует?». Для тех, кто придерживается строгих материалистических позиций, ответ на этот вопрос очевиден и не выходит за рамки классической работы В. И. Ленина [2; 3]. Однако, в другой философской перспективе, например, в рамках дискуссии о соотношении универсалий и партикулярий, или о категориальной или диспозиционной трактовке характеристик, вопрос о существовании электрона и в целом, вопрос о возможности использовать философскую онтологию в качестве метафизического основания для научной, может решаться не так «просто». Очевидно, в каком-то смысле, мы должны придерживаться представления о каком-то «сходстве» и «подобии» философской и научной онтологии. Тем интереснее философские онтологии, которые не только предлагают что-то новое в философии, но и могут что-то адекватно интерпретировать в содержании научного знания. Хорошим примером здесь, по-видимому,

можно считать онтический структурный реализм С. Френча и Дж. Лэдимена, который целиком отталкивается от представлений об элементарном объекте (вернее, о его отсутствии в классическом понимании) в рамках квантовой механики [4]. Чем в этом смысле может быть интересна онтология Дж. Лоу?

На определенном этапе мы понимаем, что онтический структурный научный реализм, например, в том виде, как он представлен у Дж. Лэдимена, на самом деле, является реализмом не относительно индивидуальных объектов (или в семантической парадигме – относительно референтов хороших теоретических терминов хороших теорий), а относительно характеристик и отношений. Что, в общем-то отвечает каноническому же представлению о том, о чем собственно физика как наука. В первую очередь, она о проявляющихся характеристиках и регистрируемых отношениях, которые мы фиксируем, экстраполируем и пытаемся объяснить. На наш взгляд, онтология Дж. Лоу может внести существенный вклад в понимание именно «отношения» в онтологии науки. В определенном смысле, метафизика характеристик переживает в настоящий момент если не бум, то период расцвета, – в первую очередь, конечно, речь идет о современной дискуссии о категориальной–диспозиционной трактовке предикатов [5]. Метафизика отношений развивается не менее успешно [6]. Идея Дж. Лоу состоит в том, что отношения не являются базовыми онтологическим категориями. Они, например, отношение зависимости или отношение истинности, есть «формальные онтологические отношения»: «Мы не можем принять без дополнительных соображений, что предикаты "истинно" и "ложно" выражают подлинные (genuine) характеристики объектов, к которым они применяются… Формальные онтологические характеристики и отношения не являются элементами сущего, не включаются в перечень "того что есть", скорее они вносят вклад, помогая устанавливать какова реальность» [7, с. 201–202]. Вопрос о том, являются ли отношения онтологически базовыми не является тривиальным (вспомним реляционную концепцию физического пространства), и в этом смысле, появление оригинальной метафизической концепции в которой отношения есть «формальные отношения», по крайней мере, интересно.

На первый взгляд пример, который приводит Дж. Лоу, может показаться далеким от проблем научной онтологии. Следует ли понимать истинность утверждения как то, что это утверждение было, в каком-то смысле, сделано истинным? «Есть очевидная разница между истинностью и ложностью пропозиции, которую мы должны объяснить. При этом, ниоткуда не следует, что эта разница – это разница между обладанием характеристикой "быть истинным" или "быть ложным"… Я не предполагаю, что истинная пропозиция, это та которая выражает универсалию "истина" или та, которая обладает тропом "истина". Если бы

истинная пропозиция выражала бы истинность или обладала бы тропом, тогда было бы не ясно, в каком смысле мы предполагаем, что она может быть сделана истинной» [7, с. 202]. По Дж. Лоу, истинность является формальным онтологическим предикатом, который выражает формальную онтологическую характеристику или отношение, которое не является фундаментальным элементом реальности. Что это дает дискуссии о научном реализме? В свое время М. Девитт предположил, что научный реализм не зависит от того, как мы определяем понятие «истина» [8]. На наш взгляд, подход Дж. Лоу является продолжением и хорошим дополнением концепции М. Девитта. Научный реализм не только независим от определений таких, казалось бы, определяющих понятий как «истинность», «существование» и «метафизическая зависимость», но и интерпретирует их сугубо формально. И именно в этом смысле, мы можем сказать, что возможности подменить онтологический дискурс другим (например, когда в рамках семантической парадигмы мы определяем существование через истинность теории) становится меньше. А значит, у нас появится больше возможностей более четко провести границу между предикатами, которые являются «действительно реальными» и теми, чей онтологический статус ниже.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики».*

**Литература и источники**

1. Lowe, E. J. The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science / E. J. Lowe. – Oxford University Press, 2006.

2. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений в 55 томах. – Т. 18. – М.: Изд. Полит. лит., 1968. – С. 7–384.

3. Материалистическая диалектика в 5 томах // Ред. Ф. В. Константинов, В. Г. Марахов. – Т. 1.: Объективная диалектика. – М.: Мысль, 1981.

4. French, S. The Dissolution of Objects: Between Platonism and Phenomenalism / S. French, J. Ladyman // Synthese. – 2003. – Vol. 136. – P. 73–77.

5. Damschen, G. Debating Dispositions / G. Damschen., R. Schnepf, K. Stüber (eds.). – De Gruyter, 2009.

6. Marmodoro, A. The Metaphysics of Relations / A. Marmodoro, D. Yates (eds.). – Oxford University Press, 2016.

7. Lowe, E. J. An Essentialist Approach to Truth-Making / E. J. Lowe // Truth and Truth-Making / E. J. Lowe, A. Rami (eds.). – Acumen Publishing, 2009. – P. 201–216.

8. Devitt, M. Realism and Truth / M. Devitt. – Princeton University Press, 1997.

# КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ВИРТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

*О. Ю. Голуб*

На фоне пандемии COVID-19 происходят существенные трансформации основ организации современного общества. Стремительное развитие информационных технологий способствует перемещению многих видов деятельности на интернет-платформы, это сопровождается образованием новых социальных структур, общностей, видов социальных взаимодействий, появлением новых типов культур. Сетевое общество, о котором писал М. Кастельс, означает расширение сетевых коммуникаций, плюрализм, гетерархичность, открытость, постоянное изменение социокультурного пространства, наличие виртуальной жизни. М. Кастельс подчеркивал, что характер информационной эпохи «обусловлен сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...» [1, с. 505]. Существование в виртуальном мире представляет собой репрезентацию новой виртуальной культуры.

По мере расширения спектра виртуальных практик осуществляется не только и не столько модернизация этических основ и ценностей социума, сколько формирование культуры специфической, смоделированной по принципу «гипертекста», расширяющей возможности формирования множественной идентичности и открывающей пространства множественной реальности [2, с. 54]. Виртуальная культура как производное целостного социального феномена, обладает своей спецификой, связанной с увеличением массовости, творческого пространства, развитием новых способов художественной деятельности, индивидуализацией, антииерархичностью, сюрреалистичностью, доминированием импровизационного начала над организованным, поликонтекстностью, анонимностью.

Наиболее заметные тренды развития виртуальной культуры, в первую очередь, связаны с процессами ее стандартизации, всеобщей унифицированности, усредненности, обезличивания, и в конечном итоге, потере многообразия. Превращение видео- и компьютерного клипа в базовую модель формирования культурных практик восприятия, оценивания и действия обусловливает формирование клиповой эстетики и клипового сознания. Многообразие форм и стремительный рост сферы развлечений и рекреационных услуг приводят к гиперразвитию культуры досуга, расширению виртуальных форм игровой реальности. По мнению О. И. Горяиновой, гедонизм становится неким идеологическим кодом современной культуры, воздействующим на сознание каждого

конкретного индивида и все общество в целом, расширяющим поле игровых практик, порождающим необходимость получении удовольствия, провоцируя постоянную погоню за наслаждением, превращая ее в самоцель каждого [3, с. 37]. С. А. Храпов и Д. А. Бибарсов обращают внимание на то, что игровое восприятие и игровое поведение формируют содержание бытия «человека играющего» в экзистенциальном, виртуальном и социальном типах реальности; перенос на окружающую реальность игровых механик (геймплея) составляет специфику человека играющего [4, с. 119].

Стремительными темпами развивающаяся виртуальная среда имеет не только социально-позитивный, но и деструктивно-провокационный контент, что содержит угрозу для формирования ценностно-смысловой сферы и социализации личности [5, с. 29]. Глобальное включение в виртуальные связи, интериоризация принятых в виртуальном пространстве социальных норм, стереотипов мышления, установок, представлений, безграничные возможности самоидентификации и самоконструирования, усвоение распространенных в Сети паттернов поведения, обусловливает процесс виртуализации личности. Наличие виртуальной личности приводит к значительным внутренним изменениям человека, затрагивает познавательную, коммуникативную и личностную сферы. В этой связи важное значение приобретает формирование коммуникативной компетентности. Коммуникативная компетентность имеет глубокое содержание, но, по нашему мнению, наиболее существенной ее характеристикой является способность к обобщению и систематизации многомерного восприятия окружающего, пониманию и адекватной оценке смысловой и оценочной информации.

Как элемент культуры коммуникативная компетентность отражает отношение человека к самому себе и окружающей действительности, включает рефлексию оснований коммуникативных взаимодействий, наделяет индивида адаптационным потенциалом при использовании тех или иных форм и средств социального поведения. Так, например, Е. В. Чанкова отмечает, в основе формирования коммуникативной компетентности заложены «процессы принятия факта изменчивости как имманентной характеристики пространства коммуникативной реальности, опознавания и типизации ожиданий акторов, рационализации собственных ожиданий и действий с учетом изменяющихся норм и ожиданий других, выработки новых норм коммуникации и коммуникативных практик, самостоятельного регулирования коммуникативных взаимодействий на основе рефлексивного выбора ее оптимального режима» [6, с. 33].

Собственно виртуальная среда, виртуальные формы социальных коммуникаций формируют новую ценностную систему и новый тип культуры. Культура виртуальной реальности – культура свободы самоопределения и самовыражения, активного взаимодействия со средой,

одновременного присутствия человека во многих мирах и самореализации посредством разнообразных моделей самоидентификации. Однако это может приводить к нарушению естественных процессов критической оценки картины мира, бесконечному расширению возможностей для симуляций, искажению образов и событий социальной реальности, подмене свободы подлинной иллюзией свободы, иллюзией преодоления социально-психологических проблем.

**Литература и источники**

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

2. Лопатинская, Т. Д. Виртуализация современной культуры и ее феноменов / Т. Д. Лопатинская // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 4. – С. 34–38.

3. Горяинова, О. И. Культура против «посткультуры»: место традиционности в современной культуре / О. И. Горяинова // Культура культуры. – 2016. – № 1 (9), Т. 1. – С. 49–56.

4. Храпов, С. А. «Человек играющий» как социокультурная модальность «человека техногенного» / С. А. Храпов, Д. А. Бибарсов // Вестник Калмыцкого университета. – 2020. – № 1 (45). – С. 114–120.

5. Сафронова, А. Н. Культура безопасного образа жизни в виртуальной среде / А. Н. Сафронова, Н. О. Вербицкая // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 5. – С. 28–40.

6. Чанкова, Е. В. Коммуникативная компетентность личности в постиндустриальном обществе (теоретико-методологическое исследование): монография / Е. В. Чанкова. – М.: Издательство РГСУ, 2016. – 192 с.

## ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «КАПИТАЛ» В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

*Ю. В. Дедолко*

С течением времени понятие «*капитал*» эволюционировало в зависимости от преобладавших в обществе форм экономических отношений и степени теоретического осмысления от «вещного» или материального к идеальному значению. Исследования капитала как ценности, обладающей свойствами *приращения, превращения, обращения и накопления*, долго являлись прерогативой экономических дисциплин, однако анализ показывает, что проблема ценности перманентно присутствует в различных философских учениях, начиная с Античности, что позволяет причислить ценность к одной из мировоззренческих универсалий культуры. Согласно классификации уровней философской рефлексии над мировоззренческими универсалиями культуры по В. С. Степину, период Античности и Средневековья предстает как первый

уровень, когда в рамках философского осмысления были обнаружены и зафиксированы общие смыслы универсалии ценности, ее соотношение с понятиями богатства в обыденном сознании и языке, в сфере нравственности, религии, политики. На этом уровне строгое понятие «капитал» еще не сформировано, но зафиксировано в различных смыслообразах, имеющих также эмоциональную и морально-этическую нагруженность. В этот период выявляется также такой признак капитала как способность *приращения* материальных благ. В эпоху Возрождения и Нового времени меркантилистами в сфере обращения был обнаружен второй существенный признак капитала – *превращение* богатства в процессе торговли. Физиократы (Ф. Кенэ, А. Тюрго; 2-ая пол. XVIII в.) и представители классической политэкономии (У. Петти, П. Буагильбер, А. Смит, Д. Рикардо; XVII – нач. XVIII в.) сместили акценты в исследовании природы капитала с торговли на производство, разработали теорию трудовой стоимости, подразделили капитал на *основной* и *оборотный*. В нач. XIX в. Ж. Б. Сэй и С. де Сисмонди зафиксировали *абстрактную сущность капитала*. Согласно Ж. Б. Сэю и С. де Сисмонди, капитал *нематериален*, так как производит его не материя, а *ценность*, заключенная в ней и являющаяся абстрактной категорией. Таким образом, был совершен переход ко второму уровню философской рефлексии, когда смыслообразы мировоззренческих универсалий трансформируются в строгие понятия.

Дальнейшую теоретизацию понятия, опирающуюся на философский анализ, продолжил К. Маркс, применивший исторический метод исследования феномена капитала и учитывавший в своей теории влияние социокультурных факторов, повлиявших как на развитие собственно капитала, так и трансформацию представлений о нем. Капитал у К. Маркса окончательно «дематериализуется», приобретает статус *социально-экономической категории*, отражающей определенный тип классовых отношений. Заслугами К. Маркса являются: окончательное закрепление категориального статуса капитала и фиксация таких атрибутов капитала как *обращение* и *накопление* капитала. Особенностью классической политэкономии является то, что уже само ее название указывает на междисциплинарность, нехарактерную для науки классического периода. Междисциплинарность внутренне присуща социально-гуманитарному познанию и эксплицитно присутствует в нем на протяжении всех этапов развития научной рациональности. В частности, один из основоположников концепции социального капитала Л. Дж. Ханифан в 1916 г. использовал междисциплинарный подход и метод аналогии и перенесения теоретических конструктов из одной дисциплины в другую, используя концепт «капитал» для описания феноменов социальной жизни, обладающих неочевидной продуктивностью и несущих сообществу ощутимую финансовую выгоду.

Начало XX в. ознаменовалось формированием неклассического этапа развития науки, согласно классификации В. С. Степина. Тенденции социодинамики этого периода повлияли на то, что с течением времени понятие «капитал», ранее применявшееся в отношении вещных, материальных факторов производства, начало все шире использоваться для характеристики социальных взаимоотношений и личностных качеств индивида, которые стали трактоваться как особые ресурсы, обладающие всеми атрибутами капитала: *приращением, превращением, обращением и накоплением*. Выяснилось, что нематериальные факторы производства способны приносить прибыль и влиять на ее уровень, могут измеряться в денежном эквиваленте и, соответственно, конвертироваться в другие виды капитала. В этот период в трудах Л. Дж. Ханифана, А. Пигу, А. Льюиса, Дж. Минсера разрабатывались предпосылки к созданию концепций нематериального капитала. Благодаря использованию междисциплинарной методологии и проблемно-ориентированным исследованиям в социальных науках на исходе неклассического этапа в середине и 2-ой пол. XX в. возник спектр концепций нематериального капитала, основными из которых являются: концепция *человеческого капитала* (А. Пигу, А. Льюис Дж. Минсер, Т. Шульц, Г. Беккер и др.), концепция *социального капитала* (Л. Дж. Ханифан, П. Бурдье, Дж. Коулман, Р. Патнем, Ф. Фукуяма и др.), концепция *интеллектуального капитала* (К. Свейби, Л. Эдвинссон, Р. Каплан и Д. Нортон, Т. Стюарт и др.).

С позиции философско-методологического анализа можно констатировать, что формирование данных концепций и обобщающего концепта «*нематериальный капитал*» пришлось на этап постнеклассической научной рациональности. В контексте происходящих трансформаций в общественном воспроизводстве и структуре ресурсов, а также применения в науке системного подхода и междисциплинарной методологии, был расширен спектр коннотаций понятия «капитал». В экономических и социологических исследованиях форм нематериального капитала, несмотря на определенные трудности, широко используются методы формализации и построения математического моделирования, что характерно для развитых теорий. Помимо этого, в науке в целом и в социально-гуманитарных исследованиях, в силу укоренения и экстраполяции эволюционных представлений на различные сферы реальности, все более востребованным становится использование метода исторической реконструкции для формирования наиболее полной картины объекта исследования, а также реализации одной из функций науки – прогностической. Современные достижения ряда естественно-научных дисциплин, касающиеся исследования природы человека и общества, предоставляют данные, позволяющие глубже проникнуть в суть индивидуальной и социальной психологии, что говорит о необходимости расширения рамок междисциплинарной методологии и синтезе

естественных и социально-гуманитарных наук, а в перспективе, в контексте философского осмысления современных трендов общественного развития, и в трансдисциплинарных исследованиях феномена капитала, поскольку он в настоящее время все активнее и агрессивнее вторгается во все сферы человеческого и общественного бытия.

В. С. Степин отмечал, что в процессе перехода к новому типу научной рациональности преобразуются как онтологический, так и эпистемологический аспект философских оснований науки, обеспечивающий обоснование системы идеалов и норм исследования. По этой причине в процессе изучения капитала и его нематериальных форм актуализируется проблема сохранения и переосмысления гуманистических ценностей и необходимости включения аксиологических факторов в процесс перевода ряда экзистенциальных аспектов человеческого и общественного бытия в разряд ресурсов, подвергающихся коммодификации, коммерциализации и капитализации на условиях рыночного обмена. Осмысление данной проблематики, вступающей в конфликт с многовековой гуманистической традицией европейской культуры, четко демаркирующей сферы морально-нравственного, экзистенциального, духовного, культурного бытия человека и общества и товарно-денежных отношений, невозможно без философской рефлексии. Подытоживая, мы можем сделать вывод о том, что появление и развитие концепций различных форм нематериального капитала в полной мере отражает специфику современного постиндустриального или информационного этапа цивилизационного развития и соответствующего ему постнеклассического типа научной рациональности.

*Работа выполнена в рамках научно-исследовательской темы кафедры философии и методологии науки БГУ: «Методологические программы современной философии и социально-гуманитарного познания: традиции и современность» (2016–2020 гг.) в процессе подготовки диссертационного исследования автора статьи.*

**Литература и источники**

1. Степин, В. С. Картина социальной реальности в системе научного знания / В. С. Степин // Социология. – 2009. – № 3. – С. 7–18; 2009. – № 4. – С. 3–19.

2. Степин, В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В. С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Нац. акад. наук Украины, Центр гуманитар. образования; отв. ред.: Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб., 2009. – С. 249–295.

3. Степин, В. С. Теоретическое знание: моногр. / В. С. Степин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kph.ffs.npu.edu.ua/!e-book/ clasik/ data/ stepin/ index.html. – Дата доступа: 21.12.2019.

# ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАРНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОГО ПОСТИЖЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СВЕРШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

*М. В. Думинская*

В эпоху постнеклассической рациональности вопросы, связанные с постижением природы человеческого бытия и многогранности ее проявления выходят за пределы дисциплинарного анализа. Возможности получения знаний в рамках отдельных дисциплин обнаруживают ограниченность в получении цельного знания и задают новые векторы, определяющие общую тенденцию развития современной науки, ориентированной к поиску методологических установок и принципов построения исследовательских практик на основе междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов. Установление связи между естественными и социально-гуманитарными областями, позволяющими открывать новые потаенные грани в многомерности бытия человека имеет эвристическую значимость для онтоантропологиских исследований [1].

В научном сообществе по-прежнему наблюдается неоднозначность в решении вопроса об определении сущности трансдисциплинарности. Если междисциплинарность стала вопрниматься уже как вполне естественное явление, предполагающее интеграцию отдельных дисциплин на стыке наук в между-дисциплинарном поле исследования, то вопрос о трансдисциплинарности остается достаточно спорным и противоречивым. Прежде всего это связано с разногласиями в обуждении вопроса о соотношении понятий междисциплинарности и трансдисциплинарности: с одной стороны утверждается, что эти понятия тождественны друг другу (Ю. Миттельштрасс) [2, с. 22], с другой – отстаивается позиция их принциального различия. Действительно, эти понятия, рассматриваемые как методологические принципы, достаточно близки по смыслу, но все же следует признать, что между ними есть концептуальное различие [3].

Отвлекаясь от воспроизведения терминологических различий, следует подчеркнуть то различное, что позволяет говорить о особом методологическом значении каждого из них. Выделяя специфику междисциплинарного характера исследования стоит зафиксировать внимание на том, что в процессе его осуществления происходит формирование новых дисциплин посредством взаимообмена теоретическими представлениями и исследовательскими практиками, которые обогащают друг друга и используют вновь приобретенное знание для решения собственных дисциплинарных вопросов (Л. П. Киященко, В. И. Моисеев), т. е. дисциплинарное деление сохраняется, несмотря на утановление междисциплинарных связей [3, с. 17]. Различные области познания кооперируется для получения наиболее продуктивного

результата, оперируют общими понятиями, инструментарием и на основе такого рода взаимодействия способны вырабатывать новое междисциплинарное знание, обогащая тем самым собственные дисциплинарные поля и заполняя имеющиеся методологические пробелы.

В свою очередь трансдисциплинарность воспроизводится посредством построения некой общей когнитивной схемы, определяющий единую методологическую платформу исследования, ориентированную на достижение холистического видения исследуемой предметности. Трансдисциплинарная установка предполагает переход из одной дисциплинарной области в другую. При этом исходно разрозненные дисциплинарные фрагменты объединяются в единый сверхдициплинарный комплекс. В таком случае происходит размыкание дисциплинарных границ, что производит трансцендирование в пограничные сферы – сквозь, сверх, через границы конкретного дисциплинарного поля (Э Морен) [4, с. 136]. Этот переход обуславлиает возможность выхода к постижению уровней сложности и многомерности исследуемых феноменов.

Перенос когнитивных схем сквозь дисциплинарные области требует разработки специальной методологии, понятийно-категориального аппарата, концептуального базиса, особых средств постижения, работающих непосредственно на уровне трансдисциплинарности, что собственно и должно запустить механизм органичного интегрирования полученного знания в новую целостную систему. Созданияе интегральной методологии является одной из превостепенных задач на современном этапе развития научного познания. Различные варианты решения этой задачи уже были предложены научному сообществу и получили достаточно широкое примение (общая теория систем, кибернетика, синергетика, наука о сложных системах, синергийная антропология). При этом каждая последующая разработанная когнитивная схема претендовала на преодоление недостатков и сложностей предшествующих попыток, предлагая к использованию собственный концептуальный аппарат, рассматриваемый в качестве универсальной методологической опоры для осуществления исследований вне зависимости от научных областей познания. Вопрос о метанаучном статусе предлагаемых теорий носит дискуссионный характер и по-прежнему остается открытым.

Анализ опыта современных исследовательских практик позволяет сделать вывод о том, что выход на уровень трандисциплинарности может обеспечивается также посредством трансцендирования за пределы использования отдельных концептуальных и парадигмальных схем в рамках холистически ориентированного исследования. Сочетание междисциплинарного, межпарадигмального, модального подходов позволяют вопроизводить некие самодостаточные транс-поля, задающие собственный режим со-бытия и органично выстраивать единый концептуальный каркас на основе того, что открывается с различных

ракурсов видения и казалось бы изначально совершенно несоизмеримых друг с другом.

В частности, на основе такой методологической платформы предпринята попытка конституирования одной из возможностных картин целостного постижения эстетического свершения личности. На междисциплинарном уровне исследование проводилось в зоне пересечения онтологии, философской антропологии, онтологической эстетики, синергетики. Взаимодополнение результатов работы с различными парадигмальными контекстами (экзистенциально-феноменологическим, системно-иерархическим, герменевтическим, синергетическим и др.) стало возможным при условии конституирования единого концептуального транс-поля. Выход на уровень трансдисциплинарности позволил воспроизвести несколько модификаций видения свершения как процесса, в котором особым образом раскрывается его онтологическая структура и специфика. Например, в рамках системно-иерархического подхода воспроизведена экзистенциально-онтологическая (вертикальная) проекция свершения личности – процесс осуществления разворачивается в переходах от одного фундаментального уровня существования к другому (повседневный, рефлексивный, метафизический). При этом эстетическое начало выступает в качестве проводника в переходах от одного уровня к другому. Другая проекция (горизонтальная) открывается с позиции антропосинергетического видения, раскрывающего постоянное усложнение диссипативной структуры и сингулярный характер свершения. Эстетический модус свершения предстает как сверхсложное, бесконечномерное измерение, для которого свойственна со-бытийная волновая природа, цикличность «перехода» состояний от диссипативности к стационарности в пределах каждого цикла эстетизации, фрактальность, нелинейность. Личностное начало в эстетическом модусе бытия открывается как развертывание микромира в макромире, возводящего к еще более сложному саморазвитию целого [5].

Таким образом, в рамках каждого дисциплинарного или парадигмального среза свершение раскрывается особым образом в определенном модусе бытия, но при этом каждый вариант его представленности вплетается в единую картину целостного видения в некоем методологическом транс-поле, которое может вбирать в себя множество таких проекций и задавать собственные когнитивные схемы, обуславливающие их со-бытие в едином измерении. Предпринимаемые попытки построения методологических оснований проведения исследований на основе принципа трансдисциплинарности несут в себе значительный эвристический потенциал, расширяют возможности разработки новых когнитивных технологий, отвечающих современным вызовам времени.

**Литература и источники**

1. Лысак, И. В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию / И. В. Лысак // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6, Ч. 2. – С. 134–137.

2. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е. Н. Князева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10. – С. 193–201.

3. Кияященко, Л. П. Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа / Л.П Кияященко // Santalka. Filosofija. – Vilnius, 2006. – Т. 14, № 1. – С. 17–38.

4. Morin, E. La Tête bien faite. Repenser la Réforme – Réformer la Pensée / E. Morin. – Paris: Editions du Seuil, 1999. – 155 p.

5. Думинская, М. В. Онтология эстетического свершения личности: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / М. В. Думинская. – Тюмень, 2017. – 338 с.

## ПОНИМАНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГРАНИЦ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ СЛОЖНОСТИ

*А. В. Думов, В. И. Кудашов*

Сложность может рассматриваться в качестве одного из ключевых концептов, используемых в обсуждении проблем междисциплинарной интеракции и моделировании трансдисциплинарного взаимодействия. В среде философской и научной рефлексии познания распространены утверждения о сложности постигаемой действительности, сложности систем конкретного организационного уровня, сложности, возникающей при поиске релевантных теоретико-методологических средств для исследования и т. д. Несмотря на то, что понятие сложности широко употребляется, причем с указанием на фундаментальное значение его содержания, экспликация самого этого содержания авторами практически не осуществляется. Исключение составляют неявные определения, приведенные, например, в работе П. Сильерса [1, p. 3–5], и метафорические пре-концепты, представленные в работах Э. Морена [2, с. 112] и анализируемые в исследовании М. Верманн [3, p. 47–82]. В то же время, сложность позиционируется данными авторами в качестве фундаментального онтологического основания для преобразования эпистемической активности человека современности. В частности, ставится вопрос о преобразовании форм организации научного познания и изменении стратегии взаимодействия научных дисциплин [2, с. 33–51]. В связи с этим, исследование положения философии сложности (данным понятием обобщается область рефлексии сложности, а не специфическое направление) в системе современной философии науки предполагает

рассмотрение вопроса о том какой онтологический смысл вкладывается представителями философии сложности в понятие научной дисциплины.

Первый том работы Э. Морена «Метод» («Природа природы») является основным исследованием, в обсуждении и интерпретации содержания которого строится дальнейшее рассмотрение оснований дисциплинарной организации знания и вопросов междисциплинарного взаимодействия в философии сложности. Значимым для понимания оснований дисциплинарной организации знания является утверждение Э. Морена о том, что биологическая и антропосоциальная организации должны рассматриваться в качестве ступеней развития, на которых происходит трансформация физической организации [2, с. 35]. Однако, им опровергается адекватность схематичного, «стадиального» представления этих организационных форм. Исходя из существования проблемы наблюдателя в физических науках, им утверждается включенность антропосоциального компонента в «самую сердцевину физической науки» [2, с. 35]. Исходя из данного утверждения могут быть сделаны выводы о сфере применимости концепта сложности и предмете философии сложности: сфера принадлежности высказываний о проблемах наблюдения – сфера обсуждения специфики познания и конструирования теорий, а не собственно физической реальности. Точно таким же образом высказывание Э. Морена о том, что ни одна наука не захотела познать «самой объективной категории познания – категории познающего субъекта» [2, с. 35–36] описывает особенности предметной и методологической ориентации наук, а не характеристики объекта их исследования.

Сложность, следовательно, является онтологическим свойством реальности человеческого познания. Имплицитно данная точка зрения содержится во всех высказываниях рассматриваемых представителей философской рефлексии сложности об онтологическом характере сложности: в частности, замечание М. Верманн о различиях философского и научного способов понимания сложности хотя и направлено на формирование представления о мире как «сложном по своей сути», в первую очередь основано на выявлении сущностного содержания понятия сложности в пространстве обсуждения форм познания действительности [3, p. 3–5]. Такое употребление понятия «сложность» и характеристики «сложный» реализует определенную стилистику осмысления познания, основанную на критической рефлексивности и анализе следствий применения познавательных стратегий. В центре внимания философии сложности находится «отклик» реальности человеческого познания на определенные теоретические решения и их практическую реализацию. Частным случаем рассмотрения этого «отклика» является обсуждение существующей и развиваемой дисциплинарной организацией знания: Э. Мореном ставится вопрос о том, функциональна ли специализация и

оправдано ли возникающее как одно из ее следствий «абсурдное дробление» знания [2, с. 38]. Характерный для философии сложности идеал организации и развития знания получает выражение в концепции «эн-цикло-педии», установления «активного цикла» знания [2, с. 45]. Речь в данном случае идет не о поддержании целостной структуры конкретных дисциплинарных направлений, и не о систематизации знания путем их сращения. В данном случае идея единства знания служит лишь задаче формирования нового метанаучного контекста, области коммуникации различных дисциплин, в которой происходило бы их взаимное обогащение и, что наиболее значимо для настоящего рассмотрения, создание метаязыка науки.

Исходным пунктом построения рассуждений о таком метанаучном контексте является признание того, что наука не способна к саморефлексии, осуществляемой научно: не существует научного метода рассмотрения науки как объекта науки, равно как не существует и метода осмысления науки как субъекта для такого рассмотрения [2, с. 38]. Иными словами, идея сложности и сопутствующие ей концепции рассматриваются в качестве наброска для создания нового единого контекста осмысления науки, которое можно рассматривать и как возвращение наук в лоно философии. В качестве основы такой философии как сферы мета-знания полагается знание об организации. В опыте рефлексии сложности осуществляется философская концептуализация организации, не идущая, однако, далее создания способов ее метафорического представления, например, описаний космогонической игры порядка и беспорядка [2, с. 173–175]. Каким же образом идея философии сложности как метанауки предполагает рассмотрение дисциплинарной организации знания? В первую очередь, научная дисциплина рассматривается как подвижная структура, не имеющая жестких предметных и методологических границ: так, П. Сильерс указывает на ограниченность подхода к пониманию границ, основанному на привычных визуальных метафорах, полагающих границы в качестве пространственно-определенных пределов системы [4, p. 140]. Следствием такого понимания является признание явления трансдисциплинарности естественным следствием сложностного характера реальности научного познания: дисциплина представляет собой форму организации познания, реализуемую специализированным путем, т. е. направленным образом в отношении конкретных аспектов действительности. Но специализация является не ограничением, жестко отделяющим одну научную дисциплину от другой, а выражением идентичности, своеобразия форм организации научного познания, объединенных единой целью постижения действительности и единым метанаучным контекстом развития, определенным идеей сложности.

Создает ли философская рефлексия сложности обоснование

трансдисциплинарности? Несмотря на эвристическую ценность идеи сложности и сопутствующие принципы теоретической экологичности и методологической нередуктивности, к ее возможностям обоснования трансдисциплинарности следует относиться критически. В понимании дисциплинарного взаимодействия философия сложности игнорирует многие проблемы языка науки и предметной специфики отраслей, препятствующие не только продуктивному взаимодействию, но и восприятию самой предлагаемой в качестве философского основания интеграции знания метафизики сложности. Идея сложности, представляющая собой репрезентацию классической философской проблемы соотношения единства и множественности в ее эпистемических аспектах, может служить философским основанием для моделирования трансдисциплинарного взаимодействия, но не представляет собой источника реальных стратегий его организации. Значимую роль философия сложности может сыграть в создании аксиологических и этических принципов взаимодействия отраслей знания.

**Литература и источники**

1. Cilliers, P. Complexity and Postmodernism: Understanding Complex Systems / P. Cilliers. – London: Routledge, 1998. – 168 p.

2. Морен, Э. Метод. Природа природы / Э. Морен. – М.: Канон +, РООИ «Реабилитация», 2013. – 464 с.

3. Woermann, M. Bridging Complexity and Post-Structuralism. Insights and Implications / M. Woermann. – Springer International Publishing, 2016. – 216 p.

4. Cilliers, P. Boundaries, Hierarchies and Networks in Complexity Systems / P. Cilliers // International Journal of Innovation Management. – 2001. – Vol. 5, Iss. 2. – P. 135–147.

## ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ПАРАДИГМА ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

*В. Ю. Дунаев, В. Д. Курганская*

Постмодернизм характеризуется Ж.-Ф. Лиотаром как выход из употребления метанарративного механизма легитимации [1, с. 10]. Такого рода механизмом отныне выступают гибкие сети языковых игр.

Предвосхищая парадигму универсального эволюционизма и типологически значимые характеристики духовно-интеллектуальных практик эпохи постмодерна, Г. Гессе в романе «Игра в бисер» описывает Игру как реализацию великой идеи движения к интегральному типу знания: синтезу точных и гуманитарных наук, и науки в целом с искусством и религией. «Правила, язык и грамматика Игры представляют собой некую разновидность высокоразвитого тайного языка, в котором

участвуют самые разные науки и искусства... и который способен выразить и соотнести содержание и выводы чуть ли не всех наук. Игра в бисер – это, таким образом, игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры» [2, с. 8].

Эпохе делегитимации метанарративов (равно как и ее литературному двойнику – «фельетонной эпохе» в романе Гессе) имманентна идея междисциплинарности [1, с. 127]. Трансдисциплинарные подходы – это номады, странствующие среди оседлого населения дисциплинарных пространств (картин мира современной физики, квантовой механики, космологии, биологии, математики, социально-гуманитарных дисциплин) и пытающиеся создать между ними волну (диссипативную структуру) когерентности.

Ситуация междисциплинарности определяет структурирование постнеклассического эпистемологического пространства как когнитивной среды, в которой происходит *самоорганизация* нового знания. Метрику пространства постнеклассической эпистемологии формируют мультимодельные и полиморфные сборки дисциплинарных, интердисциплинарных и трансдисциплинарных когнитивных практик. Причем метрика этого пространства междисциплинарных коммуникаций выстраивается, в отличие от гармонически упорядоченного духовного космоса кастальской Игры, по сетевому, фрактальному или ризоморфному принципу. По сути, социальное и эпистемологическое пространство постмодерна приобретают структуру динамического хаоса, описываемую фрактальной геометрией самоподобных объектов.

Синергетика как метод нелинейного моделирования процессов самоорганизации сложных динамических систем небезосновательно претендует на роль методологического ядра или парадигмы постнеклассической науки. Правомерность конституирования синергетики в качестве парадигмы постнеклассического типа рациональности связана с такой особенностью концептуального аппарата синергетики, как самоприменимость. В соответствии с этим свойством принципы синергетики применяются к процессу возникновения и функционирования ее собственных понятий, выступающих терминами-метафорами интердисциплинарного дискурса универсального эволюционизма. В синергетике моделирование заключается в синхронизации темпов и направлений эволюции концептуальных схем с ритмами самоорганизации объекта моделирования.

Гомология принципов синергетики и парадигматики постнеклассической науки – один из важнейших постулатов постмодернизма: постмодернистская наука строит теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, парадоксального развития [1, с. 143]. Естественнонаучные онтологии традиционно строятся исходя из наличного знания по линейному принципу. Синергетика же утверждает,

что после фазового перехода возникает новый, принципиально не предсказуемый спектр возможных состояний. Поэтому необходимо разработать концептуальные основания для перехода к принципиально новому классу моделей метастабильных, эволюционирующих, изначально не заданных онтологий. Взгляд изнутри этих онтологий радикально меняет топологию эпистемологического пространства. За горизонтом предсказуемости, или за окном прозрачности, рефлектирующее сознание, включенное в наблюдаемую онтологию, вынуждено переходить от картезианско-ньютоновского детерминистского языка к языку вероятностному.

В сверхсложных человекомерных системах наблюдатель не может быть внешним наблюдателем теорий классического типа – здесь наблюдатель включен в наблюдаемую им реальность и его наблюдение вносит в систему неконтролируемые возмущения. Поэтому и свойственный классическим типам теорий способ рассуждения становится иррелевантным в пространстве их самоописания, т. е. на метатеоретическом уровне.

Самоорганизация семантического поля интертекстуальности как открытой среды значений и смыслов является предметом и способом построения философского дискурса постмодернизма. «Сборка» (или «машинная сборка») – один из наиболее часто употребляемых терминов в книге Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения. Тысяча плато» [3]. Линии артикуляции или ускользания, территории и страты, сегментации, скорости, интенсивности – все структурообразующие элементы или смыслонесущие профили любой множественности, любого описываемого феномена производят не *сопоставление*, но сцепление, *сборку* разнородных элементов. Существует несколько типов сборок, среди которых Ж. Делезом и Ф. Гваттари особо выделяются древовидные и ризоморфные. Вся западная культура и наука является древовидной – от биологии до лингвистики, от теологии до философии. Деконструкция концептуального каркаса картины мира модерна и его перевод в понятия картины мира постмодерна выступают как переход от «культуры дерева» к «культуре клубней», т. е. к ризоматической модели. Если древовидная централизованная культура – это долговременная память долговременных концептов (семья, раса, общество, цивилизация), то ризома – это «антигенеалогия», кратковременная память трансформационных концептов, действующих благодаря вариации, экспансии, захвату, уколу...

Проведенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари различие моделей сборок (самоорганизации) имеет обратно-симметричный аналог в синергетике. Изначально качественная теория дифференциальных уравнений, теория бифуркаций, теория динамического хаоса, синергетика Пригожина-Хакена строились относительно Марковской модели физических процессов, в которой состояние системы в последующий момент времени целиком

определяется ее состоянием в данный момент времени. Однако модели, адаптированные к Марковским «амнезированным» процессам, не работают по отношению к процессам самоорганизации систем с глубиной памяти больше, чем в один шаг – к тем же семье, расе, обществу, цивилизации. Такими системами точки бифуркации проходятся не случайно и не с равновероятием исходов, но через опосредствование генетической программой-памятью.

В ряде направлений междисциплинарных исследований – синергетике, нелинейной динамике, теории диссипативных структур – деконструкция концептуального каркаса картины мира модерна и его перевод в понятия картины мира постмодерна производится как переход от изучения инвариантов к сингулярностям, от Бытия к Становлению. В синергетике утверждается, что в определенных точках линейного развития (в пунктах бифуркации) система покидает прежнюю траекторию эволюции и переходит в стохастический, принципиально непредсказуемый режим неинтегрируемой системы (А. Пуанкаре). В этом режиме возникает качественно новая форма движения, к которой в принципе неприменим детерминистский язык описания. Ризоматическая сборка и Марковская модель описывают процессы самоорганизации, начинающиеся с нуля, с «чистой доски». Защита данного типа процессов Ж. Делезом и Ф. Гваттари мотивируется тем, что ризоматические множества не позволяют себя «сверхкодировать», поскольку не располагают каким-либо дополнительным измерением к скомпонованным ими линиям становления, у которых «нет ни начала, ни конца; ни отправления, ни прибытия; ни происхождения, ни предназначения». Однако, как доказывается в синергетике и что очевидно для классической культуры, как спектр возможностей, так и свобода выбора возрастают вместе с углублением генетической памяти. В этом отношении постмодернистская деконструкция дисциплинарного знания на принципах трансдисциплинарности выступает не столько аналогом, сколько альтернативой принципам междисциплинарности эпистемологии универсального эволюционизма.

*Исследование проведено в рамках финансирования КН МОН РК (Проект «Исследование культуры и ценностей общества в контексте стратегии устойчивого развития Казахстана»).*

**Литература и источники**

1. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

2. Гессе, Г. Игра в бисер: Роман / Г. Гессе. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 2000. – 448 с.

3. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

# НЕОБХОДИМОСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА ПРИ РАЗРАБОТКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

*В. В. Ермоленков*

Неустойчивость глобального развития признается сегодня в качестве главного вызова. Это определяется пришедшим осознанием того, что многие процессы в человеческом обществе связаны с количественным ростом, который происходит в условиях физически ограниченной планеты. В частности, наше стремление к экономическому росту, безотносительно модели распределения его результатов, неизбежно приводит к конфликту с объективно существующими лимитами на хозяйственную емкость планеты. Количество природных ресурсов, доступных нам без нанесения ущерба для их способности к самовосстановлению, а также способность биосферы перерабатывать или депонировать поток отходов, генерируемый человечеством, по мнению большинства авторов, превышены.

Традиционный подход к практическому разрешению данной проблемы был основан на том же примате экономического роста. Отличие виделось лишь в особенностях перераспределения его результатов в пользу природоохранных задач. Но очевидно, что традиционная экономика составляет с природной средой отрицательный контур обратной связи. Соответственно, давление экономики на среду неизбежно вызывает ответную реакцию, связанную с его нейтрализацией. В итоге, загрязнение ухудшит экономический результат. Кроме того, кризисные явления, которые неизбежны в рыночной экономике, могут привести к ситуации, когда просто не хватает средств для решения природоохранных задач.

При разработке Национальной стратегии устойчивого развития (НСУР) была использована описанная выше методология. Так, в НСУР-2020 единую систему разделили на два блока. Первый из них имеет название «Социальная и экономическая составляющие и императивы устойчивого развития», второй – «Экологический компонент и экологический императив» [1, с. 15, с. 23]. В НСУР-2030 объект «страна», для которого планируется переход к устойчивому развитию, также рассматривается редуцированно в следующих разделах документа: 1. Социальный компонент («развитие человека»); 2. Экономический компонент устойчивого развития; 3. Экологический компонент («окружающая среда») [2, с. 5–9]. Как правило, в таком случае возникает логичное желание описать будущее состояние, исходя из прошлого. Именно в прошлых состояниях каждого из компонентов видится источник развития. Для прогнозирования оказывается достаточно отследить динамику и экстраполировать ее особенности на некую временную перспективу.

Изучение социоэкологоэкономической системы с использованием междисциплинарного подхода предполагает, что каждая из составляющих развития должна, прежде всего, рассматриваться как зависящая от остальных. Именно взаимосвязи в рамках триады «экономика – природа – социальная жизнь» представляются наиболее значимыми драйверами изменений всей системы. Тогда успешность прогноза и эффективность стратегического плана определяются, например, воздействием того или иного вида экономической активности на состояние отношений между людьми или на качество окружающей среды. Результатом будет выработка политики, которая в интересах устойчивости развития сумеет рационально сочетать экономическую эффективность, комфорт социальной среды и процветание природы.

Разработка национальных стратегий устойчивого развития предполагает, что на территории страны будет достигнут баланс между социумом, члены которого должны удовлетворять свои потребности, и окружающей природной средой. Давление на среду создается потоком ресурсов, возникающим в ходе экономической деятельности и из-за особенностей стиля жизни людей. Соответственно, разделы стратегии целесообразно увязать с основными составляющими этого потока, среди которых, с высокой вероятностью, будут следующие сферы: энергообеспечение, сельское хозяйство, промышленность, транспорт, лесное хозяйство, содержание инфраструктуры населенных пунктов и т. д. Но каждую из них необходимо рассматривать, как сферу междисциплинарную. Это означает, что она является одновременно экономической, экологической и социальной по своей природе. И, например, обеспечение энергетическими услугами не будет связано ни с парниковым эффектом, ни с заболеваниями людей, ни с какими иными негативными последствиями для всех составляющих триады «экономика – природа – социальная жизнь». Более того, возможно получение синергии между ними. Так, например, большинство форм туризма обеспечивают доходность, но при этом предполагают поддержку культурного наследия, традиций народа, а также благополучие природной среды.

**Литература и источники**

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года. – Минск: Юнипак, 2004. – 200 с.

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.by/ uploads/ files/ NSUR2030/ Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf. – Дата доступа: 01.04.2021.

# ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ В ОПИСАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

*А. Н. Желтобородов*

Одной из важнейших тем в историософском дискурсе современности является проблема соотношения исторической закономерности и исторической случайности. Поскольку категория случайности принадлежит настоящему, ее сложно «понять как следствие прошлых причин: тогда это уже не случайность» [2, с. 171]. Категорию случайности применяют там, где необходимо описать что-то новое и непредвиденное в истории, или дать объяснение непрочных взаимосвязей в историческом процессе.

Как отмечает немецкий исследователь Р. Козеллек обращение к случайности (которая отождествлялась с судьбой) для объяснения истории было частым явлением. Так в Средние века неоднократно прибегали к Фортуне, ее важная роль в повседневности и историческом процессе не могла остаться незамеченной, поскольку во всем своем многообразии (случай, удача, счастье, судьба) казалась необходимым элементом в изложении отдельных историй. Она была показательной для понимания факта постоянства изменений, той модели событий, которая неподвластна людям. Причиной изменяющихся условий всегда признавалась Фортуна, которую воспринимали как «дочь провидения», «мать случая» [2, с. 172]. Фортуна относилась к учению об «истории», взгляда на историю, но никогда не была рассказом о ней. Но как только ее пытались исторически осмыслить и объяснить, она в тот же миг превращалась в случайность. В методическом плане вопрос об исторической случайности возник тогда, когда место божественного провидения заняли причины, которых для объяснения отдельных случаев было недостаточно.

Немецкий историк XVIII века Иоганн Вильгельм фон Архенгольц в своей книге о Семилетней войне часто прибегает к объяснения ряда событий с помощью категории случайность. «Союз этот между Австрией и Францией, от которого весь мир удивился и считавшийся величайшим образцом искусства политики, был ничем иным, как дело случая» [1]. Понятие случайности здесь используется не в качестве стилевого приема, оно служит «для обозначения определенной точки зрения» [2, с. 175]. Случайность часто переводилась в разряд военных возможностей, даже несмотря на то, что она была следствием событий, которые напрямую не связаны с миром войны, случайность здесь выступает как взаимосвязанность событий.

Согласно другой точке зрения случайностям нет места в истории. Такая точка зрения была свойственна французским и немецким просветителям «их детерминизм был направлен против фатализма и

волюнтариских концепций, которые не видели в истории ничего кроме хаоса случайностей» [5, с. 685]. Основатель тартуской школы семиотики Ю. М. Лотман причину этого видит в том, что долгое время историческая наука выстраивалась на идее закономерности событий, сложившейся благодаря успехам естественных наук, следуя ньютоновской метафоре «мир-машина», классическое естествознание видело этот мир упорядоченным, предсказуемым и определенным, основанным на принципах детерминизма. В механистической картине мире случайность рассматривалась в качестве иллюзии, вызванной незнанием закона природы. Основой химии того времени были представления об однозначных закономерностях, согласно которым химическая реакция уподоблялась математическому уравнению – записанное в левой части уравнения становится причиной результата, который записан в правой части. То есть будущее предсказуемо и однозначно вытекает из прошлого. Перенос этой идеи на историю послужило тому, что она, во-первых, «стала восприниматься как взгляд в прошлое из будущего» [3, с. 465], и, во-вторых, сформировалась новая модель исторического развития, основой которой стала идея прогресса – идея движения «от тьмы невежества к свету истины и образования» [3, с. 465]. Дальнейшее влияние научного знания в историю проявился с развитием дарвинизма и созданной в его рамках модели эволюции.

Научные представления XIX века указывали на влияние объективных факторов, которые человек не в состоянии уловить. Эволюция рассматривалась как целесообразный, но при этом бессознательный процесс, совершаемый через людей, но помимо их воли. В таком ключе смысл истории виделся как движение от бессознательного к сознательному. Таким образом, историческая наука, опираясь на идею закономерности, возражала наличию случайностей в историческом развитии, поскольку под закономерностью понимали объективные процессы (развитие, технический прогресс и т. д.), а понятие «случайность» могло возникнуть только в контексте «человеческого фактора». Немецкий мыслитель Вильгельм фон Гумбольдт считал, что история является целостной и единичной, и в ней не должно быть места случайности, поскольку «однократность случайности уже растворена в однократности "истории как таковой"» [2, с. 181]. Гегель отмечал, что «цель философского наблюдения заключается именно в том, чтобы удалить случайность. Мы должны находить в истории общую цель, конечную цель мира» [2, с. 182]. Своими взглядами Гегель задал тот же телеологический вектор развития единой мировой истории, которым была пронизана вся модернистская историософия.

Марксизм занимает срединную позицию, признавая диалектическую связь и взаимосвязь необходимого и случайного в историческом процессе. Исторический процесс в марксистском понимании не является фатально

предопределенным (ни божественным планом, ни абсолютным духом, ни развитием производительных сил общества), на каждом шагу в него вторгается случайность. «История носила бы очень мистический характер, если бы "Случайности" не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случаями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих "случайностей", среди которых фигурирует также и такой "случай", как характер людей, стоящих вначале во главе движения» [4, с. 175]. История не абстрактное, отчужденное от человеческой деятельности, понятия.

В XX веке отношение к роли случайности в историческом развитии меняется. Этому способствовал антропологический поворот, совершенный учредителями «школы Анналов», в естественных науках – ряд открытий, среди которых особенно важное значение имели теория вероятности, квантовая теория атома Нильса Бора, принцип неопределенности Вернера Гейзенберга, теория относительности Альберта Эйнштейна и т. п. Особая роль в становлении постнеклассической картины мира принадлежит синергетике (теории самоорганизации). Основатель синергетики, немецкий физик-теоретик Герман Хакен, обратил внимание на сходство процессов, протекающих как в сложных природных системах, так и в социальных. Одним из свойств сложных природных систем, по мнению Хакена, является их нелинейность, что очень затрудняет изучение таких систем из-за отсутствия общей методологической базы исследования.

Для исторической науки важным следствием общего поворота научного мышления является то, что историка начинают интересовать события, произошедшие не сами по себе, а в контексте нереализованных возможностей. Лотман отмечает, что «непройденные дороги для историка – такая же реальность, как и пройденные. А то, что вызвало реализацию одних из них и нереализации других, начиная с песчинки, которая изменила направление лавины, делается историческим фактом» [3, с. 470]. В зависимости от точки зрения наблюдателя, событие может выглядеть как случайным, так и необходимым. К случайности обращаются каждый раз, когда в ход истории вмешиваются естественные причины (землетрясение, болезнь, погодные условия и т. п.), поражая тем, как незначительная причина может породить огромные последствия. На уровне человеческой жизни это будет трактоваться как случайность, на уровне природы – как естественная причина.

**Литература и источники**

1. Архенгольц, И. В. История семилетней войны / И. В. Архенгольц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/ h/ archenholz/ index.html. – Дата доступа: 24.03.2021.

2. Козеллек, Р. Случайность как последнее прибежище историографии / Р. Козеллек // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 171–184.

3. Лотман, Ю. М. Клио на распутье / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. – Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 464–472.

4. Маркс, К. Письмо Людвигу Кугельману / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – Т. 33. – М., 1964. – С. 175.

5. Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.

## СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

*Т. В. Жмакина*

Фундаментальное, концептуальное и теоретическое осмысление природы аргументации было начато только в прошлом веке, несмотря на то, что интерес к проблеме аргументации в философии уходит глубоко к ее истокам. Современное состояние теории(й) аргументации представлено рядом неклассических концепций анализа, оценки и реконструкции аргументации [1], отличающихся от классических подходов (Аристотеля, Фомы Аквинского и др.) и в этом отношении имеющих актуальность и значимость.

В предлагаемой авторской типологизации становления современной теории аргументации в *эволюционном континууме* выделено *три* основных этапа.

*Первый* этап – этап «*возрождения*» теории аргументации – приходится на первую половину и середину XX столетия.

В 1918 году выходит знаковая работа русского философа, логика С. И. Поварнина «Спор. О теории и практике спора», посвященная исследованию вопросов, и по сей день не утративших актуальности.

В 1958 году выходят фундаментальные труды: «Новая риторика» (La nouvelle rhetorique, 1958 г.; английский перевод 1969 г.). Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки (Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyleca) и «Использование аргументов» (The Uses of Argument, 1958/ 1988 гг.). Стивена Тулмина (Stephen Toulmin), которые знаменуют этап возрождения теории аргументации и являются «толчком» к ее дальнейшему активному развитию.

*Второй* этап становления теории аргументации – этап интенсивного «*развития*» – берет начало с 1970–80-ых гг., когда мировое научное сообщество приступает к активному изучению и анализу различных аспектов аргументации.

Логиками проводятся формально-логические исследования методов аргументации. П. Шелленс (P. Schellens) предлагает классификацию форм разумной аргументации. Н. Решер (Nicholas Rescher) разрабатывает

теорию формальных дискуссий, Ч. Хэмблин (Ch. Hamblin) – формальную диалектику, Э. Барт и Э. Краббе (E. M. Barth, E. C. W. Krabbe) – формально-диалектическую теорию рациональной аргументации, Э. Барт и Д. Мартенс (E. M. Barth, D. Martens) описываются ошибки аргументации с позиций формальной диалектики.

Представители канадской школы Э. Блэр (J. Anthony Blair), Дж. Вудс (John Woods), Р. Джонсон (Ralph H. Johnson) и др. разрабатывают концепцию информальной логики. Концепция Вудса-Уолтона (John Woods, Douglas N. Walton) предлагает хорошо обоснованную теорию, не только формальную, но и диалектическую, «корректировки» стандартного подхода к определению аргументативных ошибок. Концепция Д. Фримена (D. Freeman), основанная на теории С. Тулмина, вводит диалектическую модель структуры аргументации. Прагматическая концепция анализа аргументативных ошибок Д. Уолтона (Douglas N. Walton) не только подчиняет логику диалектике, но также обращается к прагматике.

Разрабатываются диалектическая концепция классификации диалогов Д. Уолтона и Э. Краббе (D. N. Walton, E. C. W. Krabbe), диалектический подход Д. Уолтона (D. N. Walton), диалогическая логика Э. Краббе (E. C. W. Krabbe).

Формируется концепция аргументации Амстердамской школы (прагма-диалектическая теория аргументации, как ее определяют сами разработчики в большинстве своих работ). Ф. ван Эмерена, Р. Гротендорста и др.

Широко популярны риторические подходы к аргументации Дж. Вензеля (J. W. Wenzel), Дж. Коппершмидта (Kopperschmidt), О. Ребуля (O. Reboul) и лингвистическая концепция радикального аргументативизма Ж.-К. Энскомба и О. Дюкро (J.-C. Anscombre, O. Ducrot), демонстрирующая, что язык как система имеет неотъемлемые аргументативные признаки.

Активно разрабатывается дискурсивный подход: концепция рациональной организации дискурса С. Джейкобса и С. Джексон (S. Jacobs, S. Jackson); дискурсивный анализ Деборы Шиффрин (Deborah Schiffrin). Концепция критического дискурс-анализа представлена диалектико-реляционным подходом Нормана Фэйрклафа (N. Fairclough), социокогнитивным подходом Т. ван Дейка (T. van Dijk), дискурсивно-историческим подходом Р. Водак (R. Wodak), дуйсбургской школой критического дискурс-анализа З. Егера и Ф. Майера (Jäger, Maier), опосредованным дискурс-анализом Р. Сколлона и С. Сколлон (R. Scollon, S. Scollon).

Постепенно происходит формирование отечественной теории аргументации.

В 1970-ых годах Г. А. Брутян, заведующий кафедрой

диалектического материализма и логики философского факультета Ереванского государственного университета, основывает центр исследований аргументации, в сфере научного интереса которого находится философская аргументация и аргументативный анализ.

Формируются два направления философского подхода к аргументации: московская аргументативная школа, яркими представителями которой являются А. П. Алексеев, И. А. Герасимова, А. А. Ивин, Ю. В. Ивлев, и петербуржская аргументативная школа, представленная выдающимися исследователями аргументации А. И. Мигуновым и его прагма-риторическим подходом и расширенной теорией аргументативных речевых актов и Е. Н. Лисанюк и ее логико-когнитивной формализованной теорией аргументации.

В Калининграде сложилась школа под руководством В. Н. Брюшинкина, который является разработчиком системной модели аргументации (СМА).

Лингвистический подход к аргументации формируется исследователем А. Н. Барановым, а также группой ученых из Санкт-Петербургского государственного университета – Л. П. Чахоян, Т. П. Третьяковой, В. Ю. Голубевым и К. В. Гудковой.

Л. Г. Васильев из Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского предлагает лингвистически-ориентированную трактовку рассуждений, основанную на семиологических принципах понимания текста, согласно которым во внимание принимается как форма, так и содержание.

В Москве в русле математического подхода под руководством В. К. Финна сложилась школа многозначной логики аргументации, в рамках которой разрабатываются модели аргументации в области искусственного интеллекта.

Широкое распространение получают исследования определенного аспекта аргументации: концепции философской аргументации, изложенные в работах А. П. Алексеева, И. Н. Грифцовой, Н. В. Зайцевой, С. Л. Катречко, Е. А. Кроткова, Т. В. Носовой, Я. А. Слинина, Е. Н. Шульги; концепции когнитивного подхода, представленные исследованиями И. А. Бесковой и Б. В. Маркова, А. П. Краснопольской, И. П. Меркулова; логические модели аргументативных процедур, изложенные в работах Д. В. Зайцева, В. В. Навроцкого, Б. И. Федорова; концепции риторической аргументации, отраженные в работах Н. Л. Абрамян, Н. А. Колотиловой, В. В. Петрова; коммуникативные концепции аргументации, представленные С. С. Гусевым и др.; концепции научной аргументации и научной дискуссии, представленные в работах В. Ф. Беркова, А. А. Ивина, Е. Е. Ледникова, Е. Н. Лисанюк, Г. И. Малыхиной, В. С. Меськова, М. М. Новоселова, Г. И. Рузавина, Я. С. Яскевич; концепции историко-культурной аргументации,

изложенные в работах А. А. Базарова, И. А. Герасимовой, Г. В. Гриненко; юридические и управленческие модели аргументации, отраженные в исследованиях А. П. Бойко, Ю. В. Ивлева, О. В. Ляшенко, А. К. Сковикова, Г. В. Сориной, С. Ю. Уколова; модели общественно-политической аргументации и эристики, изложенные в трудах Е. Б. Кузиной, И. Б. Микиртумова, И. В. Хоменко, В. И. Чуешова.

Особое внимание заслуживают исследования в области аргументации В. И. Чуешова, разработки которого внесли значительный вклад в развитие и становление не только белорусской научной концепции теории аргументации, но и мировой. В частности, разработанная им новая философская наука – аргументология, философия теории и практики аргументации [2].

В период интенсивного развития теории аргументации возникает необходимость исследовать аргументацию в специализированном контексте, примером которого, например, является изучение языка политики, в частности Т. Клементевичем. Происходит становление следующего, *третьего*, этапа развития современной теории аргументации, – «*эволюционирующего*» из второго этапа в конце XX века – начале XXI века, характеризующегося изучением аргументативного специального дискурса, в частности, политического, что способствует развитию и разработке теории аргументации. Среди них – социально-политическая аргументация В. И. Курбатова, подход Д. Зарефски (D. Zarefsky) по речевому воздействию в области политической коммуникации, исследования разных аспектов аргументативного политического дискурса в рамках концепции аргументации Амстердамской школы Димы Мохаммед (D. A. Mohammed), Корины Андон (C. Andone), Ивон Тоннард (Y. M. Tonnard), Мартина Левински (M. Lewinski), Ахмеда Омара (Ahmed Omar).

Как показывает проведенный анализ состояния теории(й) аргументации, уровень современных теорий аргументации представлен множеством методологически и мировоззренчески отличающихся друг от друга учений и теорий, систематизация которых является важной задачей, как с теоретической, так и с практической точки зрения.

**Литература и источники**

1. Van Eemeren, F. H. Handbook of Argumentation Theory / F. H. van Eemeren, B. Garssen, E. C. W. Krabbe, A. F. Snoeck Henkemans, B. Verheij, J. H. M. Wagemans. – Springer Science+Business Media Dordrecht, 2014. – 988 p.

2. Чуешов, В. И. Теоретико-исторические основания аргументации: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / В. И. Чуешов. – Санкт-Петербург, 1993. – 331 л.

# ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИЗАЦИИ НАУКИ

*Э. М. Иззетова*

Анализ гуманистических измерений науки является важной философско-методологической проблемой в современной интеллектуальной ситуации. Именно в этой точке скрещиваются фундаментальные интенции культурного развития XXI века: с одной стороны, происходит осознание утраты духовности, а с другой – представление науки как высшей человеческой ценности. Наука, проникая в тайны природы, порождает острые социальные, мировоззренческие, методологические и гуманистические проблемы, затрагивающие индивидуальные и социальные аспекты бытия человека. Соответственно, неимоверно высокий темп развития науки необходимо совместить с гуманистическими идеалами, ибо в противном случае произойдет дальнейшее рассогласование мира человеческой жизни и мира культуры.

В контексте проблемы гуманизации науки возникает закономерный вопрос: «Каким должен быть идеал научного знания, чтобы избежать дальнейшего рассогласования между человеком и природой, человеком и обществом, наукой и гуманистическими идеалами?». В таком ракурсе оказалось необходимым рассмотрение познания не только как поиска объективной истины, независимой ни от человека, ни от человечества, но и как человекоразмерного события, ценностного акта утверждения человеческой подлинности. В стратегиях деятельности со сложными человекоразмерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия [1, с. 7]. Научное познание, связанное с такими системами, предполагает учет целого спектра возможных траекторий развития системы в точках бифуркации. Ориентирами в этом выборе служат не только знания, но и нравственно-гуманистические принципы, налагающие запреты на опасные для человека способы экспериментирования с системой и ее преобразования.

Во все времена в жизни человека большое значение имели не только знания, которые представляли собой практическую значимость, но и знания, отражающие общие представления о природе, обществе и самом человеке. Именно эти знания как бы скрепляли в единое целое духовное бытие людей. На их основе возникали, формировались и развивались традиции во всех сферах человеческой деятельности. Немаловажную роль при этом играло то, как человек представлял устройство мира. Человеческому самосознанию присуще стремление представить себе окружающий мир, т. е. увидеть мысленным взором то, что называют

Вселенной.

С понятием научная картина мира связывают обоснованное конкретно-историческое представление о мире, которое определяет стиль и способ научного мышления. Научная картина мира направляет движение мысли, накладывает ограничения на характер допущений «разумных» инновационных гипотез. Этот феномен задает систему установок и принципов освоения Вселенной, в чем проявляется его парадигмальный характер. Содержание научной картины мира обусловливает способ видения мира. Она влияет на формирование логических, методологических, социокультурных и этических норм научного исследования. В настоящее время гуманизация науки и включение гуманистического компонента в научную картину мира приобретает императивный характер. Науке просто необходима гуманистическая парадигма. Она должна полностью обратиться к человеку, его существованию, выживанию и перспективам дальнейшего развития.

Современная наука нацелена на построение единой целостной картины мира, изображая ее как взаимосвязанную «сеть бытия». Сам термин«картина мира» указывает, что речь идет не о части или фрагменте знания, а о целостной системе. Картина мира означает как бы зримый портрет мироздания, образно-понятийную копию Вселенной, взглянув на которую можно понять и увидеть связи действительности и свое место в ней. С каждым естественнонаучным открытием система научных представлений о мире становится все полнее. С развитием науки на смену одной картине мира приходит другая. Каждая картина мира сохраняет от своих предшественников важнейшее, отвечающее объективному устройству Универсума. С философской точки зрения мир есть действительность, взятая как целое, схваченная в некотором ее качественном единстве.

Исторически расцвет и распространение научного знания были связаны с достижениями классической механики XVII–XVIII веков. В этом формате превалировала дисциплинарная парадигма. Абсолютизация законов механики привела к созданию картины мира, согласно которой вся Вселенная представляет собой замкнутую механическую систему. В рамках классической научной картины мира человек вынесен был за пределы природы и представлялся как субъект, ее познающий, конструирующий и одухотворяющий. Накапливая знания, развивая науку и технику, человек обеспечивал господство над природой с целью удовлетворения своих потребностей [2, с. 125–126].

Под влиянием формирования неклассической науки, квантомеханической картины мира происходили серьезные сдвиги в философских основаниях науки. Становились допустимыми такие типы научного описания, которые содержали явные ссылки на средства и процедуры, относившиеся не только к объекту, но и субъекту

познавательной деятельности. Методологической основой служит междисциплинарный подход и его принципы. Становление новой картины мира означал переход от мышления о действительности только в форме объекта к мышлению о ней как о человеческой чувственной деятельности, практике [3, с. 145].

Радикальные трансформации в гносеологическом осмыслении научного знания произошли тогда, когда в сферу науки были включены такие объекты, как исторически развивающиеся системы, взаимосвязь и взаимопереходы между ними. К числу таких систем относятся не только биосфера, метагалактика и Земля как система геологических, биологических и технологических процессов, но и природные комплексы, в которые включен человек. В постнеклассичекую картину мира человек входит не как вещь, не как активный участник природных процессов, а как системообразующий принцип, как начало всех координат и исходный пункт всякого знания о мире. В рамках этой модели науки возрастает роль мультидисциплинарной, трансдисциплинарной методологии.

Во второй половине XX века завершился переход большинства фундаментальных научных дисциплин к изучению нового типа объектов – самоорганизующихся и саморазвивающихся систем. Результаты исследования сложных систем, способных к самоорганизации, привели к радикальной трансформации представлений о природе. На основании постнеклассического подхода этот научный факт существенно изменил картину мира. В рамках новой концепции, хаос – это не только разрушение, но и созидание, если берется в рамках «порядка – хаоса» [4, с. 4–8]. Согласно синергетическому видению мира, большинство систем, существующих в природе, открытого типа. Они находятся в постоянном взаимодействии, между ними постоянно происходит обмен энергией, веществом, информацией, и поэтому для них характерна постоянная изменчивость, стохастичность.

Таким образом, динамично развивающаяся наука трансформирует современную картину мира и ее методологическую парадигму. На смену дисциплинарной и междисциплинарной моделям исследования приходит трансдисциплинарная парадигма [5, с. 4], которая может выступить адекватным коммуникативным каналом, обеспечивающим оптимальное сочетание технологических, нравственно-гуманистических инноваций в науке, технике, в сложных контекстах «общества знаний» и трансинституциональной среды. Создается принципиально новая картина мира, в корне отличная от механистической, электромагнитной и квантово-полевой картин мира. Наука должна носить гуманистический характер и служить на благо человека и человечества.

**Литература и источники**

1. Степин, В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 8–15.

2. Шевелева, С. С. К становлению синергетической модели образования / С. С. Шевелева // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 125–131.

3. Алексеев, И. С. Деятельностная концепция познания и реальности / И. С. Алексеев // Избранные труды по методологии и истории физики. – М.: Руссо, 1995. – 528 с.

4. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

5. Гребенщикова, Е. Г. Философско-методологическое обоснование трансдисциплинарной парадигмы биоэтики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Е. Г. Гребенщикова. – М., 2012. – 42 с.

## РОЛЬ ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

*М. З. Изотов*

Научная картина мира – это целостная система представлений об окружающем человека мире, складывающаяся на основе выявленных в процессе познания закономерностей, используемых в науке принципов, понятий и категорий, раскрывающих сущность, свойства и отношения его объектов.

Выделяют общенаучную картину мира, которая характеризуется тем, что она возникает на основе синтеза знания из разных областей науки. Эта интеграция не является простой процедурой механического соединения различных данных тех и других наук, а осуществляется на основе их глубокого осмысления и систематизации, тесной взаимосвязи и взаимной диффузии, взаимопроникновения. При этом происходит целостное воспроизведение в сознании разнокачественных по своему характеру знаний в единой картине. К настоящему времени наиболее разработанной является естественнонаучная картина мира, синтезирующая в себе знания физики, химии, геологии, биологии и некоторых других наук.

Специальная научная картина мира – соответствует знаниям, полученным той или иной частной наукой. Каждая частная наука является базой для своей собственной картины мира, которая может быть физической и биологической, химической и астрономической, исторической и политической и т. д.

Научная картина мира оказывает существенное влияние на формирование мировоззрения личности, соединяя жизненно-практический опыт человека с научной теорией. Вот почему становится особо важной

задача образования, связанная с получением учащимися полного и объемного, многомерного представления о целостной, единой Природе, пониманием сути основных явлений объективного мира и законов, действующих в реальной действительности, глубоким осознанием сущности и роли Человека в этом мире.

Образование, будучи коммуникативным процессом, не ограничивается лишь передачей знаний, но необходимо связано с воспитанием учащегося, с формирование его как личности.

Новая парадигма образования, ориентированная на переход от знающей и поддерживающей педагогики к человекосозидающей и инновационной педагогике предусматривает существенное изменение познавательной функции этого института.

Дело в том, что конечное, дискретно образование исчерпало свои возможности; общество, в которой основным ресурсом является информация, настоятельно требует постоянного пополнения и обновления знаний, ибо без этого человек не может не только качественно и продуктивно работать, но и комфортно жить.

Теоретическое обоснование критериев отбора учебного материала, на наш взгляд, необходимо осуществлять на основе принципа фундаментализации образования, что даст возможность внедрить в учебный процесс теории высокой степени общности, обладающие повышенной информационной емкостью и прикладной универсальностью. Это позволит представить содержание образования в виде взаимосвязанных между собой блоков, включающих систему знаний, умений и навыков, а также ценностей, способных минимальными средствами передать необходимый объем знаний. При этом очень важно, чтобы каждый блок включал фундаментальные идеи классической науки в сочетании с важнейшими достижениями современного научного познания.

Интеграцию учебных дисциплин, как нам представляется, следует осуществлять на уровне освоения, в первую очередь научной картины мира, которая ориентирует на целостное, объемное, многомерное представление о действительности. Эта задача может быть решена, если будут созданы интегрированные программы и соответствующие им учебники, которые дополняют и обобщают материал изучаемых в школе предметов. Главная цель таких обобщающих курсов – помочь учащимся сформировать системное мышление, целостное видение мира, независимо от профиля подготовки. Используя категорию «научная картина мира» как методологическую основу определения содержания образования, необходимо учитывать и некоторую ее ограниченность, ибо любая из этих картин базируется на готовых знаниях и недостаточно показывает их динамику. К тому же, научная картина мира социума пока еще не получила глубокой разработки в силу инерционности общественных наук и сложности самого объекта изучения. В то же время необходимо

преодолеть существующее в учебном процессе противопоставление научных и гуманитарных знаний. Речь идет, в первую очередь, о подготовке учащихся, которая приводит к формированию «частичного» человека с технократическим стилем мышления.

Между тем, в условиях демократизации общества гуманитарные знания нужны каждому человеку, потому что они формируют его жизненную позицию, воспитывают гражданские качества, способности принимать, эффективные решения и вступать в различные формы общения. Вследствие этого при подготовке любого специалиста необходимо обучать не только специальным знаниям, но и придать особый вес наукам о человеке и обществе, преодолеть рациональную однозначность научно-технического знания, его жесткую определенность, знакомить «естественников» с теорией культуры, экономикой, социальной экологией, психологией, дизайном.

Таким образом, гуманитаризация и гуманизация образования служат взаимообогащению наук, усилению их интегративных связей, проникновению гуманитарного мышления в «тело» всех учебных дисциплин.

## СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ КАК СИСТЕМНОГО СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ЯВЛЕНИЯ

*В. А. Ильганаева*

В настоящее время в науке сформированы условия для новой метасистемной концептуализации сознания в единстве его материальной и духовной составляющих. Установлено, что механизм формирования сознательного находится в полной зависимости от уровня организации материи, ее отражательных и преобразовательных возможностей [1; 2; 3]. При этом процесс формирования социального сознания отражает универсальную эволюционную схему развертывания сознания в психогенетическом единстве объекта и среды [4]. Включение человека в системно-эволюционные, биогенетические и социально-культурные дискурсы изучения ставит вопрос о его рационально-чувственной субстанциональности и особенностях формирования в человекомерных системах. То есть, требуется рассмотрение механизмов становления и параметров, отличающих сознательность «наблюдателя», включенного в пространство Универсума. Согласно достижениям гуманитарного знания, путь трансформаций сознания проявляется как определенное состояние человеческого сообщества в соответствии с изменениями исторических укладов жизнедеятельности и формами социального взаимодействия [5].

Сознание раскрывается как результат отражательных процессов, интегратором которых выступает взаимодействие элементов социальной

системы. Социальное сознание, как результат объединения людей (носителей индивидуального знания и индивидуального мышления), обретает интегральные свойства. Они могут быть описаны новым пониманием семантизации информации и интегральными моделями социально-коммуникационного процесса [6]. Применение коммуникационного принципа в изучении социального сознания становится определяющим в парадигме интегральных исследований сознания как системного явления, обладающего также способностью к развитию и трансформациям [7].

Путь эволюционных трансформаций сознания в пространстве жизненного мира людей проявляется как процесс поэтапного становления от коллективного (нерасчлененного протосознания), индивидуального, общественного (социально расчлененного) к социальному (интегральному). Социальное сознание является предельно высоким уровнем развития формы сознания, присущей системе человечества в его физически, биологически и социентально интегрированном виде [6; 8]. Социальное сознание становится общим пространством существования новой отражательной системы глобального общества, которое стало единым субъектом социального действия. Оно характеризуется интеграцией ментально-когнитивных процессов самоидентификации общностей и индивидов в едином медиапространстве. Возможности развития и трансформаций сознания в пространстве социальной жизни представлены исследованиями измененных состояний сознания [9].

Изменения в состоянии социального сознания являются следствием изменения общественных отношений и происходят, прежде всего, во взглядах на мир и его устройство, представления о движущих силах развития, ценностных ориентациях, жизненных позициях. Можно говорить о социально-культурной иерархии сознаний, в которой социальное сознание представляет собой высший и одновременно предельный уровень развития человечества перед новым качественным переходом [2]. Новое качественное состояние социального сознания Человечества, как единого организма, определяется уровнем связанности составляющих его частей. Социальные связи и отношения, их качество и векторность, в большей степени определяют перспективы социально-культурного развития современного общества и человечества, чем его материально-вещественные составляющие.

Таким образом, социально-культурное обоснование феномена социального сознания направляет внимание исследователей на изучении возрастающей функциональности взаимодействия внутри социальной системы. Это становится особенно важным в связи с тем, что манипулирование общественными сознаниями является нормой, а попытки манипулирования социальным сознанием становятся стратегиейсоциокультурного развития общества.

**Литература и источники**

1. Панов, А. Технологическая сингулярность, теорема Пенроуза об искусственном интеллекте и квантовая природа сознания / А. Панов // Метафизика. – 2013. – № 3 (9).

2. Молчанов, А. В. Развитие теории С. П. Капицы. Гипотеза Сети сознания / А. В. Молчанов // Relga. – 2007. – № 5 (150).

3. Розанов, Ф. И. Гиперобщество как высший уровень развития цивилизации: аттракторы социальной эволюции и факторы метасистемного перехода / Ф. И. Розанов. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2014. – 65 с.

4. Крылов, А. А. Информационный взгляд на комплементарность сознания и духовности / А. А. Крылов, И. М. Юсупов // Материалы II международной научно-практической конференции «Духовно-нравственное развитие молодежи: междисциплинарная проблема XXI века», Набережные Челны, 13–14 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kpfu.ru/ portal/ docs/ F710061118/ Krylov_.Jusupov.pdf. – Дата доступа: 11.03.2021.

5. Ilganayeva, V. Media integration in the processes of becoming transfer subsystems of social consciousness /V. Ilganayeva // Media4u Magazine. – 2021. – № 1.

6. Кузнецов, Н. А. Фундаментальное значение информатики / Н. А. Кузнецов, О. Е. Баксанский, Н. А. Гречишкина // Информационные процессы. – 2006. – № 2, Т. 6. – С. 81–109.

7. Вацлавик, П. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / П. Вацлавик, Д. Бивии, Д. Джексон // Пер. с англ. А. Суворовой. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс. – 320 с.

8. Ильясов, Ф. Н. Коммуникативный подход к идентификации сознания / Ф. Н. Ильясов // Вестник Академии Наук СССР. – 1991. – № 2. – С. 62–67.

9. Гордеева, О. В. Измененные состояния сознания и культура: основные проблемы и направления исследования в современной психологии / О. В. Гордеева // Измененные состояния и культура. Хрестоматия. – СПб.: Питер, 2009. – С. 4–29.

## СИНЕРГЕТИКА И МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

*А. О. Карасевич*

Синергетика тесно связана с проблемой детерминизма, который, в свою очередь, при приложении к психической реальности, тесно связан с вопросом свободы воли. Предел познания психики ограничен выявлением причинно-следственных связей в контексте организма, деятельности и окружающего мира, при этом описательная часть психики также включена в эти процессы, имеющие свой пусковой механизм и свое завершение. Все многообразие и многочисленность психических процессов, имеющих причину и следствие, задают структуру и динамику психики. При этом то

же можно сказать и о поведении как доступной наблюдению деятельности человека. Динамика деятельности организма и психики создают психофизическое целое, которое находится в тесной связи с внешним миром – социальным и природным. Таким образом, психика и деятельность того или иного индивида даже на протяжении небольшого промежутка времени предстают как сложное сплетение большого количества процессов, имеющих причинно-следственные связи. При этом все богатство этих процессов не может быть сегодня описано в русле строгого детерминизма. Здесь на помощь приходит синергетика, которая позволяет продемонстрировать сложность процесса нелинейно и без подробного объяснения «работы» всех причинно-следственных связей. Для синергетики важен основной результат, предшествующие ему процесс и исходное состояние системы. Психика каждого человека является сложной системой, которая с большим трудом может быть описана набором детерминистских описаний (вероятно, абсолютно полного описания конкретной психики исследователь не получит никогда), а при переходе к описанию социального взаимодействия – будь то, к примеру, социальная коммуникация или конфликт – строгий детерминизм становится и вовсе бессильным, поскольку детерминант становится огромное количество, и здесь может помочь синергетика, которая даст наиболее общее описание динамики системы. При описании же динамики социальных групп, социумов и цивилизации в целом «тонкий» детерминизм утрачивает свою актуальность, при этом синергетика, за счет своей изначальной методологической широты, может описывать динамику больших социальных систем. Также важно отметить, что синергетика и детерминизм могут дополнять друг друга в описании социальных систем и психики, однако для этого нужно спускаться на более низкие описательные уровни. К примеру, при синергетическом описании социальной группы нужно переходить к описанию онтогенеза отельных ее участников, и далее – к описанию их деятельности и психики, далее – ко все более конкретному периоду времени, далее – к описанию динамики конкретных психических процессов и структур отдельного индивида в контексте его поведения и работы нервной системы. Так мы можем увидеть неимоверно сложно сплетенные волокна жизни отдельных индивидов, которые сплетаются в группы и социумы в целом, и разнообразие и богатство этих сплетений с возрастанием уровня их сложности все лучше описывает синергетика.

Психология как наука методологически раздроблена, при этом сами психологи не видят в этом существенной проблемы. Уже больше столетия, почти с начала своего зарождения, психология находится в перманентном методологическом кризисе, о котором писали многие выдающиеся психологи уже в начале прошлого столетия. Эта раздробленность не только сохранилась, но и прогрессирует, при этом многие психологи видят

в этом закономерное развитие психологии. Однако в действительности психология сейчас состоит из тысяч научных школ, которые обладают той или иной степенью автономности и приверженности к основным направлениям и отраслям психологии. Каждая научная школа занимается изучением своей предметной области и редко описывает смежные составные части психики, которая при таком подходе не может рассматриваться целостно. Некоторые школы методологически близки и могут бесконфликтно и продуктивно сосуществовать, другие же находятся в состоянии противоборства. При этом всем в психологии отсутствует методологическая целостность и строгость, а учебники по психологии являются лишь описанием набора тех или иных психологических концепций. Приведенные сложности препятствуют тому, чтобы к психике и сознанию можно бы было в полной мере применять детерминистское описание. Вероятно, чтобы в полной мере детерминистски описать внутренний мир человека, необходимо систематизировать и интегрировать знания о психике, после чего возможно будет продемонстрировать всю сложность детерминистских отношений в психике в ее связи с деятельностью, организмом и окружающим миром. Однако и при таком детерминистском описании возможно будет использовать синергетическую методологию – к примеру, в описании аффекта и других сложно прогнозируемых процессов. Свобода воли при детерминистском описании психики выступает как субъективная уверенность индивида в том, что его поступки и решения зависят в первую очередь от его воли, а не от совокупности таких детерминант, как ситуация, состояние организма, физиологические процессы, особенности личности, прошлый опыт, характер, динамика психических процессов и т. д. При этом «идеальный детерминизм» способен полностью описать причины того или иного поведения индивида или динамики его психических процессов. Подобный «идеальный детерминизм» способен полностью заменить синергетический поход в описании психики и поведения человека, а также его социальных взаимодействий. Однако развитие такого «идеального детерминизма» сопряжено с развитием науки и технологий, поскольку сегодня полностью описать и спрогнозировать поведение и динамику психики человека невозможно в виду отсутствия соответствующего научно-методологического и технического инструментария. Также становится актуальной этическая проблема, связанная с тем, что «идеальный детерминизм» дает абсолютную власть над человеком и, соответственно, всем социумом, лишая каждого индивида свободы воли. В целом, критика детерминизма и демона Лапласа имеет место и в наше время, эта критика согласуется с учением И. Канта и неспособностью, с точки зрения немецкого философа, познать вещь в себе, однако к этому должна стремиться наука. Синергетические процессы нельзя считать проявлениями индетерминизма – скорее, они являются проявлениями

обобщения детерминистских процессов.

Психика является сложной реальностью для изучения, поскольку она нематериальна, и в ее исследовании нельзя полностью опираться на естественнонаучную позитивистскую методологию. Психика каждого человека субъективна и только в выражении в социальном мире она приобретает свою объективность и возможность исследования. Вероятно, самым продуктивным методом в исследовании психики является метод моделирования, поскольку с помощью него можно обозначить структуру и динамику психики, взаимосвязь ее элементов в контексте деятельности субъекта, а также в контексте организма и окружающего мира – социального и природного. Не стоит также забывать, что психику и сознание описывают тысячи научных школ, которые имеют свои взгляды на природу психического – взгляды, нередко противоречащие друг другу. Следовательно, наиболее продуктивной моделью, демонстрирующей научное знание о психике, будет та, которая сможет продемонстрировать на своем методологическом пространстве все разнообразие научных воззрений на внутренний мир человека.

Также важным в контексте детерминизма и синергетики является вопрос о случайности и необходимости. Вероятно, наиболее взвешенной научной позицией является признание того, что любая случайность является закономерной и необходимой, поскольку, возможно, закономерность существовала для того, чтобы продемонстрировать ту или иную случайность не только как выброс дисперсии, но и как качественно важное событие. По К. Левину, переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в науке сопряжен с пристальным изучением случайности и рассмотрением ее в связи с закономерностью. К. Левин пишет: «Необходимо понять, что общезначимость закона и конкретность индивидуального случая не являются противоположностями, и что на смену ссылке на максимально широкую историческую область повторяющихся случаев должна прийти ссылка на целостную конкретную ситуацию во всей совокупности ее факторов. Методологически это означает, что важность того или иного случая и его доказательная сила не могут оцениваться на основании частоты его появления» [1, с. 83]. При таком подходе моменты бифуркации рассматриваются как закономерные и необходимые, а синергетика, в свою очередь, дает возможность спрогнозировать развитие системы и снизить бифуркационные риски. В целом, методологически правильной представляется поливариативная интерпретация динамики психики и деятельности индивида – детерминистская, синергетическая и даже стохастическая.

**Литература и источники**

1. Левин, К. Динамическая психология: избранные труды / К. Левин. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.

# МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ТРЕНД В СТАНОВЛЕНИИ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

*Н. К. Кисель*

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется интенсивными процессами развития науки как таковой, с одной стороны, и ее философско-методологического осмысления – с другой. Философия науки на протяжении всей своей почти двухсотлетней истории демонстрировала неразрывную связь с эпистемологической проблематикой, прежде всего, классического толка. Становление неклассической эпистемологии в последней трети XX столетия повлекло за собой появление структуралистских, феноменологических, герменевтических и других транскрипций традиционной философии науки, но основной вектор ее развертки был задан аналитическим движением в разнообразных его проявлениях.

В последние десятилетия XX века начинался процесс «пересборки эпистемологического» [1] и формирование постакадемической науки [2] для которой характерны изменения в структуре научного знания, оригинальные методологические новации, новые социальные статусы субъекта научного познания, инновационный характер взаимодействия науки и социальной практики, метаморфозы этоса науки. Данные обстоятельства во многом повлекли за собой существенный сдвиг философско-методологического дискурса в анализе состояния и перспектив развития современной науки. Результат этого процесса по аналогии с трансформациями, переживаемыми наукой как таковой, можно обозначить как феномен постакадемической философии науки.

Обращает на себя внимание временной синхронизм в формировании постакадемической философии науки и новых исследовательских практик в самой науке. Так, развернутый междисциплинарный, а затем и возникший трансциплинарный контекст современного научного познания обнаруживают корреляцию с изменениями проблематики философско-методологического анализа. На смену относительно автономным сферам философского дискурса, таким как философия науки и философия техники, приходят Science and Technology Studies (STS), т. е. исследования науки и технологий. Этот один из ведущих трендов в современных философско-методологических исследованиях стремительно сближается с социальной философией, социологией науки и науковедением как междисциплинарной стратегией в изучении науки.

STS акцентирует внимание не столько на социокультурной детерминации научного познания, что скорее характерно для постпозитивистской философии науки, сколько на взаимодействии науки и общества в разных проекциях – экономической, инновационно-

технологической, ценностной. В поле зрения STS оказываются реальные практики производства научного знания, коммерциализация науки в условиях когнитивного капитализма, разнообразные формы нелинейной взаимосвязи науки и техники, аксиологическое измерение постакадемической науки.

Постакадемической науке, в частности, присуща холистическая интенция в процессе модельной репрезентации объектов повышенной сложности, сопряженная с нацеленностью на проблемно-ориентированный научный поиск, так или иначе преследующий практический результат, реализацию требований, задаваемых контекстом будущих приложений, что можно проследить на примере технонауки. Это, в свою очередь, инициирует новые подходы в реализации философско-методологической рефлексии над наукой в основных ее проекциях в современном обществе.

Освоение новых проблемных полей в постакадемической философии науки предполагает формирование оригинального концептуального аппарата.

Одним из самых репрезентативных трендов постакадемической философии науки является акторно-сетевая теория научного познания (АКТ). Развиваясь, прежде всего, в рамках социальной эпистемологии, АКТ позволила взглянуть на процесс научного познания сквозь призму идей радикального конструктивизма.

АКТ репрезентирует динамику науки как процесс гетерогенной инженерии, рождающий синтагматические комплексы социальных, технических, концептуальных и текстуальных по своей природе составляющих. Тем самым осуществляется отход от основополагающих установок предшествующих философии науки и философии техники: противопоставления общества и природы, природных и технических комплексов, объекта и субъекта познания, истины и заблуждения, структур и процессов и т. д.

На смену разделению на социальные и природные феномены приходит обращение к технологии, позволяющей описывать взаимное наложение человеческого и не-человеческого и тем самым уходить от субъект-объектной дихотомии, свойственной традиционной философии науки. Стоит отметить, что критики АКТ обращают внимание на то, что данный подход к тому же стирает различие и между социальным и несоциальным, что не может не вызывать неприятия у консервативных представителей социологии научного знания.

Интересную корреляцию генерализирующих тенденций в развитии современной науки и ее философского осмысления демонстрирует сходство методологических установок. В постакадемической науке в силу большой сложности исследуемых объектов и многофакторности их детерминации на смену аналитически прозрачным фундаментальным и частным теоретическим схемам приходят своеобразные «черные ящики».

Так, в рамках технонауки, ведущей, например, поиск новых лекарственныхформ, базисные исследования предполагают работу с большими данными с помощью вычислительного эксперимента, базирующегося на методе численных приближений без необходимости экспликациикаузальных связей, столь характерной для академической науки.

Сходную тенденцию демонстрирует постакадемическая философия науки. Концептуальные положения АКТ актуализируют достаточно известный метод «кейс-стадис», изначально применявшийся для анализа экономических, социальных и бизнес-ситуаций. Возникает новая исследовательская площадка – научный коллектив как коммуникативная целостность, функционирующая в особых социально-исторических условиях.

АКТ центрирует внимание на такой институции как научная лаборатория, в деятельности которой обозначаются границы и вместе с тем осуществляются переходы между искусственным и естественным, человеческим и природным, а также между знанием и заблуждением. Таким образом, постакадемическая философия науки в транскрипции АКТсмыкается с различными направлениями современной социальной мысли.

Акторно-сетевая теория научного познания кардинальным образом переосмысливает проблемуметода в транскрипции традиционной философии науки. При этом обнаруживается существенное влияние радикального конструктивизма с его отказом от признания онтологических оснований научногопоиска. Так, Дж. Ло полагает, что метод «переделывает и повторно связывает компоненты, <…> пересоздает реальности, порождая новые версии мира» [3, с. 293]. С этих позиций научный факт являетсобой не когнитивный, а социальный конструкт.

Переосмысленная трактовка проблемы метода требует закрепленного за ней обозначения. И оно возникает благодаря введению термина «метод-сборка». В духе радикального конструктивизма новый подход снимает вопрос об истине, столь существенный не только для эпистемологии, но и традиционной философии науки. Нечто подобное обнаруживает в своей развертке современная технонаука, для которой на первый план выдвигается функция проектирования результатов научной деятельности на фоне усиливающейся коммерциализации науки, что делает последнюю своеобразным «бизнес-проектом». Таким образом, можно утверждать, что в рамках современного этапа развертки философско-методологического дискурса обнаруживает себя новый феномен – постакадемическая философия науки с рядом отличительных особенностей содержательного, методологического и институционального характера. Вопрос о ее соотношении с традиционной философией науки, с одной стороны, и дисциплинарными стратегиями в исследовании науки с

другой, пребывает в стадии проблематизации и требует дальнейших исследований.

**Литература и источники**

1. Лебедев, С. А. Пересборка эпистемологического / С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 53–64.

2. Федотова, В. Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2014. – № 8. – С. 44–53.

3. Ло, Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло. – М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2015. – 352 с.

## КИБЕРКОСМИЗМ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ДОКТРИНА

*А. В. Колесников*

Философская доктрина лежит в основе всякого социального поведения. Даже в том случае, когда это отрицается или не осознается субъектом, он все равно действует и мыслит в соответствии с некоторой системой философских представлений, которые могут представлять собой просто совокупность стихийных положений в неявном виде продуцируемых обыденным сознанием. Философская доктрина представляет собой тот основной регулятив, от которого в конечном счете зависит как судьба отельной личности, так и целой социальной системы. Поэтому выбор или разработка таковой руководящей концептуальной идеи критически важен как на уровне отдельного субъекта, так и на уровне социума в целом.

Наш мир неоднороден. Он поделен на несколько крупных цивилизационных кластера. Нельзя просто так взять и скопировать генеральную идею у другого успешного народа из иного цивилизационного кластера. Эта идея вызревает и совершенствуется столетиями и именно в той среде, в которой она возникла и является аутентичной. В этой связи актуальным является, вопрос о том какая философская доктрина аутентично и репрезентативно в состоянии представить глубинную ментальность народов, входящих в цивилизационный кластер Союзного государства России и Беларуси. Народы, входившие в состав СССР, связывает общее прошлое и официальная приверженность марксизму как официальной государственной идеологии. Вместе с тем, немецкий марксизм, заимствованный революционерами в Российской империи, впоследствии претерпел значительные деформации, приобретя национальные черты. В лучшей своей части идеи немецкого социализма и коммунизма оказались переплавленными в некую ветвь русского космизма. Наиболее выпукла эта трансформация представлена в ряде литературных произведений Ивана

Ефремова. Писатель был убежденным и последовательным коммунистом, но, вместе с тем, был и мыслителем-космистом, что отчетливо проявляется в его текстах, посвященных концепции будущего [1; 2].

Характерным направлением философского поиска, разработки и становления аутентичного философского мировоззрения стало полифоничное и плюралистичное интеллектуальное течение, обозначенное в истории философии как космизм [3; 4]. Именно космизм является той философской основой, на которой выстраивается идейный фундамент нашего цивилизационного кластера. При всем разнообразии взглядов (религиозных, атеистических, монистических, художественных, гуманитарных, технократических) в философском космизме присутствует центральная объединительная идея. Это – космический человек. Самопознания человека в единстве с космосом представляет собой основной вопрос разноплановой космической философии, обеспечивающий ее внутреннее единство.

Направление, которое развивается нами, базируется на той же идейной базе, однако существенно обогащено широким применением математических вычислительных моделей, компьютерных технологий, технотронных футуристических концепций. По этой причине данная философская доктрина была обозначена как *киберкосмизм*. Несмотря на выраженную техногенную компьютерно-математическую оболочку ядром и основой киберкосмизма остается гуманистическая этика и холистическая метафизика классического космизма. Социотип космического человека рассматривается на основе концепта *тетрагнозиса*, предполагающей, что продуктивная пассионарная личность включает в себя четыре основных составляющие, обозначенные греческими буквами *Φ* (Φιλοσοφία, философия), *Λ* (Λόγος, наука, познание), *Aι* (Αἴσθησις, эстетика, эстетический вкус, ощущение красоты), *Π* (Πρᾶξις, праксиз, практика, конкретные профессиональные навыки и компетенции)

Существенным новшеством киберкосмизма выступает глубокий синтез идей космической философии и синергетики [5; 6]. На основе этого синтеза предложена *темпоральная арифметика* [7], которая расширяет традиционную статическую теорию чисел, адаптируя ее для описания невоспроизводимых исторических динамических процессов. *Темпоральное число* записывается, в специальной нотации [A]±χχ. Это означает, что темпоральное число предполагается ограниченным по своей информационной емкости, но содержит постоянно меняющийся, очень малый компонент. Он принимает новое уникальное значение при каждом вычислительном акте с участием числа A. Таким образом, темпоральное число предполагается состоящим из двух частей – *номинальной* ([A]) и *феноменальной* (±χχ). Две греческие буквы хи обозначают понятия χάος (хаос) и χρόνος (хронос), которые выступают источником этой самой неконтролируемой части темпорального числа.

В основу теории познания киберкосмизма положено понятие *протоконструкта* [8; 9]. Протоконструкт представляет собой когнитивный объект с известной структурой, который в процессе познания ставится субъектом в соответствие исследуемому, познаваемому объекту с неизвестной структурой. На основе этого соответствия производится экстраполяция или проецирование свойств известного объекта протоконструкта на неизвестный исследуемый объект. Характерной особенностью методологии наших исследований является то, что в качестве протоконструктов используются специально разрабатываемые математические и компьютерные модели.

Социальная философская концепция киберкосмизма основана на представлении о ведущем значении конкуренции молекулярного и космического социотипа, представляющую собой основную пару противодействующих устремлений [10]. Разность интересов и волевых векторов этих социотипов направляет и продуцирует изменения и подвижки в социотипической структуре общества. Нами разработаны математические и компьютерные модели социальной динамики в условиях противоборства конкурирующих социотипов. В моделях используются элементы темпоральной арифметики, обеспечивающие имитацию элемента невоспроизводимости и историчности, характерной для социальной динамики.

Одной из центральных проблем и целевых установок киберкосмизма выступает создание машин, обладающих зачатками «я», психики, самосознание и мышления. Реализация этого проекта могла бы стать началом новой эры техногенеза и свидетельством прорыва и понимания ключевой проблемы всей науки и философии – проблемы сознания. Создание одушевленных, самовоспроизводящихся и эволюционирующих машин представляет собой необходимое условие для освоения дальнего космоса, миров иных звездных систем и, соответственно, экспансии уникального космического феномена – земного разума – дальше во вселенную [11; 12; 13].

*Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-042.*

**Литература и источники**

1. Ефремов, И. А. Туманность Андромеды / И. А. Ефремов. – М.: Патриот, 1991. – 272 с.

2. Ефремов, И. А. Час быка / И. А. Ефремов. – М.: МПИ, 1988. – 528 с.

3. Русский космизм: Антология философской мысли // Сост. С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; вступ. ст. С. Г. Семеновой; предисл. к текстам С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; прим. А. Г. Гачевой. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.

4. Алексеева, В. И. Космизм о мире, человеке и обществе (концепции XIX – середины XX вв.) / В. И. Алексеева. – М.: Луч, 2012. – 576 с.

5. Колесников, А. В. О современном синергетическом понимании некоторых научных идей философов – космистов: от Циолковского до Манеева / А. В. Колесников // Время и вечность: философия, логика, познание: сб. науч. трудов / Ред. А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 57–67.

6. Колесников, А. В. Синтез идей космизма и синергетики как продуктивная философско-мировоззренческая основа модернизации содержания образования / А. В. Колесников, С. Н. Сиренко // Идеи К. Э. Циолковского: прошлое, настоящее, будущее. Сорок седьмые научные чтения памяти К. Э Циолковского. 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://readings.gmik.ru/ show/ readings. – Дата доступа 03.05.2021.

7. Kolesnikov, A. V. Chaos, time and temporal numbers / A. V. Kolesnikov, S. N. Sirenko, G. G. Malinetsky // Canadian Journal of Pure and Applied Sciences. – 2020. – Vol. 14, № 1. – P. 4928–4934.

8. Колесников, А. В. Когнитивные протоконструкты и проблема междисциплинарной интеграции научного знания / А. В. Колесников // Проблемы управления. – 2014. – № 1. – С. 105–109.

9. Колесников, А. В. Цифровые протоконструкты в познании природы хаоса и темпорологической эмерджентности / А. В. Колесников // Философские исследования. – 2019. – № 6. – С. 198–212.

10. Колесников, А. В. Человек молекулярный и человек космический. Цифровые протоконструкты в философских исследованиях/ А. В. Колесников // Материалы 54-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. – Ч. 2. – Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2019. – С. 129–131.

11. Колесников, А. В. Космическая цивилизация будущего, темпоральная математика и живые роботы / А. В. Колесников // Воздушно-космическая сфера. – 2020. – № 1. – С. 39–47.

12. Колесников, А. В. Космогенез. Становление человеко-машинной космической цивилизации будущего / А. В. Колесников // Воздушно-космическая сфера. – 2020. – № 4. – С. 30–39.

13. Колесников, А. В. Космическая экспансия разума / А. В. Колесников // Воздушно-космическая сфера. – 2018. – № 4. – С. 18–27.

## БЕСПРЕДМЕТНАЯ ОНТОЛОГИЯ

*П. М. Колычев*

Релятивная онтология описывает глобальное развитие мира как процесс возникновения сома-сущего, в котором внешняя причинность преобладает над внутренней. С нарастанием значимости внутренней причинности и при ее примерном равенстве с внутренней причинностью, возникает антропо-сущее. С дальнейшим нарастанием значимости внутренней причинности по сравнению с внешней, возникает тео-сущее, в котором внутренняя причинность уже преобладает над внешней. Разумеется эти три вида сущее лишь вехи в непрерывном глобальном

развитии мира, то есть между ними существуют сущие (субэтапы) в различным соотношение между внешней и внутренней причинностями. Так в становлении современного человеческого сообщества оно проходит следующие три субэтапа: 1 – до-культура, 2 – автономная культура, 3 – открытая культура. В теологическом сущем мы можем выделить лишь тот субэтап, который непосредственно следует за открытым антропологическим сущем, обозначим его как «ливоли». Остальные субэтапы теологического сущего нам «не видны», да и у ливоли нам «виден» только начальный краешек. Каждый из субэтапов проходит стадию развития, переходящую в стадию стагнации. Современное западноевропейское общество в настоящий момент переходит в стадию стагнации, то есть далее оно уже не будет развиваться.

В глобальной этапности мира следует иметь в виду тот факт, что мир, в своем развитии, переходит от одного этапа к другому не во всей своей целостности, а лишь частично. Важным оказывается так же вопрос о включенности друг в друга субэтапов глобального развития мира. В отношении сома-сущего с полной определенностью можно утверждать о включенности субэтапами предшествующих субэтапов. Так химический субэтап включает в себя физический, а биологический субэтап включает в себя как физический так и химический субэтапы. При этом необходимо иметь в виду, что физическая составляющая в химисущих второстепенна, то есть она на является определяющей для законов функционирования химических сущих. Соответственно этому присутствие в биологических сущих физической и химической составляющих является второстепенным, то есть не является определяющим для законов функционирования биологических сущих.

Соответственно этому можно поставить вопросы: включает ли антропо-сущее сома-сущее, включает ли тео-сущее антро-сущее и включает ли тео-сущее сома-сущее? Казалось бы на первый вопрос можно с уверенностью дать положительный ответ. Ведь каждый человек имеет тело, которое функционирует по законам биологии, а так же это тело имеет определенный химический состав, к тому же это тело имеет все основные физические характеристики. Но так же как и в случае субэтапов химического сущего и биологического сущего функционирование антропо-сущего осуществляется по специфическим законам, которые не сводимы к законам функционирования биологического сущего, химического сущего, физического сущего. Прежде всего – это законы функционирования сознания. Поэтому вопрос о включенности сома-сущеего в антропо-сущее сводится к вопросу о включенности телесности в сознание человека. В научной литературе – это вопрос о внетелесности сознания. Правда до настоящего времени эта проблема в научной литературе не рассматривается с позиции зависимости (включенности) или независимости сознания от тела, так в этой литературе исследователи

исходят из постулата о зависимости (а значит и включенности) сознания от тела. Однако это научное утверждение не подтверждается в отношении некоторых явлений, например, около или после смертный опыт. Эти явления научная литература описывает только с качественной стороны, то есть здесь отсутствует количественное научное описание. Вместо научного мы придерживаемся количественно научного описания, с позиции которого сознание, с точки зрения информационного подхода, может существовать и вне тела. Стало быть это свидетельствует о частичной независимости (невключенности) антропосущего от сома-сущего.

В соответствии с таким решение о включенности сома-сущего в антропо-сущее вопрос о включенности сома-сущего и антропо-сущего в тео-сущее может быть решен таким образом: тео-сущее включает не все антро-посущее, а только ту его часть, которая не зависит от телесности, то есть не зависит от сома-сущего. Тогда первый этап развития тео-сущего – ливоли, непосредственно включает ту часть антропо-сущего, которая соответствует внетелесному сознанию, и опосредованно включает ту часть антропо-сущего, которая соответствует телесному сознанию. Однако здесь возникает вопрос о присутствии в ливоли такой части, которая выходит за рамки антропо-сущее, подобно тому как внетелесное сознание выходит за рамки сома-сущего. Допущение такого «выхода» будет означать единство принципа выхода для всех трех видов сущего. Именно это обстоятельство является определяющим в решении о «выходе» ливоли за рамки антро-посущего.

В. Н. Сагатовский, в частной беседе, выдвинул гипотезу о том, что тео-сущее своим актом творения (творческим актом) запускает новый цикл развития мира. Тогда релятивная онтология выступает предпосылочным актом такого творения, так как релятивная онтология, по крайней мере, обосновывает необходимость запуска нового цикла развития мира, который соответственно будет именоваться «новый мир».

Если основываться на принципе квантовой непрерывности развития, то первый этап нового мира должен быть связан с конечным этапам старого мира. В старом мире таким конечным этапом является тео-сущее. Спецификой теологического сущего, отличающего его от сома – и антропо-сущих, состоит в преобладании внутренней причинности над внешней. Причем чем выше ступень развития тео-сущего тем выше преобладание внутренней причинности над внешней. Тогда именно идеальный аспект теологического сущего является предпосылкой (основой) для первого акта творения нового мира.

Онтология, как и наука, теология (в старом смысле этого слова), искусство является элементом идеального (внутренняя причинность) аспекта старого мира. Все они начинались как духовные инструменты телесной деятельности. В современной ситуации в наименьшей степени с телесной деятельностью связано искусство, поэтому именно в развитии

искусства начинается развитие нового мира. Однако на эту роль может претендовать и наука, и онтология. Так же как и в отношении искусства, речь идет об измененной онтологии. Если в искусстве эти изменения можно связать с подлинной беспредметностью, то в чем состоят эти изменения для онтологии.

Предположим, что эти изменения того же плана, что и в искусстве, то есть в беспредметности. Основания для такого предположения кроется в общности между искусством и онтологией, а именно они оба есть отражение предмета. Для онтологии таким предметом является мир. Что же тогда может означать беспредметная онтология. Буквально беспредметная онтология – это онтология, не являющаяся отражением мира, подобно тому, как беспредметное искусство не является отражением какого-либо предмета. И аналогичным же образом, как и произведение беспредметного искусства является не отражением предмета, а самим предметом, то таким же образом и беспредметная онтология не является отражением мира, а является самим этим миром, новым миром. Стало быть, беспредметная онтология не является отражением нового мира, а является самим этим новым миром. Беспредметное искусство как и беспредметная онтология, с позиции старого мира, являются видами мышления, а именно беспредметным мышлением. Мышление понимается здесь как процесс возникновения новой мысли. Тогда беспредметное мышление – это создание таких мыслей, которые не имеют собственного предмета. Примеров такого мышления предостаточно, это результаты фантазий. Такое мышление составляет главный смысл существования ливоли.

## СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ «УНИВЕРСИТЕТА» КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

*Д. В. Кравченко, В. П. Старжинский*

Глобальные, информационные, политические, социально-экономические изменения, произошедшие за последние десятилетия, заставляют общество искать принципиально новые подходы к собственному развитию в XXI веке Одним из главных социальных институтов, создающих условия для становления и формирования человека и общества через усвоение и выработку духовной и материальной культур в современном мире становится Университет.

Современный Университет – это результат почти тысячелетней эволюции образовательного института, которая может быть представлена как движение его исторического развития от социальной системы к социотехнической.

Университеты первого поколения, возникшие в первую очередь в таких городах, как Болонья, Париж, Оксфорд, Салерно, Кембридж, Краков были образованы в период с 1100–1700 гг. Университет 1.0 представлял собой социальную институцию, основывающуюся на объединении преподавателей и студентов, а также агломерации соответствующих наук. Территориально они располагались вблизи крупных храмов и монастырей. Слушателями становились студенты со всего континента, занятия проходили в форме публичных лекций, а формой предъявления знаний выступал аргументативный дискурс и логика рассуждений, известная как «христианский рационализм» П. Абеляра. Усвоение знаний осуществлялось в форме заучивания. Преподавание велось на латинском языке. Основными предметами были богословие и гуманитарные науки. Лицензия лекторам выдавалась городской властью и церковью, эти же институты и покровительствовали университетам, то есть осуществляли финансирование. Взаимодействие преподавателей и студентов основывалось на принципах коллегиальности и корпорации.

Структура университета представляла объединение факультетов (область преподаваемых знаний) и землячеств (группировки студентов по языковому или территориальному принципу), органы управления – ректор (канцлер), прокураторы. В середине тринадцатого века в структуру университета вошли колледжи (Сорбонна 1257 г., Харкорт 1280 г., Баллиол 1261 г., Питерхаус 1284 г. и др.). Первое время колледжи являлись элементом инфраструктуры университета, выполняя функцию общежитий для бедных студентов, однако со временем колледжи стали местом, где студенты не только жили, но и обучались. Колледжи стали набирать большую популярность, чем университеты. Благодаря значительным пожертвованиям они становились центрами интеллектуального развития со своей собственной инфраструктурой.

Выделились два архетипа университетов – Болонский, структура которого определялась контрактом между студентами и преподавателями и Парижский, основанный на объединении преподавателей. Архетип Парижского университета получил большее распространение в образовательном пространстве в то время.

Согласно современной классификации первые Университеты относятся к номинации «1.0» и выступали, как инструмент развития и распространения образования, поддержки церковной и светской властей, способствовал стабильности церкви и государства. Несмотря на преобладание схоластических знаний, университет 1.0 влиял на прогрессивное развитие общества, выступая в роли института средневековой культуры, готовя правоведов, юристов, богословов, и тем самым изменял структуру породившего его общества. Средневековый университет являлся государством в государстве со своими законами и юрисдикцией, свойственными ему привилегиями, академическими

свободами и интернационализацией. До XV века происходило масштабирование университетов без изменения основных структурных признаков, при этом доля финансирования со стороны светских властей увеличилась и, как следствие, они стали оказывать большее влияние на университеты.

С XV века начинаются процессы трансформации университета 1.0, вызванные развитием культуры, науки и гуманизма в эпоху Возрождения. Вне университетов появляются специализированные школы, ориентированные на инженерное дело, лесное хозяйство и др.; возникают научные общества и академии, в рамках которых ведется научная деятельность, направленная на изучение естествознания, в которую вовлечены преподаватели и ученые-любители. В самих же университетах происходит специализация факультетов теологии, философии, медицины и права, появляются факультеты военных наук и политехнические институты. Следующим шагом явилось включение в структуру университета факультетов естественных наук, что привело к появлению в инфраструктуре университета таких учебно-вспомогательных компонентов как лаборатории, обсерватории, анатомические театры и ботанические сады. Происходит преобразование университета как социальной системы в социотехническую, *представленную взаимодействием ее инфраструктурных элементов (научных, образовательных, технологических), их предметных реализаций, с одной стороны, и человеческой деятельности, с другой.*

Экспансия, дифференциация и профессионализация становятся ключевыми принципами создания структурно-функциональной организации университетов в XVIII веке. Источниками финансирования выступали государство, пожертвования, плата за обучение студентов, а также инвестиции.

Процессы развития социально – экономической жизни, государственных институтов, и научных исследований стали предпосылками к смене самой модели Университета. Трансформация шла по нескольким направлениям, но наибольшее распространение получила модель, спроектированная и построенная немецким философом, филологом, государственным деятелем В. Гумбольдтом. В основе данной модели лежал принцип *объединения процессов обучения и исследовательской деятельности.* Монодисциплинарные факультеты являются в то время основой структуры университета. В дальнейшем они преобразуются в самостоятельные факультеты (математический химический, биологический и др.). Сформировался и учебно – научный метод образования, состоящий из практики занятий со свободной аргументацией и систематически воспроизводимых объективных экспериментов. Данные, полученные на основе этого метода, использовались для формулирования законов и теорий, которые в свою

очередь, применялись для прогнозирования изменений в природно-технических системах. Данный образовательный симбиоз обучения через исследовательский процесс и породил научную деятельность, существующую по настоящее время. Университеты публиковали результаты научной деятельности в журналах, в том числе на базе собственных типографий. Источниками финансирования являлись государство, пожертвования, плата за обучение.

В XVII–XVIII веках выделялись два принципа организации университетов: французский и немецкий. В XIX веке французская модель университета преобразовалась в политехническую школу для подготовки инженеров и военных. Немецкая модель стала эталоном классического университетского образования, главной целью которого было развитие науки. В этот период латынь утрачивает статус языка просвещения, преподавание ведется на национальных языках, а языком научного общения становится немецкий. Активной конкуренции между университетами еще не наблюдается, преподаватели (профессора) свободно переходят работать из университета в университет, поддерживаются принципы кооперации и сохраняется атмосфера альтруизма. В XIX–XX вв. продолжается дальнейшая трансформация образовательных институтов. Наряду с университетами появляются специализированные академии – военно-технические, инженерные, сельскохозяйственные, искусств.

В конце XVIII–XIX вв. университеты Восточной Европы (ВЕ) – Московский 1755 г.; Дерптский 1802 г.; Харьковский, 1805; Варшавский 1816; Виленский (приемник главной школы ВКЛ в XVI вв.); Санкт-Петербургский, 1819 – осуществляли подготовку кадров для различных сфер деятельности общества: медицина, образование, администрирование, экономика, наука. Университеты ВЕ стали приемниками уже существующей модели университета 2.0. Деятельность университетов регламентировалась уставом; структура включала несколько факультетов, возглавляемых деканами либо председателями коллегий, кафедр и лабораторий. Во главе университета стоял ректор. Финансирование университетов осуществлялось из казначейства Российской империи. Студентами преимущественно становились мужчины из дворянства, однако реформы и либеральное движение в обществе формировали прогрессивные тенденции – в университеты стали принимать разночинцев и открывать женские курсы. Обучение осуществлялось на польском и русском языках. Университеты становились центрами пропаганды образования и научных знаний, площадкой для создания культурно-просветительских учреждений.

Таким образом, социально-культурный анализ показывает, что эффективная деятельность университетов обусловлена релевантностью социально-экономическому и научно-технологическому развитию

общества, модераторами которого они и являлись.

## СИСТЕМНО-КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

*Н. Н. Красовская*

Современная социально-экономическая обстановка в стране, снижение уровня жизни значительных слоев населения, усложнившиеся условия работы традиционной инфраструктуры социальной сферы требуют формирования и развития новых подходов к содержанию социальной защиты населения, ее изменению и оптимизации. Закономерно возникает необходимость становления ее как высококвалифицированной, профессиональной деятельности, основанной на научной диагностике, социальном прогнозировании и проектировании, на принципах социальной справедливости, социально-правовых и нравственных гарантий с учетом требований практики, специфики социального развития страны, а также передового зарубежного и отечественного опыта.

Одной из прогрессивных тенденций, наметившихся в последнее время, является рассмотрение теории и практики социальной работы с точки зрения системно-комплексного подхода. Отметим, что социальная работа представляет собой систему, состоящую из элементов, которые, функционируя автономно, образуют целостное единство. Между составляющими образуются определенные отношения и связи, благодаря которым совокупность элементов превращается в единое целое.

Центральным звеном модернизируемой системы выступает человек (личность) со своими потребностями, интересами, взглядами, со своими проблемами (социальными, медицинскими, психологическими, материальными и т. д.), сочетание которых позволяет рассматривать его как сложное системное образование, а людей, попавших в трудную жизненную ситуацию и нуждающихся в социальной поддержке и защите, – как специфическую часть социальной системы, как главный объект социальной работы. Иными словами человек, выступающий объектом социальной работы, рассматривается в системе социальных связей и контактов, в его взаимодействии с другими людьми, социальной группой, семьей, т. е. социальной средой. Социальная работа, чтобы быть успешной, должна учитывать специфику каждого вида социальной среды, применять соответствующие формы и методы работы.

С точки зрения объекта социальной защиты пространство социальной работы значительно расширяется, объект ее становится более объемным. С другой стороны, происходят перемены и в системе субъекта социальной работы. Разноплановость, объемность социальной работы требует интеграции усилий различных служб. Системный подход

позволяет рассматривать социальную работу как сеть учреждений обслуживания, защиты и помощи социально нуждающимся группам населения. Социальная работа осуществляется в системе государственных учреждений, общественных и частных организаций, различных центров и служб. Расширение пространства социальной работы требует включения в социальную деятельность работников многих министерств и ведомств, специалистов различных направлений, а также людей, которые занимаются социальной деятельностью на общественных началах.

Таким образом, система социальной защиты населения представляет собой целостный комплекс субъектов, роль и задачи которых значительно укрупнились, а сама социальная работа приобрела более глубокое теоретическое обоснование и вышла на качественно новый уровень. Если ранее социальная работа проводилась с клиентами только при острых бедственных ситуациях, то в современных условиях она охватывает различные категории населения как в порядке помощи, так и в порядке профилактики. Происходит становление системы социальной защиты не отдельных категорий граждан, а всего населения в целом. Оказание помощи нуждающимся требует интеграции ведомственных систем в единое целое и проведения комплекса разноплановых мероприятий, нацеленных на нормализацию положения человека в обществе.

Комплексный подход к социальной работе выдвинул на поверхность вопрос о всесторонней подготовке кадров, т. е. о подготовке такого специалиста, который смог бы системно подойти к решению проблем, охватив различные сферы жизнедеятельности людей. Социальная защита, как деятельность, ориентированная на человека в целом, и включающая в себя все его проблемы на протяжении всех этапов его социализации, содержит различные виды социальной помощи – материальную, психологическую, педагогическую, юридическую, культурно-нравственную, духовную и т. д. Соответственно, содержание социальной работы, носящей многопрофильный характер, вытекает из функций, образующих целостный комплекс различного рода направлений. Социальная работа, таким образом, имеет педагогический «срез», медико-психологический, культурологический, правовой и др. Взаимосвязь ее с другими социальными системами свидетельствует об открытости системы социальной работы. Эта взаимосвязь просматривается на уровне социально-экономических, гуманитарных дисциплин, политики, экономики, здравоохранения, образования, философии, этики и т. д. [1, с. 234].

Понимание социальной работы как системы позволяет избавиться от узкого, одностороннего подхода к ней, повысить ее эффективность и совершенствовать используемые для решения трудных жизненных ситуаций клиентов методы и технологии. Решение комплекса задач в сфере социальной работы осуществляется при помощи современных,

инновационных форм и услуг, оказываемых населению.

Социальная работа представляет собой целостную систему и с точки зрения ее содержания, и с точки зрения ее организации и управления. Все ее компоненты функционируют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, обеспечивая реализацию жизненно важных потребностей личности и групп населения, нуждающихся в том или другом виде социальной защиты, помощь в социальном становлении личности, в формировании необходимых социальных качеств, навыков полноценной жизнедеятельности в социуме.

**Литература и источники**

1. Красовская, Н. Н. Системный характер социальной работы и обоснование необходимости интеграции усилий различных служб и ведомств в решении задач социальной защиты населения / Н. Н. Красовская // Личность – Слово – Социум: материалы VII науч.-практ. конф., Минск, апрель 2007 г. – Минск: Ин-т современных знаний, 2007. – С. 233–235.

## МЕСТО И РОЛЬ МИРОВОСПРИЯТИЯ В МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

*В. В. Кривошеин*

Мировоззрение как высшая система общественного сознания представляет собой разноуровневое духовное образование, в котором сочетаются в единое целое жизненные взгляды с их рациональными и иррациональными элементами, смыслы и предрассудки, научные, художественные и политические взгляды. То есть мировоззрение представляет собой систему обобщенных чувств, интуитивных представлений и теоретических взглядов на окружающий человека мир и место человека в нем, на многосторонние отношения человека к миру, к самому себе и к другим людям, система не всегда осознанных основных жизненных установок человека, определенной социальной группы и общества, убеждений, идеалов, ценностных ориентаций, социально-политических, нравственных, эстетических и религиозных принципов познания и оценок.

Существует по крайней мере три основных подхода к соотношению отношений к миру: 1) мировоззрение противопоставляется мировосприятию (мироощущению), которые считаются разными уровнями отношения к явлениям окружающей среды и внутреннему миру: мировоззрение – это уровень осознания, рациональной обработки и умственной интерпретации этих явлений, а мировосприятие (мироощущение) – это сфера эмоционально-чувственного отношения к ним; 2) мироощущение, мировосприятие и миропонимание

рассматриваются как этапы (ступени) развития мировоззрения, мировоззренческого сознания; 3) мироощущение (миропереживание), мировосприятие и миропонимание рассматриваются как уровни мировоззрения, мировоззренческого сознания. Здесь мировоззрение рассматривается как духовный каркас структуры индивидуального или общественного сознания.

Выделяют следующие структурные компоненты мировоззренческого сознания: собственно мировоззрение, которое формируется на основе системы принципов (антропоцентризма, гуманизма, монизма, плюрализма, скептицизма, догматизма и т. п.); мироощущение, которое формируется на основе опыта (индивидуального, семейного, группового, этнического, классового, общественного и общечеловеческого); миропонимания, которое формируется на основе знания; миросозерцание, которое образуется на основе цели, осознаваемой через универсальные формы деятельности (потребность – интерес – цель – средства – результаты – последствия); мировосприятие, которое составляется на основе ценностей (счастье, любви, истины, красоты, добра, свободы, справедливости и т. д.).

Исходя из вышеизложенного, в структуре мировоззренческого сознания важную роль играет мировосприятие, которое чаще всего рассматривают как уровень эмоционально-чувственного отношения к явлениям окружающей среды и внутреннего мира. Формирование мировосприятия происходит под решающим влиянием мировоззрения, однако при определенных обстоятельствах мировосприятие может доминировать и определять мировоззрение. Мировосприятие представляет собой особый срез духа эпохи, единое «видение мира», наглядно-чувственный образ мира и места в нем общества. Этот образ строится в зависимости от господствующих в обществе идей, взглядов, концепций – познавательных эталонов, но имеет чувственный характер. При этом познавательные эталоны как продукты мировоззрения провозглашаются неоспоримыми ценностями, в зависимости от которых на фоне определенного мироощущения формируется мировосприятие, причем отдельное восприятие обществом себя в мире и мир вокруг себя формирует стереотип индивидуального мировосприятия.

В динамическом аспекте мировосприятие рассматривается как этап развития мировоззрения, мировоззренческого сознания. Становление мировоззрения начинается с саморазличения себя как целостности, ценности и уникального существа, поэтому исторически и генетически первой формой мировоззрения является мировосприятие (мироощущение) – рефлекторное переживание существования, самоощущение личности, окруженной внешним и часто враждебным миром, и этот мир специфицирует типы мироощущений, в которых может превалировать, например, ужас, доверчивость, осторожность, агрессия и прочее. Мировоззрение надстраивается над ними, но не может преодолеть

их и в значительной мере задается ними. То есть в мировоззрении человека различные представления и ощущения переплавляются, но неизменно присутствуют, поэтому любой свой поступок, желание или намерение человек пытается обосновать или оправдать.

В структурном аспекте мировосприятие рассматривается как уровень мировоззрения, мировоззренческого сознания. Здесь мировоззрение рассматривается как духовный каркас структуры индивидуального или общественного сознания, который состоит из трех основных компонентов – мироощущения (миропереживания), мировосприятия и миропонимания. В целом в мировоззренческом сознании выделяют два уровня – рефлексивный (то есть «сознание, владеющее собой», рефлексивность) и бытийный (то есть эмпирическое, догносеологическое (до – и вненаучное) миропереживание, мироощущение и мировосприятие). То есть мировосприятие вместе с миропереживанием и мироощущением относится к бытийному уровню мировоззренческого сознания. В данном ракурсе мировосприятие определяется как эмоционально-душевное состояние человека, в котором переживания представлены в форме эмоций и чувств, смысловых и ценностных переживаний. Мировосприятие представляет собой интимно-личностное образование, устойчивое внутреннее ядро человека, обусловленное актуальным бытием, от которого зависят и характер внутренней духовной жизни, и основной тон мироощущения и миропонимания личности. В процессе эмоционально-ценностного активного переживания мира осуществляется смысловое восприятие действительности в контексте личного бытия. Мировосприятие как миропереживание обуславливает бесконечную внутреннюю активно-целевую деятельность субъекта, которая опосредована субъектно-объектным содержанием, направлена на предметы и явления реального мира и внутреннего бытия личности.

Таким образом, в мировоззрении как особой организации сознания ведущая роль отводится идейно-проективному моменту, поскольку мировоззрение выступает в качестве методологии построения картины мира, а также выполняет роль одного из основных факторов психологической настройки субъекта в процессе восприятия природы и общества.

## УНИВЕРСАЛИСТСКАЯ РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

*В. М. Крюков*

Решение насущных социальных, экономических, политических и других проблем сегодня самым непосредственным образом связано с решением главной проблемы и главной цели человечества в XXI веке –

выживания и сохранения планеты – а это невозможно вне философского анализа действительности и выработки на его основе идеологии, способной нацелить мировоззренческий, интеллектуальный и информационный потенциал личности и общества на *изобретение, конструирование и реализацию потребного* (человеку, как главному актору социальной деятельности) устроения *будущего, дающего возможность выжить, выжить благополучно, выжить с приумножением благосостояния*.

Плюрализм идей, идеалов, ценностей, господствующий в общественном сознании, не может скрыть растущей в обществе потребности жизненных ориентиров, адекватных сути современного человека, человека переходного периода, идущего в направлении от общества возможностей для немногих к обществу возможностей для всех, от общества неравенства и несправедливости к обществу равенства и справедливости; обнаруживается потребность человека вернуться к себе – аутентичному своей разумной сущности, аутентичному своему стремлению к возвышенному и совершенному в людях и в себе.

Многообразие социально-политических, культурных, экономических, ментальных и т. п. способов организации, сплочения людей в мировом сообществе и рождаемые этим многообразием коллизии внутригосударственных, межгосударственных, межэтнических и других отношений, свидетельствуют о том, что и на мировом уровне, и на уровне отдельных государств мы все еще далеки от требуемого решения общезначимых для человечества, а, значит и для каждого человека проблем выживания, безопасности, справедливости и благополучия. Мы далеки от желаемого совершенного социотехнологического устроения мира, однако это вовсе не отменяет ни самой потребности, ни актуальности нахождения путей и средств искомого устроения.

Несовершенство современной социальной действительности, несовершенство именно социального ее устроения осознается и осмысливается на всех уровнях социальной стратификации от «низов» до «верхов», и в государствах «суверенных демократий», и в государствах «демократий благополучных». Рассматривая не только настоящее, но и будущее США, об этом с тревогой пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Штиглиц в своем фундаментальном труде «Цена неравенства». Оценка им будущего США в свете нынешних реалий отнюдь не радостна.

Дж. Штиглиц констатирует: «Существует два видения Америки через полвека от сегодня. Одно нерадостно: общество еще более разделено между имущими и неимущими. Это страна, в которой богатые живут в закрытых общинах, отправляют своих детей в дорогие школы и имеют доступ к первоклассному медицинскому обслуживанию. Тем временем остальные живут в мире, отмеченном неуверенностью, в лучшем случае,

посредственным образованием и, по сути, с нормированным медицинским обслуживанием... Внизу – миллионы молодых людей отчужденных и без надежды... Другое видение – это общество, где пропасть между имущими и неимущими сужена, где существует чувство разделенной судьбы, общие обязательства по поводу возможностей и справедливости, где слова "свобода и справедливость для всех" на самом деле значат то, что они значат... » [1, с. 362].

Следствия несовершенства социального устроения американского общества, являющегося витриной западного образа социального устройства, видит и видный идеолог-республиканец П. Бьюкенен: «При падении рождаемости, открытости границ и триумфе антизападного мультикультурализма на повестку дня сегодня встает вопрос о выживании США как государства и о выживании западной цивилизации в целом» [2, с. 57]. Разумеется, не только западные мыслители озабочены состоянием и направленностью социального устроения. В еще большей степени этим озабочены люди в странах, устройство которых подвержено существенным идеологическим, экономическим и политическим трансформациям.

Постмодернистские, структуралистские, иррационалистические и другие течения конца XX века существенно расширив спектр возможных альтернатив рассмотрения и решения социальных проблем, усугубили вместе с тем ситуацию неопределенности и противоречивости в трактовке социальной реальности правом каждого социального актора на собственную истину. Однако там, где для практической деятельности требуется ясность и определенность, там становится необходимым поиск гносеолого-методологических средств познания, адекватных изменениям социальной действительности. Не удивительно, что эти средства детерминируются самой ситуацией, подсказываются ею, формируются на путях осмысления и переосмысления неиспользованного ранее потенциала знаний.

В известной сентенции «незнание закона не освобождает от ответственности по закону» содержится многозначащая двусмысленность: в одном из смыслов это утверждение гласит о необходимости знания законов (в широком плане не только экономических и правовых), в другом – это констатация, что всегда остается область законов (природы, общества, мышления) по той или иной причине не ставших достоянием субъекта познания и деятельности. На наш взгляд именно трудность учета и синтеза в практической деятельности множества существующих законов; законов, с необходимостью непосредственно или опосредованно определяющих устройство и взаимозависимое функционирование всех без исключения сил природного, социального и духовного бытия препятствует, и по существу, как бы нам этого не хотелось, делает невозможным при современном отношении к научному знанию и способам

его использования не только совершенное устройство социального мира на земле в целом и в отдельных ее регионах, но и единую картину мира вообще. Такой взгляд, а точнее, такой вывод правомерен в той мере, в какой он вытекает из аксиомы всеобщей связи существующего. Из этого не следует, однако, что цель недостижима вообще.

Мысль о том, что умение совокупно воспринимать действительность, видеть ее синтетически в объективно присущей ей целостности является не только необходимым условием, но и принципом истинного познания и успешной социальной и технологической деятельности человека. Своеобразное предвосхищение умения совокупно, целостно подходить к «разумению мироустройства» обнаруживаем мы в суждениях русского философа XIX века И. В. Киреевского, писавшего, что человек должен стремиться «...собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия; чтобы он не признавал своей отвлеченной логической способности за единственный орган разумения истины, чтобы голос восторженного чувства, не соглашенный с другими силами духа, он не почитал безошибочным указанием правды, чтобы внушения отдельного эстетического смысла, независимо от других понятий, он не считал верным путеводителем для разумения высшего мироустройства (чтобы даже внутренний приговор совести, более или менее очищенной, он не признавал, мимо согласия других разуметельных сил, за конечный приговор высшей справедливости); ... но чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума» [3, с. 249]. Каких же трудов стоит интеграция в методологически значимую целостность не только законов познавательных сил, но и законов, действием которых определяется вся сложность взаимодействия природных и социальных сил, детерминируется, в конечном счете, социотехнологическая картина мира в целом и в его частях.

Несмотря на отмеченные трудности, следует оптимистично ответить на главный для настоящего рассмотрения вопрос о роли философии в социотехнологическом формировании картины мира. Право на это дает то обстоятельство, что именно философия как рефлексия над универсалиями культуры, как особый механизм, формирующий гносеолого-методологические категориальные матрицы, позволяет интегрировать в единую целостность междисциплинарные знания; позволяет видеть, осмысливать действительность вообще и социальную действительность, в частности, через выявленные философским мышлением универсальные смыслы. Это значит, что наряду с другими важными и известными своими качествами и функциями, философия с необходимостью должна быть философией ориентирования: ориентирования в универсалистских

решениях проблем, возникающих на всех направлениях современного общественного развития. В этом ее важная практическая роль.

**Литература и источники**

1. Стиглиц, Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Стиглиц. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.

2. Buchanan, P. J. The Death of West; How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization / P. J. Buchanan. – New York: St. Martins Griffin, 2002. – 320 с.

3. Киреевский, И. В. Полное собрание сочинений: в 2 т. / И. В. Киреевский. – М.: Путь, 1911. – 287 с.

## ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ «МАТЕРИЯ И ПАМЯТЬ» НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА ВОСПРИЯТИЯ

*А. А. Кудайбергенова*

Труд «Материя и память» Анри Бергсона для современной философии представляет значительный интерес, т. к. в нем проведен скрупулезный разбор процессов восприятия человеком внешнего мира.

Бергсоновский тезис основывается на жизни как действительной и первоначальной реальности. Это вносит в его работу понятия «материя» и «дух», которые являются продуктами распада жизни.

Для Анри Бергсона это создало почву для погружения в понимание природы восприятия, тем самым память для него является не столько материальным или идеальным понятием, а сколько частью «жизни», тем самым предоставляя возможности для его изучения с новых позиций.

В работе Бергсона в качестве объекта исследования берется понятие «тело». Актуальность этого выбора связана с тем, что тело для человека является познанным не только с позиции внешнего мира в рамках восприятия, но и также изнутри по чувствованиям [1].

У французского философа происходит переосмысление основных идей Декарта, который исходил из позиции дуализма ума и тела [2].

Для Анри тело является не столько продолжением или частью материального мира, а представляет собой весьма сложный феномен, напрямую находящийся в соединении с материальным и идеальным. Для него тело определяется как образ, в котором происходит формирование образов других вещей через их воздействие на него.

Живое тело воспринимается как род центра, от которого отражается на окружающие предметы действие, оказываемые ими на тело. Этот процесс приводит к тому, что тело поглощает подобные действия со стороны внешнего мира.

Таким образом, для Бергсона этот процесс являет собой источник чувства. Подобное понимание процесса взаимодействия тела и окружающих его предметов, возникает вследствие восприятия [1].

В работе Анри Бергсона восприятие – важный элемент тела, в контексте чего им вводится теория чистого восприятия. Эта теория заключалась в том, что для формирования чистого и объективного образа в сознании человека необходимо избавиться от чувств, которые возникают от самого воздействия внешнего предмета на тело.

Определенное пояснение этого понимания процесса восприятия и воспоминания вводится исследователем Стивеном Роббинсом, для которого концепция Бергсона представляется следующим образом: «мозг есть основа для некоторой модулированной волны в голографическом поле, которая продуцирует вынесенное изображение мира, где субъект и предмет дифференцируются не в пространственном, а во временном плане» [3].

Возвращаясь к термину чистого восприятия, Анри приходит к пониманию того, что для объяснения этого феномена имеется два вывода, один из которых связан с метафизикой, а другой с психофизиологией, однако подтвердить это опытно не имеется возможности.

Философ Николай Онуфриевич Лосский, рассуждая о чистом восприятии, высказывает следующую мысль: «Ту сторону восприятия, которая получилась бы, если бы можно было отбросить прибавки памяти и вообще все субъективные дополнения, Бергсон называет термином чистое восприятие. Эта часть восприятия есть созерцаемый нами сам транссубъективный мир в подлиннике» [4].

Таким образом, можно сказать, что философ выдвигает следующие гипотезы:

1. Прошлое переживает себя в 2-х разных формах, а именно в двигательных механизмах и независимых воспоминаниях.

2. Узнавание внешнего предмета производится при помощи механических движений, когда оно исходит от внешнего объекта, при помощи представлений, когда оно исходит от субъекта.

3. Расположенные по пути времени воспоминания незаметными степенями переходят к движениям, которые рисуют зарождающиеся или возможные действия этих воспоминаний в пространстве. Мозговые повреждения могут отозваться на этих движениях, но не на воспоминаниях.

Бергсон отмечает то, что имеются две формы памяти. Первый вид проявляется в усвоенных привычках. Можно сказать, что привычка-память приобретается повторением, и когда она полностью усвоена, она не несет на себе никакого прошлого опыта или субъективного следа.

Второй тип, иногда именуемый «репрезентативной памятью», по-видимому, напротив, записывает в форме образов-воспоминаний все

события нашей повседневной жизни.

В целом две эти видимые формы памяти подчинены утилитарной склонности сознания – текущим потребностям и интересам образа тела.

Следовательно, эти два типа «памяти» не имеют ничего общего с памятью в смысле средств, с помощью которых прошлое сохраняется или продлевается для того, чтобы быть использованным в настоящем моменте: это два типа воспоминаний, деятельность в настоящем, одна из которых принимает форму физиологических механизмов, другая – воображающая деятельность настоящего сознания.

Важно отметить мнение советского психолога Анатолия Александровича Смирнова, который сделал выводы о том, что субъект припоминает в первую очередь и в большинстве ситуаций его собственные движения и действия, а не мысли. Зато в тех случаях, «...когда испытуемые припоминали что-либо, не связанное с их передвижением, их воспоминания чаще всего относились к тому, что вызывало у них какие-нибудь вопросы, недоумение, удивление, т. е. по существу тоже представляло собой некоторое, хотя и своеобразное, препятствие, задержку, указывало на наличие какой-то задачи для восприятия или осмысления». То есть мыслительный процесс «подстегивался», «усиливался» или форсировался именно моментом задержки. Разумеется, испытуемый думал о чем-то и до того и после того, но это фоновое мышление для него не представляло, по-видимому, большого значения и потому выпадало из памяти [5].

Чистая память соответствует этому непрерывному существованию, нашей собственной выносливости, бессознательной и неразделенной. Раздражители из внешнего мира воздействуют на органы чувств, и это движение передается в виде импульсов к нервным центрам, которые в конечном итоге вызывают ответную реакцию.

Поэтому чистая память как отражение всего нашего прошлого опыта присутствует для воспринимающего только в виртуальной форме. Это не значит, что она не имеет материального аспекта – на самом деле ее основой является все движение материального тела в течение его существования, которое, однако, представляет собой нечто совершенно отличное от материального состояния тела в любой момент времени.

В целом можно сказать, что Бергсон в своей философской системе отмечает три взаимосвязанных элемента, а именно:

1. чистое воспоминание;
2. память-образ;
3. восприятие.

Однако, исходя из его философской системы ни один из указанных выше элементов, не существует независимо. Это объясняется тем, что образы памяти нужны для интерпретации восприятий, а чистое воспоминание формируется посредством этих образов. Сами образы

актуализируются через восприятие, посредством же образов памяти восприятие приобретает свою законченную форму. Каждая из этих сторон деятельности сознания представляет собой определенную идеализацию, но все они необходимы, поскольку позволяют составить представление обо всем процессе в целом.

В этой статье продемонстрирована ценность теории памяти Бергсона для любой современной области исследований, в которой память является ключевым вопросом.

**Литература и источники**

1. Бергсон, А. Материя и память / А. Бергсон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://booksonline.com.ua/ view.php?book=116713. – Дата доступа: 05.02.2021.

2. Gare, A. Henri Bergson and the mind body problem: overcoming cartesian dualism / A. Gare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mail. cosmosandhistory.org/ index.php/ journal/ article/ viewFile/ 886/ 1546. – Дата доступа: 05.02.2021.

3. Краема, Дж. Анри Бергсон: восприятие, субъект, время / Дж. Краема [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// https://www.topos.ru/ article/ ontologicheskie-progulki/ anri-bergson-vospriyatie-subekt-vremya... – Дата доступа: 09.02.2021.

4. Лосский, Н. Интуитивная философия Бергсона / Н. Лосский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://platona.net/ load/ knigi_po_filosofii/ personalizm/ losskij_n_o_intuitivnaja_filosofija_bergsona/ 73–1–0–1240. – Дата доступа: 08.02.2021.

5. Смирнов, А. Произвольное и непроизвольное запоминание / А. Смирнов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.psychology-online.net/ articles/ doc-1298.html. – Дата доступа: 08.02.2021.

## НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

*С. В. Лапина*

Социальная реальность является одной из ключевых категорий социальной философии и социологии, а в контексте междисциплинарного синтеза научных знаний, современной науки, в целом. Динамика представлений о социальной реальности, осуществлявшаяся в истории философии преимущественно в рамках дихотомии реализм – номинализм, в условиях информационно-коммуникационной трансформации сформировала черты новой социальной реальности.

Сегодня социальная реальность функционирует и развивается, постоянно реплицируя связи между человеком и обществом, человеком и природой, природой и обществом, создавая новые формы существования

человека в окружающем его природном и социальном мире, закрепляя их в постоянно обновляющихся образцах и нормах, регулирующих функционирование общества и природы, в идеалах человеческой жизнедеятельности, т. е. – в культуре. Для новой социальной реальности характерен экстрафигуративный тип культуры, в котором все одновременно, независимо от социального статуса (возраста, пола, образования и т. д.) ищут адекватные для них формы реализации своей активности.

В истории человеческого общества сформировались три основных типа социокультурных связей, основанных на способе передачи информации и социального опыта от поколения к поколению: постфигуративная, кофигуративная и префигуративная культура [1].

В век компьютерных информационных технологий мы наблюдаем смешение в едином информационном потоке различных видов информации, типов знаний и способов коммуникационного взаимодействия. Объединяясь, они формируют единое культурное пространство в рамках развивающегося постнеклассического, информационного, постмодернистского (определения можно множить) типа культуры. Для этого типа культуры характерно восприятие больших объемов разнородной информации, большая скорость ее обработки и огромные возможности ее трансляции, сохранения, запоминания. Это, во-первых. Во-вторых, в этом типе культуры, который можно обозначить как «экстрафигуративная культура» [2], все одновременно учатся и учат друг друга в условиях поиска ответов на постоянно возникающие принципиально новые вопросы.

В обществе с экстрафигуративным типом культуры информация устаревает раньше, чем ее усваивают, а потому знаниевые новации приобретают форму обыденности. В итоге формирующийся в новой социальной реальности тип культуры создает иллюзию сопричастности как к созданию самой информации, так и к той эмпирически постигаемой реальности, которая является ее источником. А в современной культуре возникает пласт «виртуальной реальности», в которой реализуются психологические механизмы сопричастности, сопереживания, на самом деле, являющиеся «квазиактивностью», заменяющей активность реальную. Происходит и «виртуализация» окружающего мира, и «виртуализация» самого человека. Такого рода виртуальные компоненты встраиваются в новую социальную реальность, формируя в ней особые характеристики, способствующие искажению механизмов культурной и социальной идентичности и формирующие специфический образ окружающего природного и социального мира, так же, как и не всегда адекватный образ «Я».

На этом фоне особую методологическую значимость приобретают исследования характера и содержания категориальных структур различных

культур, эволюции глобальных картин мира. Благодаря им логика научно-познавательной деятельности предстает как динамичный процесс, сменяющиеся исторические фазы которого имеют социокультурную детерминацию в особенностях миропонимания в широком смысле, т. е. в соответствующих картинах мира (глобальных, общих научных и специальных), в их философских обоснованиях, а также в идеалах и нормах научно-познавательной деятельности [3].

Согласно этой логике, научное познание движется от абстрактных моделей изучаемой реальности, заимствованных из более развитых научных дисциплин или перенесенных в своих идеализированных представлениях из действующих на тот момент картин мира, к подлинной объективной реальности, которая сама понимается, объясняется и описывается (в ходе онтологических и эмпирических проекций теоретических схем) в соответствии с принятыми исследовательскими установками. В процессе научного познания исследователь постоянно работает с моделями: идеальными и материальными, абстрактными и предметными и т. д., каковыми являются картины мира.

Ценность анализируемой схемы научного познания (на примере становления его высшей формы – теории) состоит в том, что она объясняет ход не только естественнонаучного познания, но и позволяет представить общую логику научно-познавательной деятельности. Так, в рамках этой схемы становится понятным сосуществование различных теоретико-методологических концепций и объяснительных моделей одних и тех же объектов действительности – это происходит за счет использования в ходе их построения представлений из различных картин мира. Таким образом можно объяснить, к примеру, и полипарадигмальный статус современной социологии, в которой с момента ее становления использовались различные представления о социальной реальности, воспроизводимые в принимаемых картинах мира.

Тот факт, что социальная реальность с ее особыми параметрами достаточно длительное время выносилась за скобки в конструировании научных картин мира, объяснялось именно спецификой социальной реальности, в которой кроме объективных параметров, изучавшихся классической и даже неклассической наукой, неизбежно присутствовали субъект-соотнесенные параметры. Постнеклассическая наука, в целом, приступившая к изучению человекоразмерных объектов, естественным образом вынуждена была включить человеческий фактор в предмет своих исследований.

Такого рода рассуждения способны вывести на построение новой модели научных коммуникаций в формирующемся обществе знания. В основе ее лежит особая междисциплинарная – по сути метатеоретическая – ориентация, позволяющая объединить в системное целое интенции различных научных дисциплин в исследовании единых объектов –

природы, общества, человека. В связи с тем, что объединяющим фактором для всех объектов современной научно-познавательной деятельности является то, что в их структуру включен человек и его культуросоотнесенная активность, есть основания полагать, что главными составляющими этой междисциплинарной матрицы являются социальные параметры. Именно они способны направить современную научно-познавательную деятельность в русло новаций, позитивно значимых для человека и человечества в целом.

Так новая социальная реальность органично встраивается в современные научные картины мира, дополняет глобальные картины мира, которые должны стать матрицей не только для определения предмета научных исследований. В обществе знания такого рода глобальные картины мира со встроенными характеристиками новой социальной реальности становятся основой формирования разноуровневого образовательного пространства и мира повседневности с обыденными знаниями, которые в современном мире поднимаются на иную, более высокую ступень.

**Литература и источники**

1. Мид, М. Культура и мир детства: Избранные произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

2. Лапина, С. В. Ответ гуманистики на новые вызовы общества знания / С. В. Лапина // Университетское образование: опыт тысячелетия, проблемы, перспективы развития. Тезисы Международного конгресса. – Минск: МГЛУ, 2008. – С. 553–557.

3. Степин, В. С. Социокультурная обусловленность эвристических функций философии в научном познании // Ленинская теория отражения как методология научного познания. – Минск, 1985. – С. 19–20.

## ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

*А. И. Левко*

В чем особенности гуманитарной методологии познания в отличие от классической теории познания или гносеологии? Отвечая на этот вопрос, одна часть исследователей усматривает эти особенности в антропологии как внутренних человекомерных его проявлениях, в отличие от внешних социокультурных механизмов и мотивации или онтологии. Другие, наоборот, их видят в преобразовании духовно-творческого опыта и особенностях художественного мировоззрения. Однако преобразовать духовный опыт на основе нравственных и других идеалов и рациональных схем познания типа литературоведения, этики или эстетики невозможно.

Истоки гуманитаристики заключены в единстве духовного и рационального познания мира, в его целостном восприятии. Оно не сводимо к противопоставлению материальных и идеальных его основ. Гуманитарное познание – это интеграционное единство-синтез «человек – духовность – культура – социум» как основная предпосылка философского исследования и его основные отличия от субъект-объектного и системно-структурного научного анализа. Его отличие от естественнонаучного субъект-объектного познания не выражается лишь в субъективности или субъектологии. Оно не сводится к одной лишь рациональной аксиологии и феноменологии, а также основанной на них многомерности и интердисциплинарности познания. Истоки гуманитарного познания не в поиске очередных парадигм и концептуальных проектов, а в самой социально-культурной практике, образе жизни и менталитете народа. В основе его лежит не теория, а здравый смысл, проявляемый в форме чувств, а не разума.

Лишь по отношению к духовной практике, а не культурной реальности цивилизационного общества и его структуры, правомерно, на наш взгляд, употребление понятия транзитивности. Транзитивно не общество само по себе, как изменяющаяся в силу разделения труда и научно-технического прогресса ценностно-нормативная структура поведения человека, а его культура. Транзитивны духовные ценности и смыслы индивидуального мышления, противостоящие относительной устойчивой традиционной морали, ведущие к конфликту внешних моральных требований общества и внутреннего духовно-нравственного сознательного и бессознательного их восприятия самим человеком как субъектом и объектом культуры. Культура это то, что соединяет природу и социум в одну социально-культурную целостность типа ноосферы Вернадского. Выделить из нее человека как субъекта познания, творца и покорителя природы, и противопоставить его остальному миру как объекту, возможно было лишь на уровне методологии естественнонаучного познания.

Декарт – один из родоначальников «новой философии» и новой науки, выступившей с требованием пересмотра всей прошлой традиции в трактовке разума и самосознания, основанного на принципе очевидности и субъективной достоверности, основанной на естественном свете разума отдельного человека, а не на духовной культуре целого народа. «Принцип субъективной достоверности означал установку не на усвоение чужих мнений, а на создание собственных; сомнение, – по его мнению, – должно снести здание традиционной культуры и расчистить почву для построения культуры рациональной» [1, с. 142–143].

Проблемы рациональной культуры Р. Декарт не рассматривал. Они стали основным предметом исследования классической немецкой философии как различных ступеней развития объективного и

субъективного духа. Дж. Локк вошел в историю философии как разработчик эмпирической теории познания и идейно-политической доктрины либерализма. С этого времени в западноевропейской философии и науке явно прослеживается тенденция не только превращения науки в основную производительную силу, но и инструмент социально-политических преобразований.

Наметившийся благодаря этому, научно-технический прогресс был ориентирован исключительно на покорение природы и адаптацию к среде жизнедеятельности. Создаваемые в ходе научных исследований техника и технологии, с помощью которых достигались эти цели, не только превращали саму природу в сферу экономических интересов человека, но и самого человека в простой инструмент их практической реализации. Проблема гуманизации научно-технического прогресса, начиная с переосмысления естественно-физиологических и культурных основ самой науки, не только актуализируется, но и находит свое воплощение в методологии кантианства и неокантианства, гегелианства и неогегелианства, структурализма и постструктурализма, феноменологии и постфеноменологии, модернизма и постмодернизма. Эта же проблема находится в центре внимания экзистенциализма. Еще основоположник данного философского направления в лице немецкого психиатра и философа К. Ясперса пришел к выводу, что «философия не может быть наукой, следовательно, нужно установить критерий, отделяющий их друг от друга, превращающий в своеобразный род мышления» [2].

Человек, отмечал К. Ясперс, превращает себя в предмет познания. То, что он познает в опыте как свое существование, и то, что лежит в его основе, он считает своим подлинным бытием. То, что он есть в явлении, есть его сознание; то, что есть сознание, есть посредством социальных условий, посредством бессознательного, посредством жизненного вида. Это другое для него бытие, сущность которого отражается в его явлении как сознание. Такое понимание сознания человека и его обусловленности культурой социума впоследствии отразилось и на самом процессе становления неклассической науки.

Принципиальным отличием неклассической науки от классических субъект-объектных исследований, ориентированных исключительно на естественнонаучные методы познания, является включение в них методов культуротворчества, характерных для гуманитарных наук и признание культурной обусловленности самого процесса познания. Становится очевидным, что познание невозможно вне знаково-семантической системы текста, постижения его смыслов и их понимания. И что это понимание имеет не только логическую, но и герменевтическую, образную, эмоционально-чувственную, интуитивную и другую основу, как и то, что само зеркальное отражение реальности невозможно без самого «зеркала» в виде микроскопа, линейки и других технических средств измерения. Сама

же наука все больше обретает форму технологического и социально-коммуникативного процесса, имеющего соответствующий технологический фон жизнедеятельности человека. И создается этот фон, благодаря рассмотрению машины как основного компонента среды формирования и расширения человеческого опыта и как важнейший фактор его коммуникативной деятельности и взаимодействия с другими. Техника становится посредником между человеком и миром. Технические объекты выступают способом дополнения и обогащения телесности в жизненном мире. Так, например, постфеноменология рассматривает факты и артефакты культуры как особый технологический фон, непрерывно взаимодействующий с человеком. В своих проектах трансгуманизм ратует за изменение и совершенствование природы человека, продолжение эволюции Homo sapiens и трансформации человеческой телесности с помощью различных технологий. С позиции научного движения трансгуманизма, претендующего на статус нового философского мировоззрения, главное в человеке его свобода воли, питаемая энергетикой либедо (по З. Фрейду) или врожденным типом нервной системы, сдерживаемая и подавляемая нормами культуры.

«Взаимопроникновение научных подходов и методов к исследованию научных объектов гуманитарных, естественных и технических наук, фактически стирает различие между "внешним единством" и "внутренним единством" науки. Процесс научного познания приобрел конвергентный характер, что предполагает сближение направлений о естественных, природных и технических процессах. На этом основывается разработка биокибернетических моделей, формирование нано-, био, -инфо – когнитивных и социогуманитарных технологий» [3, с. 62].

Однако всемерная технологизация современного общества не освобождает его от вопросов о ее допустимых пределах, цели и смысле социально-культурного развития и от того, какие ценности и нормы будут заключаться в этих целях и смыслах. Исходной точкой при ответе на этот вопрос был и остается здравый смысл и философия здравого смысла. «Философия здравого смысла – это оптимальный алгоритм решения жизненных задач, основанный на житейской мудрости и понимания мира, рассудительности. Философия здравого смысла выступает как проверенный практикой жизни уровень позволяющий субъекту самостоятельно, ответственно и оперативно действовать» [4, с. 47]. В идеалах и нормах обыденного познания содержаться нравственно-мировоззренческие ориентиры человека, коды национального менталитета и архетипы характера народа, образцы решения задач, правила принятия ответственных решений. И это, пожалуй, является главным отличительным признаком, разграничивающим философию и науку, а также классическую науку и постнеклассическую. Иное дело, что

теоретическая и практическая философия изначально ориентирована не на факты и рефлексивные образы познания, а на социальную духовность как основной источник культуры и культуротворчества. Одним из видов такой духовности, выступивший в качестве основной предпосылки формирования древнегреческой философии, является Логос.

**Литература и источники**

1. Декарт // Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – С. 142–143.

2. Ясперс, К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс. – М., 1991.

3. Ильганаева, В. А. Тенденции интеграции в науке, культуре как обоснование идентификации человека в современном мире / В. А. Ильганаева // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой междунар. науч. конференции, Минск, 19–20 ноября 2020 г. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]; в 3 т. – Т. 1. – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 62–64.

4. Дождикова, Р. Н. Когнитивные аспекты философии повседневной жизни / Р. Н. Дождикова // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой междунар. науч. конференции, Минск, 19–20 ноября 2020 г. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]; в 3 т. – Т. 1. – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 46–48.

## РОЛЬ БИОТЕХНОЛОГИИ РАСТЕНИЙ В РЕШЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

*А. О. Логвина*

На сегодняшний день все острее ощущаются последствия глобальных экологических проблем. Вследствие изменения привычных условий обитания сокращается численность многих видов живых организмов. Некоторые находятся под угрозой полного исчезновения. Ситуация усугубляется с каждым годом. Причем в ряде случаев причиной уменьшения численности и вымирания видов является не опосредованная изменением климата модификация экологических ниш, а целенаправленное злоупотребление человеком природных резервов. Так, неконтролируемая вырубка лесов, сбор редких растений крайне отрицательно влияют на состояния экосистем. Причем последствия таких изменений в численности видов негативно сказываются и на других организмах в соответствующих экологических пирамидах, и в конечном счете изменения могут затронуть биоценоз.

В этой связи особое значение приобретает развитие отраслей

биологии, подходы которых могут помочь в решении ряда экологических проблем. Одной из таких отраслей является биотехнология растений, имеющая огромное значение в сохранении редких и исчезающих видов, а также возобновлении утрачиваемых растительных ресурсов.

Первое направление биотехнологии растений, которое уже на данный момент играет чрезвычайно важную роль в решении экологических проблем – это клональное микроразмножение растений. Клональным микроразмножением называют неполовое размножение растений с помощью метода культуры тканей. Использование указанного биотехнологического подхода позволяет получать от одного материнского растения сотни тысяч генетически идентичных дочерних растений в год [1]. В основе получения таких растений лежит способность соматических клеток растений полностью реализовывать свой потенциал развития, т. е. свойство тотипотентиости. Метод клонального микроразмножения получает все более широкое распространение во всем мире. В большинстве стран эта технология приобрела коммерческий характер [2; 3]. В экологии значение этого метода заключается в возможности сравнительно быстро возобновлять растительный фонд, утраченный в результате экологических катастроф и прямой деятельности человека.

Второе направление – использование изолированных клеток в селекции растений, дающее возможность получать быстрорастущие растения, устойчивые к различным неблагоприятным факторам среды: засухе, засолению, низким и высоким температурам, фитопатогенам, тяжелым металлам и др. Создание стрессоустойчивых разновидностей и сортов растений позволяет избежать их гибели в результате воздействия неблагоприятных экологических факторов [1; 2; 3; 4].

Третье направление – криосохранение редких и исчезающих видов растений. Сохранение разнообразия форм жизни – важнейшая проблема, с которой столкнулось современное человечество. Сущность метода криосохранения сводится к замораживанию специально подготовленных растительных клеток при использовании криопротекторов – веществ, ослабляющих повреждения клеток при замораживании и оттаивании [3].

Четвертое направление связано со способностью изолированных растительных клеток продуцировать ценные для медицины, парфюмерии, косметики и других отраслей промышленности вещества вторичного синтеза: алкалоиды, стероиды, гликозиды, гормоны, эфирные масла и др. Рассмотрим его подробнее.

Как правило, вторичные вещества получают из клеток каллусной ткани, выращиваемых в жидкой питательной среде – суспензионной культуре [1; 2; 5]. На основе клеточных технологий на данный момент в мире получают такие медицинские препараты, как диосгенин (из клеток диоскореи), аймолицин (из клеток раувольфии змеиной), тонизирующие вещества (из клеток женьшеня), используемые в медицине и

парфюмерии [1].

Преимуществами такого способа получения веществ вторичного синтеза являются: получение экологически чистых продуктов независимо от климата, сезона, погоды; создание клеточных линий-сверхпродуцентов путем генетических манипуляций; сохранение пула генов редких и исчезающих растений – продуцентов; сокращение объемов потребления природного растительного сырья и, как следствие этого, сохранение биоценозов [6].

Внедрение и широкомасштабное использование культур клеток и тканей растений, как эффективных альтернативных источников биологически активных соединений, имеет большое значение для укрепления экономической и социальной безопасности стран. Всего несколько высокопродуктивных клеточных культур при знании закономерностей регуляции их биосинтеза могут быть использованы для получения ключевых компонентов для производства широкого спектра разнообразной продукции.

Проводимые нами исследования на базе кафедры клеточной биологии и биоинженерии растений биологического факультета Белорусского государственного университета в рамках биотехнологии растений сфокусированы на разработку клеточных технологий получения фармакологически важных биологически активных веществ (БАВ) растительного происхождения [7; 8; 9]. Она включает: получение асептически выращенных растений, инициацию на их основе каллусных культур, и далее – суспензионных культур, оптимизацию условий роста данных клеточных объектов, изучение их биохимического состава и изучение регуляции биосинтетических процессов с целью получения линий клеток-сверхпродуцентов ценных БАВ. Данная технология представляет собой альтернативу использования нативных растений. Следовательно, применение в качестве источников БАВ клеточных культур в фармацевтической, пищевой, косметической промышленности вместо произрастающих в природе растений позволяет существенно сократить потребляемые объемы природных растительных ресурсов, сохранить экосистемы и биоценозы.

Кроме этого, нами ведется работа в направлении создания протоколов микроклонального размножения ряда важных пищевых, лекарственных, декоративных растений. Данная технология, как говорилось выше, также имеет большое экологическое значение.

Таким образом, создание технологий на основе растительных клеточных культур и внедрение микроклонального размножения растений решает не только проблемы человеческих нужд в растительном сырье. С точки зрения экологии биотехнология растений способствует сохранению видового разнообразия растений и поддержанию объемов мировых растительных ресурсов.

**Литература и источники**

1. Сельскохозяйственная биотехнология / В. С. Шевелуха [и др.]. – М.: Высш. шк., 1998. – 416 с.

2. Дитченко, Т. И. Культура клеток, тканей и органов растений: курс лекций / Т. И. Дитченко. – Мн.: БГУ, 2007. – 114 с.

3. Егорова, Т. А. Основы биотехнологии / Т. А. Егорова, С. М. Клунова, Е. А. Живухина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 208 с.

4. Елинов, Н. П. Основы биотехнологии / Н. П. Елинов. – СПБ.: Наука, 1995. – 600 с.

5. Евтушенков, А. Н. Введение в биотехнологию: Курс лекций / А. Н. Евтушенков, Ю. К. Фомичев. – Минск: БГУ, 2002. – 105 с.

6. Бутенко, Р. Г. Биология клеток высших растений *in vitro* и биотехнологии на их основе: учеб. пособие / Р. Г. Бутенко. – М.: ФБК-Пресс, 1999. – 160 с.

7. Lohvina, H. Fenugreek cell culture *in vitro* as a potential source of phenolic antioxidants / H. Lohvina, V. Yurin // Scientific enquire in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. Natural sciences. 3rd edition. – San Francisco, 2014. – P. 8–12.

8. Дитченко, Т. И. Применение культуры клеток и тканей для сохранения и рационального использования генофонда ценных видов лекарственных растений / Т. И. Дитченко, А. О. Логвина, О. В. Молчан, С. Н. Ромашко, В. М. Юрин // Сборник статей II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения фито – и микобиоты». – Минск, 2013. – С. 401–403.

9. Логвина, А. О. Введение авокадо (*Persea americana*) в культуру *in vitro* / А. О. Логвина, А. Е. Савич // Разработка и перспективы применения инновационных технологий в контексте мирового и регионального развития: сборник докладов Международной научно-практической конференции / Под ред. Р. Д. Иванова. – СПб.: ЕНМЦ «Мультидисциплинарные исследования», 2020. – С. 20–26.

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Н. Н. Малишевский*

Термин «технология» пришел в политику из производства (от греч. techne – искусство, мастерство, умение; logos – понятие, знание). В современной научной картине мира он описывает способы, с помощью которых человек воздействует на объекты материального мира с целью изменения их качеств и придания им других свойств. Необходимо отметить, что технологическое знание по своей сути ориентировано не на объяснение происходящих событий и явлений, а на обоснование и развитие способов и методов достижения поставленных целей [1, с. 140]. По отношению к знаниям и обладанию ими в целом (как в «техническом»,

так и в «гуманитарном» смысле), господствующие в обществе технологии человеческой деятельности можно разделить на:

1. производственные технологии изменения и преобразования «не живой» материи (High-Tech технологии);

2. управленческие технологии, связанные с форматированием «живой» материи и, прежде всего, человеческого сознания – коллективного и индивидуального (High-Hume технологии).

По аналогии с наиболее «продвинутыми» производственными High-Tech технологиями, управленческие технологии можно назвать конвергентными High-Hume технологиями. Или нано-био-инфо-когнитивными технологиями (НБИК). Из четырех разновидностей конвергентных High-Hume технологий наиболее тесно связаны с политической сферой технологии информационные, способствующие преобразованию социума и его элементов, то есть самих людей. В самом общем виде такие технологии определяют как «совокупность способов, методов и процедур воздействия на массы людей с целью придания их политическому поведению характера, благоприятного для достижения определенных политических или управленческих целей» [1, с. 140].

В настоящее время трактовка термина «политические технологии» неоправданно сужается [1; 2]. Например, западные авторы отождествляют их с «эвфемизмом, обычно используемым в постсоветских республиках для обозначения того, что сейчас является высокоразвитой индустрией политических манипуляций» [2]. Действительно, политические технологии могут использоваться для манипулирования и контроля. В широком смысле их в таком случае можно трактовать как практически любые приемы воздействия на сознание и подсознание с целью получения нужного результата (вплоть до прямой фальсификации этого результата). В узком смысле (если оттолкнуться от трактовки именующих себя «пиарщиками» западных политтехнологов, работавших в Восточной Европе [3, с. 269]), – их можно определить как отождествляемую с PR-практикой совокупность методов и приемов управления восприятием в каждой из трех информационных сред человека, существующих одновременно и параллельно друг другу (реальной, символьной и виртуальной).

К сожалению, в настоящее время фактически отсутствуют исследования, обобщающие особенности политических технологий применительно к реалиям современных политических процессов. Как следствие, даже само понятие «политические технологии» не только в западных, но и в русскоязычных публикациях весьма размыто и неопределенно, а «термин, столь часто употребляемый политическими консультантами и политиками всех уровней, еще не получил достаточной разработки ни в рамках политологии, ни в рамках политического менеджмента» [4, с. 58] и зачастую его содержание даже в теоретической

плоскости неоправданно сужается и сводится в практической плоскости только к избирательным (выборным) технологиям. При этом в Республике Беларусь термин «политические технологии» входит в Паспорт специальностей 23.00.02 – «Политические институты, процессы и технологии», на основании которых присуждается ученая степень по политической науке (политологии) [5; 6].

Все это делает проблему политических технологий актуальной и требующей дальнейших исследований. Возникает необходимость дать определение феномену политических технологий как чему-то целому, что является как теоретически, так и практически актуальной задачей, поскольку они занимают исключительно важное место не только в избирательных кампаниях и политическом процессе, но и в современном процессе глобализации, а значит и в современной научной картине мира.

Учитывая сказанное, можно дать следующее определение политических технологий – это управленческие конвергентные High-Hume (НБИК) технологии, связанные с форматированием человеческого сознания – коллективного и индивидуального благодаря обработке информации, превращающей ее в инструмент управляющего воздействия, и использованию информации как инструмента управляющего воздействия. Классифицировать их можно разделив на следующие разновидности:

1. политические технологии, связанные с обработкой информации с целью превращения ее в инструмент управляющего воздействия (аналитика и прогнозирование);

2. политические технологии (именуемые иногда также PR-технологиями), связанные с использованием информации как инструмента управляющего воздействия (манипулирование и контроль).

**Литература и источники**

1. Демидченко, В. В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды / В. В. Демидченко // Власть. – 2015. – Вып. 12. – С. 140.

2. Wilson, A. “Political technology”: why is it alive and flourishing in the former USSR? / A. Wilson // 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.opendemocracy.net/ en/ odr/ political-technology-why-is-it-alive-and-flourishing-in-former-ussr/. – Дата доступа: 02.02.2021.

3. Виллард, П. Пиарщик / П. Виллард. – Москва–Киев: Vidalia House, «Саммит-Книга», 2004. – С. 269.

4. Джабасов, А. А. Политические технологии избирательных кампаний: проблема категориального осмысления / А. А. Джабасов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. – 2000. – № 2. – С. 58.

5. Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь // 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vak.gov.by/ node/ 450. – Дата доступа: 04.03.2021.

6. ВАК. 23.00.02. Политические институты, процессы и технологии // 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://teacode.com/ online/ vak/ p23–00–02.html. – Дата доступа: 04.03.2021.

## ПРОБЛЕМА КОНСТРУКТИВНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

*В. Т. Мануйлов*

В современных исследованиях по основаниям научного знания конструктивность рассматривается как одно из важнейших методологических требований [4]. Но современное состояние дел в области оснований научного (в частности, математического) знания характеризуется распадом единого (в период классической науки) поля теоретизирования на три самостоятельные области: собственно наука (математика); логика и методология науки (математики); философия [3; 5]. Самодостаточность этих областей заключается не только в том, что каждая из них стремится оградить себя от вторжения «соседей», но и в построении в каждой области «образов» недостающих частей. Ситуация схематично может быть представлена следующим образом (см. Схему 1).

Схема 1

| | | |
|---|---|---|
| [Наука (математика)]-1 | [Логика и методология науки (математики)]-1 | [Философия науки (математики)]-1 |
| [Наука (математика)]-2 | [Логика и методология науки (математики)]-2 | [Философия науки (математики)]-2 |
| [Наука (математика)]-3 | [Логика и методология науки (математики)]-3 | [Философия науки (математики)]-3 |

Первая строка Схемы 1 представляет слой «собственно науки (математики)». Основные «жители» этой области: теории, рассматриваемые как интерпретированные или неинтерпретированные исчисления, строящиеся в формальных языках и проверяемые на выполнение определенных семиотических критериев (непротиворечивости, полноты, независимости аксиом и т. д.) [Логика и методология науки (математики)]-1 сводится к разработке методов решения логико-семиотических (синтаксических и семантических) проблем, возникающих в конкретной работе ученых (математиков), причем логико-методологический «органон» этого уровня – математическая логика – рассматривается как специальная математическая теория [Философия науки (математики)]-1 (philosophy of sciences в англоязычной традиции) сводит классические философские проблемы научного (математического) познания к логико-семиотическим проблемам и пытается решить их методами математической логики. Конструктивная

логика этого уровня – «совокупность логических принципов, признаваемых представителями конструктивизма (в математике) и включающих абстракцию потенциальной, но не актуальной бесконечности, что определенным образом изменяет понимание логических связок и кванторов (по сравнению с их пониманием в классической логике), сочетая это понимание с конструктивными процессами (процессами, описываемыми алгоритмами)» [7].

На уровне [Философии математики]-1 исследуются понятия математической конструктивности [4], представленные на Схеме 2 (левая часть). Каждый из представленных смыслов конструктивности опирается (явно или неявно) на определенные упрощения, идеализации, огрубления, накладываемые на деятельность предполагаемого теорией при ее гносеологической интерпретации идеализированного субъекта, – гносеологические основания конструктивности математической теории [4].

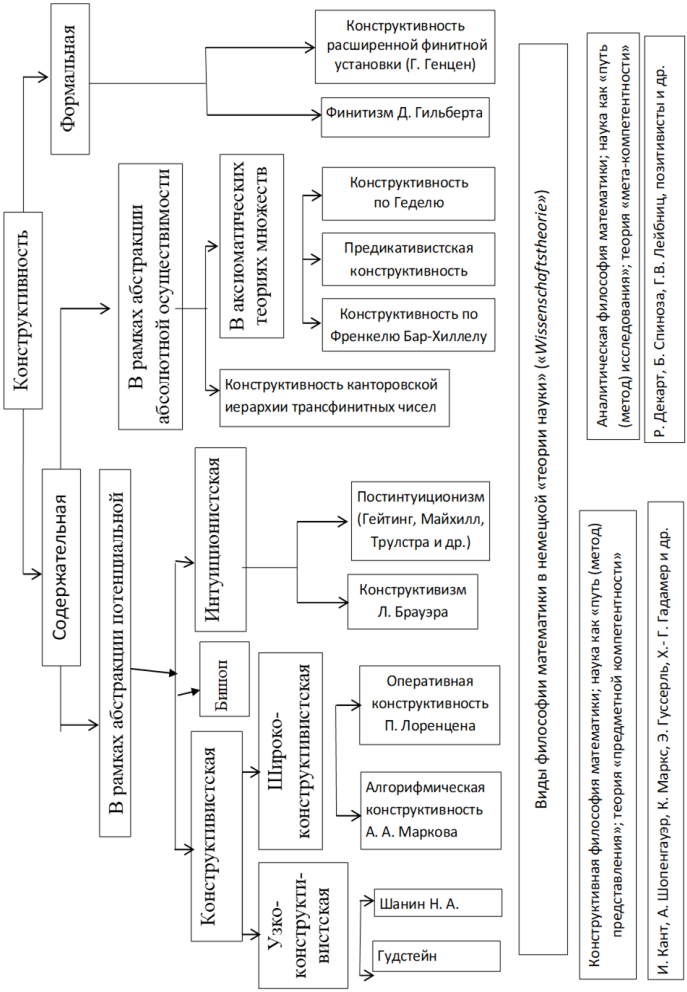
Центральным пунктом второго уровня является *логика и методология научного (в частности, математического) знания*, теория научного знания – эпистемология; в немецкоязычной традиции эта область исследований обозначается термином Wissenschaftstheorie (теория науки). В отличие от [Философии математики]-1 [Философия математики]-2 (Wissenschaftstheorie) проявляет гораздо больший интерес к традиционным философским концепциям научного знания. «"Теория науки" (*Wissenschaftstheorie)* в Германии есть философия науки *(philosophy of science)* в ее широчайшем смысле, включая работы по логике и основаниям научных теорий, концептуальной истории науки, культурной и практической среде и нормативным аспектам как научного, так и технического прогресса... Замечательно, что англо-американская философия науки (*philosophy of science),* представители которой как раз ограничивались в своих занятиях изучением логики науки, вынуждены ныне становиться достаточно терпимыми в своих стремлениях осуществить в достаточной степени то, что охватывается немецкой "теорией науки" *(Wissenschaftstheorie)*» [8]. На этом уровне сложились две концепции математического и научного знания: аналитическая (analytische Wissenschaftstheorie) и противопоставляемая ей конструктивная [Философия науки]-2 (konstruktive Wissenschaftstheorie) [11]. Метод аналитической философии науки характеризуется как «исследование» или «путь (метод) исследования» («die Forschung» [12] и «the way of research» [9]) в противоположность методу конструктивной философии науки (konstruktive Wissenschaftstheorie), характеризуемому как «представление» или «путь (метод) представления» («die Vorstellung» [12] и «the way of representation» [9]).

Конструктивная теория науки вырастает из оперативной логики и математики П. Лоренцена посредством включения в поле исследований нормативных высказываний. Конструктивное обоснование научного

знания требует для своего осуществления построения конструктивной логики (так называемой диалогической логики [11] на основе идей прежде всего Брауэра, Генцена), конструктивной теории математического знания (на основе работ Пуанкаре и Вейля), конструктивной теории технического знания (на основе работ Дильтея и Динглера), конструктивной теории политики (восходящей к идеям И. Канта и Платона). Кроме того, используется (после критической переработки) философия политики Гегеля-Маркса, а также «методология понимания» Макса Вебера [10, s. 16–17]. В качестве совместимой с конструктивной философией науки концепцией исторического знания рассматривается исторический материализм К. Маркса.

Основную часть третьего слоя исследований в области оснований научного и специально математического знания составляют философские (в традиционном понимании) концепции: *философия науки* Платона, Аристотеля, Лейбница, Канта, Гегеля, Маркса, и т. д. В каждой из этих концепций складывается собственный «образ» науки и математики, оригинальное понимание ее методов и приемов: [Наука (математика)]-3 и [Логика и методология науки (математики)]-3 [Конструктивная логика и методология]-3 может быть представлена «философскими» диалогами [6].

Схема 2




## Литература и источники


1. Мануйлов, В. Т. Методологические принципы «Немецкого конструктивизма» / В. Т. Мануйлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67), № 1. – С. 126–147.

2. Мануйлов, В. Т. Конструктивное обоснование логико-математического знания в «немецком конструктивизме» / В. Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: сборник статей / Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 59–78.

3. Мануйлов, В. Т. Конструктивность античной математики / В. Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: сборник статей / Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – Вып. 11. – С. 59–84.

4. Мануйлов, В. Т. Конструктивность как принцип обоснования научного знания / В. Т. Мануйлов // Философские науки. – 2003. – № 10. – С. 104–121.

5. Мануйлов, В. Т. Конструктивность классического математического анализа / В. Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: сборник статей / Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. – Вып. 12. – С. 93–110.

6. Мануйлов, В. Т. Конструктивность математического и философского знания в аналитической и конструктивной «теории науки» / В. Т. Мануйлов // Проблема конструктивности научного и философского знания: сборник статей / Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – Вып. 7. – С. 63–70.

7. Чагров, А. В. Конструктивная логика / А. В. Чагров // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / Под редакцией В. С. Степина. – М.: Мысль, 2001.

8. Butts, R. E. Introduction / R. E. Butts, J. R. Brown // Constructivism and science: essays in recent German philosophy / Ed. by Butts R. E. and Brown J. R. Dordrecht. – Boston – London: Kluwer Academic Publishers, 1989. – P. 9-10.

9. Lorenz, K. Science, a rational enterprise? Some remarks on the consequences distinguishing science as a way of presentation and science as a way of research / K. Lorenz // Constructivism and science / Ed. by R. E. Butts and J. R. Brown. – Dordrecht: Kluwer Acad. Publ. – P. 3–18.

10. Lorenzen, P. Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie / P. Lorenzen. – Mannheim – Wien – Zürich: BI Wissenschaftsverlag, 1987. – 332 s.

11. Lorenzen, P. Dialogische Logik / P. Lorenzen, K. Lorenz. – Darmstadt: Wissenschaftl. Buchgesellschaft, 1978. – 178 s.

12. Wohlrapp, H. Analytischer versus konstruktiver Wissenschaftsbegriff / H. Wohlrapp // Konstruktionen versus Positionen. Bd. II. Allgemeine Wissenschaftstheorie / Hrsg. K. von Lorenz. – Berlin – N. Y.: Bruyter, 1979. – S. 348–377.

## ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ СИСТЕМА И ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

*Т. Г. Мдивани*

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения тех аспектов новой музыкальной реальности, которые связаны с постнеклассической мировоззренческой парадигмой. Соответственно предлагается и адекватная явлениям терминология, позволяющая понять мир композитора Новейшего времени.

Музыкальное произведение является зеркалом, отражающим на языке музыки актуальное мировоззрение композитора, социум, и

процессы, происходящие в культуре. Отсюда естественная релевантность музыкального (композиторского) мышления как метода, которым осуществляется звукотворчество (Ю. Холопов [7, с. 553], конкретной, доминирующей в интерпретациях музыкальной системе. Так, классическая музыка (17–19 вв.) опирается на классический рационализм (его действие проявляется, например, в квинтовом базисе звуковысотности, опоре на линию-гамму как семиступенного ряда, регламентированный метроритм и т. п.) и классический детерминизм (его прямым выражением является тонально-функциональная логика); неклассическая, или Новая музыка (1пол. XXв.) – на неклассический рациональный конструкт (линия-ряд, или серия) и неклассический детерминизм (его проекцией выступает связь на основе хроматического 12тонового ряда). И классическая и неклассическая музыкальные системы являются замкнутыми, устойчивыми, строго упорядоченными (3-хчастная форма, форма рондо и т. п.) и восходяще-однонаправленными (к точке «золотого сечения»), апеллирующими к классическому и неклассическому линейному детерминизму с провиденциальными соотношениями элементов. Лежащие в их основе общее (12 звукоступеней) и повторяющееся (репризы), стабильность и единообразие подчинены телеологической установке («идее прогресса» по А. Шенбергу) и исключают случайность и казуальность как норму. И хотя развитие в классической и Новой (неклассической) музыке носит «прогрессивно-поступательный характер» [4], однако среди всего разнообразия композиций встречаются своего рода «ненормативные» явления – атоникальность (А. Шенберг, М. Регер, А. Брукнер) и разнотональность (Г. Малер) без выхода, при этом, за пределы системной замкнутости. Таким образом, и классическая и неклассическая музыкальные системы (Новая музыка) отвечают линейно-детерминистской концепции мира с характерной для нее «предустановленной гармонией» (Г. Лейбниц).

В ситуации второй половинs XX века, когда современную цивилизацию охватили кризис и нестабильность в общественных процессах и умонастроениях, утверждается постнеклассическая картина мира, воплощенная в композиторском творчестве в виде нелинейной концепции музыки и нелинейного типа детерминизма. Содержание нелинейности в музыкальной постнеклассике определяется степенью структурной турбулентности (неустойчивости, включающей вероятность, случайность), вариантностью и альтернативностью путей развития, апеллирующих к самоорганизации, открытостью системы, диссипацией и фрактальным разнообразием, а также наличием неопределенностных величин и нового, или постнеклассического типа детерминизма в качестве системного фактора (Д. Кейдж, П. Булез, В. Кузнецов, Д. Лыбин, В. Екимовский). Постнеклассический музыкальный текст не имеет заданных величин и предустановленности как выразителей логического

начала (Л. Берио, П. Булез, Д. Кейдж, Л. Ноно). В качестве начальных условий выступают проект или вербальный текст. Объединяющим императивом в творческом поиске Второго музыкального авангарда выступила идея свободы, коррелирующая с «внерациональными образами порядка» (В. Василькова), и открытая (разомкнутая) музыкальная система, базирующаяся на идее бесконечности.

Актуализация постнеклассической музыкальной парадигмы объясняется, с одной стороны, кризисом западного рационализма (серийной и сериальной доктрин), так и новой картиной мира, где утвердились «нелинейность и вариативность развития, несводимость многообразия <…> к общему знаменателю, альтернативность, релятивность всех структур» [4]. Влияние нового мировоззрения на представителей «острия прогресса» вылилось в создание музыкальной реальности, основу которой составили содержательная многозначность и многовекторность процесса развития, базирующаяся на нелинейной субстанции. Композиторский поиск новой системы музыкальной экзистенции, выступившей альтернативой западной рационалистической (серийной) доктрине, но созвучной новому состоянию мира, во многом обусловлен интересом к восточной интеллектуальной и художественной культуре. Основными принципами внеевропейской традиции, в наибольшей степени воспринятыми и интерпретированными композиторами-постнеклассиками, явились космологизм (пространственная концепция музыки у К. Штокхаузена, К. Пендерецкого), интуитивизм («интуитивная музыка» К. Штокхаузена), ключевые позиции философии «И-Цзин» и дзэн-буддизма – недеяние, созерцание и тишина (медитативная и статическая музыка, «пустынная музыка», «ментальная музыка» и «музыка-молчание» Д. Кейджа, В. Кузнецова, С. Рейха), мантризм как символ простого и емкого смысла (минимализм Т. Райли), идея круга, символизирующая бесконечность (открытая форма, диссипативная композиция, форма et cetera в хэппенингах Д. Кейджа, Д. Лыбина), а также трактовка случайности и непредсказуемости как системного, а не побочного атрибута (П. Булез, Л. Берио, Д. Кейдж, В. Мартынов, В. Воронов). Новая трактовка случайности свидетельствовала о коренном переломе в композиторском сознании и смене неклассической линейной парадигмы музыкального мышления на нелинейное постнеклассическое, постмодерное.

Важнейшим аспектом постнеклассической нелинейности в постнеклассической музыкальной композиции выступает неравновесность, что означает дисбаланс между устойчивыми и неустойчивыми разделами формы – по критериям классических норм, преобладание адинамических форм развития, основу которых выступает децентрализация, многовекторная (вариантная) и альтернативная процессуальность, основу которой составляет исполнительская воля и интуитивное чувство порядка

в условиях исполнительской импровизации («Inory» К. Штокхаузена, «Патологические танцы» В. Кузнецова). Эпизодично такого рода явления наблюдались еще в романтическую эпоху и в эпоху fin de siècle, что было отмечено А. Шенбергом в понятиях «твердые» и «рыхлые» разделы формы. В аспекте формотворчества неравновесность коррелирует с самоорганизацией и трансформацией всех параметров музыкальной композиции, с открытостью системы (преимущественно в форме диссипации), а также с коллажной и центонной техникой композиции и неизбежностью избыточности экспозиционного и иллюстративного материала (Л. Берио, О. Ходоско).

Таким образом, постнеклассическая картина мира и интерес композиторов к Востоку нашли воплощение в «музыке случайных действий» – алеаторике, коллаже, центонности, апеллирующих к открытости системы и детерминированному хаосу, или к нелинейному типу детерминизма. Идиологема Востока выступила символом свободы, содержащим интенцию к раскрепощению рационалистического композиторского сознания. Маркером постнеклассической музыкальной реальности выступают постнеклассический нелинейный детерминизм, открытость и разомкнутость структуры, а также расширенный музыкальный феномен и арт-микст. Постнеклассическая концепция музыки выражает альтернативное композиторское мышление и постнеклассическую картину мира.

В заключении отметим, что контекстом для постнеклассического стиля музыкального мышления и постнеклассической концепции музыки выступили все виды искусства – нелинейная архитектура, театр абсурда, медиа-арт, а также философия (синергетика), наука (квантовая теория, теория относительности), а также социальные и политические процессы.

**Литература и источники**

1. Василькова, В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации / В. Василькова. – СПб.: Лань, 1999. – 479 с.

2. Князева, Е. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизации, темпомиры / Е. Князева, С. Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.

3. Можейко, М. Неодетерминизм. История философии. Энциклопедия / М. Можейко. – Минск: Интерпрессервис. Книжный дом, 2002. – С. 687–694.

4. От линейно-детерминистской к синергетической парадигме интерпретации социальных процессов // 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://neznaniya.net/ nauka/ filosofija/ sovremennye-globalnye-transformacii-i-problema-ist/ 8448-ot-lineyno -deterministskoy-k –sinergeticheskoy -paradigme-interpretacii-socialnyh-processov.html. – Дата доступа: 01.03.2021.

5. Пригожин, И. Переоткрытие времени / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 3–19.

6. Сороко, Э. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую гармонию систем / Э. Сороко. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.

7. Холопов, Ю. Теория музыки / Ю. Холопов // История современной отечественной музыки. – М.: Музыка, 2001. – Вып. 3: 1960–1990. – С. 551–614.

## СИНЕРГЕТИКА КАК НОВАЯ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

*В. С. Михайловский*

Синергетика является популярным направлением поисковой деятельности ученых. Ее положение в современном знании уникально: синергетика «лежит на пересечении трех сфер в научном пространстве – предметного знания, философской рефлексии и математического моделирования» [1, с. 13]. Будучи предметом широкого научного дискурса, синергетика оценивается по-разному. Сам основатель синергетики, немецкий физик Г. Хакен отмечал, что он вложил в синергетику довольно широкое понимание – «учение о взаимодействии» и тем сам «очертил общую направленность этого исследовательского движения: исследование общих закономерностей, которые действуют в системах, состоящих из отдельных частей» [2, с. 54]. Российская исследовательница Е. Н. Князева считает, что синергетика не является институционализированной научной дисциплиной, а представляет собой «междисциплинарное движение», «процесс наращивания знаний о сложных системах», «исследовательскую программу» [3, с. 7, 9]. Другой точки зрения придерживается российский ученый В. Г. Буданов. По его мнению, синергетику необходимо рассматривать в трех аспектах: как картину мира, как методологию или как науку [4, с. 11].

Синергетика формировалась как методологическая ориентация на междисциплинарный подход и широкое применение моделей, разработанных в ее рамках. Г. Хакен утверждал, что «синергетика относится к направлению универсализма» [5, с. 242]. Более того немецкий физик признавал, что одним из факторов побудивших его к развитию синергетики как «новой области науки» послужило «поразительное сходство между совершенно различными явлениями, например, между излучением лазера и социологическими процессами или эволюцией» [2, с. 53]. Отсюда и большой интерес к влиянию синергетики на социальные науки и убежденность в эвристике такого влияния. Г. Хакен писал: «Хотя синергетика возникла в рамках естественных наук, мне всегда представлялось, что ее важнейшие возможные приложения будут касаться специфических человеческих и социальных процессов. Здесь перед нами открывается чрезвычайно обширное поле исследования» [2, с. 59].

Посыл основателей синергетики и опыт ее экстраполяции утвердил в науке точку зрения на синергетику как нечто большее, чем частную теорию. Одним из катализаторов бурной реакции российского научного

сообщества на синергетику, по мнению В. Г. Буданова, было заявление выдающегося белорусского науковеда В. С. Степина на Философском конгрессе в Ростове-на-Дону (2002 год) о синергетике как «новой картине мира XXI» [6, с. 61]. В. С. Степин исходил из того, что синергетика наряду с теорией нестационарной Вселенной и теорией биологической эволюции составляют основу универсального эволюционизма как общенаучной картины мира [7, с. 334]. Однако стоит отметить, что заявления подобного рода были органичны научному дискурсу синергетики второй половины XX в. Первая международная встреча (симпозиум) по синергетике прошла еще в 1972 году в Германии. По словам российской исследовательницы Т. Х. Дебердеевой, в 1982 году на закрытии первой российской конференции по синергетике советский физик М. В. Волькенштейн назвал синергетику «новым мировоззрением» [8, с. 28]. В 1983 советские философы В. И. Аршинов и Н. Д. Казаков писали, что синергетика устоялась как «некая программная методологическая установка, призванная объединить под своим флагом усилия специалистов разного профиля, занятых каждый в своей области исследованием процессов самоорганизации» [9, с. 59].

Широкое понимание синергетики транслируется и современными российскими авторами. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов определить синергетику как «междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучаются общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку и обратно (процессов самоорганизации и самопроизвольной дезориентации) в открытых нелинейных системах физической, химической, биологической, экологической, социальной и другой природы» [10, с. 204]. Также Т. Х. Дебердеева по результатам своего диссертационного исследования, посвященного синергетическому подходу в познании социально-исторических явлений, делала вывод о достаточной возможности назвать синергетику «общенаучной теорией» [8, с. 27].

Еще в начале 1990-х годов В. С. Степин отмечал, что «объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием» и что «такого типа объекты постепенно начинают определять и характер предметных областей основных фундаментальных наук, детерминируя облик современной постнеклассической науки» [11, с. 11]. Как показало время, развитие синергетики неразрывно связано с историей ее активного проникновения в современное знание. Заложенная основателями синергетики (Г. Хакеным, И. Пригожиным) интенция на междисциплинарное объединение знания была положительно воспринята представителями различных наук. Однако обратной стороной проникновения синергетики в научные исследования стала «мода» на синергетику без должного учета тех ограничений, которые, например,

возникают при синтезе естественнонаучных и социогуманитарных дисциплин. Пренебрежение теоретико-методологическими основаниями экстраполяции лишают синергетику эвристичной сущности. Тем самым объявление синергетики новой научной картиной мира требует дополнительного аналитического внимания научного сообщества. Дискурс синергетики неотделим от философии науки.

**Литература и источники**


1. Безручко, Б. П. Путь в синергетику: экскурс в десяти лекциях / Б. П. Безручко [и др.]. –2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 304 с.

2. Князева, Е. Н. Синергетике – 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном / Е. Н. Князева, Г. Хакен // Вопр. философии. – 2000. – № 3. – С. 53–61.

3. Князева, Е. Н. Синергетика: ее исторический путь, научные школы, методологический потенциал и перспективы развития / Е. Н. Князева // Синергетика. Антология / Сост. Е. Н. Князева. – М., 2013. – С. 5–26.

4. Буданов, В. Г. Становление синергетической парадигмы: история, проблемы, перспективы / В. Г. Буданов // Методология синергетики в постнекласической науке и в образовании. – Гл. 1. – М., 2009. – С. 7–43.

5. Haken, H. Erfolgsgeheimnisse der Wahrnehmung. Synergetik als Schlussel zum Gehirn / H. Haken, M. Haken-Krell. – Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1992. – 263 s.

6. Буданов, В. Г. Третье рождение синергетики / В. Г. Буданов // Філософія освіти. – 2017. – № 2 (21). – С. 57–70.

7. Степин, В. С. Стратегии научного исследования в эпоху постнеклассической науки / В. С. Степин // Философия науки. Общие проблемы / В. С. Степин. – Гл. 7. – М., 2006. – С. 331–382.

8. Дебердеева, Т. Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений / Т. Х. Дебердеева // BookReader [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookre.org/ reader?file=652367&pg=0. – Дата доступа: 10.02.2021.

9. Аршинов, В. И. Синергетика как модель междисциплинарного синтеза / В. И. Аршинов, Н. Д. Казаков // Математика, естествознание и культура. – М.: ИНИОН, 1983. – С. 44–63.

10. Князева, Е. Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – 3-е изд. – М.: URSS, Либроком, 2010. – 252 с.

11. Степин, В. С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки / В. С. Степин // Проблемы методологии постнеклассической науки / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Е. А. Мамчур. – М., 1992. – С. 3–16.

# К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА К СМАРТ-ТЕХНОЛОГИЯМ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ

*М. В. Нетёсова, И. Б. Ардашкин*

Социально-философский анализ является значимым средством постижения сущности и наиболее общих закономерностей развития и трансформаций общественной жизни. Цель социально-философского анализа – выявление философских аспектов социальной реальности, посредством исторического рассмотрения трансформаций общественной жизни [1, с. 16].

Существуют разные подходы к социально-философскому анализу. По Степину объектом социально – философского анализа выступают программа деятельности человека и сложные саморазвивающиеся системы [2, с. 5]. К таким системам В. С. Степин относит биологические объекты, рассматриваемые с точки зрения функционирования и развития; объекты современных нано – и биотехнологий и прежде всего генетической инженерии; системы современного проектирования, как сложный развивающийся комплекс: человек – технико-технологическая система плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию (и весь этот комплекс рассматривается в развитии). Подавляющее большинство саморазвивающихся систем, с которыми имеет дело современная наука, являются человекоразмерными [2, с. 10]. Человек и человеческая деятельность являются компонентами систем. В деятельности градиент человеческой активности направлен на трансформацию внешнего объекта, придание ему таких форм, содержания и состояний, которые являются ведущими для человека, приемлемы для человеческого использования, не противоречат определенным социальным установкам. По Белу социально-философский анализ сосредоточен на технологической научной перспективе социологии, основанной на теории человека, как представителя технологии, и эпистемологии, включающей этические ценности. Теория Бела подчеркивает диалектическую связь между человеческим и технологическим [3, с. 629].

Поскольку при социально-философском анализе ничего не исключается из поля зрения исследователя, представляется возможным рассматривать современные смарт – технологии через призму социально-философского анализа. Социально-философский анализ необходим, чтобы «пролить свет» на связь между смарт – технологиями и обществом с точки зрения философского подхода, который требует учета социального измерения технологии и роли экономических ценностей в технологии.

Социальное развитие общества лучше всего изучать посредством трансформации технологий, которые это общество генерирует и

применяет. Смарт-технологии, в таком случае, являются соответствующим индикатором социальной трансформации, свидетельствуют о формировании нового типа общества.

Эти цели, процессы и результаты применения смарт – технологий гораздо более ощутимы и заметны, чем расширение человеческих знаний (фундаментальная наука) или даже решение практических проблем (прикладная наука). Одной из причин такого положения дел, Венсеслав Гонсалез (профессор логики и философии науки, Испания), переделяет тот факт, что технологии ориентированы, в первую очередь, на преобразование действительности [4, с. 40–45]. Технологии стремятся изменить существующую реальность (естественную, социальную или искусственную), чтобы произвести новые результаты (своего рода человеческий артефакт: мост, самолет, компьютер, сотовый телефон...), которые могут непосредственно влиять на жизнь членов общества. Эти изменения могут быть в пользу социального развития или они могут быть направлены против общего блага граждан.

Социальное измерение проявляется в трех основных стадиях технологического развития.

1. Технологии интегрируются в проектирование, поскольку технология не только использует научные знания и конкретные технологические знания (ноу-хау), но и учитывает социальные и экономические ценности при проектировании. Это ясно видно во многих технологических инновациях (новые сотовые телефоны, более быстрые компьютеры, большие самолеты и так далее), которые должны учитывать пользователей продукта и потенциал экономической эффективности нового артефакта.

2. Технологический процесс развивается на предприятиях, деятельность которых подчиняется определенным ценностям, экономическим, политическим, культурным, эстетическим и так далее. Более того, Технологический процесс отражает уровень материально-производственного развития общества, порождает определенную культуру потребления, социального взаимодействия и идеалов развития.

3. Конечным результатом технологии является созданный человеком продукт-артефакт, который должен использоваться обществом и который имеет экономическую оценку на рынке. Следовательно, можно сказать, что технологии выступают в качестве способов конструирования реальности, онтологически оформляя технологические разработки в существующую действительность (онтологическая функция технологий), в том числе, и социальную действительность.

Кроме того, его продукт является товаром для общества. Кроме того, критерии общества оказывают значительное влияние на продвижение того или иного вида инноваций (с их патентами) или альтернативной технологии (новой конструкции, процесса и продукта). Часто социальное

измерение технологии рассматривается с озабоченностью, особенно в случае связанных с промышленными предприятиями (например, в случае аварий, связанных с ядерной энергией).

Аксиологически социально-философский анализ смарт-технологий демонстрирует их амбивалентность в социальном восприятии общества

С одной стороны, смарт – технологии рассматривается как несомненный индикатор социального прогресса, который становится неизбежным для того, чтобы постепенно достичь наилучшего возможного благосостояния для человека в его повседневной жизни [5]. Но, с другой стороны, формирующая повсеместная зависимость человека от смарт – технологий, заставляет нас задуматься о роли человека в современном обществе, рождает страх, что «социальный путь, порожденный технологической экспансией и развитием, часто приводит нас к результатам сомнительной антропологической квалификации во многих аспектах, особенно, например, в преобладающая социальная этика – и обычно едва заметная – в менталитете современного общества и человека» [2, с. 9]. Социально-философский анализ смарт-технологий позволяет исследовать последние целостным образом, учитывая приоритеты и риски их функционирования, что не всегда можно достичь с помощью других методов исследования. Применение социально-философского анализа к смарт-технологиям позволяет получать не только осознание всех аспектов их использования, но планирования при разработке новых с учетом социальных приоритетов.

Социально-философский анализ смарт технологий может помочь нам жить более осмысленной жизнью и строить лучшие общества. Однако обществу нужно некое социально-философское обрамление, которое должно соответствовать современным целям, стоящим перед обществом, направленным на решение важных для настоящего момента проблем.

**Литература и источники**

1. Беркут, В. П. Социально-философский анализ в методологии научного познания / В. П. Беркут // Вестник МГОУ. – 2016. – № 1. – С. 14–23.

2. Степин, В. С. О методологических подходах к анализу социального познания / В. С. степин // Вестник Московского университета. – 2014. –№ 3. – С. 3–10.

3. Bell, M. M. The Dialectic of Technology: Commentary on Warner and England1 / M. M. Bell // Rural Sociology. – 2010. – № 4. – P. 623–632.

4. Gonzalez, W. J. The Philosophical Approach to Science, Technology and Society / W. J. Gonzalez // Science, Technology and Society: A Philosophical Perspective. – 2005. – P. 3–50.

5. Ардашкин, И. Б. Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ. Являются ли смарт-технологии действительно умными? / И. Б. Ардашкин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 43. – С. 55–68.

# ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ

*С. Е. Овчинников*

Дж. Лэдимен, раскрывая содержание тезиса масштабной относительности (scale relativity) онтологии [1], апеллирует не только к антиредукционизму, который говорит о том, что онтологии, принятые в разных областях научного знания, следует рассматривать как независимые (несмотря на то, что формально мы можем объяснить, например, химические явления с точки зрения физики), и который подтверждается реальной практикой научных исследований [2], но и, конечно, к потенциалу онтологии паттернов Д. Деннета, с точки зрения которой паттерн – это «удобный абстрактный объект, который мы статистически вычитываем из данного набора данных с какой-то целью» [3]. В данном случае Дж. Лэдимен тактически сочетает, условно, линию аргументации, идущую «от науки», с линией аргументации, идущей «от философии». Именно поэтому такой тип метафизики (сочетающий научную и философскую аргументации) и называют «натурализованной метафизикой». Более того, Дж. Лэдимен утверждает, что никакой другой тип метафизики невозможен: «построение метафизики может быть мотивировано только попыткой объединить теории, которыми пользуется современная наука» [1, p. 1]. Это точка зрения философа. А теперь представим точку зрения ученого, скажем биолога, занимающегося проблемой синтеза белков. Ученый сам задает онтологию для того, чтобы более эффективно анализировать данные, чтобы, в конечном итоге, отбросить непродуктивные ad-hoc гипотезы и прийти к адекватному объяснению причин явления. Хорошо известен термин «рабочий платонизм», который вводят, например, социологи науки для того, чтобы зафиксировать онтологию, которую сами ученые в настоящий момент считают «реальной» [4]. И в этом смысле, биологи, зоологи, экономисты, социологи, историки и геологи – все в равной степени должны настаивать на независимости и равнозначности своих онтологий. С точки зрения научного реализма, мы обязаны считать все эти онтологии (отражающие реальность в том виде, как ее репрезентирует современная наука) реальными. Наш тезис заключается в том, что независимо от «философской части», оставаясь на уровне научной практики, мы уже можем закрепить предпосылку «онтологического реализма» (зафиксировать требование онтологического реализма в методологическом ключе) анализируя то, как в практике своей деятельности ученые разделяют категории «универсалия» и «партикулярия» в формулировке результатов научного исследования.

В большинстве случаев, построение философской онтологии обращает нас к проблеме универсалий, например, в том смысле, что,

говоря «онтологический реализм», мы обращаемся к вопросу: «что есть то, на что указывают термины рабочих онтологий?». На наш взгляд, наиболее важным в контексте «рабочей онтологии», является не столько само понятие универсалии и его философское наполнение, сколько именно рецепция отношения между «универсалией» и «партикулярией» в том виде, как они понимаются собственно в научном дискурсе. Ученый, строя онтологию, проводит различия между объектами двух видов – «партикуляриями» (единичными проявлениями чего-то) и «универсалиями» (типами, характеризующими эти единичные проявления). «Пратикулярии» – это вещи, которые могут быть описаны с точки зрения данных, которые ученый непосредственно получает в лаборатории. Это конкретные индивидуальные объекты, существующие в пространстве и времени. «Универсалии» – это подкласс общих терминов языка, в которых мы формулируем научную теорию. Для каждой универсалии мы можем указать бесконечное число партикулярий, которые ее проявляют в тех или иных условиях (заряд как универсалия характеризует и электрон и эбонитовую палочку). При этом, партикулярии, конечно же, можно сгруппировать, например, по принципу сходства, и такой процесс, как правило, называют «классификация» (например, это может быть выстраивание иерархии сходных признаков по принципу общности). Отличительная черта универсалий заключается в том, что ученые используют общие термины именно тогда, когда пытаются описать повторяющиеся характеристики реальности. И они делают это не потому, что у них есть четкое философское представление о том, как соотносятся термины и реальность, а потому что такова практика научного исследования. Когда ученый формулирует общее утверждение, он делает это, в том числе, с целью чтобы другие ученые могли проверить. В определенном смысле, ученые описывают повторяющиеся характеристики реальности таким образом, чтобы другие ученые могли воссоздать те же самые условия и прийти к тем же самым результатам. Естественно, существует множество собственно философских интерпретаций понятия «универсалия», понятия «общий термин», понятия «соотношения термина и реальности», но это здесь не главное. Главное здесь – это разница между двумя видам описания, которыми пользуется ученый на практике. С одной стороны, ученый описывает результаты экспериментов (тем самым, накапливая множество «партикулярий» для последующего анализа), а с другой – помещает эти результаты в контекст теории, придает им значение в общих терминах теории, объясняющей явление. Попытка обнаружить бозон Хиггса, в первую очередь, является попыткой обнаружить партикулярии – индивидуальные характеристики в пространстве и времени. При этом, ученые пытаются обнаружить не произвольные партикулярии, а только те, которые являются проявлением только одной, заранее определенной универсалии (собственно «бозон»).

Ученый фиксирует конкретное состояние, отвечающее тому, как проходит эксперимент: «Хиггс бозон был зафиксирован в 11 часов утра», а также – в общих терминах указывает на универсалии, которые были предсказаны подтверждаемой теорией: «Шесть типов бозонов, предсказанных Стандартной моделью, были обнаружены экспериментально». При этом, мы предполагаем, что именно повторяемость в эксперименте позволила ученым сформулировать общее утверждение. Независимо от философского наполнения, «онтологический реализм» можно представить исключительно в терминах научной практики, именно как методологическую концепцию, в которой рабочая онтология интерпретируется как та, в которой общие термины указывают на «универсалии», где основной критерий отличия «универсалии» от «партикулярии» заключается в том, что «универсалия» схватывает повторяющиеся «партикулярии».

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики».*

**Литература и источники**

1. Ladyman, J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized / J. Ladyman, D. Ross, D. Spurrett, J. Collier. – Oxford: Oxford University Press, 2007.

2. Batterman, R. The Devil in the Details / R. Batterman. – Oxford University Press, 2002.

3. Dennett, D. Real Patterns / D. Dennett // Journal of Philosophy. – 1991. – Vol. 88. – P. 27–51.

4. Розов, Н. С. Социологический реляционизм С. Фукса и объяснение «рабочего платонизма» в математике / Н. С. Розов // Философия науки. – 2006. – № 3. – С. 39–48.

## ФИЛОСОФСКИЙ ОПЫТ КОМПАРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ

*А. А. Павильч*

Изменение формата функционирования современной культуры, выражающееся в охвате локальных форм ее существования глобальными уровнями развития, обусловило переструктурирование областей гуманитарного и социального знания и формирование исследовательского и дисциплинарного поля культурологии как стандарта изложения научного знания, занявшего промежуточное положение в науке. Категоричное утверждение американского антрополога Л. А. Уайта о возможности достижения целостной репрезентации культуры только благодаря специальной науке было обусловлено его сомнением в возможности

исчерпывающей интерпретации многогранного пространства культуры, продуктов творческой деятельности и разных аспектов поведения человека усилиями и ресурсами традиционных и обособленных исследований в философии и социальных науках. Формирование статуса компаративистики в современной культурологии и оформление ее предметной области научных исследований определялось философскими основаниями науки, позволяющими осуществлять рефлексию реалий поликультурной действительности и выражать их в понятийно-категориальной форме. Утверждавшаяся модель компаративных исследований в культурологии базировалась на специальной научной картине, которая репрезентирует системную рефлексию культурного многообразия в соответствии с образцами и принципами, выражающими актуальные для современной науки познавательные идеалы и нормы объяснения и описания, идеалы обоснованности, стандарты построения и организации знаний.

Проблема обоснования статуса культурологической компаративистики и определения ее непосредственных компетенций обусловливает необходимость обращения к опыту философской компаративистики, которая декларируется в качестве универсальной метадисциплины, берущей на себя ответственность за масштабные задачи рефлексивного осмысления разных аспектов и уровней взаимодействия в пространстве культуры. Изучение историографии данной проблемы показывает, что область исследовательской компетенции философской компаративистики охватывает, как правило, сравнение философских систем, школ, направлений, форм знания, типов сознания и способов мышления; соотношение философского творчества разных историко-культурных эпох, сопоставление философских концепций и взглядов и др. Следовательно, реальная практика компаративных исследований в философии подтверждает, что вся попытка философской рефлексии многоуровневых взаимодействий в пространстве культуры сводится, как правило, к применению компаративного подхода в анализе историко-философского опыта: «в компаративистике философия обратилась к самой себе, сравнивая и сопоставляя философские традиции, выявляя интеркультурные коммуникативные основания философского диалога, уточняя принципы историко-философского исследования» [1, с. 189].

Стратегическую задачу философской компаративистики А. С. Колесников связывал с выявлением «архетипов философского мышления» в контексте сравнения философских культур, включая как соотношение разных философских систем, так и сопоставление отдельных философских традиций внутри каждой из систем, парадигм и т. д. В этом, собственно, и выражается попытка репрезентации компаративистики как рефлексии «диалога философских культур» [1, с. 190] в рамках истории философии. Само определение философской культуры в качестве объекта

сравнительных исследований делает очевидным факт многозначности данного понятия, одновременно соотносящегося с уровнем культуры мышления в целом, философским наследием, философским творчеством и т. д. На основании того, что философская компаративистика ориентирована на выявление сходства и различий, поиск общего и особенного в философских учениях и традициях, их систематизацию и типологизацию, А. С. Колесников вполне логично и убедительно соотнес предмет философской компаративистики с проблемами внутреннего философского взаимодействия. В то же время одна из формулируемых им задач философской компаративистики, касающаяся выхода за пределы поиска всех культурных различий к установлению универсальных черт культуры и человека, представляется слишком масштабной в соотношении с историографическим опытом философской компаративистики и реальной практикой сравнительных исследований.

Бесспорным преимуществом философской компаративистики перед культурологической компаративистикой является значительный историографический опыт, представленный многоплановым изучением проблемы зарубежными и российскими исследователями. При этом в большинстве работ современных авторов отражен в основном опыт сопоставительного анализа частного историко-философского материала, ощутим явный перевес сравнительной интерпретации философских текстов и очевидна недостаточность систематизации понятийно-категориального аппарата, изложения теоретических аспектов философской компаративистики, определения особенностей методологической организации и структуры компаративных исследований. Современные компаративные исследования репрезентируют преимущественно соотношение разных направлений и течений в западной и восточной философии; отражают сравнительный анализ творчества избранных персоналий, относящихся к разным философским традициям и историческим типам философствования.

В научной литературе не отрицается непосредственная связь сравнительной философии с теоретическим и эмпирическим опытом других компаративных отраслей. Например, авторы отмечают, что «собственно философская компаративистика имеет небольшую историю, но зрела она давно в недрах сравнительных культурологических и исторических исследований» [2, с. 13]. При этом подчеркивается, что философская компаративистика, решая задачи, связанные с разработкой методологии сравнительных исследований, осознанием бытия мысли в разных регионах, странах, цивилизациях, берет «все лучшее в сравнительных языкознании, литературоведении, социологии, политологии, юриспруденции, религиоведении, культурологии» [3, с. 8]. Подобные утверждения не только свидетельствуют о междисциплинарном синтезе философского и социально-гуманитарного знания, но и

подтверждают факты развития собственных компаративных практик в культурологии.

Понятие компаративистика в контексте культурологического знания отличается многозначностью, одновременно обозначая системную организацию сравнительных исследований феноменов культуры в целом и научное направление, выделяемое в структуре современной культурологии. Оформление предметной области и проблемного поля компаративистики как направления в культурологии определялось формированием специальной научной картины мира культуры как пространства разнообразных ценностно-смысловых доминант, знаково-символических воплощений, информационных кодов, организованных в рамках динамично развивающихся и взаимодействующих структурно-функциональных и содержательных единств. Предметная область компаративистики сосредоточена на исследовании мультикультурной динамики, представленной явлениями и фактами культурного многообразия в процессе их функционирования и взаимодействия [4].

Таким образом, компаративистику вполне логично соотносить с парадигмальной моделью исследования культурного разнообразия, которая формировалась в контексте философского и социально-гуманитарного знания задолго до оформления дисциплинарного статуса культурологии и смежных с ней областей знания о культуре. Базовые теоретические основания исследования разных аспектов мультикультурной динамики выражаются в морфологическом, аксиологическом, семиологическом, институциологическом, праксеологическом и коммуникологическом фундаментальных направлениях анализа. Методологический ресурс компаративных исследований культуры интегрирует потенциальные возможности философии, социальных и гуманитарных наук, обеспечивающих рефлексию и интерпретацию культурного многообразия, философско-теоретические обобщения в зависимости от содержания и характера соотносимых объектов, целевых установок и задач сравнительного анализа.

**Литература и источники**

1. Колесников, А. С. Философская компаративистика и диалог культур / А. С. Колесников // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сб. материалов симпозиума; под ред. В. В. Парцвания. – СПб.: СПб. филос. о-во, 2003. – Вып. 1. – С. 185–205.

2. История современной зарубежной философии: компаративистский подход / А. С. Колесников [и др.]. – СПб.: Лань, 1997. – 480 с.

3. Колесников, А. С. Философская компаративистика: Восток-Запад: учеб. пособие / А. С. Колесников. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 390 с.

4. Павильч, А. А. Компаративные исследования культурного разнообразия: методологический опыт и коммуникативная проекция / А. А. Павильч. – Минск: МГЛУ, 2017. – 168 с.

## ЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МЫСЛИ В ИМПЛИЦИТНОМ ВИДЕ И ЯВНОЙ ФОРМЕ

*В. И. Павлюкевич*

Рассматривая логику в широком контексте философии познания и интеллектуальной деятельности в целом, можно достаточно определенно отметить, что имеются различные формы реализации логической культуры мышления. Среди многих вариантов проявления логической культуры мысли здесь будут рассмотрены два: имплицитная и явная формы.

Имплицитную и явную формы логической культуры мышления можно различать на основании наличия или отсутствия какой-либо фиксации логических средств и методов, используемых в ходе рассуждения, развертывания и развития идей и концепций. На имплицитном уровне логической культуры мышления не формулируются, не фиксируются методы, средства, логические правила, схемы, законы, которые используются, предполагаются, подразумеваются в ходе рассуждения, диалога, развития идей, построения концепций и теорий. Как правило, на имплицитном уровне эти средства не констатируются, а иногда вообще и не осознаются.

Явная форма логической культуры предполагает осознание, а нередко формулировку и фиксацию логических средств, используемых в рассуждении, в ходе развертывания и обоснования каких-то идей, теорий, концепций. Явная форма логического знания реализуется, как правило, в сфере теоретических исследований, когда есть необходимость указать основания каких-либо ходов в рассуждении.

Разграничение имплицитной и явной форм логической культуры мышления происходило постепенно, по мере развития логического знания и становления его в теоретическом виде. В общем плане логику можно охарактеризовать как науку, системным образом исследующую рассуждения, выявляющую их типы, основания, критерии и условия приемлемости, обоснованности.

В имплицитном виде логическая культура мышления формируется вместе со становлением и развитием языка. Язык есть знаковая система, выполняющая коммуникативную, социально-организационную и познавательную функции. Чтобы язык мог выполнять эти функции, он должен быть соответствующим образом структурирован в содержательно-смысловом, семантическом плане. Структурированность в смысловом, семантическом отношении должна быть присуща не только языку в целом,

но и его отдельным частям, выражениям. Через это формируются и осознаются смысловые конструкты, единицы языка как средства выражения мыслей и средства познания.

Важность имплицитной формы логической культуры легко просматривается в известном утверждении Г. Гегеля, согласно которому, если бы люди не умели мыслить, не освоив законы логики, то с ними дело обстояло бы так же плохо, как, если бы они не умели переваривать пищу, не овладев соответствующими знаниями по физиологии.

Следует заметить, что это касается не только логических аспектов мышления. Подобным образом дело обстоит и в других областях человеческой деятельности. Например, в сфере архитектуры люди добивались выдающихся результатов задолго до того, как Ньютоном были открыты законы тяготения и влияние их на движение тел, а соответственно, и на устойчивость физических конструкций.

Широкая сфера реализации имплицитной формы логической культуры – это повседневное общение, беседы, диалоги, обсуждения каких-либо вопросов, всевозможные диспуты и ток-шоу. Крайне занудным показался бы человек, который бы всегда в ходе живой беседы формулировал бы все основания, в силу которых делается какое-либо высказывание, указывал бы схемы своих рассуждений и требовал бы этого от собеседников. В ходе коммуникации за пределами научного познания потребность в такой логической тщательности и строгости возникает крайне редко.

Иногда может создаваться впечатление, что в живом повседневном общении, беседе не появляется никакой специальной потребности в логике. На самом же деле логическая культура мысли лежит в основе любой рациональной интеллектуальной деятельности, подразумевается, предполагается в любом акте рационального оперирования информацией.

Логическая культура мысли по значимости, по проявлению в некотором смысле похожа на воздух, который мы в основном не замечаем, и обращаем специальное внимание, когда с ним возникают какие-то затруднения. Подобным же образом в ходе коммуникации, в ходе исследовательского развертывания мысли обстоит дело и с логикой. Когда все в коммуникации, в концептуальном построении, в смысловом логико-семантическом плане идет хорошо, корректно, логические аспекты этих процессов, как правило, не замечаются. Но на них сразу же обращается внимание в случае возникновения каких-то смысловых неувязок, какой-то логико-семантической некорректности.

Одной из сфер проявления и реализации логической культуры в имплицитной форме являются энтимемы. В широком смысле энтимема – рассуждение с пропущенными частями. Считается, что пропущенные части подразумеваются и в силу этого не формулируются явно. Иногда пропущенными могут быть какие-либо посылки, иногда заключение.

Энтимемы широко вошли в обиход, но далеко не всегда собеседники могут восстановить все пропущенные части используемых ими в разговоре энтимем.

Энтимемой являются, например, строки известной песни: «В хоккей играют настоящие мужчины. Трус не играет в хоккей». Прочитав, услышав эти слова, в большинстве случаев говорят, что из данных двух утверждений следует, что трус не настоящий мужчина. На самом деле это не верно. С помощью круговых схем Леонарда Эйлера в силлогистике легко показать, что высказывание «Трус не настоящий мужчина» из двух высказываний, приведенных из известной песни, логически не следует. Но это нетрудно показать и без схем, на простейших содержательных примерах. Если, к примеру, человек, не умеющий ездить на коньках (допустим, библейский Адам), не играет в хоккей – это не значит, что он не настоящий мужчина.

Дело в том, что в строках известной песни, составляющих энтимему, из первого высказывания «В хоккей играют настоящие мужчины», взятого в качестве посылки, выводится как заключение «Трус не играет в хоккей», а утверждение «Трус не настоящий мужчина» является пропущенной второй посылкой, которая подразумевается. Без данной посылки утверждение «Трус не играет в хоккей» не следует из первого высказывания «В хоккей играют настоящие мужчины».

Энтимемой является и известное изречение, приписываемое обычно Аристотелю: «Платон – друг, но истина дороже». На самом деле у Стагирита нет утверждения с точно таким содержанием. В «Никомаховой этике» у Аристотеля присутствует рассуждение, которое в нестрогом пересказе имеет следующее содержание: некоторые утверждения, с которыми Аристотель не вполне согласен, и считает их неистинными, сделаны уважаемым автором; но, хотя этот автор и дорог Аристотелю, предпочтение следует отдавать истине. «Ведь хотя и то и другое дорого, долг благочестия – истину чтить выше» [1, с. 59]. При этом по контексту подразумевается, что идеи, с которыми Аристотель в данном случае не согласен, высказаны Платоном.

Таким образом, если раскрыть логико-семантические аспекты широко используемого утверждения, ставшего афоризмом: «Платон – друг, но истина дороже», то это – энтимема, которая имеет две пропущенные, подразумеваемые части. Этими частями являются посылка – «Как друг он мне дорог» и заключение – «В случае расхождения того, что сказано Платоном, с истиной, предпочтение все же следует отдавать истине».

Энтимемами являются (во всяком случае могут быть интерпретированы как энтимемы) известные изречения: «Дареному коню зубы не смотрят», «Не в свои сани не садись», «Тише едешь – дальше будешь» и многие другие пословицы и поговорки, аккумулирующие

народную мудрость.

Следует, конечно же, учитывать, что одной из имплицитных форм реализации логической культуры мысли является интуиция. В сфере логического познания интуиция нужна исследователю так же, как математику, физику, инженеру, архитектору, полководцу, поэту, дирижеру, режиссеру и любому человеку, занимающемуся каким-либо исследовательским поиском нового в соответствующей области деятельности.

В теоретической логике образцов явного использования логических средств познания, конечно же, много: построение логических концепций, теорий, систем, доказательство теорем и т. д. В качестве одного из примеров можно отметить, что на высоком теоретическом уровне в сфере философско-логических и социогуманитарных исследований широко и эффективно в явной форме, специально целевым образом разрабатываемые логические средства и методы применяются в трудах выдающегося логика и философа А. А. Зиновьева: «Логика науки» [2], «Логическая физика» [3], «Фактор понимания» [4] и во многих других его работах.

В целом логические средства познания, применяемые в имплицитной и явной формах, способствуют повышению уровня исследовательской культуры, имеют богатую историю эффективного использования в гуманитарных и естественнонаучных изысканиях.

**Литература и источники**

1. Аристотель. Никомахова Этика / Аристотель // Сочинения в четырех томах / Академия наук СССР Институт философии. – Т. 4. – М.: Издательство «Мысль», 1984. – С. 53–295.

2. Зиновьев, А. А. Логика науки / А. А. Зиновьев. – М.: Мысль, 1971. – 270 с.

3. Зиновьев, А. А. Логическая физика / А. А. Зиновьев. – М.: Наука, 1972. – 192 с.

4. Зиновьев, А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М.: Алгоритм Экспо, 2006. – 528 с.

## ПРАВО И СПОСОБЫ ЕГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В ДИНАМИКЕ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

*Е. В. Перепелица*

*Классическая научная рациональность* описывает идеальные действия идеальных субъектов права в идеальном теоретическом пространстве. Для нее характерны: парадигмальная замкнутость права на самом себе; причинное подведение любых эмпирических фактов под общие гипотетические законы и известные закономерности. С точки зрения традиционного легистского правопонимания *правом объявляются*

*только те нормы, которые издаются государством в лице соответствующих правотворческих органов и поддерживаются силой государственного принуждения*. В рамках классической научной рациональности правоведение изучает атрибутивированные законом свойства тех или иных явлений и процессов.

Постепенно утрачивается вера в силу человеческого разума, его возможность «аподиктично описывать и объяснять мир и на этой основе рационально его преобразовывать» [1, с. 53]. Юридическая наука уже не культивирует идеи своей предметной и методологической автономности, отсутствия потребности использования достижений других социальных наук в правовых исследованиях.

После долгого пребывания в предметной и методологической автономии рационально организованное знание возвращается к междисциплинарности как своему естественному состоянию. «Постнеклассическое направление в науке задает новые коммуникативные стратегии познающему субъекту, целостность познания предстает как открытое, системное и динамичное единство в многообразии выражающих его форм» [2, с. 5]. *Неклассический и постнеклассический стили правового мышления разрушают изоляционистские дисциплинарные установки*. Происходит существенная перестройка идеалов и норм научного исследования. Различные отрасли правового знания не удовлетворяются монологическим существованием, но полагают обязательным условием своего развития диалогическое взаимодействие с иным познавательным опытом. В отличие от классических формулировок *современная научная картина мира* ставит акцент на «первичности информации и коммуникации. Причем норма, которая первоначально сформулирована, не носит еще правового характера» [3, с. 91]. Зарождающиеся коммуникативные теории обращены к реальному бытию права, а не к нормам, продуцируемым исключительно правотворческими органами. «Открытость современной научной картины мира осмысливается в форме методологических и мировоззренческих принципов синергетики и глобального эволюционизма» [4, с. 90]. *С точки зрения синергетики право есть диалог*. Релевантными общественным потребностям, запросам и ожиданиям признаются те правовые тексты, которые созданы в режиме обратной связи государства и общества.

*Современное право особо нуждается в диалоге с философией,* которая нужна юридической науке «не для внедрения в нее инородных ее познавательной ткани суждений, не для ее идейного насыщения. Принципиально важно, чтобы она реализовала функцию методологии критики юридической теории» [5, с. 60]. Нет исследовательского инструментария, который сохранял бы свою безоговорочную пригодность применительно к прошлому времени, актуальному состоянию и перспективам, открывающимся в будущем. Современные гуманитарные

вызовы, социальные взрывы, цифровой, манифестационный факторы требуют изменения традиционных методологических установок, которые базируются на монологической доминанте воспроизводства права.

**Литература и источники**

1. Иванский, В. П. Роль философии рациональности в правовых исследованиях (часть 1) / В. П. Иванский, С. И. Ковалев // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. – 2019. – Т. 23, № 1. – С. 48–61.

2. Киященко, Л. П. Междисциплинарность – область взаимодействия философии и социологии // Социологические исследования. – 2016. – № 2. – С. 3–11.

3. Лепешко, А. Б. В поисках методологических оснований права: коммуникативный подход / А. Б. Лепешко. – М.: КноРус, 2020. – 192 с.

4. Медушевская, Н. Ф. Влияние мировоззренческих и методологических оснований научных революций на развитие юридической теории / Н. Ф. Медушевская // Право – явление цивилизации и культуры / Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2020. – Вып. 2. – С. 82–91.

5. Малахов, В. П. Философия права и юридические наук: «скованные одной цепью» / В. П. Малахов // Актуальные направления анализа права и правоведения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девятых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Несесянца / Отв. ред. и сост. В. Г. Графский. – М.: Норма, 2015. – С. 54–61.

## ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В КВАНТОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

*В. А. Поликарпов*

Проблемы сознания в квантовой психологии четко определены и расположены последовательно. Первая из них носит название *проблема связи*. Ее можно сформулировать так: как информация, зародившаяся в разрозненных областях человеческого мозга, связывается в сознании? Известно, что каждый нервный сигнал остается блокированным в отдельно взятом нерве. Поэтому проблема связи – это проблема понимания того, как вся эта информация, закодированная в неизмеримом количестве импульсов, генерирует унифицированное восприятие объектов. Если переформулировать проблему связи с точки зрения идей, а не чувственных впечатлений, можно подойти к сути проблемы сознания – загадке того, как идеи могут двигать тела. Где в этом переплетении импульсов кроется наше сознание, то чувство «я», которое управляет нашими намеренными действиями? Чем именно это сознание является и как оно взаимодействует с материей нашего мозга, чтобы двигать наши руки, ноги или язык? Ведь сознание, как и свободная воля даже не фигурируют в полностью детерминистской вселенной, потому что законы причинности допускают только поочередный порядок вещей в бесконечной цепи причин и следствий.

Применительно к данной проблеме известна концепция оксфордского математика Роджера Пенроуза, утверждавшего, что человеческий разум – это квантовый компьютер. Вместе со Стюартом Хамероффом Пенроуз предложил следующий физический механизм сознания. Эти авторы утверждают, что структуры под названием «микротрубочки», обнаруженные в нейронах, являются кубитами квантового мозга. Микротрубочки – это длинные нити белка тубулина. Они могут принимать две различные формы: расширение и сжатие. Тем самым они способны вести себя как квантовые объекты, существующие в суперпозиции обеих форм сразу, чтобы сформировать что-то похожее на кубиты. Пенроуз и Хамерофф предположили, что тубулиновые частицы в одном нейроне спутаны с тубулиновыми частицами белков во множестве других нейронов. Если бы таким образом обеспечивались связи между всеми триллионами нейронов в человеческом мозге, то они вполне могли бы связать воедино всю информацию, закодированную в разделенных нервах, и таким образом решить проблему связи. Кроме того, Пенроуз предположил, что в достаточно сложных квантовых системах их гравитационное влияние на пространство-время создает возмущение, которое разрушает волновую функцию, превращая квант в классическую систему, и что этот процесс порождает наши мысли. В целом мозг предстал бы как мощный квантовый компьютер.

В недавнем времени возникла новая концепция, в которой микротрубочки заменены ионными каналами в клеточных мембранах нервов. Это самое последнее достижение квантовой психологии. Авторы подхода: G. Bernroider, J. Summhammer, J. McFadden, S. Pockett и др. Они пришли к выводу, что квантовая когерентность играет незаменимую роль в проводимости ионов через каналы нервов и, таким образом, так протекает существенная часть нашего мышления. Ионные каналы играют четкую роль в согласованной работе нейронов – они лежат в основе потенциалов действия. Поэтому их состояние отражает состояние нервной клетки: если нерв возбужден, то ионы будут двигаться быстро через каналы, если нерв спокоен, ионы в каналах будут неподвижны. И поскольку общая сумма возбужденных и спокойных нейронов в мозге должна каким-то образом кодировать наши мысли, то эти мысли также отражены – закодированы – в сумме всего этого квантового потока ионов, входящих и выходящих из нервных клеток. Далее. Потенциалозависимые ионные каналы чувствительны к напряжению: они открывают и закрывают каналы. Напряжение – это лишь показатель разности в электрическом поле. Но мозг по всему объему заполнен собственным электромагнитным полем, которое генерируется с помощью электрической активности всех его нервов. Некоторые ученые, например, Джонджо, выдвинули идею, что переход сознания из дискретных частиц мозгового вещества в единое электромагнитное поле вполне может решить проблему связи и

предоставить место для сознания. Электромагнитное энергетическое поле мозга столь же реально, как и материя, связывающая свои нейроны и поскольку оно происходит от возбуждения нейронов, то кодируется в точности такая же информация, как в моделях нейронных возбуждений мозга. Однако в то время как нейронная информация остается в возбужденных нейронах, электрическая активность, порожденная ими, объединяет всю информацию в электромагнитном поле мозга. Это потенциально может решить проблему связи. А открывая и закрывая потенциалозависимые ионные каналы, электромагнитное поле связывается с квантовыми когерентными ионами, проходящими через каналы. Таким образом электромагнитное поле мозга может влиять на модели возбуждения нерва и двигать нашими мыслями и действиями. Поле координирует нервное возбуждение, то есть синхронизирует множество нейронов так, чтобы они все вместе возбуждались. Это создает автореферентный цикл, являющийся важным компонентом сознания. Электромагнитное поле, собирающее вместе все когерентные ионные каналы в разрозненных частях мозга, чтобы они синхронно возбудились, может играть определенную роль в переходе от бессознательных к сознательным мыслям. И наоборот, когда мы не осознаем что-то, нейроны возбуждаются асинхронно.

Есть проблема, которая ставит под сомнение обе описанные гипотезы. Дело в том, что декогеренция должна протекать чрезвычайно быстро в теплых влажных средах, таких как живые клетки. Нервные сигналы – это электрические импульсы, вызванные прохождением электрически заряженных атомов через стенки нервных клеток. Если один из таких атомов был в суперпозиции, а затем столкнулся с нейроном то суперпозиция должна распадаться менее чем за одну миллиардную миллиардной доли секунды. Чтобы нейрон выпустил сигнал, ему нужно в десять тысяч триллионов раз больше времени. Именно поэтому идеи о квантовых эффектах в головном мозге не проходят проверку скептиков. В исследовании 2015 года физик Мэтью Фишер из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре заявил, что мозг может содержать молекулы, способные выдерживать более мощные квантовые суперпозиции. В частности, он полагает, что ядра атомов фосфора могут иметь такую способность. Атомы фосфора имеются в живых клетках повсюду. Они часто принимают форму ионов фосфата, в которых один атом фосфора соединяется с четырьмя атомами кислорода. Такие ионы являются основной единицей энергии в клетках. Большая часть энергии клетки хранится в молекулах АТФ, которые содержат последовательность из трех фосфатных групп, соединенных с органической молекулой. Когда один из фосфатов отрезается, высвобождается энергия, которая используется клеткой. У клеток есть молекулярные машины для сборки ионов фосфата в группы и для их расщепления. Фишер предложил схему, в

которой два фосфатных иона могут быть размещены в суперпозиции определенного вида: в запутанном состоянии. У ядер фосфора есть квантовое свойство – спин – которое делает их похожими на маленькие магниты с полюсами, указывающими в определенных направлениях. В запутанном состоянии спин одного ядра фосфора зависит от другого. Иными словами, запутанные состояния – это состояния суперпозиции с участием более одной квантовой частицы.

Фишер говорит, что квантово-механическое поведение этих ядерных спинов может противостоять декогеренции. Он согласен с мнением о том, что квантовые вибрации, о которых говорили Пенроуз и Хамерофф, будут сильно зависеть от их окружения и «декогерировать почти сразу же». Но спины ядер не так сильно взаимодействуют со своим окружением. И все же квантовое поведение спинов ядер фосфора должно быть «защищено» от декогеренции. Это может произойти, утверждает Фишер, если атомы фосфора будут включены в более крупные объекты, которые названы «молекулами Познера». Они представляют собой кластеры из шести фосфатных ионов в сочетании с девятью ионами кальция.

Существуют определенные указания на то, что такие молекулы могут быть в живых клетках. В молекулах Познера, утверждает Фишер, спины фосфора могут противостоять декогеренции в течение дня или около того, даже в живых клетках. Следовательно, они могут влиять и на работу мозга. Идея в том, что молекулы Познера могут быть поглощены нейронами. Оказавшись внутри, молекулы будут активировать сигнал другому нейрону, распадаясь и выпуская ионы кальция. Из-за запутанности в молекулах Познера, два таких сигнала могут оказаться запутанными в свою очередь: в некотором роде, это будет квантовая суперпозиция «мысли». Если квантовая обработка с ядерными спинами на самом деле присутствует в головном мозге, она была бы чрезвычайно распространенным явлением, происходящим постоянно.

Итак, мы имеем три концепции сознания, созданные на основе квантовой физики. Одна – Пенроуза и Хамероффа – более ранняя и две новейшие. Я предпочел бы вторую из них, назовем ее пока гипотеза Джонджо, учитывая присутствие в ней такого элемента как электромагнитное поле в мозге. Оно хорошо регистрируется электроэнцефалографом и магнитоэнцефалографом и делает предложенную гипотезу более проверяемой экспериментально.

## ОБ ИДЕАЛИЗМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ АНТОНА ЦАЙЛИНГЕРА

*И. Е. Прись*

В современной физике и, в частности, в рамках некоторых

информационных интерпретаций квантовой механики, получила распространение идея, что информация – фундаментальная характеристика вселенной. Говорят также, что вселенная (природа) – огромный компьютер или программа. Аналогичным образом, по стопам Галилея, ученые модерна считали, что книга природы написана на языке математики.

С точки зрения работающей науки в такого рода проекциях моделей на реальность нет ничего плохого, так как фундаментальной нормой науки, например, физики, является истина. Но с философской точки зрения смешение идеального (концептуального) – модель идеальна – и реального (самих вещей) недопустимо. Это одна из причин, по которой возникают философские дискуссии. Дискуссии относительно интерпретации квантовой механики, как известно, продолжаются уже почти сто лет.

С точки зрения нашего контекстуального реализма, концепты (правила, нормы, мысль, истина, знание, информация) относятся к категории идеального. Если бы они были реальными, они не могли бы схватывать реальность, или же потребовалось бы нечто «нереальное», что могло бы схватывать их самих как особую реальность. Они «реальны» лишь в том смысле, что они укоренены в реальности, имеют реальные условия своего существования и своей эффективности (применения). Познавая, мы применяем концепты, делаем суждения. Идеальное не может влиять на познаваемое. Таким образом, следует отвергнуть субъективистские интерпретации квантовой механики, согласно которым наблюдатель оказывает влияния на наблюдаемую квантовую систему. Неправильно также говорить о непреодолимой корреляции между квантовым наблюдателем и наблюдаемой квантовой системой, как если бы нам были доступны не сама квантовая природа, а лишь квантовые вещи-для-нас [1].

Мы анализируем «фундаментальный концептуальный принцип квантовой механики», предложенный австрийским физиком А. Цайлингером [2], и показываем, что это идеалистический принцип, который следует заменить реалистическим принципом контекстуальности.

Ученый предлагает следующий принцип: (1) «Элементарная система является носителем 1 бита информации» [2, p. 635]. При этом он отмечает, что эта формулировка может рассматриваться как *определение* минимальной физической системы. Эквивалентным образом – и это важно для понимания нашей позиции – фундаментальный принцип может быть переформулирован в лингвистических терминах: (2) «Элементарная система представляет истинное значение одного предложения» [2, p. 635]. Мы переформулировали бы (2) следующим образом: (2’) «Элементарная система описывается / представляется одним истинным предложением». Связь между (1) (2) и (2’) очевидна: 1 бит информации выражается в виде одного истинного предложения; поэтому система, с которой ассоциируется истинное предложение – система, которая «является носителем» 1 бита

информации.

Исходя из предложенного принципа, Цайлингер выводит свойства квантовых систем. Этот теоретический вывод мы принимаем. В то же время, как мы полагаем, философская позиция ученого содержит противоречия и концептуальные смешения.

Цайлингер, например, проводит следующее различие между классическим и квантовым подходами: «Тогда как в классическом мировоззрении реальность, вместе со всеми своими свойствами, – первичный концепт, предшествующий наблюдению и независимый от него, в эмерджентной точке зрения квантовой механики понятия реальности и информации на равной ноге» [2, p. 642].

Посылка неверна. Концепт реальности однозначен; он один и тот же для любой области науки: «реальность просто такова, какова она есть» (reality is *just what it is*) [4, p. 22]. По определению она не может быть «на равной ноге» с информацией, которая, если ее понимать как знание, относится к категории идеального (информация – знание «о реальности», а не (особая) часть реальности). Противореча сам себе, Цайлингер пишет: «У нас есть знание, то есть информация, об объекте только посредством наблюдения» [2, p. 633].

«Классическое мировоззрение» совершенно верно рассматривает «реальность» как первичный концепт. Другое дело, что традиционный метафизический реализм, утверждающий «данность» внешней реальности с определенными свойствами – внутренними свойствами автономных (деконтекстуализированных, абсолютизированных) «внешних» объектов – ложная позиция. О такого рода осмысленной в себе реальности можно говорить лишь вторично, как о некоторой познанной, «прирученной» (концептуализированной) области реальности. Познанные (уже идентифицированные) вещи как бы несут в себе информацию о самих себе.

На самом деле с А. Цайлингером можно согласиться, когда он пишет, что «в физике мы не можем говорить о реальности независимо от того, что может быть сказано о реальности», но только в том случае, если эту формулировку понимать не в смысле лингвистического идеализма (язык первичен, реальность вторична и соответствует языку или конструируется им) или корреляционизма (язык сам по себе и реальность сама по себе не имеют смысла или во всяком случае не постижимы; существуют лишь взаимопроникающие непреодолимые «корреляции» языка и реальности), а как тавтологию: мы действительно не можем говорить (или думать) о реальности (реальных вещах), если мы не можем о ней (них) говорить (думать), то есть если мы не применяем подходящие средства для ее (их) идентификации. Это логический (терапевтический) взгляд контекстуального реализма. Язык «коррелирует» с реальностью лишь в том смысле, что он способен в контексте адекватно ее описать,

осмыслить. Именно так, – как критику метафизического реализма и корреляционизма, а не в неокантианском смысле, – мы также предлагаем интерпретировать цитируемые Цайлингером слова Бора: «Неверно думать, что задача физики – выяснить, какова Природа. Физика имеет дело с тем, что мы можем сказать о Природе» (цитируется в [2, с. 637]). На самом деле, то, какова природа, выясняется в наших контекстуальных корректных высказываниях о природе.

Информационный вывод Цайлингера предполагает взаимопроникновение информации и реальности (здесь, на наш взгляд, имеется прямая параллель с объективным идеализмом Гегеля), а также сохранение информации. Как следствие, отсутствие информации оказывается равносильным отсутствию реальности: отсюда квантование физических величин, объективный характер квантовой вероятности, невозможность введения скрытых параметров, «нелокальность» квантовой корреляции, принцип дополнительности и так далее (истинные следствия из ложной посылки). Проблема в том, что несущие в себе информацию о самих себе квантовые системы оказываются автономными (абсолютизированными) системами.

Вместо этого мы предлагаем рассматривать квантовые системы и их характеристики как идентифицируемые в контексте. Квантовая онтология (на самом деле любая онтология) и познание контекстуальны. Идентификация (познание) в контексте выражается в виде пропозиционального знания. Элементарным выражением знания является пропозиция. Это значит, что из принципа контекстуальности следует, что элементарная физическая система может быть идентифицирована в виде одной пропозиции (1 бита информации). Для Цайлингера же, наоборот, физическая система представляет пропозициональное содержание и (несет в себе) информацию. В то же время, противореча себе, он поясняет, что такие утверждения, как «система "представляет" истинностное значение предложения или "несет" один бит информации» следует понимать как утверждения «о том, что может быть сказано относительно возможных результатов измерения» [2, p. 635].

Специфические свойства квантовых систем – следствие невозможности говорить о них безотносительно к средствам их идентификации и, следовательно, контексту, в котором эти средства применяются (в общем случае, согласно теореме Детуш-Феврие, теории, в рамках которых явления не отделимы от способа доступа к ним, существенно вероятностные [3]). В частности, для объяснения квантовой корреляции не требуется предположение о ее нелокальности. Коррелирующие квантовые события связаны между собой причинным образом. Но это не классическая, а квантовая причинность, выражаемая запутанной волновой функцией. Та или иная конкретная корреляция не возникает при измерении; при измерении она идентифицируется в

контексте [1]. В отличие от предложенного Цайлингером принципа квантования информации, принцип контекстуальности объясняет ее реалистически.

Таким образом, на наш взгляд, философскую позицию Цайлингера можно и нужно поставить с головы на ноги. В результате оказывается, что фундаментальным принципом квантовой физики является не принцип информации, а принцип контекстуальности. Лишь в рамках контекстуальной точки зрения предлагаемый Цайлингером информационный вывод квантовых свойств и явлений получает подлинно реалистическую интерпретацию.

**Литература и источники**

1. Прись, И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика / И. Е. Прись. – СПб.: Алетейя, 2020. – 354 с.

2. Zeilinger, A. A Foundational Principle for Quantum Mechanics / A. Zeilinger // Foundations of Physics. – 1999. – Vol. 29, № 4. – P. 631–643.

3. Destouches-Février, P. La structure des théories physiques / P. Destouches-Février. – Paris: PUF, 1951.

4. Benoist, J. Reality / J. Benoist // Meta: Research in hermeneutics, phenomenology, and practical philosophy special issue. – 2014. – P. 21–27.

5. Benoist, J. L’adresse du réel / J. Benoist. – Paris: Vrin, 2017.

## ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫМИ СИСТЕМАМИ

*И. В. Сабирзянова*

Сегодня на социальную философию возлагается интегративная и синтетическая, критическая и аналитическая, ценностно-регулятивная и целенаправляющая функции, ибо в осмыслении социального бытия человека и его будущего философия способствует решению ряда фундаментальных задач: во-первых, это переосмысление извечных и постановка новых проблем в пограничье социально-гуманитарных наук и сфер человеческой культуры (интегративная и синтезирующая функция в социуме), во-вторых, критика путей познания и действия, их методов и логических форм (методологическая, аналитическая функция); в-третьих, все большее значение в современных условиях получает ценностно-регулятивная функция, которая позволяет исследовать социум в определении его ближайших и отдаленных перспектив. Философия соотносит эти знания общими социальными целями, перспективами развития человечества, получает личностное значение в нынешних условиях неопределенности.

Поиск аксиологических оснований теории и практики современного социального управления – одна из центральных проблем философии

управления, может быть решена посредством широкого философского осмысления феномена ценности (ценностных систем), иначе говоря, в социально-философском аспекте, что позволит сопоставить отдельные разрозненные представления экономического, политического и собственно управленческого знания в единую онтологическую картину социального бытия.

Исследовательская литература, под влиянием которой была сформирована общая идея, структура, методология и выводы, представлена трудами отечественных и зарубежных исследователей (Ф. Брентано, В. Виндельбанд, И. Кант, Ф. Ницше, Г. Риккерт, Ю. Хабермас, Т. Лукман, Э. Фромм, С. Франк, Н. Бердяев, В. Сержантов, С. Крымский, М. Каган), утвердившие в современной социально-философской мысли достаточно полно идею о том, что социальное бытие есть бытие ценностей, а человеческий мир – это мир становления и функционирования систем ценностей на личностном уровне.

Фактическое вторжение трансформационных процессов во все сферы бытия человека, включая его ментальный мир, личностное пространство, индивидуальные ценности и смыслы, переформатирует окружающий мир во взаимообусловленную систему с новыми моделями связей, обмена, иерархии, реализации властных полномочий, и, следовательно, вызывают к жизни поиск инновационных механизмов управления личностью, социумом, человеческой цивилизаций, порой парадоксально не вписывающиеся в традиционные об этом представления.

Конструирование вызывает к жизни новые, алогичные события и явления, кризисные сценарии (постановочные новостные ленты, информационные войны, принудительная дипломатия, гибридные войны, цветные революции). Стремительный рост виртуального пространства одновременно открывает новые возможности и влечет опасности уязвимости информации (намеренное искажение, недосказанность, сокрытие значимых составляющих), формирует представления о новом виртуальном одновременно и злодее, и Робин Гуде – хакере, способном переформатировать или парализовать действительность от благополучия финансовых империй до смены правящих элит.

Кризисные сценарии могут быть прописаны на любом из уровней цифрового пространства, будь-то информация и знания, или техника и технологии, либо смыслы и ценности, вплоть до цивилизационных проектов; и реализованы в условиях нестационарного социума. Информационное пространство огромно и продолжает стремительно расширяться, предоставляя субъектам управления объемы информации, необходимые для принятия управленческих решений, что в свою очередь обусловило революцию в сфере управления.

Цифровые технологии, Интернет во много раз ускоряют социальные процессы, информация становится доступной пользователям контента в

несколько кликов, а если она еще умело отредактирована и нацелена на систему основных витальных ценностей, ответная инстинктивная цепная реакция мгновенна: хаос – страх – паника. Причем Интернет дает возможность многократного тиражирования данного состояния, так как в виртуальном пространстве хаос можно «прописать» цепью команд. А дальше остается лишь додумывать.

Виртуальное пространство, Интернет, цифровизация, безусловно, важнейшие технологические достижения человечества, сегодня становятся основаниями современных цивилизационных вызовов, актуализируя проблему выживания самого человечества. Социальное управление как раз и предполагает, во-первых, что в череде изменчивых и конъюнктурных будет определен тот единственный конкретно-исторический, общественно необходимый идеальный вариант бытия человека; и во-вторых, путь к его достижению будет выбран оптимальный, эффективный, рационально организованный, социально адекватный. Концепт «управление ценностями» может стать действенным механизмом понимания природы манипуляций и влияния в любой сфере от политики и экономики до управления персоналом организации, причем, отмечается колоссальное сокращение затратной составляющей на осуществление жесткой агрессивной политики, что способствует гигантскому перераспределению ресурсов на всех уровнях управленческих пирамид, стремящихся к беспрепятственному использованию благ глобализации.

Концептуальные изменения претерпевают сегодня и механизмы ранее традиционных парадигм управления, предполагая уход от жестких внешних сил влияния, заменяя их новыми конструктами, предполагающими взаимодействие посредством, так называемых, «мягких» механизмов управления, получивших общее наименование «механизмы влияния» или манипуляции. Предлагаемый нами концепт «управление ценностями» является производным «мягкой силы», стратегии, использующий механизмы, противоположные принуждению, осуществляемому как правило в жесткой форме, ресурсами подобной силы является все то, что является желаемым и привлекательным из широкого арсенала средств, заявленных источником соответствующего воздействия (подробнее об этом: [1, с. 521–524]).

Вспомним в этой связи одно из возможных определений ценности как значимости, полезности. «Глобальные цивилизационные трансформации есть вызовы ценностному каркасу общества, символически организованному уровню бытия человека, ибо мир предстоит перед человеком, не только и не столько как предмет созерцания, но, прежде всего, как условие жизни, как предмет жизненного практического отношения, и в таком случае он есть мир ценностей» [2, с. 377].

Виртуальное пространство, Интернет, цифровизация, безусловно, важнейшие технологические достижения-ценности человечества, сегодня

становятся основаниями современных цивилизационных вызовов. Скорость распространения информационных потоков приводит к ситуации тотальной цифровизации, а попадание в цифровую среду, «цифровой след» – является неизбежной реальностью нашего времени. Проблема управления ценностными системами и соответственно, определяемый автором концепт «управление ценностями» может стать действенным механизмом понимания природы цифровых вызовов, ибо формирующаяся культура цифровой эпохи приводит в движение системы традиционных ценностей в личностном, национальном, глобальном контекстах, и будут ли они вытеснены новыми системами ценностей поколения цифровой эпохи – оценка этого процесса дело далекой перспективы, сегодня человечество с упоением отбывает свой срок, наслаждаясь технологической стороной инноваций.

**Литература и источники**

1. Сабирзянова, И. В. Управление ценностями как способ конструирования социальной реальности / И. В. Сабирзянова // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: сборник научных трудов. – Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», 2019. – С. 521–524.

2. Сабирзянова, И. В. Цивилизационные разломы и глобальные мировые трансформации / И. В. Сабирзянова // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: сборник научных трудов. – Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», 2018. – С. 374–378.

## СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*В. С. Сайганова*

Современный этап развития науки характеризуется интенсивными темпами становления общенаучной методологии, что вызывает последовательную актуализацию в науке таких феноменов как монодисциплинарность, междисциплинарность, мультидисциплинарность и трансдисциплинарность. Это вызвано несколькими обстоятельствами. С одной стороны, научно-познавательная деятельность сталкивается с все более сложными объектами природной и социальной реальности, которые требуют сложные комплексные подходы к их освоению. С другой стороны, современная наука, являясь практико-ориентированной, задает научной методологии задачу построения комплексной модели сложного объекта, учитывая интересы и достижения различных научных дисциплин. Например, вопросы медицинских, экологических, энергетических, космических проектов, не могут быть решены в рамках

монодисциплинарного подхода и требуют от современной науки интегрального комплексного решения.

В свою очередь, междисциплинарные исследования, продемонстрировав свою эффективность при решении пограничных проблем на стыке нескольких дисциплин, при усложнении объекта нуждаются в более глубокой степени интеграции. Следующим этапом после междисциплинарных исследований современная наука делает шаг в сторону трансдисциплинарности, как более высокого уровня интеграции в науке для решения инновационных практико-ориентированных комплексных задач [1, с. 136–137].

В современных философско-методологических исследованиях трактовки понятия «трансдисциплинарность», введенного в научный обиход еще Ж. Пиаже, разнятся семантически и методологически. Инвариант его определения вычленить достаточно сложно, так как сама идея трансдисциплинарности продолжает оставаться предметом теоретических рассуждений многих авторов в рамках той или иной монодисциплины. Трансдисциплинарность как исследовательскую стратегию принято понимать в узком и широком смысле слова. Трансдисциплинарность в узком смысле означает интеграцию различных форм и методов исследования, включая специальные приемы научного познания, для решения научных проблем, а трансдисциплинарность в широком смысле означает единство знания за пределами конкретных дисциплин.

Ряд исследователей сконцентрированы на определении трансдисциплинарности через ее противопоставление междисциплинарности. Так, понимая междисциплинарность как отказ от дисциплинарной ограниченности научных дисциплин и их кооперацию для понимания того или иного явления, трансдисциплинарные исследования трактуется как те, что проходят через границы многих дисциплин и выходят за их пределы, создавая «целостное, холистическое видение предмета исследования» [2, с. 194].

В философии науки также существует подход выделения интерналистской и экстерналистской интерпретаций трансдисциплинарности. Понимание трансдисциплинарности как перенос когнитивных схем из одной дисциплины в другую без утраты каждой дисциплиной своей оригинальности и определенности способно расширить познавательные практики внутри каждой дисциплины, придав ей новый эпистемологический статус. Такое понимание трансдисциплинарности может быть отнесено к интерналистской интерпретации. В рамках экстерналистской интерпретации, трансдисциплинарные исследования рассматриваются не через процесс производства знаний, а как специфический вид социокультурной деятельности, особые практики принятия решений, способные поменять

способы функционирования науки в обществе [3, с. 101–102].

В последние годы появились работы, в которых предлагается выделять такие формы трансдисциплинарности как теоретическая, феноменологическая и экспериментальная [4, с. 10–12]. Теоретической трансдисциплинарностью обозначается научная деятельность, имеющая отношение к исследованию самой трансдисциплинарности и ее методологии. «Феноменологическая» трансдисциплинарность имеет дело с моделями, которые способны соединять теоретические принципы с наблюдаемыми экспериментальными данными и приводить к прогнозированным результатам. К экспериментальной трансдисциплинарности относятся исследования, при проведении которых используют экспериментальную процедуру, обладающую высоким уровнем воспроизведения своих результатов. Существует также исследовательская позиция, при которой одновременное рассмотрение теоретической, феноменологической и экспериментальной трансдисциплинарности может быть осуществлено в рамках единой трансдисциплинарной философии, теории и практики [5, с. 31–39].

Продуктивным подходом к пониманию феномена трансдисциплинарности является его определение через проектирование, как способ решения теоретико-практических задач, инновационную деятельность или культуротворчество. Если междисциплинарные исследования своим основным инструментом представляют абстракции и идеализации для теоретического построения объекта, то трансдисциплинарные исследования своим инструментом видят «метафоры и аналогии как способы переноса смыслов, а также схемы и модели – нормативное знание, которое задает идеалы и нормы проектирования» [1, с. 137]. Таким образом понятая трансдисциплинарность предполагает трансформацию постнеклассической науки в культуру, где проектирование как раз и задает идеалы и нормы развития практико-ориентированной науки.

Наиболее ярким примером трансдисциплинарных исследований в современной науке является биоэтика. Ее актуальность особенно проявилась в период эпидемии COVID-19. Методологическая значимость биоэтики в анализе трансдисциплинарных исследований проявляется в том, что современная биоэтика демонстрирует и объясняет характерное отсутствие явных демаркаций не только между научными дисциплинами, но и снимает противопоставленность естественнонаучной, социальной и гуманитарной составляющих культуры.

С одной стороны, биоэтика представляет собой систему информационных кластеров, объединяющих культуру, философию, науку, технологии, а также научные, социальные, политические, правовые, этические институты мирового сообщества. Результаты деятельности кластеров и институтов находят свою практическую реализацию в

международных конвенциях и этических кодексах, нормах международного и государственного права и т. д. Трансдисциплинарный потенциал биоэтики обусловлен ее социокультурной проекцией, а именно практической ориентацией на удовлетворение человеческой потребности жить, на сохранение его жизни и здоровья.

С другой стороны, стремление биоэтики найти систему моральных ориентиров, определить духовный потенциал, для развития науки и технологий, так и в непосредственной жизнедеятельности общества и человека, обусловливают значимость биоэтики в разработке методологии и в проведении социокультурной и гуманитарной экспертизы трансдисциплинарных исследований и их результатов [6, с. 208–209].

То есть, биоэтический дискурс со свойственными ему инновационностью в постановке проблем и ориентированностью на поиск новых социальных, моральных и правовых стандартов аккумулирует в себе трансдисциплинарность. Биоэтическая направленность в трансдисциплинарных исследованиях современной науки не просто влияет на понимание мира, но и определяет нравственные ориентиры человека и человечества, задавая параметры осознания необходимости новых знаний и технологий.

Подводя итог, можно сказать, что на современном этапе развития науки новые научные исследования неразрывно связаны с феноменом трансдисциплинарности. Трансдисциплинарные области знания представляют собой «пересечения» для объединения естественнонаучных, социальных и гуманитарных дисциплин, для интеграции описательных, объяснительных и феноменологических подходов к пониманию мира, а также для совместных фундаментальных и прикладных исследований. Важно отметить, что философия обладает наибольшим трансдисциплинарным потенциалом, так как может служить связующим звеном между отдельными научными дисциплинами как естественными, так и социально-гуманитарными, также она способна быть открытой для привлечения образовательных и технических ресурсов для развития инновационной науки.

**Литература и источники**

1. Старжинский, В. П. Трансдисциплинарность как новация постнеклассической науки / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2017. – С. 136–137.

2. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования / Е. Н. Князева // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 10. – С. 193–201.

3. Вознякевич, Е. Е. Трансдисциплинарность и феномен неявного знания / Е. Е. Вознякевич // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук

Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2017. – С. 101–102.

4. Мокий, М. С. Трансдисциплинарность в высшем образовании: экспертные оценки, проблемы и практические решения / М. С. Мокий, В. С. Мокий // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 7–14.

5. Nicolescu, B. Transdisciplinary Theory and Practice / B. Nicolescu, A. Ertas. – The ATLAS Publication, 2013. – 211 p.

6. Сайганова, В. С. Биоэтический тренд в трансдисциплинарной стратегии постнеклассической науки / В. С. Сайганова, С. П. Кулик // Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века: материалы 18-й международной научной конференции, Минск, 17–18 мая 2018 г. / Междунар. гос. экол. ин-т им. А. Д. Сахарова Бел. гос. ун-та; редкол.: А. Н. Батян [и др.]; в 3 ч. – Ч. 3. – Минск: ИВЦ Минфина, 2018. – С. 208–209.

## ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

*А. Я. Сарна*

Компьютеризация нашей жизни делает атрибутом повседневности виртуальную реальность в качестве подобия, «компьютерной симуляции» реальных вещей и поступков. В этой связи можно говорить о виртуализации социальных взаимосвязей как о новой возможности выведения коммуникативных и информационных процессов за рамки пространственно-временных ограничений и придания им нового статуса – универсальных посредников в любых типах социальных взаимодействий. Особую роль в этом процессе может сыграть «дополненная реальность» (англ. augmented reality или AR) – технология визуализации, позволяющая получать информацию об определенных объектах путем наложения на их изображение специфического для данного места графического слоя. С его помощью программы и мобильные приложения, использующие AR, могут транслировать пользователю конкретные указания, как перемещаться по данной местности, исторические сведения о достопримечательностях и прошедших событиях, цены на товары и даже моделировать абсолютно виртуальные объекты, не существующие в физической реальности (как монстры в игре «Pokemon Go»).

В отличие от другой функционально близкой интерфейс-технологии медиации VR (виртуальной реальности), требующей полной сенсорной изоляции пользователя от внешней среды, дополненная реальность смешивает свои сигналы и графику с окружающей действительностью, не требуя для их восприятия никакого специального оснащения. Дополнительный слой может воспроизводиться на экране смартфона или планшета, щитке шлема или очков, лобовом стекле автомобиля или обычном окне. Технология дополненной реальности восходит к концептуальным разработкам для военных летчиков 1960-х гг., когда

условия ведения ближнего боя не позволяли пилотам среагировать на резко возросшие скорости маневра истребителей.

В эпоху реактивных самолетов один взгляд, брошенный на приборную панель, мог привести к роковым последствиям, поэтому было решено начать производство специальных индикаторов на ветровом стекле, которые позволяли бы проецировать информацию о высоте, скорости полета, состоянии бортовых систем на прозрачную панель на уровне глаз пилота. Эта технология в итоге нашла себе применение не только в военной авиации, но и в областях, связанных со сложностью восприятия визуальной информации и ее анализом в стрессовой ситуации. Например, для американских пожарных служб были разработаны специальные щитки на шлемах, куда проецировались сведения о конструкции горящего здания с имеющимися в нем пожарными выходами, электропроводкой и газопроводом, а также местами, где в данный момент находятся другие спасатели. Кроме того, подобные дополненной реальности системы помогали инженерам разобраться в переплетении гидравлического трубопровода и проводки контрольных механизмов в фюзеляже строящегося авиалайнера, когда визуальный тег указывал название детали и цветовую маркировку системы, к которой она относилась.

Успех этих разработок был весьма скромным ввиду необходимости интегрировать большие и тяжелые камеры, датчики движения и проекторы в удобное для ношения устройство, не говоря уже о проблеме устойчивого соединения и поддержания мобильной связи до появления wi-fi. Прорыв стал возможен с появлением и широким распространением смартфона, соединившего в одном устройстве несколько разных технологий сбора и обработки данных, которые можно комбинировать и представлять разными способами в зависимости от положения пользователя и его доступа к сети. Это позволяет подключаться к сетевому сервису геонавигации, получать сведения, специфические для данного места, регистрируемые и накладываемые на окружающую среду в виде графической идентификации, аннотации, направления или комментария и пр.

Однако попытки применить технологию дополненной реальности в виде удобного носимого устройства (шлема или очков типа Google Glass), обеспечивающего непосредственную визуальную связь окружающего мира и графического дополнения к нему с нашими органами зрения, сразу наталкиваются на проблему синхронизации данных режимов представления информации в условиях мобильности самого субъекта восприятия, а также дискомфорта в процессе использования устройства или после него, отсутствия технической инфраструктуры во многих регионах, обеспечивающей надежную связь и т. п. Кроме того, концептуальный разрыв между физическим миром и наложенным на него

интерактивным слоем выявляет диссонанс в организации обыденной жизни, когда разным группам людей предоставляются разные версии того, что они раньше могли считать базовой и единой для всех реальностью. Ввиду указанных трудностей технология дополненной реальности остается незавершенной и нуждается в технических доработках при условии решения сопутствующих социальных проблем.

## ФОРМИРОВАНИЕ КОНВЕРГЕНТНОГО ПОДХОДА КАК СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЯ

*К. В. Севастов*

В последние десятилетия в пространстве глобальной информатизации, которая становится необъемлемым компонентом современной культуры, стремительно развивается проблема, не поддающаяся решению существующими методами. Это проблема информационного переизбытка.

Процессы глобализации, постепенно внедрившиеся во все сферы социальной действительности, привели к тому, что такой ключевой глобализационный принцип, как обмен информацией, обретает полную самостоятельность и не только не подчиняется прежним законам, но также требует нового подхода к сложившейся ситуации сепаративного существования информационного обмена.

Безусловно, проблема информационного переизбытка не нова, но тем не менее актуальна как никогда ранее: с развитием науки, междисциплинарного взаимодействия становится недостаточно для систематизации знания как такового. Особенно, если учесть, что любой из существующих междисциплинарных подходов к концепту знания не уделяет должного внимания философии, без которой невозможно было бы происхождение науки как таковой в прошлом и без которой не осуществляется должная постановка научного вопроса в настоящем, и, как следствие, без которой невозможно прогрессивное развитие науки в будущем.

Так, «трансдисциплинарная общезначимость» подразумевает своего рода трансгрессивную направленность решений за дисциплинарные рамки [1, с. 30], которые изначально целенаправленно создаются не только между дисциплинами, но и между дисциплинарными областями для «гуманитарного моделирования» и «обоснования методов» [2, с. 147].

Безусловно, данная стратегия по дисциплинарному сближению рассчитана на определенный методологический потенциал и, совершенно очевидно, она заняла свою нишу в контексте дисциплинарного синтеза. Но тем не менее.

С одной стороны, в эпоху глобальной информатизации и

экспоненциального роста количества информации в целом создание междисциплинарных границ с последующим их преодолением, а также моделирование междисциплинарных связей, в состоянии систематизировать уже имеющееся знание; с другой − не способно контролировать, а тем более структурировать, постоянно пополняющийся объем знания, совокупность которого также увеличивается.

Таким образом, в эпоху информационного переизбытка для функциональности трансдисциплинарного взаимодействия становится все более затруднительным проявлять себя в полной мере по изначально заложенному принципу междисциплинарного синтеза.

Тем не менее выход из сложившейся в современном мире ситуации недостаточной функциональности трансдисциплинарности возможен: в оппозицию трансдисциплинарному подходу к концепту знания ставится конвергентный подход.

На первый взгляд понятия трансдисциплинарности и конвергентности знания кажутся синонимичными: оба понятия определяют неоднородность рассматриваемой проблемы и многообразие точек зрения на тот или иной вопрос. Но тем не менее их методология существенно разнится, что и позволяет определить видимые преимущества конвергентности знания над трансдисциплинарностью.

Так, определяя трансдисциплинарность как многоуровневую стратегию исследования поставленного вопроса (физически и ментально, локально и глобально) [3], решение проблемы становится шире ввиду своего рода проработанности проблематики с точек зрения разных дисциплин. Окружающая действительность неоднородна, что и является основной причиной разностороннего и разноуровневого подхода к ее описанию.

В то же время конвергентность в контексте разностороннего взаимодействия внутри концепта знания определяет первоочередность именно стирания междисциплинарных границ для конструирования знания, которое более точно смогло бы описать окружающую действительность [4, с. 159]. В данном смысле поставленная проблема не предполагает строго разностороннее рассмотрение – основной целью конвергентности является именно общее рассмотрение вопроса дисциплинами одного кластера для последующего взаимного внутрикластерного информационного обогащения и пополнения [5, с. 136]. Так, критерием объединения дисциплин в кластеры может служить многократное пересечение дисциплин между собой, а также близость проблематики.

В качестве примера можно привести такие дисциплины, как социология, психология, антропология: все дисциплины в том или ином своем разделе имеют общий объект изучения. Так, например, такое понятие, как *социальное движение*, фигурирует внутри каждой из

дисциплин. Для этого понятия при помощи конвергентного подхода представляется возможным сформировать общее определение, которое будет отвечать дисциплинарным требованиям всех предложенных дисциплин, что весьма затруднительно с точки зрения трансдисциплинарного подхода, когда само понятие рассматривается с точки зрения каждой из дисциплин по отдельности, что вовсе не обязательно приведет к дисциплинарному обобщению, а вероятно и вовсе повлечет за собой своего рода дробление определения на множество близких и похожих.

Тем не менее, несмотря на общий объект изучения, каждая из предложенных дисциплин имеет свою собственную методологию, что в свою очередь непременно приведет к междисциплинарному конфликту, во избежание которого предусмотрено придание статуса внутриструктурной полноценной функциональной единицы именно философии [6, с. 125], которая в процессе трансдисциплинарности эту роль практически утрачивает. Постановка вопроса, оценка рисков, обобщение результатов и формирование общего ядра – все это возможно лишь при помощи философского рассмотрения.

Таким образом, можно определить, что трансдисциплинарность постепенно утрачивает связывающую междисциплинарную функциональность, несмотря на высокий изначальный потенциал для описания картины мира. Существующая реальность постепенно становится все более усложненной, требовательной, а то и вовсе – претендует на всеобъемлющее соответствие и универсализацию. Безусловно, речь не идет о своего рода упрощении концепта знания для соответствия и универсализации. Знание как таковое нуждается в новой систематизации и категориализации, которые бы смогли соответствовать запросам современности. Вероятно, что именно конвергентный поход в состоянии, если не решить, то хотя бы упростить, серьезную проблему информационного переизбытка в эпоху глобальной информатизации.

**Литература и источники**

1. Кияшенко, Л. П. Философия трансдисциплинарности / Л. П. Кияшенко, В. И. Моисеев. – М.: Ин-т философии Рос. акад. наук, 2009. – 205 с.

2. Мамченко, А. А. Трансдисциплинарность как преодоление границ / А. А. Мамченко, Е. Н. Дзятковская // Ценности и смыслы: сб. ст. / Ин-т эффективных технологий; редкол.: С. В. Иванова (гл. ред.) [и др.]. – М., 2016. – № 3. – С. 143−154.

3. Гребенщикова, Е. Г. Трансдисциплинарная парадигма: наука – инновации – общество / Е. Г. Гребенщикова. – М.: Либроком, 2011. – 192 с.

4. Фещенко, Т. С. Конвергентный подход в школьном образовании – новые возможности для будущего / Т. С. Фещенко, Л. А. Шестакова // Международный научно-исследовательский журнал: сб. ст. / Редкол.: А. И. Меньшаков (гл. ред.) [и др.]. – Екатеринбург, 2017. – С. 159−165.

5. Севастов, К. В. Конвергентные процессы в современном образовании: постмодернистский дискурс / К. В. Севастов // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса, Москва, 24 дек. 2020 г. – Т. 2. – М.: Инфинити, 2020. – С. 132−137.

6. Sevastov, K. V. Convergence of socio-humanitarian knowledge: postmodern discourse / K. V. Sevastov // Process Management and Scientific Developments: materials of the international conference, Birmingham, 13 Jan. 2021. / Novotel Birmingham Centre; ed. Scientific publishing house Infinity. – P. 2. – Birmingham, 2021. – P. 121–126.

## ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА ВНЕШНЕГО КАК ОБОСНОВАНИЕ ПСИХОЛОГИИ

*О. Н. Селицкий, Л. Ф. Чупров*

Философия рождается в публичном диспуте: агонических диспутах Греции и шраманских диспутах Индии [6]. И оба эти источника приходят к одному вопросу касательно зримого мира. Насколько мы можем быть уверенны в его существовании? Ведь органы чувств нас всегда норовят обмануть. Однако, для психологии более важен не путь сомнения и доказательства мира. К слову, именно в этом русле доказательства зримого работал и советский материализм, и советская психология [8, с. 155]. Психологию должен волновать прежде способы доказательства присутствия другого человека в мире. Ведь это основополагающий вопрос связи философии и психологии.

Человек, считающий другого иллюзией или платоник, видящий лишь тень вместо человека, психологом быть не может. Тезисы «внешнего мира нет» и «помощь людям» плохо согласуются. Это была одна из причин гибели науки, как метода на востоке. Нельзя заниматься тем, что оценивается как несуществующее.

На востоке проблема недоказуемости мира решается привычным способом простым и фатальным. Нет вообще ничего, как нет и вопрошающего. Однако западный вариант отношения с солипсизмом, сомнением в реальности мира, сложнее. Итак, западная философия исторически признавала 3 явления, 3 категории бытия, которые можно доказать логически, не прибегая к органам чувств.

Со времен Рене Декарта именно осознание этих погрешностей в наблюдении позволило говорить о первом доказательстве. Если человек и ошибается на счет зримого мира видит лишь тень, то как минимум есть тот, кто ошибается. А значит «Я мыслю, следовательно, я существую» [2, с. 17]. Пусть это будет первая категория, доказанная логически.

Вторая категория – это «бытие» сущего, как объективно данной действительности. «Бытие» – производное отелов «быть», «есть», весьма распространенных во многих языках мира, имеет свое специфическое,

собственное философское содержание и означает не просто существование каких-либо объектов окружающего мира, а того, что гарантирует это существование. Понятие бытия отвлекается от бесконечного многообразия свойств и качеств конкретных предметов, кроме одного – быть существующими [4].

Соответственно выражение «бытия нет» противоречиво. Отсюда следует, что бытие онтологически есть, через само понятие бытия. Традицию доказательств бытия через отрицание небытия начал Аристотель. Аристотель относил к нему также непричастность к объекту тех или иных качеств (не-белый, не-добрый) и принадлежность его к прошлому или к будущему, но не к настоящему времени. Так Аристотель впервые выделил абсолютное небытие, как невозможное по определению, и небытие относительное как отсутствие в том, или ином отношении [5, с. 86].

С бытием связано еще одно интересное прозрение. Прозрение о его смысле. В чем смысл жизни? Учитывая, что даже признав наличие бытия о нем нельзя сказать хоть что бы то определенное. Этот постоянный вопрос человечества не имеет лучшего ответа как признание отсутствия смысла. С оговоркой, что все же есть один общий знаменатель. Сколь разнонаправленны не были бы люди кто-то строит, а кто-то разрушает, кто-то ранит, а кто-то лечит. Однако им всем определенно интересно делать то, что они делают. Бытие способно удивлять, становиться новым, непредсказуемым. Именно такую увлеченность Хайдеггер противопоставляет депрессии. Dasein – это растворение в том по отношению к чему я себя как-то веду [7, с. 235].

Распространено и третье доказательство Ансельма Кентерберийского, основанное на онтологии. Оно онтологически, понятийно доказывает существование Бога. Однако, с точки зрения психологии, продолжим рассуждение о человеке.

Зная все это коснемся человека иного. Не себя, мы то сами для себя по-декартовски есть, а есть ли человек иной, внешне сущий?

Для начала решим какое место человек занимает в мире. Одна из теней? Необязательная переменная. Или нет?

Для исследования трансцендентальной идеи свободы И. Кант выделяет два мира: умопостигаемый мир и мир чувственно воспринимаемый. При этом свобода, а, следовательно, и свобода личности, принадлежит исключительно миру умопостигаемому – миру «вещей в себе» в отличие от чувственно постигаемого, где все происходит по законам причинности [3, с. 255].

И. Кант сравнивает человека с иностранцем в мире природы и материи. Человек по И. Канту это тот, кто может действовать исходя из себя, а не из всеобщих законов причины и следствия. Весь мир подчинен закону физики, химии, биологии, и лишь человек может пойти против всех

закономерностей и удивить нас.

А человеческая свобода означает, что именно благодаря этому иностранцу, мир и имеет все те функции, которыми его описывают философы. Ведь если мы говорим о внешних явлениях отличных от нашего «Я», то они должны как минимум быть незнакомыми нашему сознанию. Удивлять наше «Я» своей оригинальностью. Таким образом бытие кроме признака существования приобретает признак отличия от иных доказанных логически категорий.

Служить такой переменной может только другой человек. Мир материи вещей и предметов настолько предсказуем и не выходит за рамки наших мыслей, что философ-епископ Дж. Беркли не делает отличия мира внешнего от мира духовного. Собственно, отличие мысли от предмета внешнего осознается Дж. Беркли лишь как большая протяженность внешних предметов во времени [1, с. 288].

Понимание же бытия как обязанного быть существующим требует признаков отличия внешнего сущего от внутреннего мира человека. Что же может служить этой переменной элементом неожиданности в опыте контакта с миром? Именно этот иностранец – человек иной.

Таким образом, феномен человеческой свободы подтверждает онтологическое понимание внешнего сущего, и получает право на существование в мире логически доказанных явлений.

**Литература и источники**

1. Беркли, Дж. Трактат о принципах человеческого знания / Джордж Беркли. – М.: Академический проект, 2017. – 560 с.

2. Декарт, Р. Сочинения / Рене Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.

3. Калинина, И. А. Понятие свободы личности в трудах Иммануила Канта / И. А. Калинина // Вестник ТГУ. – 2009.

4. Категория бытия в философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.yaklass.ru/ materiali?chtid=150&mode=cht#. – Дата доступа: 23.02.2021.

5. Кочеров, С. Н. Философия: учебное пособие / С. Н. Кочеров, Л. П. Сидорова. – Нижний Новгород: НИУ, 2015. – 148 с.

6. Кураев, А. Как относиться к «Розе Мира» / А. Кураев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kuraev.ru/ andreev.html. – Дата доступа: 23.02.2021.

7. Хайдеггер, М. Цолликоновские семинары / Мартин Хайдеггер. – ЕГУ, 2012. – 406 с.

8. Чупров, Л. Ф. К вопросу периодизации истории развития психологии в России / Л. Ф. Чупров, О. Н. Селицкий // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2020. – № 2.

# ПРОСТРАНСТВО МИРА: МЕРНОСТЬ И КВАНТОВАНИЕ

*А. Л. Симанов*

Первой в полном смысле научной моделью Вселенной, основанной на глубоком осмыслении общей теории относительности и получившей известные эмпирические подтверждения (в частности, открытие красного смещения) была модель Фридмана – Лемэтра. Она, как и всякая другая модель, отражая объективное положение вещей с некоторой степенью точности, является ступенькой в научном познании мира. Построенная на основе известных в свое время теоретических положений и эмпирических данных, эта модель неминуемо в процессе развития науки была изменена в соответствии с новыми результатами исследований. На смену этой модели пришли другие, более соответствующие этим результатам.

Исследования, связанные в частности с разработкой концепций великого объединения, как раз и привели к появлению моделей Вселенной, более корректно и детально описывающих поведение Вселенной во время, максимально близкое к «Большому Взрыву». Эти модели, в которых учитываются в том числе и квантовые эффекты, разрабатываются в русле так называемого сценария раздувающейся Вселенной и в последнее время М-теории. Исследования в данном направлении пока еще не получили соответствующего и достаточно полного методологического анализа и философского обобщения, но несомненно, что они имеют большое значение для развития как физического познания, так и его философского осмысления.

Однако эти модели Вселенной при всех их достоинствах не разрешают целый ряд весьма фундаментальных проблем, в том числе непосредственно связанных и с методологией исследования. Одной из таких проблем является идея сингулярности, утверждающая, что Вселенная начала развиваться от состояния, характеризуемого бесконечно большими плотностью и температурой. Кроме этого предполагается, что в сингулярности не действуют известные нам физические законы, а также возникает вопрос: что было до этой сингулярности? Философские, да и физические представления, казалось бы, не позволяют смириться с тем, что когда-то якобы не было ни времени, ни пространства.

Другая проблема связана с геометрией пространства. Согласно общей теории относительности, геометрия нашего мира может, а в районе тяготеющих масс и должна, сильно отличаться от евклидовой геометрии. С одной стороны, Вселенная может быть замкнутой, иметь конечные размеры и топологию сферы, представляя собой трехмерный аналог двумерной замкнутой сферы. Параллельные линии в такой Вселенной пересекаются. С другой стороны, Вселенная может быть открытой, гиперболической, и параллельные линии в таком мире расходятся. Однако

геометрия нашего мира очень близка к евклидовой.

В названных моделях Вселенной не решается и проблема размерности пространства. Сейчас существуют теории, в соответствии с которыми наше пространство на самом деле не трехмерно, а имеет какую-то более высокую размерность. При этом по всем размерностях, кроме трех, пространство как бы свернуто в тонкую трубку, из-за чего мы и можем двигаться только в трех измерениях.

Очень важна также проблема однородности. В больших масштабах распределение вещества в значительной степени равномерно, однако имеются и «сгущения» плотности, причем очень значительные: галактики, звезды, планеты и т. п. Почему так?

Все эти проблемы являются ключевыми для разработки моделей Вселенной, своеобразным пробным камнем, на котором проверяется степень адекватности моделей. Как известно, многие модели испытания не выдержали. Решение поставленных проблем оказалось возможным только в так называемой единой теории поля, создаваемой в рамках теории великого объединения, теории супергравитации, М-теории.

В самом общем случае, как можно видеть, пространство Вселенной на бесконечности однородно, но в каждой отдельной области эта однородность нарушается, а при достижении достаточно малых масштабов вновь «восстанавливается». Таким образом, однозначно говорить об однородности пространства мира нельзя. Кроме того, использование преобразований Лоренца позволяет рассматривать пространство как относительно изотропное. Так, начало координат ничем не выделяется среди других точек пространства: любую фиксированную точку можно при помощи преобразований Лоренца перенести в начало координат. Но эта изотропность именно относительная, точнее, математическая, изотропность математического (концептуального) представления реального пространства. Изотропность же самого реального пространства представляется, на мой взгляд, недоказанной. Во всяком случае локально реальное пространство не является изотропным. Можно сказать, что пространство Вселенной изотропно почти, но не точно.

В контексте рассказа о структуре и свойствах пространства определенный интерес представляют его топологические свойства, т. е. такие, которые не меняются при деформациях пространства, допускающих любые растяжения без разрывов. К топологическим свойствам пространства относятся его мерность (количество измерений) и непрерывность (континуальный порядок). Те свойства, что связаны с измерением длины (метрика, кривизна), а также изотропность и однородность относятся к метрическим свойствам пространства. Топологические свойства обладают большей фундаментальностью, чем метрические. Это проявляется, например, в том, что если бы все тела во Вселенной увеличились в одинаковое количество раз, то подобного

изменения, скорее всего, никто бы и не заметил. В то же время нарушение непрерывности (порядка) привело бы к нарушению близкодействия, что уже можно было бы обнаружить.

Существует много фактов, которые на первый взгляд подтверждают трехмерность пространства и одномерность времени. Так, например, известно, что орбиты станут неустойчивыми в пространстве с числом измерений, большем либо равном четырем, но они устойчивы в случае числа измерений меньше либо равном трем. Атомы устойчивы в четырехмерном пространстве-времени либо при меньшем числе измерений. Этот список можно продолжить. Отсюда, казалось бы, следует однозначный вывод: если физика как теория нашего мира справедлива и действенна только в пространстве с наибольшим числом измерений, равным трем, то пространство, следовательно, трехмерно. Но, на мой взгляд, такой вывод, по меньшей мере, поспешен. И прежде всего потому, что все формулировки физических законов априори носят, так сказать, трехмерный характер. Иными словами, формулируя законы, мы уже заранее считаем, что пространство трехмерно, т. е. фактически принимаем трехмерность пространства за аксиому. Следует учесть и тот факт, что в мире существуют и другие типы сил, которые не описываются обратной пропорциональностью квадрату расстояния, как гравитационные и кулоновские.

Таким образом, чтобы решить проблему мерности пространства, необходимо методологически прежде всего отказаться от фактической аксиоматизации трехмерности и максимально возможно привлекать к ее решению достижения современной квантовой механики и физики высоких энергий.

## ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ: ОТ ТЕМАТИКИ К АНТРОПОЛОГИИ

*А. С. Смирнов*

Актуальность и популярность философии французского экзистенциализма в настоящее время объясняются и поддерживаются не в последнюю очередь тем, что она являет себя не только в форме трактатов, но и в виде художественных произведений, имеющих большую, нежели узкоспециальная литература, читательскую аудиторию и соответственно вызывающих больший культурный резонанс (см., например, полемические выпады В. Пелевина против Ж. П. Сартра в романе «IPhuck 10» (2017)). Литературное творчество Сартра и Камю при этом было не способом популяризации теоретических постулатов, а естественной формой философствования.

Подъем интереса к экзистенциализму в целом и французскому

экзистенциализму (в его литературном изводе), в частности, имеет и оборотную сторону – неоправданно широкую (почти до размывания его сущности) трактовку понятия. С. И. Великовский отмечал чрезмерно удалившееся от первоисточника «хронологическое и географическое распространение умонастроений экзистенциалистского толка» вплоть до отречения от принадлежности к экзистенциализму писателей, причисляемых критикой к этому направлению [1, с. 505]. В. В. Трещев, существенно раздвигая хронологические и размыкая жанрово-видовые границы экзистенциализма в искусстве (в частности, говоря о «Крике» Э. Мунка (1893) как наиболее точной репрезентации экзистенциализма в живописи [2, с. 32]), полагает, что терминологические рамки этого понятия «до сих пор остаются открытыми» [2, с. 14]. В. В. Заманская разделяет экзистенциальное (вневременное и наднациональное) и экзистенциалистское (относящееся к экзистенциализму как философско-литературному направлению) [3, с. 24], а С. А. Кибальник, напротив, полагает, что «понятие "экзистенциалистский" вслед за Г. Марселем имеет смысл рассматривать как тождественное термину "экзистенциальный"», называя основными экзистенциальными моментами (в русской традиции) «понимание смерти как инобытия, а также иррационализм и антиидеологизм» [4, с. 131, 132].

Разносторонность исследовательских подходов и многообразие трактовок свидетельствует не только о многогранности явления экзистенциализма, но и об открытости вопроса о критериях причисления к нему литературных произведений (авторов).

Вопрос об экзистенциализме в литературе осложняется тем, что зачастую изучение собственно философского аспекта литературного произведения уступает свое место в конкретном исследовании анализу сугубо литературных явлений так называемой экзистенциальной тематики, что позволяет обнаружить экзистенциализм (экзистенциальную традицию, экзистенциальную ситуацию) или его элементы (тему абсурда, выбора, смерти) во множестве произведений мировой литературы, очевидно не имеющих к нему никакого отношения (рассуждение Ахилла о неизбежности смерти в «Илиаде» Гомера, тема абсурда человеческой жизни в библейской книге Екклесиаста).

На наш взгляд, экзистенциализм в литературе не может быть специфицирован в отвлечении от антропологических представлений Ж. П. Сартра и А. Камю, в том числе и воплощенных в их литературных произведениях.

Например, в программном романе «Тошнота» (1938) – своеобразной литературной параллели к «Бытию и ничто» (1943) – Сартр представляет целостную концепцию человеческой личности, истоки которой коренятся в развиваемой и преодолеваемой здесь гуссерлианской концепции интенциональности сознания, направленного на объект своего сознавания

и нуждающегося в этом объекте для сознавания себя самого. «Всякое сознание, как показал Гуссерль, есть сознание какой-нибудь вещи. Это означает, что <…> у сознания нет "содержания". <…> Всякое сознание полагает, когда выходит из себя, чтобы достичь объекта, и оно исчерпывает себя в этом полагании» [5, с. 42–43].

Сартр последовательно «очищает» сознание своего героя от ментальных напластований, порожденных разного рода субъект-объектными связями персонажа, чтобы обнаружить специфически «сознательный» сухой остаток его личности. 1). Герой Сартра избегает контактов с вещами, управляющими его вниманием: отказывается от привычки подбирать с земли бумажки и боится взглянуть на пивную кружку; 2) окружающие люди («сознания») воспринимаются героем как «вещи», вполне исчерпывающиеся двумя-тремя внешними признаками: малейшее изменение внешности знакомых вызывает у героя трудности с их идентификацией; 3) собственное лицо не соотносится героем с его «я» и предстает случайным набором невыразительных деталей; 4) кровь, вытекшая из оцарапанной руки, превращается из части телесного «я» героя в «не-я», демонстрируя близость человека к «вещам»; 5) сознающее «я» героя вынуждено для перманентного самоосознавания побуждать себя к мыслительной деятельности в режиме реального времени. Полностью освобожденное «я» героя представляет собой «ничто».

От анализа ментального бытования «я» его героя Сартр переходит к проблеме социального бытия личности, овнешняемой и завершаемой в системе социальных контактов («старый псих» мсье Ахилл). В этом аспекте Сартру с его антропологическими представлениями близок Камю, в частности, как автор «Постороннего».

Анализ литературных произведений с учетом антропологического фактора позволяет специфицировать явление экзистенциализма в литературе и, таким образом, отделить его от литературных феноменов так называемой экзистенциальной тематики, нестрогая квалификация которых основана на внешнем (конвергентном) сходстве вторичных признаков.

Сказанное выше не означает, что антропологические воззрения французских экзистенциалистов могут или должны рассматриваться как замкнутое в себе синхроническое (а не диахроническое) явление. Напротив, сходство представлений о сущности и социальном бытии человеческой личности, с одной стороны, Сартра и Камю и с другой – философов (М. М. Бахтин) и писателей разных стран и эпох (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Дж. Фаулз) в условиях низкой или нулевой вероятности творческих контактов между ними, позволяет говорить об устойчивой философско-литературной традиции понимания человека, получившей во французском экзистенциализме свое концентрированное выражение, однако начавшей складываться задолго до него в разных национальных культурах и не теряющей своей актуальности вплоть до

наших дней.

Анализ парадоксального, на первый взгляд, сходства антропологического аспекта романов Камю и Пушкина (личность в системе социальных ритуалов в «Постороннем» и «Евгении Онегине») позволил с высокой долей вероятности предположить в качестве одного из возможных источников антропологических представлений французских экзистенциалистов также общебиологические механизмы социального поведения стайных животных, унаследованные человеком (этология К. Лоренца) в процессе эволюции.

**Литература и источники**

1. Великовский, С. И. Экзистенциализм в литературе / С. И. Великовский // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – С. 505–506.

2. Трещев, В. В. Экзистенциализм: репрезентация в художественной культуре Франции и Германии. 1900–1970 гг. / В. В. Трещев. – СПб.: Алетейя, 2008. – 154 с.

3. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учеб. пособие / В. В. Заманская. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 304 с.

4. Кибальник, С. А. Экзистенциализм / С. А. Кибальник // Литературоведческий журнал. – 2005. – № 19. – С. 131–138.

5. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто / Ж. П. Сартр. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 1072 с.

## ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА КАК ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ЧЕЛОВЕКА

*И. Ю. Соина*

Самоопределение и самоактуализация личности связана с языковой средой пребывания человека. В современном глобализованном мире именно англоязычная среда используется в коммуникационно-экзистенциальных целях воздействия на человека. По мнению П. Рикера, язык дает возможность человечеству понять опыт других культур. Межкультурная герменевтика ставит вопрос о понимании Другого в другом масштабе, – понимании текстов, произведений, но находится на уровне интерпретации их практик. Язык влияет на развитие культуры, особенности перевода текстов, понимание и формирование словаря и культурной идентичности. Рикер указывает на «лингвистическую доброжелательность», на приглашение Другого к общению с собой, что требует принимать Другого как Иного, анализируя бытие с помощью языка и в речи [1].

Логико-когнитивные исследования языка как формы присутствия сознания в культуре разработаны в контексте конструктивизма. Согласно конструктивистской логике, не существует общезначимых подходов к пониманию действительности. С одной стороны, человек понимает мир через посредство личностных конструктов, а с другой – речь возвышается над человеческой условностью в форме культуры, благодаря чему слова и имена являются социальными императивами. Язык как «неполное присутствие» позволяет воспроизводить те содержательные аспекты действительности, которые не рождены собственным бытием или опытом. Логико-когнитивный анализ языка включает в качестве ортогональных факторов формальные связи внутри языка и содержательные связи языка с реальностью.

Языковая среда критически оценивает пределы правильности / истинности исследуемого явления в языке и делает мир более разнообразным благодаря языку. В контексте этого разнообразия отношений и формируется момент целостного отношения человека к миру, к общественной жизни, а эта целостность является неразрывной и делает неразрывной связь всех составляющих элементов. Для любой культуры это означает рефлексию латентных структур языка как неполного присутствия, генерирующего маргинальные формы жизненной активности как неполноту бытия. Логико-когнитивный анализ языка означает выявление не только формальных и содержательных констант присутствия сознания в культуре, но и когнитивных переменных. С помощью языка происходит осмысление социума-природы-человека, ментальные конструкты позволяют познавать мир с помощью лингвистических моделей, эксплицирующих имеющуюся действительность.

Способность человека к межкультурному общению в информационном обществе требует знания английского языка, которое приобретает все большую значимость в современном мире. Изучение английского языка как формы присутствия сознания в культуре и фактор самоопределения человека в условиях глобализации включает комплекс основных элементов знаний о языке и культуре и детерминируется компонентом получения информации и знания: а) выступает методом интерпретации дискурса получения знания; б) становится необходимым средством познания мира и получения информации культурного характера; в) становится средством получения сведений о культуре и содержательно-предметном знании посредством языка; г) способом познания различных сфер деятельности – экономики, политики, религии, права с целью поиска подтверждения терминологии этих сфер; д) определением методики анализа событий в рамках прикладного информационного анализа и динамики ситуаций и событий.

Изучение английского языка как формы присутствия сознания в культуре и фактора профессионального самоопределения и становления

личности с необходимостью требует: 1) выявления категоризации информации о событиях, происходящих с применением языковых средств; 2) использования языка для информационно-коммуникационного общения и получения соответствующей информации; 3) поиска объективации языкового и речевого содержания на уровне культурной традиции другой культуры; 4) обеспечения интерсубъективности языка для процессуального развития событий; 5) умения культивировать благоприятный стиль и манеру общения, используя для этого все функции языка – коммуникативную, когнитивную, информационную, экспрессивную. Именно поэтому для функционирования английского языка как на уровне индивидуального, так и профессионального его использования следует постоянно развивать лингвистическую сферу, которая является неотъемлемой частью информационно-коммуникационного пространства. Язык является обязательным условием социализации человека как в родном социуме в процессе инкультурации, так и в иноязычной среде в процессе аккультурации. Язык как знаковое свойство универсальности и выражения процессуальности человеческого сознания способствует выработке «философии диалога» в условиях глобальной коммуникации, чтобы по-новому осознать события, соединяющие человечество в единый социальный и культурный организм и выступает инструментом человеческого общения [2, с. 262]. Одна из тенденций связана с интернационализацией, происходящей в условиях глобализации и требующей развития лингвистической сферы английского языка от государственных и общественных уровней к индивидуальным и профессиональным; вторая тенденция проявляется в процессе «самоидентификации языков» и «формировании этики человеческого» [3, с. 85].

Английский язык сегодня является транслятором всего, что происходит вокруг индивида и необходим для потребления во всех сферах человеческого бытия, в которых аккумулируются возможности и меры представительства бытия в языке. Это выходит в проблему онтологического статуса языковых значений и соотнесения «Я» и мышления, функционирования языка в социокультурной жизни человека. Благодаря языку как транслятору действительности, он проникает во все отдаленные уголки планеты и объединяет людей и человечество в одно единое целое, порождает различные языковые стандарты: британский, американский и другие варианты.

В результате данных глобальных процессов возникает новое явление – пиджинизация английского языка, что свидетельствует о потере чистоты британского стандарта языка и порождении различных его континентальных стандартов. Классический, неклассический и современный периоды в развитии речи включают как предмет своего исследования семантику, речевую синтактику и речевую прагматику,

необходимые для успешной социализации индивида в иноязычном пространстве [4, с. 223], а также трансляцию этого опыта, потому что способность личности к межкультурному общению играет решающую роль в современном информационном обществе, так как английский язык приобретает все большую значимость в современном обществе. Условия глобализации порождают необходимость появления людей – билингвов и трилингвов, обладающих одновременно двумя и тремя языками и находящихся в нескольких слоях лингвистической сферы, что помогает человеку жить в плюральных мирах и обогащать свое «Я» благодаря языку и через язык, достигая значительных успехов в профессиональной деятельности.

Таким образом, в современном мире английский язык предстает как форма присутствия сознания в культуре и фактор самоопределения личности в условиях глобализации. Данный вывод исходит из того аксиоматического положения, что предметная форма языка как результат творческой деятельности субъекта неизбежно предполагает «скрытое присутствие» пока недостаточно верифицированных универсалий языка.

**Литература и источники**

1. Рикер, П. Якиммає бути новийетос Европи? / П. Рикер // Критика. – 2005. – № 6.

2. Soina, I. Yu. Poetic Understanding as the Initial Input of Being-in-the-world / I. Yu. Soina, Yu. A. Semenova, G. N. Goncharov, N. Yu. Petrusenko, N. A. Kambur, S. Ph. Chervona // Amazonia Investiga. – 2019. – Vol. 8, № 20. – P. 261–263.

3. Немчинов, І. Г. «Эстетика человечного»: Генрих Белль и русская литература XX века (некоторые параллели) / І. Г. Немчинов // Наукові записки НПУ ім. М. П. Драгоманова. – К.: Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова, 2001. – Вип. 7: Релігієзнавство. Культурологія. Філософія. – С. 83–88.

4. Beilin, M. National cultural semantics through the prism of phraseological units / M. Beilin, L. Shangaraeva, A. Yarkhamova, A. Mukhametshina, D. Agol // Amazonia Investiga. – 2018. – № 7 (13). – P. 221–226.

## КРИТЕРИЙ НОРМЫ И ПАТОЛОГИИ СТРУКТУРНОСЛОЖНЫХ САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ СИСТЕМ

*Э. М. Сороко*

*Закон развития меры*
*есть закон степеней*
*Г. В. Ф. Гегель*

Мера гармонии выражается степенями своей зрелости и предстает в единстве гармонии и дисгармонии, которые соединены в одно целое. Но

это проявляется в различных степенях: чистой, абсолютной, вне «смеси» со своей противоположностью, Гармонии как и чистой красоты, без некоторых отклонений, не бывает. Ж.-Л. Бюффон писал: «Нет истинной красоты без некоторой доли странности». Задача в том, чтобы эту «некоторую долю странности» выразить количественно и тогда можно градуировать и красоту, и гармонию, и качество сложной распределенной самоорганизующейся системы – той, которая в своей эволюции стремится обрести гармонию, а точнее – обрести определенную ее степень в соответствии со скачкообразным (квантованным) развитием «меры по закону степеней» (по Г. В. Ф. Гегелю). Это и есть процесс обретения состояния меры и гармонии самоорганизующейся системой. Управление процессом структурной гармонизации сложных систем на основе закона развития меры и канонических узловых ее значений, таким образом, должно иметь целью достижение высших уровней, а именно – того значения узла меры который, подобно единице в натуральном ряду чисел, обладает наивысшими достоинством и простотой и наиболее часто объективно присущ ограниченному разнообразию, которое, как сказано выше, тождественно информации. Гармония в своей степени количественно выражается энтропией (ее антипод – избыточность) и является интегральным мерилом этого разнообразия, интегральным показателем зрелости и красоты рассматриваемой системы. Энтропия как интегральный показатель ограниченного разнообразия, объективно тяготеет к наилучшему из узлов (0,618) меры в их счетном ряду, изоморфном ряду натуральных чисел – метчиков этих узлов меры в своей совокупности, являющихся инвариантом процесса системогенеза.

Подобно тому, как существуют две самостоятельные области знаний – физическая химия и химическая физика, в динамике систем различают *неравновесную устойчивость* и *неустойчивое равновесие.* Второе понятие использовал еще Э. С. Бауэр в созданной им концепции целостности жизни. Оно выражает способность систем утрачивать (или сохранять) равновесие при возмущающих воздействиях. Иногда достаточно весьма слабых воздействий, что типично для критических состояний – перенапряженной, перезрелой среды (даже легкого щелчка по сосуду с переохлажденной водой бывает достаточно, чтобы мгновенно превратить ее в лед). В механике таковы системы, центр тяжести которых лежит выше точки опоры (поставленный на столе торцом карандаш).

В первом же случае речь идет о динамической устойчивости, достигаемой при *неравенстве весов* структурных компонентов целого. Классический случай: составляющая-доминанта, параметр которой является определяющим для всего целого (т. н. «параметр порядка»), средние по своим весам компоненты и микровключения, «хвост» – группа малых факторов с явным «ферментативным действием», способных быть катализатором взрыва («эффект бабочки»). Понятно, что состояния

неравновесной устойчивости эволюционирующих систем на узловой линии мер перемежаются с состояниями неравновесной неустойчивости. Как выявлять те и другие и как их различать? Это вопрос о критерии диагностики.

Состояния сложных структур, включая те, что содержат три вышеозначенные группы компонентов, определяют интегральные показатели – коллективные переменные. В частности, относительная информационная энтропия Шеннона (исчисляется в отношении к своему максимуму log $n$) как мера внутреннего беспорядка n-компонентной структуры, и избыточность $R$, мера ее организации. Образуя бинарную оппозицию, они удовлетворяют закону сохранения: R + H = 1. Способные служить мерой разнообразия структурных компонентов, характеризовать степень их гармонии в своем целом, количество связанной в структуре информации, и та и другая легко исчислимы, если неравенство весов структурных компонентов представлено матрицей-строкой: $\{p_1, p_2 ... p_n\}$. В эволюции сложных структур гармонизация совершается при согласовании относительных изменений мер порядка и хаоса, т. е. при кратности их относительных приращений: $dR / R = k \cdot dH / H$, или $R = H^k$. В сочетании с законом сохранения имеем генератор узловых значений этих мер: $H^k + H - 1 = 0$. При натуральных показателях степени ($k$ = 1, 2, 3,...) узлы меры *(аттракторы)*. $H$ суть обобщенные золотые сечения (ОЗС): 0,500; 0,618...; 0,682... Таковы базовые характеристики нормальных – самосогласованных, оптимальных, гармоничных, – неравновесно-устойчивых структур. Они относятся к типу *структур-аттракторов,* ибо к ним тяготеют в эволюционном процессе и сходятся все другие структуры, соседствующие с ними в фазовом пространстве. Значения же меры $H$, равноудаленные от данных узлов, т. е. антиузлы *(дистракторы, репеллеры),* генерируются тем же уравнением при полуцелых показателях степени ($k$ = 3/ 2, 5/ 2, 7/ 2,...): 0,570...; 0,654...; 0,705... Структуры, мера порядка и хаоса которых совпадают с такими значениями, патологичны – дисгармоничны, неустойчивы, лишены внутреннего единства. Для диагностики состояния той или иной структуры, выявления степени близости ее к норме либо патологии, достаточно вычислить ее относительную информационную энтропию и определить место этого числа на узловой линии мер. Проектируя гармоничную структуру, за основу достаточно взять: $H$ = ОЗС. Оно управляет гармонизацией структур во всем универсуме. Пример: структура живого труда в США.

| Год | Сельское хозяйство | Материальное производство | Сфера сервиса | Безработные | Интегральный показатель *H* |
|---|---|---|---|---|---|
| 1933 | 19,5 | 26,9 | 29,8 | 23,5 | 0,993 |
| 1953 | 9,6 | 39,5 | 48,1 | 2,8 | 0,753 |
| 1969 | 4,6 | 34,3 | 57,9 | 3,5 | 0,682 |
| 1989 | 2,5 | 24,8 | 67,5 | 5,2 | 0,618 |

Обретенный к концу 80-х уровень структурной гармонии, а значит и системное качество общества в целом, сохраняется и поныне, обеспечивая стране прирост национального дохода от $70 до $80 млрд. в год.

Отслеживая генезис интегральных характеристик тех или иных социальных структур, заданных распределениями своих компонентов, легко найти на временной шкале центрированные узлами мер критические фазы в их эволюционном стремлении к состояниям гармонии либо дисгармонии, когда велика вероятность укрепления либо распада этих многокомпонентных совокупностей как «организмических множеств». Равенство удельно-весовых вкладов компонентов в структуре последних как целостных формирований и есть предпосылка их дисгармонии, а значит, близкого распада. И, напротив, достижение внутрисистемного (или системоподобного) оптимального благодатного существования в объекте является наилучшим из всех возможных функциональным режимом.

## ТУННЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ В СУБСТАНЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

*А. Н. Спасков*

Термин «туннель реальности» впервые был использован в нейрологической теории Т. Лири. В дальнейшем Р. Уилсон разработал свою концепцию сознания как туннеля реальности [1]. Согласно этой концепции «Каждый человек замкнут в собственном туннеле реальности, созданном его мозгом» [2].

Современный немецкий философ Т. Метцингер считает, что наша субъективная модель реальности – это проекция в наше сознание гораздо более богатой физической реальности, большую часть которой мы просто не воспринимаем, а сознательный опыт – это не полный образ а «тоннель» сквозь реальность: «Для нас феноменальная реальность не симулятор, созданный нашим мозгом. Напротив, непосредственным образом она неизменно ощущается как мир, в котором мы живем» [3, с. 96].

Мы полагаем, что «объективный мир становится связным единством благодаря активной роли наблюдателя, собирающего этот мир в своем субъективном восприятии. … А множество наблюдателей образуют, с этой

точки зрения, базовую структуру, связывающую Вселенную в единое целое» [4, с. 240].

На первый взгляд наше понимание восприятия реальности может показаться необычным и сильно отличаться от того, что подразумевают под этим понятием другие исследователи. Все зависит от онтологии, на основе которой вводится это понятие. Если придерживаться парадигмы диалектического материализма, то под восприятием в этом учении подразумевается способность психики отражать в сознании объективные физические воздействия. В психологии и других философских школах это понятие может толковаться по разному.

Мы вводим это понятие на основе субстанциально-информационной онтологии: «от субстанции зависит все многообразие феноменального и ноуменального мира, а также наша субъективная способность чувственно воспринимать и умственно постигать этот мир» [5, с. 130].

Таким образом, в основу субъективного восприятия, а также объективного существования полагается единая субстанция. В результате деятельности этой субстанции порождается как внешний объективный мир со всеми его физическими свойствами, так и внутренний субъективный мир, отражающий в психическом (феноменальном) представлении физические воздействия.

В самом общем виде, мы понимаем под восприятием процесс запечатления в сознании субъекта феноменального образа объективной реальности. Это определение также требует пояснения для всех понятий, входящих в него, т. к. неясно – что такое запечатление, сознание, субъект… и т. д. по порядку. Поэтому для выхода из этого логического круга одного определения недостаточно и нужно построить целостную концепцию восприятия. Вопрос чрезвычайно трудный и мы хотели бы предварительно сослаться на Ньютона, Лейбница и Канта.

Ньютон именно абсолютному пространству, а не инертной материи приписывает роль активного начала, называя его «сенсориумом Бога»: «есть бестелесное существо, живое, разумное, всемогущее, которое в бесконечном пространстве, как бы в своем чувствилище, видит все вещи вблизи» [6, с. 280].

То есть само абсолютное пространство и время Ньютон рассматривал как божественный орган восприятия материального мира. Сам по себе этот орган (т. е. пространство и время) никак не воспринимается, т. к. он бестелесен (также как и трансцендентный Бог), но посредством него Бог воспринимает все материальные вещи. Не напоминает ли этот орган наш ум, который также изначально пуст, а при восприятии – наполняется разнообразными феноменами?

Но в отличие от нашего ума, способного только воспринимать феномены, Бог в своем уме способен их производить. А это и означает творение из ничто. Эту производящую творческую способность единой

субстанции, порождающей все многообразие феноменального мира мы и полагаем в основание онтологии.

В основание генезиса многообразия и становления новой реальности мы полагаем принципы раздвоения единого и спонтанного нарушения симметрии, в результате действия которых в первичном сингулярном состоянии единого возникает субъект (бытие) и объект (небытие). При этом состояние бытия означает собственное субъективное переживание «я есть» и ему комплементарно соответствует объективное условие существования «не я есть», как внешняя граница собственного присутствия в мире.

В самом деле, реальность в нашем представлении первоначально возникает как комплементарное единство «Я» и «не Я». Это единство и порождает наше собственное пространство-время, в пределах которого мы существуем и данное нам в элементарном восприятии. На основе этого представления и идеи множественности индивидуальных монад, обладающих элементарным чувством «Я» и «не Я» мы и можем построить реляционно-субстанциальную модель первичного пространства-времени.

Мы развиваем, таким образом, монадологию Лейбница и рассматриваем пространство-время как множество простейших монад, связанных между собой пространственно-временными интервалами планковских масштабов. Важной особенностью нашей концепции является то, что природа этих интервалов носит вероятностный характер. Это значит, что пространственная связь между двумя точечными монадами возникает как способность локализоваться в пределах планковской длины относительно друг друга с вероятностью равной 1. А временная связь между двумя внутренними состояниями одной и той же монады – как способность к локализации (отчетливому представлению) двух различных ментальных состояний с вероятностью равной 1.

Таким образом, мы можем дать следующие определения:

«Пространство – это порядок сосуществования онтологически различных субъектов (объектов).

Время – это порядок сосуществования различных внутренних состояний, связанных с одним и тем же онтологически самотождественным субъектом» [4, с. 240].

Это определение удовлетворяет, с нашей точки зрения, как реляционной концепции Лейбница, так и субстанциальной концепции Ньютона, а также концепции пространства и времени как априорной формы внешнего и внутреннего представления в учении Канта.

В полемике с Кларком, Лейбниц критикует концепцию божественного сенсориума Ньютона и разъясняет свое принципиальное разногласие по вопросу о природе пространства и времени: «Я неоднократно подчеркивал, что считаю *пространство*, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство – *порядком сосуществований*,

а время – *порядком последовательностей*» [7, с. 441].

Лейбниц в этом определении рассматривает пространство и время как отношение между возможными местами, в которых могут находиться вещи (в пространственном расположении) и события (во временном расположении). В нашем определении, которое по форме аналогично лейбницевскому, мы предлагаем другое онтологической основание и заменяем понятие «возможное место» на онтологически более содержательное понятие пространственно-временной монады. Это понятие означает некоторую элементарную психофизическую сущность в том смысле, в котором понимал ее Лейбниц: «Монада, о которой мы будем здесь говорить, есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит не имеющая частей» [7, с. 413].

Таким образом, мы соединяем реляционную концепцию пространства-времени Лейбница с его же субстанциальной концепцией монад, считая, что все без исключения пространственно-временные отношения являются отношениями между монадами. А понятие «возможное место», которое использовал Лейбниц, в нашей модели означает не что иное, как вероятностное место локализации монад, множество которых образует некоторую сетевую структуру пространства-времени.

Совместимость же с концепцией Канта, означает в нашем подходе то, что мы рассматриваем пространство и время, как некоторое элементарное субъективное чувство удаленности монад друг от друга и раздельности собственных ментальных состояний, что эквивалентно некоторым первичным априорным формам внешнего и внутреннего восприятия, свойственного психофизическим монадам. Ведь если считать монады простейшими субстанциями, обладающими восприятием, как это делал Лейбниц, то мы можем предполагать и наличия у них некоторой простейшей формы внешнего и внутреннего представления, подобно тому как Кант вводил их для человеческого сознания:

«Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних наглядных представлений» [8, с. 52].

«Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. процесса наглядного представления нас самих и нашего внутреннего состояния» [8, с. 58].

*Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г20МС-031.*

**Литература и источники**

1. Уилсон, Р. А. Квантовая психология / Р. А. Уилсон. – К.: «ЯНУС», 1998. – 224 с.

2. Туннель реальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/ wiki/Туннель реальности. – Дата доступа: 06.04.2021.

3. Метцингер, Т. Наука о мозге и миф о своем Я: Тоннель эго / Т. Метцингер. – М.: АСТ, 2017. – 480 с.

4. Спасков, А. Н. Субстанционально-информационная онтология пространства-времени в контексте постнеклассической рациональности / А. Н. Спасков // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой междунар. науч. конференции, Минск, 19–20 ноября 2020 г. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]; в 3 т. – Т. 1. – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 239–242.

5. Симанов, А. Л. Квантовая основа сознания, или онтология психофизической квантовой реальности / А. Л. Симанов, А. Н. Спасков // Философия науки. – 2020. – № 1 (84).– С. 128–137.

6. Ньютон, И. Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света / И. Ньютон // Пер. с англ. с примеч. С. И. Вавилова. – Изд. 2-е. – М.: Гостехиздат, 1954.

7. Лейбниц, Г. В. Монадология / Г. В. Лейбниц // Сочинения в четырех томах. – Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 413–429.

8. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Пер. с немецкого Н. О. Лосского. – СПб.: ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1993. – 478 с.

## ФИЛОСОФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

*А. А. Спектор*

Проблемы философии неотделимы от проблем современного естествознания, в том числе от проблем междисциплинарности и трансдисциплинарности. Однако роль философии в междисциплинарных и трансдисциплинарных исследованиях отличается на разных этапах развития науки. Это связано как и с историческим периодом эволюции человеческой культуры вообще, так и с тем или иным этапом развития естественных и гуманитарных наук, а также с изменениями в социокультурных нишах науки, техники, философии, образования. Кроме того, не следует забывать о терминологических проблемах, о вопросах формирования понятий, о различных подходах к тем или иным понятиям в разных дисциплинах и на разных этапах эволюции культуры и цивилизации.

Прежде всего, рассмотрим такие понятия как меж – и трансдисциплинарность. Это относительно молодые понятия, поэтому подходы к ним отличаются разнообразием. Причем проблема возникает именно при различении и этих понятий, и этих терминов. Более того, именно в рамках современной философии их различение представляется особенно важным, и связано оно непосредственно с той ролью, которую играет и может играть философия на современном этапе развития науки.

Так, например, если междисциплинарность рассматривать как термин, который выражает интегративный характер современного этапа научного познания [1] то, казалось бы, сам этот интегративный процесс может происходить в рамках самих научных дисциплин и не оглядываться на философию так, как мы понимаем ее сегодня. Междисциплинарное взаимодействие происходит в том случае, когда в рамках отдельной дисциплины не хватает имеющихся методов и понятий, или же сформированные понятия, закономерности и гипотезы требуют применения методов из других областей. Вполне закономерно и естественно, что для решения фундаментальных вопросов, возникающих в одной дисциплине, используются прикладные методы, непосредственно связанные с другой дисциплиной. Одним из примеров может послужить рентгеноструктурный анализ, разработанный на основе открытий в физике, с помощью которого было определено спиральное строение ДНК. Молекулярная биология в такое случае служит примером успешного междисциплинарного взаимодействия, включающего химию, физику и биологию. Этому способствует единый подход к таким основополагающим понятиям как, например, молекула, химическая связь, структура, энергия.

Однако одновременно с интеграцией наук происходит и их разделение, дезинтеграция, вычленение новых дисциплин. Это явление, связанное с выходом за пределы какой-либо дисциплины, можно связать также и с трансдисциплинарностью. Как пишет Е. Н. Князева, «трансдисциплинарность – это исследовательская стратегия, которая пересекает дисциплинарные границы и развивает холистическое видение. Трансдисциплинарность в узком смысле означает интеграцию различных форм и методов исследования, включая специальные приемы научного познания, для решения научных проблем. Трансдисциплинарность в широком смысле означает единство знания за пределами конкретных дисциплин» [2].

Как видим, граница между понятиями меж – и трансдисциплинарность достаточно тонкая, что способствует появлению самых разнообразных интерпретаций. С одной стороны, это хорошее поле деятельности для современной философии, источник успешного развития разнообразных дисциплин, с другой – это приводит к различному пониманию сходно звучащих терминов и понятий. Особенно ярко это проявляется при создании новых дисциплин на границах гуманитарных, естественных и точных наук, фундаментального и прикладного знания, а также на границах научного или любого профессионального и обыденного языков. В качестве примеров можно привести, в частности, термины и понятия «пороки» и «уродства» в медицине и в обыденном языке. Другая группа примеров – это переход научных терминов в художественную литературу и публицистику. Так, известно, что под вакуумом в физике

понимается не только идеальное пустое пространство, но и сильно разреженный газ. Однако эта разница не всегда воспринимается в других областях культуры. И здесь роль философии в наведении мостов особенно важна. Однако в данной ситуации она сталкивается с проблемой специализации. Парадоксально, но в античности, когда философия как деятельность по познанию и постижению мира только зарождалась, такой проблемы практически не существовало, т. к. под словом «философия» понималась вся наука. Общеизвестно, что Платон и Аристотель положили начало и логике, и физике, и биологии. Фактически философия была тем, что мы сегодня называем фундаментальной наукой, и, естественным образом, соответствовала и современной интерпретации, т. е. формулировала вопросы бытия, человеческой природы и являлась, таким образом, рефлексией над основаниями культуры. Согласно В. С. Степину [3], это был период протонауки, т. к. она была неотъемлемой частью философии, слитой с ремеслом и отвечающей на прикладные вопросы. Но именно свойство философии как рефлексии над основаниями культуры помогло в начале классического этапа развития науки поставить перед ней философские вопросы. Так меж – и трансдисциплинарное взаимодействие превратило прикладную протонауку и философию в фундаментальную науку. Но развитие фундаментальной науки, ее слияние с техникой, изменение их социокультурных ниш привело к тому, что область деятельности философии стала в большей степени гуманитарной, чем естественнонаучной. Из фундаментальной общекультурной деятельности по познанию и постижению мира философия стала одной из дисциплин, достаточно широкой, но все же не настолько универсальной, каковой она была на заре цивилизации. Эту проблему частично удается преодолеть вычленением отдельных философских дисциплин, в том числе философией науки и философии техники. Однако проблема продолжает существовать, и разрешить ее можно в том случае, если философия включит в себя современные естественнонаучные, а не только гуманитарные знания. Это чрезвычайно трудная задача, но философы вполне могут с ней справиться, хотя бы потому, что как никто другой, чувствуют язык и осознают проблему определения понятий и терминов.

**Литература и источники**

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.niv.ru/ doc/ encyclopedia/ epistemology/ articles/ 598/ mezhdisciplinarnost.htm. – Дата доступа: 20.03.2021.

2. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е. Н. Князева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10. – С. 191–199.

3. Степин, В. С. Философия науки / В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.

# РЕАЛИЗМ – КОНСТРУКТИВИЗМ И ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

*В. П. Старжинский, Д. В. Кравченко*

Постановка вопроса о конструировании онтологии уже сама по себе является новацией неклассической философии, ибо в классической философии онтологию нельзя построить, так как она существует в виде фундаментальной константы. Проблема построения онтологии имеет, по меньшей мере, два направления. Конкретно-научный (прикладной) аспект, включающий в себя научно-эмпирическую интерпретацию различных теоретических конструктов, а также философско-теоретический аспект в виде постановки и решения проблемы существования объективной реальности.

Прикладной аспект проблемы реальности впервые возник при истолковании специфики описания квантово-механических состояний микрообъектов. И эта задача не могла быть решена без ответа на, казалось бы, простой вопрос: существует ли квантово-механическая реальность до акта измерения. Кантовский трансцендентальный объект может репрезентировать эту форму существования. Он находит воплощение в микрообъектах, которые хотя и не описываются сами по себе объективно (независимо от субъективной познавательной деятельности), но существуют реально, независимо от акта измерения. Однако такое решение проблемы в виде удвоения реальности, которая существует как нечто (до измерения), а также в виде микрообъектов, обладающих конкретными свойствами, выявленными в процессе акта измерения, не является удовлетворительным. Данный подход к проблеме онтологии, выработанный в квантовой механике и распространенный на космологию, приводит к еще большим вопросам и отнюдь не проясняет ситуацию. Если классическая физика описывает поведение материальных объектов в реальном пространстве и времени, то квантовая физика сосредоточена только на математическом описании процессов наблюдения и измерения. Реальный объект с его пространственно-временными характеристиками в виде вещественной, материальной реальности исчезает.

Другими словами, в квантовой механике субъект познания – наблюдатель становится элементом объективной реальности, наряду с объектом и средствами исследования. В ситуации, когда в качестве объекта познавательной деятельности выступает Вселенная, а всякий субъект-наблюдатель является ее частью, возникает вопрос о том, кто же будет выступать в качестве постороннего наблюдателя. Попытка сформулировать версию квантовой механики, которая не нуждается в постороннем наблюдателе, была предпринята Дж. Уиллером. Решение заключалось в том, что была предложена модель, в соответствии с которой

Вселенная постоянно расщепляется на бесконечное количество копий. Каждая параллельная Вселенная имеет своих наблюдателей, которые видят данный конкретный набор квантовых альтернатив, и все эти Вселенные реальны.

Кризис классического решения проблем познавательной деятельности в виде поиска объективной истины и описания мира таковым, каков он есть на самом деле, есть кризис фундаментальной онтологии, начало решения которого связано с рефлексией презумпций научно-теоретического познания. Истоки решения проблемы фундаментальной онтологии находятся, на наш взгляд, в древнегреческой философии и связаны двумя альтернативными подходами в виде парменидовской и пифагорейской моделей. Первый подход представляет собой установку, согласно которой познавательная деятельность представляет собой поиск объективной истины и описания мира таковым, каков он есть на самом деле. Так устроен мир, природа, а человек только может стараться познать ее как можно полнее. Свобода его выбора и ответственность за принятие решений весьма условны. Он – субъект-наблюдатель, основная миссия которого – наиболее адекватно понять мир. Вторая установка (пифагорейская) опирается на иные презумпции. Человек исследует мир, описывает процесс познания мира в виде процедур присвоения ему определенных свойств и их наименования. Различие между двумя подходами заключается в понимании роли субъекта и репрезентации познавательной деятельности. Объективистский подход снимает с человека ответственность за выбор и принимаемые решения, представляя дело таким образом, что субъект асимптотически приближается к объекту реальности. Конструктивистский подход основывается на активной роли субъекта, объективная реальность же, особенно в радикальной версии, не существует сама по себе, а конструируется субъектом.

Отсюда вытекает две взаимно дополнительные методологии – когнитивная и конструктивная. В основе когнитивной лежит противопоставление субъекта и объекта, которое задает классическую методологию познавательного процесса как отражения объекта «самого по себе», существующего независимо от познающего субъекта.

Инженерный подход, который в рафинированном виде выражается в проектировании и конструировании, состоит в выработке нормативных (предписывающих) знаний по созданию нового объекта и основывается на конструктивной методологии и проектной парадигме. Научная парадигма предполагает функцию объяснения и основывается на знании, истине, доказательстве. Проектная парадигма предполагает функцию регламентации деятельности и строится не только на знании, но и на ценности, проектном решении, выборе, обосновании.

Отсюда вытекает, что в сфере науки и проектирования существуют

два вида методологии – когнитивная (научная) и конструктивная; два вида теории – научная и эвристическая; два вида практики – естественная (спонтанная) и искусственная (которую мы должны задать); два вида знания – «знание-объяснение» (вербальное, концептуальное, дескриптивное) и «знание-деятельность» (личностное, «ноу-хау», инструментальное).

Проектирование и конструирование, как совокупность методов создания искусственных объектов, наиболее полно разработано в рамках инженерных наук. Экстраполяция этих методов на другие сферы человеческой деятельности – бизнес, образование, медицину, привело к идентификации конструктивной методологии и осознанию ее философского статуса. Нами была предложена идея провести подобное различение прежде всего в методологии: методологию Проектирования и конструирования, в отличие от когнитивной, обозначить как конструктивную. В самом деле, конструктивная методология регламентирует не только когнитивные процессы, но и проектно-конструктивную деятельность в различных сферах культуры, культуротворчество – созидательный процесс, где рождаются материальные и духовные ценности-артефакты, составляющие суть культуры. Заметим, что дифференциация методологий относительна. Аналогия – естественное и искусственное, познание и проектирование.

Конструктивная методология строится на основе моделирования. Модель понимается в расширительном смысле как когнитивный артефакт (М. Вартовский). Конструктивная методология предусматривает построение двух видов моделей – концептуальной и инструментальной. Концептуальная модель отвечает на вопрос: что собой представляет проблема как объект Проектирования (созидания) и какова основная идея как способ разрешения проблемной ситуации. Проблемное поле моделируется по бинарному принципу; выражает два модуса существования – сущее (то, что есть в наличной реальности) и должное – то, что должно быть по замыслу проектанта. Как правило, зазор между сущим и должным описывается в виде недостатков.

Вторая модель, инструментальная, обладает модусом возможного и представляет собой совокупность инструментов, методов и ресурсов, и позволяет перейти от сущего к должному. При этом концептуальная и инструментальная модели являются взаимно-дополнительными. Одна не может существовать без другой, ибо теряют смысл – функцию в регламентации деятельности. Использование двух спаренных моделей – концептуальной и инструментальной, имеет человеко-центристский, практико-ориентированный смысл. Единство объяснительной и регламентирующей методологий позволяет преодолеть абстрактное теоретизирование в научных исследованиях, элиминировать в науке описание «вечных двигателей» и прочий информационный шум.

Запрещаются абстрактные рекомендации, которые оставляют без ответа вопросы, кому они адресованы, кто это будет осуществлять, какие финансовые, материально-вещественные, человеческие и др. ресурсы будут использоваться? С введением конструктивной методологии появляется критерий конструктивности. Если нельзя создать инструментальную модель (как например с «вечным» двигателем) или ее создание не предусматривается, то концептуальные изыски – это, зачастую, имитация науки, симулякры, бесплодный анализ понятий (за исключением дидактических целей), схоластическое теоретизирование и прочие ареалы вненаучной рациональности.

## ДИНАМИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

*Т. Е. Титовец*

Педагогический тезаурус научных публикаций и исследований претерпевает постоянные изменения в связи с парадигмальными сдвигами в методологии научного исследования, обусловленными переходом от классической к неклассической и постнеклассической рациональности [1]. Раскроем результаты проведенного нами герменевтико-аналитического исследования по данной проблеме.

Смена базовой характеристики языка научного познания от текста к контексту и интертексту соответствует закономерным изменениям в дискурсе научных публикаций и учебников. Примерно до 90-х гг. XX века ориентация на текстовую характеристику языка поддерживала инструктивную форму изложения, в которой легко распознавались педагогические законы, принципы, категориальный аппарат педагогики, хрестоматийные примеры из педагогической теории, позволяющие сделать вывод об эффективности предлагаемых автором педагогических средств. Иными словами, язык педагогики чаще был представлен дедуктивным дискурсом, при котором описывалась четкая последовательность обучения, начиная от освоения новой информации к ее закреплению на практике и переносу в новые ситуации.

В последнее десятилетие XX века и в начале XXI века наблюдается усиление контекстной характеристики языка, которая добавила элемент неоднозначности в описании педагогических явлений. Педагогическое мастерство стало описываться не через свод педагогических постулатов и правил, иллюстрируемых примерами, а через кейсы, проблемные ситуации, рефлексопрактику, учебные проекты, в которых нужно учитывать контекст обучения и воспитания растущей личности в заданный момент времени в заданном месте. Дедуктивный дискурс, построенный на

четких причинно-следственных связях, сменился на более мягкий рекомендательный, в котором подчеркивался вероятностный характер педагогических законов.

С возникновением в последнее десятилетие интертектности языка научного познания контекст образовательной ситуации еще более расширяется и включает влияние на личность обучающегося средств массовой информации и имеющегося у них уровня медиаграмотности, особенностей здоровья, семейных и этнических традиций воспитания, поколенческого фактора, обусловившего социально-психологический портрет каждого нового поколения [2]. Масштаб изучения педагогических явлений становится междисциплинарным, что отражается в появлении новых педагогических терминов – медийная и сетевая личность обучающегося, поколенческий подход к воспитанию, социальная контекстность образовательной среды, этнокультурная преемственность, копинг-стратегии в деятельности педагога и т. д.

С интертекстностью языка еще больше увеличился статус случайности в педагогике, и связи между явлениями стали рассматриваться как резонансные, зависимые от сочетания бесконечного множества факторов, а ранее открытые научные законы и педагогические считались очень сильной идеализацией реальности. При такой модальности понимания каузальности происходит частичный отказ от традиционного понимания структуры урока и логики освоения нового материала. Если ранее учебная цель определяла выбор содержания и педагогического средства, то сегодня выбранное педагогическое средство стало определять выбор учебной цели, создав круговую причинно-следственную связь.

Нарушение привычной логики, междисциплинарность языка педагогики в сочетании с падением статуса педагогических законов создает предпосылки для перехода к нарративному дискурсу в обучении – обучению посредством истории (нарратива), которая выражается в учебных проектах и квестах, перевернутом классе, геймифицированных формах организации учебного процесса, музейных педагогических технологиях и учебных локациях, театрализованных образовательных действиях, образовательном туризме и сценарном прогнозировании, авторской учебной режиссуре, полноценном участии в социальных проектах и даже журналистике. Для успешной реализации таких нарративов необходимо обеспечить высокую адаптивность образовательной среды (ее вариативность и готовность работать на историю), а также обучить медийно-сетевую личность воспитанника создавать когнитивные метафоры и ментальные карты, позволяющие визуализировать создаваемый ими авторский сценарий ближайшего будущего.

Таким образом, парадигмальные сдвиги в научном познании,

которые с небольшим опозданием пришли и в педагогическую науку, обновили педагогический дискурс и педагогическую картину мира новыми смыслами и новыми понятиями.

**Литература и источники**

1. Степин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

2. Хуторской, А. В. Педагогическая инноватика / А. В. Хуторской. – М.: Академия, 2010. – 255 с.

## О БЕРЕЖНОМ ОТНОШЕНИИ К ФИЛОСОФСКОМУ НАСЛЕДИЮ

*О. Л. Филипеня, В. В. Ткаченко*

Обращаясь к доступному нам историческому наследию, мы невольно становимся заложниками своего миропонимания, зачастую не готовыми к восприятию смыслов и ценностного содержания для современности текстов в трудах предшественников. Источником этих проблем является изменение оценочного базиса, в качестве которого выступает система ценностей, приобретенных на личном опыте как в форме отражения в мышлении явлений окружающей природы, так и в форме логики взаимодействия символьного содержания семантических структур, описывающих посредством языка иной субъективный опыт. Разрешение возникающего противоречия приводит или к согласованию иного опыта с текущим уровнем нашего знания, или к отторжению его значимости.

Наше внимание зафиксировало эту проблему интерпретации текста при поиске решения в задаче установления однозначного соответствия между словом и его значением [1]. Востребованность разрешения подобных вопросов, связанных с установлением однозначности представления знака в понятийной области мышления, было проведено с целью конкретизации области применимости искусственного интеллекта, но аналогичные задачи требуют освещения и в междисциплинарном взаимодействии.

В результате проведенного исследования, найден метод, включающий как минимум три логических приема, преобразующих некорректное по содержанию и / или полноте выражение в адекватное представление: понятийное абстрагирование, контекстная конкретизация и синтез представления.

Так понятийное абстрагирование переводит неадекватное «танки летят» в более абстрактное, ввиду исключения способа изменения местоположения, «танки движутся», но с тождественным переносом скоростного режима, свойственного полету: «быстро».

Общеупотребительное слово «ключ» становится термином при его

корректном определении, как «средство доступа». Средство доступа к механизму замка, тональности партитуры, подземному хранилищу воды, к информационному наполнению шифровки, к механическому воздействию на специфические метизы… Неполнота описания проявляется в лености употребления специфического составного термина для каждой из ситуаций, а именно двусложного конкретного: скрипичный ключ, гаечный ключ, родниковый ключ…

Конкретизация снимает неопределенность образного представления. Абстрагирование упрощает понятие, а память ассоциативно дополняет образ.

Абстрагирование от несущественных свойств является принципом установления понятийного содержания. Наиболее абстрактное является и наиболее обобщающим, но, и это важное уточнение, не систематизирующим обобщающим, а расширяющим область системной неопределенности. Таким образом, понятие отражает совокупность части признаков, в отличие от образа, зафиксированного памятью. Влияние понятийной структуры на восприятие образа очевидно – в явлениях установленные черты фиксируются проще.

Игнорирование конкретизации приводит к такому явлению, как вырождение значения одного из терминов в тени другого.

Характерным, в этом смысле, является устоявшееся воззрение на тождественность понятий «знак» и «символ». Несоответствие этих понятий становится очевидным, если добавить в рассмотрение область их определения. Для знака – это материальный носитель. Для символа – это отражение в области сознания. Начертанный символ есть знак.

Именно символ сопоставляется с одной стороны со знаковой системой языка, с другой – с понятийной организацией логического мышления. В свою очередь, система понятий влияет на образность представления, завершая через ассоциативность процесс восприятия.

Таким образом, основной вопрос бережного отношения к историческому наследию решается снятием неопределенностей при преобразовании: знак – символ – понятие – образ.

Вместе со сменой эпох изменяются понятийные отношения, фиксируемые в лексических конструкциях. Вместе с этим процессом усиливается вероятность потерь установленных истин. Рассмотрим проблематичность корректности смысловой обработки содержания из следующего отрывке [2, с. 135]: «Когда мы говорим о мышлении, мы должны различать между *конечным,* лишь *рассудочным* мышлением, и *бесконечным, разумным* мышлением. Определения мышления, которые мы непосредственно преднаходим изолированными, суть *конечные* определения. Истинное же есть в себе бесконечное, которое не может быть выражено и осознано посредством конечного. Выражение *бесконечное мышление* может казаться странным, если придерживаться представления

новейшего времени, будто мышление всегда ограничено. На самом деле, однако, мышление по своей сущности в себе бесконечно».

В современной обработке текст может звучать так:

«Когда мы говорим о мышлении, мы должны различать ограниченность логики обособленных понятий в сравнении с бесконечным разнообразием образных представлений. Определения мышления, которые мы заранее находим обособленными, ограничен~~н~~ы по своей сути. Бесконечная сложность истины не может быть выражена и осознана посредством ограниченного понятийного базиса. Выражение *неограниченное мышление* может казаться странным, если придерживаться представления новейшего времени, будто мышление всегда ограничено. На самом деле, однако, мышление по своей сущности безгранично».

**Литература и источники**

1. Филипеня, О. Л. Лингвокогнитивный метод алгоритмизации процессов логического мышления / О. Л. Филипеня, В. В. Ткаченко // Международная конференция «Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект»: тезисы докладов, Москва, 12–14 ноября 2020 г. / Институт языкознания РАН; ред.: А. А. Кибрик, В. Ю. Гусев, Д. А. Залманов. – М., 2020. – С. 152–153.

2. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – Т. 3. – М.: Мысль, 1974.

## ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИНАМИКИ СОЦИОПРИРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*А. С. Червинский*

Среди аспектов проблемы социоприродного взаимодействия наименее исследованы, и одновременно, наиболее значимы вопросы методологического обеспечения оценочной процедуры в определении качества природной среды: разработка оценочных принципов, корреляция функциональной взаимозависимости комплексных критериев, обоснование иерархической структуры показателей качества окружающей среды. Отдельные аспекты проблемы получили разработку в естественнонаучной литературе, посвященной анализу состояния воды, почвы, атмосферы и других системных элементов среды обитания человека, но их традиционная фрагментарность часто приводит к ситуации взаимной несопоставимости оценочных критериев.

В возникновении и развитии биосферы нет изначальной предопределенности и целевой заданности, она не является продуктом человеческой деятельности и в этом смысле она внесоциальна, естественна. Одновременно она содержит в себе элементы социального,

причем с явной тенденцией к расширению границ его проявления [1, с. 49]. Это обстоятельство значительно специфицирует ее нормативную интерпретацию.

Принципы отбора оценочных факторов наиболее полно рассмотрены в отечественной и зарубежной экологической литературе в контексте определения комфортности условий существования общества, и в этом случае проблема качества окружающей среды выступает элементом более широкой проблемы – проблемы обеспечения качества жизни человека. При всей привлекательности такого подхода все же нельзя не отметить серьезные недостатки сведения феномена качества среды к одному из проявлений качества жизни.

Во-первых, такой подход в связи с его выраженной антропоцентристской направленностью значительно сужает сферу приложения оценочных критериев, ограничивая ее социальной компонентой, во-вторых, при таком подходе оказывается принципиально невозможной модальная оценка любого биогеоценоза, относящегося к дикой природе, в отношении к которой дифференциация по принципу «полезно – вредно» еще не осуществлена.

Утрата уровня оптимальности в социоприродном взаимоотношении, осуществляется, как правило, в форме реализации локального либо глобального экологического кризиса, и может быть определена как ситуация утраты оптимальности во взаимоотношениях человека и природы, вызванная несоответствием способа производства материальных благ ресурсо-экологическим возможностям биосферного комплекса, сопровождающаяся нарушением динамического равновесия локальной экологической системы.

Экологический кризис как высшая точка напряжения во взаимоотношениях человека и среды имеет как минимум два возможных исхода: либо происходит разрядка ситуации путем возвращения исходного состояния за счет ослабления негативного воздействия, реализации комплекса восстановительных мероприятий и т. д., либо формируется так называемое «посткризисное» состояние, сопровождающееся резким изменением структурных, популяционных, трофических и других характеристик биокомплекса.

Явление деградации качества среды обитания в связи с этим должно трактоваться с позиций системного подхода как нарушение целостной упорядоченности в структуре локальной экологической системы. Искусственная среда большей частью не вписывается в традиционные структуры, и, как следствие этого, несовпадение, противостояние естественно-природных и искусственно-природных образований при превышении уровней гомеостаза биосферных систем вызывают деградацию.

При оценке состояния природной среды по принципу

качественности следует использовать комплексный критерий, включающий социально-экологический, социально-экономический, эстетический и другие аспекты. При этом социально-экологический показатель трактуется как основной, имеющий приоритетное значение в оценке экологической ситуации того или иного региона [2, с. 94].

То обстоятельство, что под основным критерием ей среды обитания подразумевается состояние здоровья человека, т. е. возможность нормальной жизнедеятельности, как отдельного индивида, так и целостного социального организма, позволяет реализовать в анализе рассматриваемой проблемы двуединую задачу.

Во-первых, отказаться от пресловутого принципа безотносительности к человеку и формам его социального проявления, что позволяет различные экологические катастрофы, кризисные состояния в сфере социо-природного взаимодействия оценивать в жесткой конкретной зависимости от реального или потенциального ущерба здоровью человека.

Во-вторых, подход позволяет значительно ограничить количество факторов, подлежащих концептуальной интерпретации, и, следовательно, упрощает задачу формализации проблемного материала. Второе обстоятельство имеет принципиальное значение при рассмотрении процесса деградации качеств, выделение в нем стадий: экологического кризиса, экологической катастрофы и т. д. Возможность формализовать, а затем и классифицировать различные аспекты динамики социоприродного взаимодействия позволяет осуществлять соответствующие градации [3, с. 70].

Включение в социальную практику элементов биосферы предполагает их предварительную обработку для достижения большего соответствия своему социальному назначению, поэтому совершенствование социальных качеств природной среды связано с воздействием человека на ее материально-структурные основания, а это в свою очередь отражается на функциональных качествах данной среды. В этом случае наблюдается такая взаимозависимость качеств: социальное качество оказывается главным, приоритетным, а природные качества становятся производными.

В преодолении сложившейся ситуации имеет значение выбор методологических принципов позволяющих преодолеть традиционные исследовательские недостатки: утрату качественно-количественной сопряженности при описании объектов сложной структурно-функциональной организованности, недооценку системности качественных характеристик геополитических и социоэ образований и др. Это может содействовать выбору приемлемого для стратегии модернизации каждой из стран интеграционного вектора, способствующего сохранению суверенитета, национальной самобытности и традиционных духовных ценностей.

*Работа выполнена при поддержке ФФИ в рамках научного проекта № Г20РА-015.*

**Литература и источники**

1. Вернадский, В. И. Избр. тр. по биогеохимии / В. И. Вернадский. – М.: Мысль, 1967. – 376 с.

2. Шмальгаузен, И. И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии / И. И. Шмальгаузен. – М. – Л., 1942.

3. Червинский, А. С. Онтологический статус социоэкологических понятий / А. С. Червинский // Материалы международной научной конференции «Современная онтология – 4: Проблемы метода», Санкт-Петербург, 27 июня – 1 июля 2010 г. – С. 69–72.

## НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА

*Ю. В. Черновицкая*

В современном обществе широкое признание получила коллективная организация труда, особенно в фундаментальных науках авторами научных разработок становятся целые коллективы ученых, научные коллаборации. Поэтому актуален вопрос об авторе – коллективном субъекте познания и ответственности этого субъекта за результаты его деятельности.

Коллективный субъект – социальный феномен, это не просто сообщество отдельно взятых ученых, работающих каждый над своей проблемой, а их объединение, возможно объединение групп, организаций, корпораций, которое может не иметь четкой геолокации, географически находиться в разных частях света, быть переменного состава и иметь разное количество участников, часто даже с трудно фиксируемыми границами. Современность предполагает и новый тип автора Большой науки: «Теперь это гетерогенный, надындивидуальный автор, который сопротивляется попыткам свести его к псевдо-"Я" в силу своей сущностной расщепленности, фрагментированности на подвижно связанные отдельные нестабильные компетенции» [1, с. 92]. «"Аморфное Я" – новый вид автора, чьи утверждения требуют новых форм оценки» [2]. При этом коллективный субъект все же состоит из индивидуумов, но это нечто большее, чем сумма индивидов. Возможно, в современной науке отдельно взятому человеку уже трудно охватить весь массив знаний, всю имеющуюся информацию, существует предел индивидуальных познавательных возможностей, поэтому стоит задуматься и о самостоятельной ценности группового знания. Социальное знание распределено между субъектами познания неравномерно, ни один из них

не обладает, да и не обязан обладать всем диапазоном, всей полнотой доступной информации. Так же и отдельный ученый не имеет доступа к целостному объекту познания (скажем, к большому андронному коллайдеру), свойства которого познаются только при помощи «коллективного субъекта» (см. [3, с. 108]).

Учитывая все вышесказанное, особенности функционирования и состава коллективного субъекта науки, возникает вопрос об ответственности за результаты деятельности коллективного субъекта. Могут ли члены коллабораций, знающие детали именно своей работы, своей области знания, быть ответственны полностью за конечный результат? Могут ли быть ответственны только члены коллабораций, управляющие, контролирующие деятельность, хотя они не владеют деталями проектов. Возникают спорные вопросы авторского права. Впервые данные вопросы были поставлены еще в середине XX века, в настоящее время ситуация только обострилась.

«Если авторство означает вклад, который необходим для результата как целого, то очевидно, что каждая подгруппа должна считаться незаменимой. Но в то же самое время, когда задается вопрос "Кто сделал работу, иначе говоря, кто полностью контролирует конкретный анализ данных и все, от чего он зависит?", ответ всегда должен быть отложен» [2].

Сложноорганизованная коллективная практика подводит к идее коллективной ответственности (в синонимичном контексте употребляются понятия «корпоративная ответственность», «групповая», «солидарная» «институциональная», «метаинституциональная» и т. п. [4, с. 76].

Говоря о феномене коллективной ответственности, следует учесть ряд моментов. Во-первых, коллективная ответственность имеет негативную историко-культурную традицию. Это «племенная мораль и представления о наследственной вине, также оперирование концепцией коллективного вменения в идеологиях реакционного традиционализма, террористического революционизма, тоталитаризма» [5, с. 75].

Во-вторых, понятие ответственности все же носит индивидуальный, личностный характер, в случае же коллективного действия субъект не несет единоличной ответственности, результат коллективных действий неочевиден, способность предвидеть последствия своих действий уменьшается, чувство ответственности ослабляется.

В-третьих, возникает проблемы несправедливого распределения ответственности между членами группы. Будет ли это солидарная или пропорциональная ответственность? Если пропорциональная, то как определить степень участия, по вкладу в объект исследования, по степени наделенностью властью, по времени участия?

Отношения, связи внутри коллективного субъекта многократно усиливают его возможности, однако чем сложнее организована коллективная практика, тем сложнее определить виновного / виновных в

том или ином деянии. «Коллективная деятельность ускользает от морально-нравственного регулирования, а индивидуальная ответственность порождает обширные зоны безответственности» [6].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что рассматривать ответственность, возникающую при оценке деятельности коллективных субъектов возможно только в том случае, если в коллаборациях культивируется чувство личной ответственности, взаимоответственности участников, учитываются ценностные основания принятия решений коллективами и ценностные характеристики последствий реализации их проектов. Данная ситуация в контексте вызовов XXI века требует тщательной, детальной проработки.

**Литература и источники**

1. Пронских, В. С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту / В. С. Пронских // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 88–92

2. Галисон, П. Коллективный автор / П. Галисон // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 93–113.

3. Пружинин, Б. И. «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) / Б. И. Пружинин // Гуманитарный вестник Сибири и Дальнего Востока. – 2019. – № 1. – С. 105–110.

4. Платонова, А. В. Субъекты морального сознания в современном обществе: о типах коллективной ответственности / А. В. Платонова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 373. – С. 75–79.

5. Прокофьев, А. В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности / А. В. Прокофьев // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 73–85.

6. Прокофьев, А. А. Коллективная и совместная ответственность в экологической этике / А. А. Прокофьев // Этика и экология. Сер. Научные доклады. – Новгород, 2010. – Вып. 9. – С. 26–44.

7. Токарева, С. Коллективная и личная ответственность / С. Токарева // Власть. – 2012. – № 3. – С. 44–48.

## ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ДЮРКГЕЙМИАНСКОЙ ПРОГРАММЕ: «СОЦИОЛОГИЗАЦИЯ» ИДЕЙ И. КАНТА И Ф. ШЕЛЛИНГА

*Т. М. Шавердо*

Тематика пространства и времени находит отражение в любой науке о человеке и обществе. Если представители философского знания предпринимают попытку определить *сущность* этих всеобъемлющих явлений, то инструменты социологической науки позволяют обнаружить, каким образом пространство и время *проявляют* себя в повседневной

жизни.

В блоке социально-гуманитарного знания вопросы пространственно-временных отношений универсума впервые затрагиваются в философском дискурсе и получают наиболее детальную разработку в рамках немецкого идеализма. Так, И. Кант рассматривает пространство и время как априорные формы чувственности, которые заявляют о себе до всякого прочего знания и опыта: «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний» [1, с. 78], равно как и время представляет собой «необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний» [1, с. 84]. Время и пространство в данной логике выступают как условия возможности явлений, а не как их внутреннее свойство. Подобная интерпретация носит подчеркнуто субъективистский характер, однако при этом И. Кант не отрицает эмпирическую реальность времени, то есть «объективное значение его в отношении всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам» [1, с. 88].

Вслед за И. Кантом субъективистскую линию в трактовке пространства и времени продолжает Ф. Шеллинг. Время он рассматривает как объективировавшееся внутреннее чувство, пространство – как объективировавшееся внешнее чувство [2, с. 344]. «Источником» пространства и времени Ф. Шеллинг, как и И. Кант, считает субъект, а процесс объективирования обозначается им как выход созерцаемого за пределы «Я». Ф. Шеллинг представляет интересную схему субъект-объектных отношений, в которой созерцание осуществляется субъектом (или через него), но при этом внешний мир является как бы продолжением организма: «Нет никаких препятствий к тому, чтобы мы воспринимали весь внешний мир как свой организм, в котором мы, как нам представляется, непосредственно присутствуем повсюду, где мы ощущаем» [2, с. 379]. Таким образом, в своих воззрениях Ф. Шеллинг тесно сближается с И. Кантом, определяя время и пространство в качестве предельной когнитивно-чувственной рамки восприятия.

Артикуляция пространства и времени в качестве *социальных* феноменов берет свое начало в социологии Э. Дюркгейма. Дюркгеймианские представления о пространственно-временной реальности во многом базируются на теоретических положениях И. Канта и Ф. Шеллинга, однако Э. Дюркгейму удается погрузить эти трансцендентальные категории в социальный контекст. Э. Дюркгейм рассматривает пространство и время в первую очередь как категории мышления (опираясь на логику И. Канта, определявшего их как «формы чувственности»): «В основе наших суждений существует некоторое число важнейших понятий, господствующих над всей нашей интеллектуальной жизнью» [3, с. 185]. Время и пространство входят в число этих фундаментальных понятий и задают базовую рамку нашего мышления, так

как без них когнитивные операции не могут быть реализованы в полной мере.

Задавшись вопросом о происхождении таких понятий, Э Дюркгейм затрагивает спор априористов и эмпиристов, отдавая предпочтение первым. При этом он убежден, что категории мышления формируются коллективно и являются продуктом социума, а не отдельного индивида и его опыта. Э. Дюркгейм отмечает: «Дело не только в том, что общество породило категории, но и в том, что содержанием категорий служат разные аспекты существования в обществе: …ритм социальной жизни лежит в основе категории времени; пространство, занимаемое обществом, предоставило материал для создания категории пространства…» [4, с. 146]. Так, Э. Дюркгейм преодолевает субъективизм И. Канта и Ф. Шеллинга, усматривая источником всех категорий мышления общество, тем самым «обожествляя» его.

**Литература и источники**

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Пер. с нем. Н. О. Лосского. – М.: Наука, 1999. – 655 с.

2. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг // Пер. с нем. М. И. Левиной, ред.-сост. А. В. Гулыга, прим. М. И. Левиной и А. В. Михайлова. – Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 636 с.

3. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии (Введение, Глава 1) / Э. Дюркгейм // Пер. с франц. А. Б. Гофмана / Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология // Пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. – С. 174–201.

4. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии (Заключение) / Э. Дюркгейм // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 122–154.

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АСТРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

*Александр Шимбалев*

Стремление предсказать будущее является неотъемлемой чертой человеческой цивилизации. В древних культурах, при недостаточном развитии научных знаний, развились методы прогноза, основанные на магическом мировоззрении. Сформировалось представление о предопределении судьбы взаимным расположением и движением светил, которые воспринимались как боги или как космократоры, выполняющие волю Демиурга. Уже в античном мире была очевидна несостоятельность магического метода познания мира, основывающегося на поиске связей вещей, выпадающих из опытной проверки. Развивающаяся наука

предложила свои методы прогноза, основанные на знании строения мира и общих тенденций его развития. В ответ появилось направление в астрологии, отмежевывающееся от религиозного фундамента. Представители этого течения считают, что со стороны светил действуют на человека некие естественные факторы, еще не исследованные наукой. Однако, современное астрологическое прогнозирование заходит в тупик даже по свидетельству самих астрологов. Например, Алистер Кроули пишет, что «изучая астрологию, мы сталкиваемся с крайне сложными проблемами. По-видимому, существуют сотни неведомых нам причин и неучтенных нами сил, действие которых способно свести на нет даже наиболее вероятные прогнозы» [3, с. 451]. Размышления Кроули свидетельствуют, во-первых, о невозможности получить точные и верные предсказание из анализа гороскопа, во-вторых, о способности астрологов после произошедшего события найти ему объяснение с помощью многочисленных факторов гороскопа, т. е. сфальсифицировать верный результат. И то, и другое делает астрологическое прогнозирование бессмысленным и лишенным научного обоснования.

Рассмотрим каждый вид астрологического прогноза отдельно.

1. Мировая астрология исследует судьбы стран, народов и правителей, опираясь на толкование особых знамений, к которым относятся солнечные и лунные затмения, появления комет и т. п. явления, а также изучая конфигурации светил в знаках Зодиака или составляя гороскоп на начало года. Этими методами пытаются предсказать прогноз погоды, природные катаклизмы, эпидемии, войны и др. явления, охватывающие большие территории.

Развитие научной метеорологии и построение моделей атмосферы Земли вскрыло истинные причины формирования погоды и показало несостоятельность астрологических метеорологических предсказаний. Р. Кулвер и Ф. Ианна приводят результаты исследований, в которых изучено, насколько истинна предсказательная астрология. Так как успех теории основывается на ее способности делать точные предсказания, то и вероятность астрологических прогнозов может свидетельствовать в пользу истинности и ложности этого учения. Исследователи обработали предсказания, сделанные астрологами за несколько лет и проверили их точность. Из всех предсказаний 11% были верны. Это число входит в рамки случайных попаданий, к тому же, правильные предсказания могли быть получены из-за проницательных предположений, предварительной информированности и неопределенных формулировок [6, p. 169].

2. Популярная или балаганная астрология занимается прогнозированием общих тенденций для всех людей, родившихся в определенный промежуток времени, т. е. с Солнцем в каком-то знаке зодиака. Для получения прогноза обычно составляется так называемая «карта солярного равновесия», т. е. строится гороскопическая схема на

момент восхода Солнца для любого заданного дня. Возможные события и тенденции предсказываются по рассмотрению каждых десяти градусов зодиакального знака, учитывая их положения в домах и транзитные аспекты к Солнцу, Асценденту и др. чувствительным точкам [4, с. 51]. Этот вид астрологии часто порицается самими профессиональными астрологами как неточный и, в принципе, не способный дать положительной информации, однако, терпимый, поскольку очень прост, вызывает интерес у массового читателя и способствует прививанию астрологического мировоззрения.

Были проведены исследования зависимости психологических черт характера от положения Солнца в знаке Зодиака. Людям предоставили анкеты с перечнем некоторых черт характера и попросили выделить те, которые более всего им соответствуют. Описательные характеристики были взяты из астрологических источников и хаотично перемешаны. Испытуемым не сообщалось, что исследование имеет хоть какое-то отношение к астрологии. После анализа результатов, оказалось, что люди, увлекавшиеся астрологией, выбирали те черты, которые соответствовали описанию их натального Солнца в знаке Зодиака, а те, которые астрологией не занимались, имели случайное распределение черт характера, не соответствующее астрологическим характеристикам [5]. Это исследование показало, во-первых, что положение Солнца в знаке Зодиака не влияет на характер человека, во-вторых, что астрологи программируют человека, навязывая чуждые характеристики.

Мишель Гокелен провел исследование по изучению жизни людей, родившихся в одно и то же время. При изучении более 50 000 гороскопов ему не удалось найти сходства в судьбе, но во время работы вскрылись тенденции, свидетельствующие против астрологии. Ученый пишет, что «ни один из астрологов, с которыми мы работали, не прошел классического теста, известного как "тест противопоставленных судеб". В нем используются даты рождения сорока человек, двадцать из которых – известные преступники, а остальные – люди, которые прожили долгую мирную жизнь. Астрологам предлагалось разделить две эти группы с помощью гороскопов, составленных по датам рождения. В результате всегда происходила большая путаница; астрологи неизменно выбирали преступников и законопослушных граждан примерно в той же пропорции, что и машина, смешивавшая их случайным образом» [7, p. 85]. Это исследование свидетельствует, что астрология не может адекватно описать личность человека.

Психолог из Мичиганского университета Б. Силверман изучил влияние зодиакального знака, соответствующего рождению каждого из супругов, на вероятность их бракосочетания или развода. Были использованы данные о 2978 свадьбах и 478 разводах, зарегистрированных, в Мичигане в 1967–1968 гг. Ученый сравнивал

реальные данные с предсказаниями двух независимых астрологов относительно благоприятного и неблагоприятного сочетания зодиакальных знаков для супружеских пар. Оказалось, что никакого согласия между предсказаниями и реальностью нет, т. е. «несовместимые» по знаку зодиака мужчины и женщины женились и разводились с таким же результатом, как «совместимые» пары. Исходя из этого, Б. Силверман заключил, что положение Солнца в Зодиаке в момент рождения не оказывает влияния на формирование личности и совместимость партнеров [8].

3. Гороскопная астрология занимается прогнозами для стран или отдельных людей, основываясь на составлении гороскопа и определенных правилах его толкования. Методы астрологического прогнозирования основаны на убеждении, что схема расположения светил на небесной сфере, зафиксированная на момент рождения человека или наступления какого-либо события (гороскоп), представляет собой архетипический объект, сохраняющийся в некоем гипотетическом информационном поле, или структурирование физического тела по символическим астрологическим правилам. Некоторые элементы гороскопа (светила, фиктивные точки и др.) представляют собой чувствительные точки, которые активизируются при определенных конфигурациях с продолжающими свое непрерывное движение небесными светилами или с движущимися по гороскопу сигнификаторами. По убеждению астрологов, активизация чувствительных точек влияет на эмоциональный мир и жизненные события человека, а также на судьбы организаций или механизмов (например, самолетов, кораблей и т. д.).

Сама идея актуального существования гороскопа и его взаимодействия с реальными светилами или фиктивными точками в течение времени, является гипотетической и никак не подтверждается феноменами реального мира. Например, астролог Л. Джордж считает, что физическое тело построено из комбинаций атомов и молекул, несущих на себе отпечаток светил и зодиакальных знаков, и оно отвечает на их вибрации [2, с. 156]. Прогрессии, согласно этому мнению, представляют изменения в организме. Описанная картина, во-первых, не подтверждается физикой и биологией, во-вторых, не объясняет, почему астрологи составляют гороскопы на момент рождения организации или на момент спуска корабля на воду, в целях дальнейшего исследования их судьбы. Ведь в этих случаях не может быть никакого физического структурирования атомов и молекул по астрологическим правилам.

Рассмотренные методы прогноза также нужно отнести к области мысленных конструкций, так как в реальном мире не существует ни дирекционных движений Асцендента и др. точек гороскопа, ни прогрессивных движений натальных светил. Расплывчатость и неточность прогностических методов изначально постулируется астрологами.

Например, в книге Гадеса «Предсказательная астрология» даются правила интерпретации метода направлений: «Направление может почувствоваться только человеком, способным его почувствовать… самое главное, действие направления в особенности чувствуется человеком тогда, когда его вибрационное состояние, его физическое или моральное предрасположение гармонируют с направлением» [1, с. 3]. Таким образом, астрологом задается, во-первых, субъективизм в исходных данных, во-вторых, неопределенный промежуток времени, в течение которого наверняка с человеком случится что-либо подобное предсказанному, в-третьих, постулируется гипотетическая связь неизвестной природы, присущая человеческому организму и символическим движениям элементов гороскопа. Так как все эти факторы не подлежат экспериментальной научной проверке, то и результат предсказания зависит от волюнтаризма астролога. К тому же, в гороскопе находится большое число вовлеченных факторов и полей для интерпретации, так что астрологу предоставляется возможность увидеть все что угодно в любой диаграмме. Если астролог не находит при интерпретации нужного показателя, он может ввести любое количество фиктивных точек или добавить астероиды, до тех пор, пока не получит нужный результат.

Можно выделить основные особенности астрологических прогнозов:

– Астрологическое прогнозирование носит ненаучный характер, так как опирается не на научные принципы, а на гипотетические, не подтвержденные экспериментальными данными, связи между небесными телами и живыми организмами, надуманный символизм которых в нарушение логики связывает объекты разного класса.

– Статистическая проверка астрологических прогнозов показала их несостоятельность. Они находятся на уровне случайного попадания и не выражают никакой природной закономерности.

– Астрологическое прогнозирование имеет тенденцию перерождения в психологическое консультирование, что в корне меняет конечную цель астрологической деятельности, так как вместо конкретного предсказания будущих событий клиент получает душепопечение с сомнительным научным и духовным базисом.

**Литература и источники**

1. Гадес. Предсказательная астрология: в 2 кн. / Гадес. – Кн. 1. – Ржев: Репринт, 1993. – 128 с.

2. Джордж, Л. Астрология от А до Я / Л. Джордж. – Киев: София, 1993. – 544 с.

3. Кроули, А. Астрология. Архетипы астрального универсума согласно мифологии и западным традициям / А. Кроули. – М.: Республика, 1992. – 527 с.

4. Донас, Э. Б. Системы астрологических домов / Э. Б. Донас. – М.: ЦАИ, 1992. – 81 с.

5. Bourque, A. Astrology: An Assessment of It's Validity, Appeal and Potential Harm / A. Bourque. – MA thesis, Dept. of Religion, Carleton University. – 64 p.

6. Culver, R. Astrology: True or False? A Scientific Evaluation / R. Culver, Ph. Ianna – Buffalo, New York: Prometheus Books, 1988. – 242 p.

7. Gauquelin, M. The Cosmic Clocks / M. Gauquelin. – London: Paladin Books, 1973. – 166 p.

8. Silverman, B. Astrological Indicators of Personality / B. Silverman, M. Witmer // Journal of Psychology. – 1974. – Iss. 87. – P. 89–95.

## ДИАЛЕКТИКА ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КАК ОСНОВА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

*Д. И. Широканов, М. К. Буслова*

Эмпирическое познание обозначает одну из важнейших ступеней познания, непосредственно связанную с практикой, с чувственным опытом, с накоплением, обобщением, и систематизацией фактов, необходимых для перехода к более высокой, теоретической ступени познания. В общем процессе научного познания эмпирическое познание неразрывно связано с теоретическим. Теория возникает лишь на определенном уровне развития эмпирического познания и в целом не может без опоры на эмпирию успешно развиваться и функционировать. Но и эмпирическое познание, чтобы успешно развиваться и функционировать, взаимодействует с теоретическим, опираясь на достигнутый в теории уровень раскрытия сущности исследуемой области явлений. В противоположность упрощенной трактовке теоретической формы познания как согласования, приведения в порядок эмпирических данных, опытных ситуаций диалектический материализм раскрывает качественную специфику теоретического познания, его форм и методов.

Эта специфика обусловлена назначением, задачей теоретического познания – раскрывать сущность явлений на основе охвата их внутренних связей, выявления целостности, системности отношений, логической непротиворечивости. Решение этой задачи требует своих средств и форм воспроизведения действительности, иного, чем при эмпирическом познании уровня абстракции, логического движения мысли, понятий.

Однако было бы неверным ограничивать эмпирический уровень предметно-чувственным познанием и не видеть, что эмпирические формы и методы связаны с использованием логических понятий, что такие способы познания, как анализ – синтез, индукция – дедукция, абстрагирование – обобщение, используются на эмпирическом и теоретическом уровнях познания. Поэтому неправомерно отождествлять чувственные формы отражения с эмпирическим познанием, а рациональное, логическое мышление и его формы – с теоретическим

познанием. К тому же эти формы имеют разные основания деления. Чувственное познание, связанное с процессами абстрагирования, обобщения, индукции и дедукции, существенно различается по степени своего развития [1, с. 47].

Эмпирическое познание как форма научного познания представляет собой более высокий уровень отражения, чем несистематизированное, предметно-чувственное отражение. Основываясь на обобщении предметно-чувственной деятельности человека, эмпирическое познание способно выявить более общие и системные отношения и связи между исследуемыми явлениями, используя для этого новые методы и средства исследования. Поэтому нельзя согласиться с таким разделением эмпирического и теоретического, при котором первое связывается с отражением явлений, а второе – теоретическое познание с отражением сущности.

Такое разделение эмпирического и теоретического представляется нам недостаточным потому, что здесь связь сущности и явления рассматривается только в рамках связи эмпирического и теоретического.

Теоретическое же познание оперирует категориями и понятиями для выявления внутренних отношений в системе целого, т. е. раскрывает сущность более глубокого (второго, третьего) порядка. Соответственно и способы воспроизведения действительности в теоретическом познании будут отличны от эмпирических способов. Они направлены на раскрытие сущностной основы явлений, их субстанции, законов ее деятельности, развития, т. е. в теоретическом освоении действительности конкретное предстает не как исходное в познании, а как результат логического процесса, позволяющего раскрыть явления в их внутренней взаимосвязи, в их целостности.

В силу того что эмпирическое познание не охватывает еще в целостности (на субстанциональном уровне) сущностные отношения явлений, оно не может иметь той глубины доказательства, той степени необходимости, которая присуща теоретическому познанию. В общем процессе познания эмпирическое изучение подготавливает фактическую основу, данные, систематизирует и обобщает их в рамках тех или иных представлений для перехода к более глубокому раскрытию сущности иными – теоретическими – средствами, т. е. подготавливает эмпирическую базу к раскрытию сущности второго (более высокого) порядка [2, с. 11].

Подобно тому, как логическое воспроизведение исторического развития в его существенных моментах и переходах углубляет исторический способ описания, теоретическое познание углубляет познание сущности, которая односторонне и неполно охватывается на эмпирической ступени.

Единство эмпирического и теоретического находит свое выражение и в понятиях, на различных уровнях познания различающихся и в своих

функциях и в своей содержательности и вместе с тем обнаруживающих свою целостность.

Абсолютизация значения чувственного познания принижает значение теоретических форм познания, и сводит эмпирические формы к чувственным показаниям, а факт рассматривается как чувственное показание, как показание приборов. Эмпиризм в лучшем случае допускает равнозначность теоретического и эмпирического подхода в описательных научных понятиях, которые представляются не формами отражения объективной действительности, а формами регистрации научных фактов, облегчающими течение научной информации.

В противоположность такому подходу марксистская философия в анализе процесса познания выделяет как существенный момент отношение знаний к отображаемому. Это позволяет глубже анализировать сущность понятий как форм познания, выявлять значение различных методов познания, правильно определять роль чувственного опыта, практики как важнейшего средства, помогающего раскрывать во взаимодействиях объектов сущностные отношения.

Факты, которые для позитивизма, в сущности, есть предел знаний, в действительности становятся средством раскрытия внутренних отношений, и только в системе взаимосвязей они обретают силу доказательности На уровне теоретического знания факт получает объяснение как явление, связанное со своей основой, субстанцией. Если теория не будет опираться на факты, не будет проверяться ими, она останется в области абстрактных построений, голых схем, т. е. окажется бесполезной, схоластической. Как без идеи нельзя получить плодотворные экспериментальные данные, так и без опоры на факты, на опыт нельзя получить объективно значимую, жизненную научную теорию.

Эмпирическое познание ограничено своими рамками, которые не позволяют достаточно глубоко выявить закономерности явлений в системе целого. В силу этого эмпирическое познание не обладает развитой предсказательной функцией. Из фактов прямо не выводится идея, хотя познающий субъект, выдвигая идею, объясняющую факты, опирается или принимает их во внимание. Ученый пользуется теоретическими конструкциями, гипотезой, интуицией. Существенное значение в их выдвижении имеют и философские принципы, научная картина мира и т. д. По-новому используются и понятия для выдвижения и формирования идей, теоретических построений [3, с. 89].

Исследование новых неизвестных ранее науке структурных уровней организации материи все явственнее раскрывает внутреннюю связь между расширением сферы научного познания и его проникновением в глубинные процессы. Усложнение форм познания находит отражение и в изменении взаимодействия между эмпирическим и теоретическим уровнями и в новых формах образования понятий.

Понятия эмпирического уровня познания со временем могут превращаться в теоретические, но не все логические понятия имеют эмпирическую основу. Отметим, что не только эмпирические понятия, но и не всякая теория раскрывает источник самодвижения. Точно так же не всякая эмпирия ограничена рамками недиалектического подхода к анализу явлений в их отношении к общему. В анализе различий эмпирического и теоретического (эмпирических и теоретических понятий) существенное значение имеет характер абстрагирования, воспроизведение конкретного.

Если в эмпирическом познании обобщение конкретных свойств, связей не доходит до раскрытия целого в его многообразных отношениях, включая противоречия, то при теоретическом познании главное внимание (главная познавательная задача) сосредоточивается на воспроизведении отражаемого в диалектике целого, в системе существенных отношений, т. е. как такого конкретного, которое основано на теоретическом синтезе, единстве многообразного.

Однако было бы ошибкой абсолютизировать этот индуктивный процесс, не видеть его связи с дедукцией. Процесс эмпирического обобщения, как и образование понятий, так или иначе, исходит из неявно или явно признаваемой посылки единства мира, существования общности как внутренней основы явлений.

Справедливость сказанного можно видеть на примере анализа содержания многих научных понятий, возникших из слов-понятий естественного языка и затем модифицированных в научном познании на эмпирическом и теоретическом уровнях. Например, содержание понятий основы, причины, следствия, необходимости, атома, наследственности, материи и т. д. различается в обыденном житейском его применении, на эмпирическом уровне отражения и в научных исследованиях в различные исторические периоды.

Чтобы точнее очертить содержание используемого понятия в научном исследовании, обычно уточняется его смысл, особенно если возможны разночтения его в данном контексте. Вместе с тем с обогащением понятий новыми теоретическими связями выявляется богатство отношений между понятиями, они становятся более содержательными, определенными и вместе с тем более подвижными, динамичными. Происходит преобразование эмпирического содержания в теоретическое, как формы отражения они играют более активную роль в развитии знаний. Не все понятия проходят одинаково сложный путь своего становления и развития. Некоторые из них формируются, как бы минуя эмпирическую ступень становления, развития, и вводятся в теорию для обозначения некого абстрактного объекта в теории, коррелят которого неизвестен или не может быть зафиксирован существующими эмпирическими средствами познания.

Содержание подобных понятий определяется логическими

отношениями, необходимость его введения и существования в данной теории – потребностями, самой теории, необходимостью заполнения недостающего звена. Эти понятия рассматриваются как чисто логические конструкты, свободные изобретения разума. Логическая необходимость введения таких понятий может иметь широкую основу, опираться на всю совокупность знаний, косвенно включающих и эмпирические [4, с. 74].

В исследовании новых явлений, в поисках необычных решений науке постоянно приходится преодолевать сложившиеся нормы, о чем свидетельствует развитие науки в прошлом. Особенно это относится к той области познания, которая затрагивает субъект мышления, готовность и способности человека к поиску нетрадиционных форм отражения, к поиску новых методов исследования и построения соответствующих научных образов. Трудности нахождения этих образов для объяснения тех или иных явлений, относящихся не столько к внешнему, сколько к внутреннему миру человека, заставляют прибегать к иррациональным догадкам о состоянии человека. В рассматриваемых аспектах существенно выяснить способы развития содержания мышления, его формы и механизмы, обеспечивающие взаимодействие с другими нерациональными методами исследования.

Философский анализ развития содержания на различных уровнях познания позволяет далее выяснить процесс экстраполяции эмпирических принципов и их преобразование в теоретические принципы. Эмпирическое обобщение ограничено и не может без теоретического познания перейти от эмпирически устанавливаемой для данных явлений общей основы к всеобщей основе.

*Работа выполнена при поддержке ФФИ в рамках научного проекта № Г20РА-015.*

**Литература и источники**

1. Ваганов, А. Краткая феноменология Всемирной Паутины / А. Ваганов // Общество от Гутенберга до Интернета. – М., 2001.

2. Мысливченко, А. Г. Перспективы региональной модели социального государства / А. Г. Мысливченко // Вопросы философии. – 2004. – № 6.

3. Козловский, П. Современность постмодерна / П. Козловский // Вопросы философии. – 1995. – № 10.

4. Широканов, Д. И. Диалектика познания и категория субстанции / Д. И. Широканов. – Минск, 1974.

## ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЛОГИКИ В АНТИЧНОСТИ

*А. Н. Шуман*

Развитие международной торговли, начиная с самых ранних

империй Междуречья, таких, как III династия Ура, и вплоть до транснациональных государств Центральной Азии с династиями ахеменидов, селевкидов, индо-греков, индо-скифов, кушан и некоторых других, способствовало развитию международного торгового права по единым унифицированным стандартам.

В правовом дискурсе античности следующие два логических понятия стали фундаментальными: «частное» (представляет вид) и «общее» (представляет род). Частное *A* рассматривается как вид или случай соответствующего общего *B*, так что это общее *B* подразумевается именно в этом *A* как его свойство, которое следует из *A*. Например, следующая импликация всегда истинна: «Если это ель (*A*), то это дерево (*B*)» («Каждая ель (*A*) является деревом (*B*)»), где «ель» – частное, а «дерево» – общее. Следовательно, если импликация «Если *A*, то *B*» семантически верна (истинна), то это означает, что *A* является конкретным случаем из *B*, а *B* является общей характеристикой для *A*.

Идея о том, как различать частное и общее и как использовать это различие для построения истинных следствий, впервые появилась в шумерско-аккадской культуре в рамках правового дискурса [1; 2]. В классической китайской культуре этой идеи так и не возникло. Так, на китайском языке будет грамматически правильно сказать: «Лошадь – это лошадь, две лошади – это лошадь». Таким образом, мы не различаем здесь (i) «лошадь» как реальную лошадь, которая может служить в качестве конкретного примера (субъекта) для наших рассуждений и (ii) «лошадь» как общее понятие, которое может быть общей характеристикой (предикатом) для реальных предметов. Отсутствие такого различения привело к тому, что в китайской классической философии так и не сложилось какого-то самостоятельного логического учения, хотя отдельные буддийские логические трактаты переводились на китайский.

Среди всех логических учений античности, в которых обстоятельно анализировался весь спектр логических отношений частного и общего, можно выделить только три независимых традиции: (1) силлогистика Аристотеля (384–322 гг. до н. э.); (2) логические правила (*middot*) талмудической герменевтики Гиллеля (75 г. до н. э. – около 5–10 гг. н. э.), Рабби Ишмаэля (70–135 гг. н. э.) и Рабби Акивы (приблизительно 17–137 гг. н. э.) [3]; (3) индийская логика школ йогачара и ньяя (со II в. н. э.) [4].

Из названных трех традиций только силлогистика Аристотеля поддается однозначной аксиоматизации. Дело в том, что она выстроена как теория категорических суждений, которые либо истинны, либо ложны. Посредством этих суждений задаются три вида отношений между частным (субъектом) и общим (предикатом): включение частного в общее, исключение частного из общего, пересечение частного и общего. Таким образом, любое понятие с любым контекстом может анализироваться с

позиций такого учения. Это обеспечивает определенную универсальную применимость силлогистики Аристотеля и позволяет ее относительно легко аксиоматизировать.

Ситуация совсем иная с талмудической герменевтикой и с логическим учением школ йогачара и ньяя.

Так, в иудейской герменевтике частное и общее берутся только из текста Пятикнижия Моисея. Что является там частным, а что общим, следует лишь из контекста самого Святого Писания. Например, в книге Бытие, стих 44:8, слово «золото» имеет значение «кража различных вещей, включая золото». Итак, здесь «золото» понимается как частное, а не золото как таковое. Следовательно, в талмудической герменевтике мы имеем дело не с суждениями, которые являются правдивыми или ложными, а с выражениями, которые являются частными или общими, и только в контексте Писания мы способны понять, является ли конкретное понятие или выражение общим или частным для нахождения следствий. Логические выводы в талмудической герменевтике разработаны специально для выведения законодательных актов из текста Пятикнижия. Это усложняет задачу формализации логических правил Талмуда – всякий раз мы должны оставаться в контексте Святого Писания и здесь неприменимо различение истинных и ложных суждений. Объясняется это тем, что суждения Торы считаются все одинаково истинными, но различаются, при этом, как частные и общие.

Схожее затруднение в формализации (аксиоматизации) индийской логики йогачара и ньяя связано также с тем, что здесь суждения не различаются как истинные или ложные в смысле древнегреческих философов. Даже само понятия суждения как истинного или ложного описания фактов в индийских логических трактатах II–V вв. н. э. отсутствовало. Индийская логика возникла, скорее всего, в рамках дискурса «абхидхармы» (*abhidharma*) – буддийского учения о классификации всех дхарм (ментальных элементов нашего сознания). Этот дискурс стал развиваться примерно с III в. до н. э. и был философской квинтэссенцией буддизма. В этом дискурсе возникла потребность изучить логические отношения между «дхармином» (*dharmin*, «носителем дхармы», понимаемым как частное или субъект) и собственно «дхармой» (*dharma*, понимаемой как общее или предикат). Предполагается, что эти отношения могут быть выражены в языке по-разному, но сосредоточиться необходимо на их доязыковом, ментальном аспекте. Как видим, логическое учение в Индии возникло из потребности (буддийской) йоги с логически корректным изучением дхарм как различных ментальных состояний йога.

Таким образом, в силлогистике Аристотеля, в логической герменевтике Талмуда и в логике йогачара и ньяя одинаково важными логическими понятиями являются понятия частного и общего, но они

имеют очень разный культурный и даже религиозный контекст: (i) в древнегреческой культуре они используются для построения логически корректных рассуждений в риторике; (ii) в Талмуде – для обобщения юридических случаев на основе высказываний Пятикнижия; (iii) в буддийской культуре – для обобщения ментальных состояний, включая состояния, данные через йогу. Итак, соответствующие структуры логем всех трех традиций не имеют подобия, а значит различны. Но, между тем, они имеют общее ядро – шумеро-аккадское определение частного и общего, корректное с позиции современной логики.

Все три традиции возникли уже в период эллинизма, причем индийская логика появилась в Гандхаре во II в. н. э. – в регионе, который контролировался эллинистическими династиями либо династиями с сильным эллинистическим влиянием с IV–III вв. до н. э. по конец IV в. н. э. И все три традиции были созданы в рамках определенного литературного жанра: силлогистика Аристотеля – в рамках жанра философского трактата, логическая герменевтика иудаизма – в рамках жанра Талмуда с диалогами и комментариями к ним, логика йогачары и ньяи – в рамках жанра философских сутр (*sūtra*), которые должны были заучиваться учениками наизусть. Все три жанра различны и представляют собой разные способы проявления развитой философской рефлексии, появившейся в период эллинизма.

В данной статье прослеживается генезис названных трех традиций и показывается их общий корень в виде шумеро-аккадской логической культуры, а также прямое или опосредованное влияние логических идей Древней Стои на доктрину йогачары и ньяи.

**Литература и источники**

1. Schumann, A. Did the Neo-Babylonians Construct a Symbolic Logic for Legal Proceedings? / A. Schumann // Journal of Applied Logics – IfCoLoG Journal of Logics and their Applications. – 2019. – Vol. 6, Iss. 1. – P. 31–82.

2. Schumann, A. Legal Argumentation in Mesopotamia since Ur III / A. Schumann // Journal of Argumentation in Context. – 2020. – Vol. 9, Iss. 2. – P. 243–282.

3. Schumann, A. Talmudic logic / A. Schumann. – London: College Publications, 2012. – 352 p.

4. Schumann, A. On the Origin of Indian Logic from the Viewpoint of the Pāli Canon / A. Schumann // Logica Universalis. – 2019. – Vol. 13. – P. 347–393.

## ЕСТЕСТВЕННАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ДИСПОЗИЦИОННЫЙ ЭССЕНЦИАЛИЗМ

*И. И. Эртель*

Говоря о современном научном реализме, достаточно трудно пройти

мимо тем категориально-диспозициональной трактовки характеристик и модальности. С одной стороны, физика по определению является «наукой о характеристиках, которые ученые обнаруживают экспериментально, анализ которых и служит основанием для объяснения явлений» [1], и нам необходимо зафиксировать определенную метафизическую перспективу, в которой мы интерпретируем содержание характеристик. С другой стороны, та же физика представляет собой убедительный пример значимости утверждения, что определяющим в науке является понятие «закон». Мы ищем объяснение явлений только в том смысле, в каком они подчиняются установленным ранее законам. В этом смысле, наука задает свое собственное, отличное от метафизического, понимание необходимости, что и приводит к проблеме модальности. Наиболее успешная из современных концепций научного реализма – концепция теоретико-информационного структурного реализма Дж. Лэдимена [2] – практически не затрагивает эти вопросы. Судя по всему, Дж. Лэдимена больше всего интересовало то, как изменится представление о научной онтологии, если мы введем в нее представление об онтологии паттернов Д. Деннета [3] как о фундаментальной онтологии. И не смотря на попытки ответить на замечания критиков [4], ряд вопросов, связанных с трактовкой характеристик и модальности, даже для простейших версий онтического структурного реализма (эта концепция была разработана Дж. Лэдименом еще в конце 90-х), так и остались без ответа. На наш взгляд, вопрос подбора соответствующе конфигурации интерпретаций характеристик и модальности все еще является актуальным, уже потому что концепция Д. Деннета может быть основанием для построения концепций научного реализма, развивающихся не только в парадигме структурного реализма [5].

По-видимому, вопрос о природе модальности в соответствующей концепции научного реализма, в определенном контексте (не привлекая средства различных метафизических концепций, по-своему решающих проблему универсалий), является более простым, чем вопрос о природе характеристик. Как отмечает Э. Игл: «весьма заманчиво предположить, что основания метафизической необходимости и возможности можно найти не в независимом пространстве возможностей, но в области возможного, ограниченной сущностью актуальных причинных профилей характеристик. … индивидуальность характеристик можно обнаружить по их актуальному причинному профилю, связав индивидуальность и сущность в силу необходимости причинного профиля, мы поймем, как будут вести себя возможные объекты с тем же самыми характеристиками, таким образом, выведя модальные утверждения из утверждений об актуальном. … [этот взгляд] укореняет или обнаруживает устанавливающих истину для метафизической модальности в актуальном причинном профиле встречающихся характеристик… Существуют

примеры и вдохновение для того, чтобы "редуцировать" естественную необходимость к истинам относительно сущности (essence) характеристик» [6, p. 73]. Интерпретируя модальность в научном реализме как «естественную модальность» (в смысле удовлетворения законам «естественных наук»), мы уже заранее сводим проблему модальности к проблеме метафизической трактовки характеристик. И поскольку мы говорим именно о физике, то «сущность» характеристик, в данном случае, в логике естественной модальности, вполне естественно связать с причинными процессами, в соответствии с которыми объекты взаимодействуют друг с другом и со средствами обнаружения. По сути, переопределив метафизическую модальность как естественную, мы, так или иначе, подойдем к проблеме субстанциальности характеристик, и в частности, к проблеме причинного структурализма, когда «объект является причинной структурой, отвечающей необходимости физических законов и, порождая необходимые взаимосвязи в природе…, включает примитивную модальность, выражаемую в терминах причинности» [7, p. 180]. Дж. Хавторн в своей классической работе «Причинный структурализм» начинает с того, что постулирует то, что «характеристики наделяют вещи, которые ими обладают, причинными способностями» [8, p. 361]. И на наш взгляд, подобная эссенциалистская трактовка характеристик (в которой «сущность» характеристики связывается с определенной «причинной силой») может быть применена к трактовке научного реализма, независимо от того, принимаем ли мы парадигму структурного реализма или нет. Вопрос о том, как мы интерпретируем сами характеристики – в диспозициональном или в категориальном смысле, также, по-видимому, решается сам собой. Физика не рассматривает другие характеристики, кроме тех, которые участвуют в причинных взаимодействиях, которые можно обнаружить экспериментально.

Таким образом, возвращаясь к идее описать в целом представление о природе характеристик и модальности в научном реализме независимо от того, принимаем ли мы структурный реализм или нет, можно отметить следующее. Мы интерпретируем модальность в номологическом смысле как отвечающую необходимости в том виде, как она закреплена в понятии «физический закон», и исходя из той роли, которую физический законы играют в физике. Что касается метафизической трактовки характеристик (внимание к которым обусловлено тем фактом, что физика – это наука о характеристиках), то здесь, по-видимому, в настоящий момент нет конкурентов эссенциалисткой интерпретации диспозиционалистской трактовки характеристик, с точки зрения которой сущность характеристики определяется по ее способности вступать в причинные взаимодействия.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики».*

**Литература и источники**

1. Chakravartty, A. The Structuralist Conception of Objects / A. Chakravartty // Philosophy of Science. – 2003. – Vol. 70. – P. 867–878.

2. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized / J. Ladyman [et al.]. – Oxford: Oxford University Press, 2007.

3. Dennett, D. Real Patterns / D. Dennett // Journal of Philosophy. – 1991. – Vol. 88. – P. 27–51.

4. Berenstain, N. Ontic Structural Realism and Modality / N. Berenstain, J. Ladyman // In: E. Landry, D. Rickles (eds.). Structural Realism: Structure, Object, and Causality. Springer, 2012. – P. 149–168.

5. Головко, Н. В. Онтический структурный реализм: онтология паттернов и модальная природа структур / Н. В. Головко, И. И. Эртель // Сибирский философский журнал. – 2020. – № 4. – С. 5–29.

6. Eagle, A. Causal Structuralism, Dispositional Actualism, and Counterfactual Conditionals / A. Eagle // In: T. Handfield (ed.). Dispositions and Causes. Clarendon Press, 2009. – P. 65–99.

7. Esfeld, M. The Modal Nature of Structures in Ontic Structural Realism / M. Esfeld // International Studies in the Philosophy of Science. – 2009. – Vol. 23. – P. 179–194.

8. Hawthorn, J. Causal Structuralism / J. Hawthorn // Philosophical Perspectives. – 2001. – Vol. 15. – P. 361–378.

# Сведения об авторах

*Адамчик Егор Павлович*, выпускник факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

*Аксютина Зульфия Абдулловна*, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы Омского государственного педагогического университета; кандидат педагогических наук, доцент.

*Ардашкин Игорь Борисович*, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета; доктор философских наук.

*Артеменков Алексей Александрович*, доцент, и. о. заведующего кафедрой теоретических основ физической культуры, спорта и здоровья Череповецкого государственного университета; кандидат биологических наук, доцент.

*Бабосов Евгений Михайлович*, главный научный сотрудник отдела социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

*Баксанский Олег Евгеньевич*, профессор отдела аспирантуры Физического института имени П. Н. Лебедева РАН (г. Москва); доктор философских наук, профессор, профессор РАН.

*Безлепкин Евгений Алексеевич*, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск); кандидат философских наук.

*Бобко Аркадий Иванович*, доцент кафедры философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Богданович Александр Вальдемарович*, профессор кафедры теоретической и прикладной механики Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор технических наук, доцент.

*Бурханов Рафаэль Айратович*, заведующий кафедрой, профессор кафедры философии и права Института государства и права Сургутского государственного университета; доктор философских наук, профессор.

*Буслова Марина Казимировна*, доцент кафедры философии и социологии Белорусского государственного университета физической культуры (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Вечорек Давид Камил*, доцент Краковского педагогического университета, юрист Центра исследования истории идей Ягеллонского университета в Кракове, президент Института истории идей Мишеля Ковалевича; доктор философии, доцент.

*Вишневский Михаил Иванович*, заведующий кафедрой философии Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова; доктор философских наук, профессор.

*Власова Ольга Александровна*, профессор кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета; доктор философских наук, доцент.

*Войцехович Вячеслав Эмерикович*, профессор Тверского государственного университета; доктор философских наук, профессор.

*Вольнов Илья Николаевич*, доцент кафедры «Машины и технология литейного производства» Московского политехнического университета; кандидат технических наук.

*Воробьева Светлана Викторовна*, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Гагарин Анатолий Станиславович*, профессор кафедры политических наук департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (УрФУ) (г. Екатеринбург); доктор философских наук, доцент.

*Газнюк Лидия Михайловна*, профессор кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; доктор философских наук, профессор.

*Гапаров Искендер Абдурашидович*, аспирант кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

*Гезалов Ариз Авяз оглы*, руководитель исследовательской группы «Диалог культур: философско-мировоззренческие проблемы» Российского философского общества РАН (г. Москва, г. Баку); доктор философских наук.

*Годарев-Лозовский Максим Григорьевич*, руководитель научно-философского семинара Российского философского общества (*г. Санкт-Петербург*).

*Головко Никита Владимирович*, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и философии науки Новосибирского государственного университета; доктор философских наук, доцент.

*Голуб Ольга Юрьевна*, заведующая кафедрой социальных коммуникаций Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; доктор социологических наук, профессор.

*Гончаров Геннадий Николаевич*, доцент кафедры гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры; кандидат философских наук, доцент.

*Грубляускас Матас*, аспирант Литовского института исследований культуры (г. Вильнюс).

*Дадашев Али Айдынович*, профессор Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В. М. Кокова (г. Нальчик); доктор философских наук, профессор.

*Дедолко Юлия Владимировна*, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

*Демин Илья Вячеславович*, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева; доктор философских наук, доцент.

*Дидикин Антон Борисович*, профессор департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); доктор философских наук.

*Дисько-Шуман Мария Робертовна*, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук доцент.

*Доброродний Данила Григорьевич*, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Доронина Светлана Геннадиевна*, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

*Думинская Марина Викторовна*, профессор кафедры социально-экономического образования и философии Сургутского государственного педагогического университета; доктор философских наук, доцент.

*Думов Александр Витальевич*, студент кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

*Дунаев Владимир Юрьевич*, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

*Дьяченко Ярослав Олегович*, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью Тверского государственного технического университета; кандидат философских наук, доцент.

*Ермоленков Виктор Владимирович*, доцент кафедры управления экономическими системами Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); кандидат биологических наук, доцент.

*Желтобородов Александр Николаевич*, доцент кафедры Харьковской государственной академии физической культуры; кандидат исторических наук, доцент.

*Жирар Эдуард*, сотрудник Центра современной философии Сорбонны, Университет Париж I Пантеон-Сорбонна; доктор философии, преподаватель.

*Жмакина Татьяна Владимировна*, старший преподаватель кафедры социальной политики и идеологии Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск).

*Изэтова Эмине Мустафаевна*, профессор кафедры Восточная философия и культура Ташкентского государственного университета; доктор философских наук, профессор.

*Изотов Мухтар Зиядаевич*, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

*Ильганаева Валентина Александровна*, профессор кафедры социокультурной деятельности Ужгородского института культуры и искусств; доктор исторических наук, профессор.

*Ильюшенко Надежда Сергеевна*, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

*Каравкин Валерий Иосифович*, доцент кафедры философии и политологии Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины; кандидат философских наук, доцент.

*Карасевич Антон Олегович*, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

*Кисель Наталья Константиновна*, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Колдыбаев Сафар Абдугалиевич*, профессор кафедры философии Костанайского регионального университета имени А. Байтурсынова; доктор философских наук, профессор.

*Колесников Андрей Витальевич*, заведующий Отделом философии информационных и когнитивных процессов Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Колычев Петр Михайлович*, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; доктор философских наук, доцент.

*Косиченко Анатолий Григорьевиич*, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

*Кравченко Дмитрий Владимирович*, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

*Красовская Наталья Николаевна*, заведующая кафедрой социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

*Кривошеин Виталий Владимирович*, заведующий кафедрой социологии Днепровского национального университета имени Олеся Гончара; доктор социологических наук, профессор.

*Крюков Валерий Михайлович*; кандидат философских наук, доцент (г. Минск).

*Кудайбергенова Арайлым Азаткызы*, докторант Евразийского Национального Университета имени Л. Н. Гумилева (г. Нур-Султан).

*Кудашов Вячеслав Иванович*, профессор кафедры философии, социальных и гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета имени В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения РФ; доктор философских наук, профессор.

*Кузина Елена Борисовна*, доцент философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; кандидат философских наук, доцент.

*Кулак Никита Иванович*, преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск).

*Кульбицкая Лариса Евгеньевна*, доцент кафедры общенаучных дисциплин Института предпринимательской деятельности (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Курганская Валентина Дмитриевна*, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

*Лазаревич Анатолий Аркадьевич*, директор Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Лапина Светлана Валентиновна*, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); доктор социологических наук, профессор.

*Левко Анатолий Игнатьевич*, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор социологических наук, профессор.

*Лепина Анна Сергеевна*, аспирант кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск).

*Лепский Максим Анатольевич*, профессор кафедры социологии Запорожского национального университета; доктор философских наук, профессор, академик Украинской академии наук.

*Логвина Анна Олеговна*, доцент кафедры клеточной биологии и биоинженерии растений Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат биологических наук, доцент.

*Малишевский Николай Николаевич*, доцент кафедры философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы (г. Минск); кандидат политических наук.

*Мануйлов Виктор Тихонович*, доцент, заведующий кафедрой Филиала «Института деловой карьеры» в Курской области (г. Курск); кандидат философских наук, доцент.

*Мареева Елена Валентиновна*, профессор кафедры педагогики, психологии и философии Московского государственного института культуры; доктор философских наук, профессор.

*Мдивани Татьяна Герасимовна*, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск); доктор искусствоведения, профессор.

*Медведев Николай Владимирович*, заведующий кафедрой философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина; доктор философских наук, профессор.

*Михайловский Вадим Сергеевич*, доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат политических наук, доцент.

*Мишук Сергей Сергеевич*, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и устойчивого развития Международного государственного экологического института имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Нетёсова Мария Витальевна*, старший преподаватель, руководитель программы повышения квалификации по английскому языку для административно-управленческого аппарата учебно-научного центра Технологии высшего образования Томского политехнического университета, аспирант отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета.

*Никонович Наталья Анатольевна*, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Новогродский Алексей Геннадьевич*, инженер-программист WITRON GmbH (г. Дрезден).

*Овчинников Степан Евгеньевич*, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск).

*Одиноченко Виктор Александрович*, доцент кафедры философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; кандидат философских наук, доцент.

*Павильч Александр Александрович*, профессор кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск); доктор культурологии, профессор.

*Павлюкевич Вадим Иосифович*, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

*Перепелица Елена Васильевна*, старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации Национального центра правовой информации Республики Беларусь (г. Минск); кандидат юридических наук, доцент.

*Петриковская Елена Сергеевна*, доцент кафедры философии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; кандидат философских наук, доцент.

*Печенко Михаил Федорович*, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств (г. Минск); кандидат философских наук.

*Поликарпов Владимир Алексеевич*, доцент кафедры общей и организационной психологии Института психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); кандидат психологических наук, доцент.

*Попова Варвара Сергеевна*, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград); доктор философских наук.

*Прись Игорь Евгеньевич*, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философии (Сорбонна), кандидат физико-математических наук.

*Радкевич Марианна Иосифовна*, методист Центра методического обеспечения учебно-воспитательного процесса высшей школы Республиканского института высшей школы (г. Минск); кандидат политических наук.

*Румянцева Елена Евгеньевна*, президент Центра экономической политики и бизнеса (г. Москва); доктор экономических наук, профессор.

*Сабирзянова Инна Викторовна*, заведующий кафедры философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы; кандидат философских наук, доцент.

*Савинцев Вячеслав Игоревич*, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград); кандидат философских наук.

*Сайганова Вероника Святославовна*, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Сарна Александр Янисович*, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Сартаева Раушан Султановна*, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); кандидат философских наук, ассоциированный профессор, член-корреспондент РАЕН и ПАНИ.

*Сащеко Роман Сергеевич*, аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

*Севастов Кирилл Валерьевич*, аспирант кафедры философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы (г. Минск).

*Севостьянова Надежда Григорьевна*, доцент кафедры философии и логики Минского государственного лингвистического университета; кандидат философских наук, доцент.

*Селицкий Олег Николаевич*, психолог Городского клинического психиатрического диспансера (г. Минск).

*Сидорова Ирина Михайловна*, заведующий кафедрой «Философии, социально-культурных технологий и туризма» Рыбинского государственного авиационного технического университета имени П.А. Соловьева; доктор философских наук, профессор.

*Симанов Александр Леонидович*, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), главный редактор журнала «Философия науки»; доктор философских наук, профессор.

*Сироткина Людмила Сергеевна*, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград); кандидат философских наук.

*Смирнов Александр Семенович*, доцент кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, докторант Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси; кандидат филологических наук, доцент.

*Смоляков Дмитрий Анатольевич*, научный сотрудник Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета и Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

*Соина Ирина Юрьевна*, доцент кафедры украинского и иностранных языков Харьковской государственной академии физической культуры; кандидат филологических наук, доцент.

*Соловей Алеся Петровна*, научный сотрудник Институт социологии НАН Беларуси (г. Минск).

*Сороко Эдуард Максимович*, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, доцент.

*Сосновский Леонид Адамович*, профессор кафедры «Локомотивы» Белорусского государственного университета транспорта (г. Гомель); доктор технических наук, профессор.

*Спасков Александр Николаевич*, заведующий Отделом теории познания и методологии науки Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Спектор Анна Артуровна*, автор, редактор ООО «Интеджер» (г. Минск).

*Старжинский Валерий Павлович*, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

*Суходуб Татьяна Дмитриевна*, доцент кафедры философии науки и культурологии Центра гуманитарного образования НАН Украины (г. Киев); кандидат философских наук, доцент.

*Титовец Татьяна Евгеньевна*, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики Белорусского государственного университета имени Максима Танка (г. Минск); кандидат педагогических наук, доцент.

*Ткаченко Вадим Викторович*, заведующий лабораторией Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси (г. Минск); кандидат технических наук.

*Токарев Василий Алексеевич*, научный сотрудник, факультет права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); кандидат юридических наук.

*Тузова Тамара Михайловна*, профессор кафедры философии и политологии Учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий» (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

*Филипеня Олег Леонидович*, научный сотрудник Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси (г. Минск).

*Хакимов Эдвард Муратович*, профессор кафедры теории и методики географического и экологического образования Института управления экономики и финансов Казанского федерального университета; доктор философских наук, профессор.

*Хань Сяоянь*, научный сотрудник Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета (г. Чжаньцзян); кандидат искусствоведения.

*Чекмарев Василий Владимирович*, действительный член Академии философии хозяйства (г. Кострома); доктор экономических наук, профессор.

*Чен Линлинь*, научный сотрудник Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета (г. Чжаньцзян).

*Червинский Александр Сергеевич*, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Червона Светлана Филипповна*, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры.

*Черновицкая Юлия Вячеславовна*, научный сотрудник сектора философии естественных наук Института философии РАН (г. Москва); кандидат философских наук.

*Чернусь Владимир* Константинович, консультант, проектный отдел Компании «RealJet» (г. Москва); кандидат философских наук / Ph.D.

*Чупров Леонид Федорович*, профессор Российской Академии Естествознания; кандидат психологических наук, профессор (г. Москва).

*Шавердо Тамара Михайловна*, младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

*Шаврова Ольга Геннадьевна*, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Шевченко Олег Константинович*, доцент кафедры философии и социальных наук Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь); кандидат философских наук, доцент.

*Шимбалев Александр Альбертович*, старший преподаватель кафедры физики и методики преподавания физики физико-математического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск).

*Широканов Дмитрий Иванович*, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

*Шуман Андрей Николаевич*, заведующий кафедрой когнитивистики Университета информационных технологий и менеджмента (г. Жешув); кандидат философских наук, доцент.

*Щербаков Сергей Сергеевич*, заместитель председателя Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь (г. Минск); доктор физико-математических наук, профессор.

*Эртель Илья Игоревич*, аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск).

*Яковлева Виолетта Владимировна*, младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

*Яскевич Ядвига Станиславовна*, профессор кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук Белорусского

государственного университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

*Научное издание*

**ФИЛОСОФИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ:**
**к 90-летию Института философии НАН Беларуси**

Материалы Международной научной конференции
(15–16 апреля 2021 года, г. Минск)

В трех томах
Том 1
*На русском, белорусском, английском, польском языках*

*Статьи публикуются*
*в авторской редакции*

*Издано при поддержке*
*Белорусского республиканского фонда*
*фундаментальных исследований*
*по договору № К21–07 от 07.04.2021 г.*

Ответственный за выпуск
*А. О. Карасевич*

Подписано в печать 20.08.2021.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,59. Уч.-изд. л. 23,59.
Тираж 45 экз. Заказ 845.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by